

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2018

№ 52

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского государственного университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории; **Воробьева Вероника Сергеевна**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, зав. кафедры современной отечественной истории; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, проф. кафедры музеологии, природного и культурного наследия; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History; **Vorobyeva Veronica S.**, Executive Editor, PhD (History), Assistant of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage; **Troizkiy Eugeny F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Асваров Н.А., Гебеков Г.Ф. Материально-техническое обеспечение образовательной деятельности на примере Республики Дагестан	5
Вячистый Д.Д., Шевцов В.В. От гражданского ополчения до ОГПУ: эволюция органов государственной безопасности в большевистской России	9
Косых Е.Н. Предчувствие Гражданской войны в сибирской буржуазно-кадетской периодике конца 1917 г.	15
Никитин В.В. Возникновение советской задолженности и пути ее урегулирования в словацко-российских отношениях в 1990-х гг.	20
Шестопалова А.С. Образ офицера в сознании российской общественности после свержения самодержавия	29

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Ауанасова А.М., Аяган Б.Г., Нурпеисов Е.К. Историческая основа консолидации казахстанского общества и единства нации	33
Иманалиев М.С., Джоробекова А.Э. Концептуальные основы взаимоотношений Кыргызстана и Китая в свете инициативы Си Цзиньпина о совместном строительстве «Экономического пояса Шелкового пути»	38
Морозова А.Е. Вопрос Брексита в предвыборной риторике британских политических партий и их лидеров накануне досрочных парламентских выборов 8 июня 2017 г.	43
Подрезов М.В. Сущность исламского фундаментализма в Средней Азии (1990–2000-е гг.)	49
Савкович Е.В., Черепанова И.А. Развитие системы «стратегического и экономического диалога» КНР и США: задачи для администрации Д. Трампа	53

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Богданова О.В. Сибирский период деятельности зодчего Ф.А. Черноморченко	58
Бодрова Е.В., Калинин В.В. Факторы, определившие технологическое отставание СССР накануне перестройки	63
Дериглазова Л.В., Баякин А.А., Погорельская А.М., Полтарыкина И.Е., Шабалина А.Д., Катаман Д.О., Трифонова Д.Д., Шведов Д.В., Лескина Н.В., Михайлов А.М., Озубекова М., Смоленчук О.Ю., Чугунова Н.Е. Университет будущего: стратегия развития вуза	71
Непомнящий А.А. К истории профессорской корпорации Таврического университета: А.Н. Деревницкий	82

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Идиатулло А.К. «Священные» объекты татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья	89
Нам И.В., Рассказчикова А.А. Мигранты в университетском городе (отношение принимающего общества)	95
Тучкова Н.А. Селькупский фольклор о формировании локальных групп селькупов: исторические возможности метода ареальной фольклористики	101

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Бойко В.П. Социально-психологический облик русского купечества в исторической литературе и произведениях писателя П.Д. Боборыкина	107
---	-----

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Asvarov N.A., Gebekov G.F. Material and technical support educational activity (on the example of the Republic of Dagestan)	5
Vuachisty D.D., Shevtsov V.V. From the civil militia to the united state political directorate: the evolution of the ideas of the organization of state security in Bolshevik Russia	9
Kosykh E.N. Presentiment of the Civil war in Siberian bourgeois and cadet periodical press of the end of 1917	15
Nikitin V.V. The rise of soviet debt and ways of its settlement in the Slovak-Russian relations	20
Shestopalova A.S. Image of an officer in the minds of the Russian public after the overthrow of autocracy	29

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Ayagan B.G., Nurpeisov E.K., Auanasova A.M. The historical basis of consolidation of Kazakhstan's society and unity of nation	33
Imanaliev M.S., Dzhorobekova A.E. Conceptual framework of Kyrgyzstan and China relations in light of Xi Jinping's initiative on the joint construction of the Silk road economic belt	38
Morozova A.E. Question of Brexit in pre-election rhetoric of the British political parties and their leaders on the eve of snap parliamentary elections on June 8 2017	43
Podrezov M.V. Essence of Islamic fundamentalism in Central Asia (1990–2000)	49
Savkovich Ye.V., Cherepanova I.A. U.S.-China strategic economic dialogue in progress: tasks for trump administration	53

PROBLEMS OF HISTORY SCIENCE AND TECHNIC

Bogdanova O.V. The Siberian period of architect F.A. Chernomorchenko's career	58
Bodrova E.V., Kalinov V.V. The factors that determined the technological backwardness of the USSR on the eve of "Perestroika"	63
Deriglazova L.V., Balyakin A.A., Pogorelskaya A.M., Poltarykhina I.E., Shabalina A.D., Kataman D.O., Trifonova D.D., Shvedov D.V., Leskina N.V., Mikhailov A.M., Ozubekova M., Smilenchuk O.Ju., Chugunova N.E. University of the future: the development strategy	71
Nepomnyashchy A.A. From the history of professor's corporation in Taurida university: A.N. Derevitskiy	82

PROBLEMS OF ARKHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Idiatullov A.K. "Sacred" objects of Tatars and Bashkirs of the middle Volga and Ural regions	89
Nam I.V., Rasskazchikova A.A. Migrants in the university city (the attitude of the host society)	95
Tuchkova N.A. The Selkup folklore on the formation of the local groups of the Selkup people: methodology of the areal folklore study	101

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METODOLOGY OF HISTORY

Boyko V.P. Socio-psychological aspect of the Russian merchants in the historical literature and in the works of writer P.D. Boborykin	107
---	-----

Луценко А.В. К. Маркс и А. Богданов о революции в России	114
Матханова Н.П., Комлева Е.В. Купец Ф.И. Шемелин и его «Журнал»	121
Суслов А.Ю. Журнал «Социалист-революционер» (1927–1932) как исторический источник	132
Уйманов В.Н. Долше всего живет Память... (К 25-летию выхода Книги Памяти репрессированных жителей Томской области «Боль людская»)	136
Фролов Р.М. Интерпретация Р. Бауманом отстранения консула Л. Корнелия Цинны от должностных обязанностей в 87 г. до н.э.	142

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Веремчук Л.П. Рецензия: Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. Теория международных отношений. М.: Юрайт, 2016. 188 с.; Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. 291 с.	151
Лойко О.Т. Рецензия на монографию Н.В. Трубниковой «Французская историческая школа “Анналов”». М.: Квадрига, 2016. 336 с.	155
Колева Г.Ю., Стась И.Н. «Начало обсуждения истории строительной отрасли – это уже событие» // Всероссийская научная конференция «Сибирские строители: события и судьбы». Сургут : Сургутский государственный университет, 2016	157
Корноухова Г.Г. Рецензия: Котеленец Е.А. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО – XXI, 2017. 256 с.	161
Водичев Е.Г. Рецензия: Н.П. Цеховой. Подготовка научных и научно-педагогических кадров в СССР (1920-е – 1991 гг.): региональный опыт. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2016. 199 с.	164
Хахалкина Е.В. К 70-летию профессора Михаила Яковлевича Пелипаса	167
Дериглазова Л.В. Памяти Елены Юрьевны Лицаревой, профессора Томского государственного университета	171
Вольфсон С.В. В память о Елене Юрьевне Лицаревой	173

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	175
----------------------------------	-----

Lutsenko A.V. K. Marx and A.A. Bogdanov about revolution in Russia	114
Matkhanova N.P., Komleva E.V. Merchant Fedor I. Shemelin and his journal	121
Suslov A.Yu. The magazine "Socialist Revolutionary" (1927–1932) as a historical source	132
Uymanov V.N. The longest living memory... (For the 25-th anniversary of the release of the book the memory of the repressed residents of the Tomsk region "The pain human")	136
Frolov R.M. R. Bauman's views on the suspension of L. Cornelius Cinna from magisterial duties in 87 b.c.	142

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Veremchuk L.P. Review: Ivonin Y.P., Ivonina O.I. Theory of international relations. m.: Yurayt, 2016. 188 p.; Configuration of the new world order: projects and reality. Novosibirsk: NSUEM, 2015. 291 p.	153
Loyko O.T. Review of the monograph by N.V. Trubnikova: French historical school "Annals". M.: Quadriga. 2016. 336 p.	157
Koleva G.Y., Stas I.N. The beginning of the discussion the history of the construction industry - this is the event // Scientific conference "Siberian builders: events and destiny". Surgut : Surgut state university, 2016	159
Kornoukhova G.G. Review: Kotelenez E.A. Battle for Lenin. Latest research and discussion translation. M.: AIRO – XXI, 2017. 256 s.	163
Vodichev E.G. Review: Tsekhovoy N.P. Training of scientific and scientific-pedagogical personnel in the USSR (1920-e – 1991): regional experience. Tomsk: TSU publishing house, 2016. 199 p.	166
Khakhalkina E.V. To the 70-th birthday of professor Mikhail Yakovlevich Pelipas	169
Deriglazova L., Volfson S.V. In memory of Elena Yurievna Litsareva, professor of Tomsk State University	173
Volfson S.V. In memory of Elena Yurievna Litsareva	175

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	175
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 316.74:01
DOI: 10.17223/19988613/52/1

Н.А. Асваров, Г.Ф. Гебеков

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Рассматриваются проблемы материально-технического обеспечения государственной системы образования России на примере Республики Дагестан. Проведён социологический опрос по исследуемой теме. Основные выводы о положительной динамике в решении проблемы делаются как по результатам проведённого опроса, так и на основе научного анализа приоритетных национальных проектов, а также государственных программ федерального и регионального уровней, материалов периодической печати, научной литературы.

Ключевые слова: модернизация образования; компьютеры; Интернет; школы; высшие учебные заведения.

Одной из основных проблем модернизации государственной системы образования в России является материально-техническое обеспечение учебного процесса. Нерешённость многих проблем материального характера худшим образом сказывается на качестве образовательной деятельности, показателях образовательных учреждений. Слабая материально-техническая база учреждений образования способствует возникновению глубокого кризиса в сфере образования России.

В общей характеристике сферы реализации Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.» обозначено, что «в последние годы в субъектах Российской Федерации проведена масштабная модернизация сети общеобразовательных учреждений. Созданы базовые школы и ресурсные центры, обеспечивающие транспортную доставку детей из близлежащих населённых пунктов, оснащенные современным телекоммуникационным и компьютерным оборудованием для реализации программ дистанционного обучения. Однако полностью решить задачу обеспечения равного качества образовательных услуг независимо от места жительства пока не удалось» [1. С. 10–11].

Относительно низкую степень обеспеченности учебным оборудованием в учреждениях начального и среднего профессионального образования можно объяснить падением роли и значения данных образовательных учреждений в сравнении с советским периодом. Это заметно и по следующим цифрам: «В 2006–2010 годах прирост финансового обеспечения учреждений профессионального образования из средств консолидированного бюджета Российской Федерации составлял в среднем 17 процентов в год при среднегодовой инфляции в пределах 10,6 процента. Наибольшими темпами возрастало бюджетное финансирование высшего образования (на 20,1 процента в год), наименьшими – начального профессионального образования (на 7,1 процента в год)» [Там же. С. 17].

Разрешение накопленных в советские и постсоветские годы (90-е гг. XX в.) проблем является одной из причин модернизации государственной системы образования. Одной из целей приоритетного национального проекта «Образование», запущенного в России в 2005 г., также была модернизация государственной системы образования. «В результате реализации приоритетного национального проекта “Образование”, национальной образовательной инициативы “Наша новая школа”, региональных проектов модернизации систем общего образования существенно обновлена инфраструктура общего образования, состояние которой при отсутствии инвестиций в течение длительного времени достигло критически низкого уровня» [1. С. 17–18].

В Республике Дагестан (РД) уменьшение количества сельских общеобразовательных учебных заведений и комплектов классов связано с политикой оптимизации школ. Прежде всего сокращаются малокомплектные школы. «В 2016 г. сельских школ в РД – 1 254, а количество учащихся – 214 000. По сравнению с 2015 г. количество школ уменьшилось на 51. Комплектов классов стало меньше на 286, учащихся – на 1 272 человека» [2].

В настоящее время в Республике Дагестан реализуются модернизационный приоритетный проект Президента Республики Дагестан «Человеческий капитал», а также его инновационный подпроект «Школа будущего». В 2014 г. в интервью министр образования и науки Республики Дагестан Шахабас Шахов отметил, что «в ближайшее время в 450 школ республики будет направлено новое оборудование: интерактивные доски, ноутбуки для учителей, планшеты для учащихся и программное обеспечение по основным учебным дисциплинам» [3. С. 4]. Кроме того, «в рамках Республиканской инвестиционной программы 2013 года, по данным Министерства экономики и территориального развития РД, на 9 января 2014 года введены в эксплуатацию

8 учебных корпусов на 2 736 ученических мест, 5 спортзалов к существующим школам общей площадью 1 800 кв. метров, 2 спальных корпуса на 260 мест к пришкольным интернатам, 4 пищеблока и 1 актовый зал к существующим школам...» [3. С. 4]. К апрелю 2014 г. в республику был поставлен «комплекс учебно-лабораторного оборудования для оснащения 473 общеобразовательных организаций» [4. С. 1]. В официальной информации отмечено, что «оборудование позволяет проводить комплекс лабораторных исследований по физике, биологии, химии и другим дисциплинам благодаря цифровому образовательному контенту. Более того, ученик, подключившись к датчику с помощью своего гаджета, сможет следить за лабораторной работой на экране своего телефона» [Там же]. Вместе с тем материальная база сельских школ РД не соответствует современным требованиям. «Школьных зданий ветхих – 206; аварийных – 154; приспособленных – 834. Только 41,9% школьных зданий являются типовыми» [2].

В масштабах страны многое было сделано для улучшения материально-технического обеспечения образовательной деятельности. «Существенно улучшилось обеспечение школ современным информационно-технологическим оборудованием. Реализация проекта по совершенствованию организации питания обучающихся в общеобразовательных учреждениях, предусматривающего внедрение современного технологического оборудования для приготовления и доставки пищевых продуктов, позволила увеличить охват обучающихся горячим питанием» [1. С. 18].

Особенностью сельской школы Республики Дагестан является наличие большого количества «малокомплектных школ – 161, основных общеобразовательных школ с количеством учащихся от 30 до 60 человек – 190, средних общеобразовательных школ с количеством учащихся до 100 человек – 340» [2]. В таких школах трудно обеспечить полную занятость учителей-специалистов, успешно организовать образовательный процесс и в соответствии с требованиями ФГОС добиваться качественных результатов. В 2016 г. был проведён социологический опрос. В 7 городах и 13 районах Дагестана опрошены 1 400 респондентов. Годными к анализу оказались 1 129 анкет. Учитывая все вышеизложенное, в первую очередь, перед респондентами был поставлен вопрос, касающийся материально-технического обеспечения образовательного процесса. Ответы даны в табл. 1.

Примерно половина опрошенных (48,2%) положительно оценивают материально-техническое обеспечение учебной деятельности, около трети (33,6%) – негативно. Положительная оценка материально-технического обеспечения образовательной деятельности присуща мнению студентов (51,1%) и преподавателей высших учебных заведений (55,1%). Это связано с тем, что материально-техническое обеспечение вузов лучше, чем в общеобразовательных учебных заведениях региона. Отрицательно оценивают материально-

техническое обеспечение 50,3% учителей, 22% преподавателей вузов, 27% студентов.

Таблица 1

«Как Вы оцениваете состояние материально-технического обеспечения учебной деятельности (состояние зданий, наличие спортзалов, столовых, мебели, компьютерных залов, Интернета и так далее)?»

Респонденты	Варианты ответов		
	Положительно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Школьники	48,3	31,2	6,8
Учителя школ	41,5	50,3	8,2
Студенты вузов	51,1	27,0	19,9
Преподаватели вузов	55,1	22,0	21,2
Родители школьников и студентов вузов	44,9	37,5	13,9
Итого	48,2	33,6	14,0

В целом по России также имеют место различия в степени материального обеспечения различных сфер образования. Так, по проблеме оснащённости государственных образовательных учреждений современным учебным оборудованием, призванного обеспечивать высокое качество образования, руководители органов управления образованием субъектов Российской Федерации высказались следующим образом: «...обеспечено на должном уровне в высших профессиональных образовательных учреждениях в среднем на 65%, в средних профессиональных образовательных учреждениях – в среднем на 55%, в начальных профессиональных образовательных учреждениях – в среднем на 50%, в учреждениях общего образования – в среднем на 60%» [5. С. 25] (опрос проведён Центром социального прогнозирования и маркетинга).

Следующий вопрос об удовлетворённости (или её отсутствии) степенью оснащённости образовательных заведений компьютерными оборудованием был задан респондентам, с одной стороны, в качестве уточняющего вопроса. С другой стороны, была и другая мотивировка. В большинстве официальных документах о модернизации образования постоянно на протяжении последних почти двух десятилетий говорится о компьютеризации образовательного процесса, закупках компьютерного оборудования и т.д. Итак, на вопрос об удовлетворённости компьютерной оснащённостью были получены следующие ответы (табл. 2).

Варианты ответов на данный вопрос показывают, что мнения населения разделились следующим образом: 39,0% удовлетворены компьютерной оснащённостью, 43,3% – «нет». Старшее поколение (родители учащихся, учителя, преподаватели) выражают меньшую степень удовлетворённости в сравнении со школьниками и студентами. Это связано с тем, что для старшего поколения данная проблема менее актуальна, потому что оно в большей степени способно представить свою жизнь и без компьютера.

Таблица 2
«Удовлетворены ли Вы степенью оснащенности учебных заведений компьютерным оборудованием?»

Респонденты	Варианты ответов		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Школьники	48,3	36,2	10,7
Учителя школ	35,1	59,6	4,4
Студенты вузов	44,0	28,4	15,6
Преподаватели вузов	36,4	48,0	15,3
Родители школьников и студентов вузов	31,4	44,2	17,4
Итого	39,0	43,3	12,7

В целом отрицательная оценка компьютерного обеспечения учебных заведений превалирует над отрицательной оценкой материально-технического обеспечения образовательной деятельности (43,3% («нет», табл. 2) в этом вопросе против 33,6% под вариантом ответа «отрицательно» предыдущего вопроса (табл. 1), что говорит о более значительных недостатках в деле удовлетворения потребностей сферы образования в компьютерном оборудовании в сравнении с другими проблемами материального обеспечения учебной деятельности.

Важно отметить, что в период с 2008 по 2012 г. в Российской Федерации «наблюдался значительный рост бюджетных расходов на одного обучающегося в среднем почти на 13,5 процента в год» [1. С. 18]. Кроме того, по состоянию на 2012 г. «все российские школы подключены к сети Интернет» [Там же]. При этом необходимо уточнить, что не все компьютеры подключены к Интернету. К примеру, в Дагестане по состоянию на апрель 2014 г. «общее количество компьютеров в республиканских школах около 30 тысяч, из них для образовательных целей используются около 26 тысяч, доступ в сеть Интернет имеют всего 9 тысяч компьютеров» [4. С. 1].

В дополнение к предыдущему вопросу был задан третий вопрос – об интернет-обслуживании. Ответы представлены в табл. 3. Примерно четверть опрошенных (26,5%) положительно оценивают интернет-

обслуживание образовательных учреждений. Суммировав отрицательные варианты ответов («отрицательно», «не все компьютеры подключены к сети Интернет», «интернет-связь отсутствует»), получаем 61,4%. Положительные и отрицательные ответы у всех социальных групп примерно одинаковые.

Таблица 3
«Как Вы оцениваете интернет-обслуживание образовательных учреждений (можно выбрать до трёх вариантов ответа)?»

Респонденты	Варианты ответов				
	Положительно	Отрицательно	Не все компьютеры подключены к сети Интернет	Интернет-связь отсутствует	Затрудняюсь ответить
Школьники	29,2	21,5	22,8	17,1	6,4
Учителя школ	26,8	16,9	39,9	12,6	4,4
Студенты вузов	26,2	17,7	27,7	17,0	10,6
Преподаватели вузов	26,3	21,2	23,7	13,6	10,2
Родители школьников и студентов вузов	24,2	18,1	20,6	16,9	19,4
Итого	26,5	19,1	26,9	15,4	10,2

Из трёх вопросов, имеющих отношение к материально-техническому обеспечению учебного процесса, только по последнему (относительно интернет-обслуживания образовательных учреждений) отрицательное мнение было продемонстрировано большинством опрошенных. По двум вопросам (относительно материально-технического и компьютерного обеспечения) превалирует отрицательное мнение, которое, однако, не превышает 50% от общего числа опрошенных. В значительной степени не столь катастрофически негативные результаты ответов респондентов свидетельствуют о том, что в последние годы прослеживается в целом положительная динамика в укреплении материально-технической базы государственной системы образования в России, в том числе и в Республике Дагестан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Министерство образования и науки Российской Федерации. Документы // Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. 700 с. URL: http://www.минобрнауки.рф/документы/3409/файл/2228/13.05.15-Госпрограмма-Развитие_образования_2013-2020.pdf (дата обращения: 24.11.2015).
2. Текущий архив Министерства образования и науки РФ.
3. Интервью с министром образования и науки Республики Дагестан Ш. Шаховым. Интервьюер Тажудинова Айшат // Дагестанская правда. 2014. 4 февраля.
4. Министерство образования и науки Республики Дагестан. Приоритетные проекты Президента Республики Дагестан // Проект стратегического Совета при Президенте Республики Дагестан «Школа будущего». Информация о реализации инновационного проекта «Школа будущего» (15 апреля 2014 г.). 1 с. URL: http://www.dagminobr.ru/news/novosti_obshie/realizaciya_innovacionnogo_proekta_shkola_bud (дата обращения: 10.12.2015).
5. Савинков В.И., Шереги Ф.Э. Национальный проект «Образование» и модернизация системы высшего образования // Вестник Института социологии. Апрель 2011. № 2. С. 10–34.

Asvarov Nariman A. Dagestan state pedagogical University (Makhachkala, Russia). E-mail: aytberov@list.ru

Gebekov Gebek F. Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia). E-mail: gebekoff@mail.ru

MATERIAL AND TECHNICAL SUPPORT EDUCATIONAL ACTIVITY (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

Keywords: modernization of education; computers; Internet; schools; higher educational institutions.

The scientific problem of the research is that the issues related to the logistics of educational activities in all regions of the Russian Federation within the framework of a single state space, taking into account regional peculiarities, especially in the North Caucasus, are one of the topical areas of modern sociology of education. In recent years, state programs aimed at strengthening the material and technical base of the educational system have been developed and implemented. However, most provisions of these programs were adopted without taking into account the specifics of both the all-Russian realities and regional peculiarities, which led to unsatisfactory results in the implementation of their facilities.

Thus, in modern conditions it is very important to carefully analyze the causes and assumptions that lead to unsatisfactory material and technical support for educational activities, to study positive and negative experience, to formulate scientifically grounded recommendations in the direction of overcoming existing shortcomings, taking into account regional and all-Russian features. It is necessary to study public opinion on the issues under study. In Dagestan, unlike Russia as a whole, obviously insufficient attention is paid to research into the problems of modernizing the state education system. Moreover, this problem is not investigated through the methods of sociological science. The aim of the study is to analyze the problems of material and technical support of the state educational system in Russia, including Dagestan, by identifying the main problems that arise during the modernization of education and the general analysis of public opinion on identified problems.

Objectives of the study: 1. Theoretical analysis of scientific literature on issues related to the main areas of material and technical support of the state education system; 2. Analysis of printed media materials, various Internet sources, information contained on official websites of ministries and departments; 3. Conducting a sociological survey on the problems of modernizing the state education system on the territory of three geographical zones of Dagestan: plains, foothills and mountains. 4. Analyze respondents' answers on specific issues.

Conclusions: 1. Analysis of scientific literature, media materials, official documents shows that in recent years there has been a general positive trend in strengthening the material and technical base of the state education system in Russia, including in the Republic of Dagestan; 2. Of the three questions of the sociological survey related to the material and technical support of the educational process, only the last question (concerning the Internet service of educational institutions) was shown by the majority of those polled, but on two issues (concerning logistical and computer support) The negative opinion prevails, which, however, does not exceed 50% of the total number of respondents.

REFERENCES

1. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (n.d.) *Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii "Razvitie obrazovaniya na 2013–2020 gody"* [The State Program of the Russian Federation "Development of Education for 2013–2020"]. [Online] Available from: minobrnauki.rf/dokumenty/3409/fayl/2228/13.05.15-Gosprogramma-Razvitie_obrazovaniya_2013-2020.pdf. (Accessed: 24th November 2015).
2. The Current Archive of the Ministry of Education and Science of the Republic of Dagestan.
3. Shakhov, Sh. (2014) Interv'yu s ministrom obrazovaniya i nauki Respubliki Dagestan Sh. Shakhovym [Interview with Minister of Education and Science of the Republic of Dagestan Sh. Shakhov]. *Dagestanskaya Pravda*. 4th February.
4. Ministry of Education and Science of the Republic of Dagestan. (2014) *Prioritetnye proekty Prezidenta Respubliki Dagestan. Proekt strategicheskogo Soveta pri Prezidente Respubliki Dagestan "Shkola budushchego"*. *Informatsiya o realizatsii innovatsionnogo proekta "Shkola budushchego" (15 aprelya 2014 g.)* [Priority Projects of the President of the Republic of Dagestan. Draft Strategic Council under the President of the Republic of Dagestan "School of the Future". Information on the implementation of the innovative project "School of the Future" (April 15, 2014)]. [Online] Available from: http://www.dagminobr.ru/news/novosti_obshie/realizatsiya_innovatsionnogo_proekta_shkola_bud. (Accessed: 10th December 2015).
5. Savinkov, V.I. & Sheregi, F.E. (2011) Natsional'nyy proekt "Obrazovanie" i modernizatsiya sistemy vysshego obrazovaniya [National project "Education" and modernisation of the higher education system]. *Vestnik Instituta sotsiologii – Bulletin of the Institute of Sociology*. 2. pp. 10–34.

УДК 94(470):351.746.1
DOI: 10.17223/19988613/52/2

Д.Д. Вячислый, В.В. Шевцов

ОТ ГРАЖДАНСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ ДО ОГПУ: ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России,
проект № 33.1687.2017/4.6.*

Рассмотрено развитие идей об организации и назначении органов государственной безопасности в Советском государстве – от гражданского ополчения до Объединённого государственного политического управления. Несмотря на идеологическую неприемлемость деятельности царского политического сыска, возможно утверждать, что некоторый организационный и функциональный опыт Департамента полиции Российской империи был воспринят новым большевистским правительством.

Ключевые слова: В.И. Ленин; ВЧК; ОГПУ; Департамент полиции.

Террористическая активность как угроза и вызов современной цивилизации приводит к повышению роли национальных и международных специальных служб в жизни рядовых граждан. Реакцией гражданского общества становится дискуссия об их полномочиях, сферах и правомерности деятельности, а также о возникновении и направленности деятельности подобных структур в историческом прошлом. Практически единственный исторический опыт упразднения полицейских органов и спецслужб, опыт принципиального отрицания их необходимости в масштабах огромной страны, представлен идеологическим и практическим политическим курсом большевистской партии, пришедшей к власти в России в октябре 1917 г. Исследовательский интерес представляют и те стремительные изменения (в том числе направленные на заимствование опыта у дореволюционных сыскных структур), которые претерпел этот курс при столкновении с реальными обстоятельствами и задачами властвования новой политической элиты, в результате чего была создана одна из самых тотальных и эффективных служб государственной безопасности в мире.

Данная тема получила освещение в трудах С.И. Бойко [1], О.И. Капчинского [2], Л.П. Рассказова [3], М.Н. Петрова [4], И.С. Ратьковского [5] и др. Авторы подробно раскрыли марксистскую концепцию охраны общественного порядка, которой руководствовались большевики, придя к власти, охарактеризовали основные направления деятельности ВЧК–ГПУ–ОГПУ в годы Гражданской войны и НЭПа, показали процесс становления чрезвычайных комиссий на местах (в Сибири, на Северо-Западе России и в других регионах), описали непосредственную практическую деятельность сотрудников спецслужб. В меньшей степени были освещены сам процесс организационного строительства новой структуры, а также ее преемственность относительно Департамента полиции дореволюционной России.

В начале 1917 г. большевистское руководство еще не предполагало, что общество, возникшее после свер-

жения самодержавия, будет нуждаться в органах политического сыска. Наоборот, необходимость в подобных структурах, а также других институтах государственного аппарата, отрицалась. Так, в марте 1917 г. В.И. Ленин в серии статей «Письма из далека» писал о том, что необходимо в целом отказаться от буржуазного устройства государства – «“разбить”, выражаясь словами Маркса, эту “готовую” государственную машину», и прежнюю полицию в том числе. Последнее предполагалось сделать «сливая полицию, армию и бюрократию с поголовно вооруженным народом» [6. С. 40].

В апреле того же года этот тезис получил развитие в ленинской статье «О двоевластии». Уничтожение полиции подтверждалось, полицейские структуры объявлялись отчужденными от народа и противопоставленными ему, в связи с чем охрану государственного порядка в свои руки должен был взять сам народ [Там же. С. 146]. Для этого предлагалось осуществить обучение населения «владеть оружием и поголовно входить в милицию, заменяющую полицию и постоянную армию» [Там же. С. 287].

Окончательно оформлена эта идея была в брошюре «Материалы по пересмотру партийной программы», изданной в июне 1917 г., где В.И. Ленин отразил основные необходимые изменения в программе партии в связи с быстро изменяющейся обстановкой в стране. Здесь окончательно было закреплено, что для поддержания порядка нужно использовать самодеятельность самого эксплуатируемого населения – рабочих и беднейших крестьян. В итоге ленинский тезис принял следующий вид: он предполагал «замену полиции и постоянного войска всеобщим вооружением народа; рабочие и служащие должны получать обычную плату от капиталистов за время, посвященное общественной службе во всенародной милиции» [7. С. 155]. Для этого предлагалось использовать опыт Парижской коммуны (однако главное отличие было в том, что милиция коммунаров действовала только в Париже, в то время как большевикам предстояло осуществить уникальный

эксперимент – распространить ее действие на всю территорию огромной страны). Действительно, в период с февраля по октябрь функции общественного порядка выполняли части рабочей милиции, формируемой фабрично-заводскими комитетами из числа рабочих, и Красной гвардии.

Необходимо отметить, что амнистия Временным правительством всех заключенных царских тюрем (не только политических) сделала сохранение порядка действительно важной задачей. На производственных объектах и прилегающих к ним рабочих поселкам или кварталам этим занималась рабочая милиция, формируемая фабрично-заводскими комитетами. Такие рабочие отряды были созданы не только в европейской части страны, но и за Уралом (например, они были сформированы на 14 заводах в Красноярске, 10 в Омске и т.д.) [8. С. 110–111]. В сферу полномочий рабочей милиции входило обеспечение снабжения населения продовольствием и решение текущих вопросов местного уровня. Довольно часто (особенно в Сибири) большевики курировали создание и деятельность рабочей милиции, повышая политическую сознательность рабочих [Там же. С. 228]. Поэтому Временное правительство, опасаясь возможного сближения милиции с большевиками, 17 апреля 1917 г. запретило формирование новых милицеских частей [9. С. 64–67].

В связи с этим большевики приняли решение сформировать из лояльных частей рабочей милиции Красную гвардию. В апреле ее части были созданы в 17 городах, в мае – еще в 24 [Там же. С. 64–67]. Временное правительство потребовало запретить и их, используя как предлог июльское вооруженное восстание в Петрограде. Однако под угрозой Корниловского выступления в августе формирование этих частей было разрешено – большевики получили санкцию от властей на легальное вооружение населения. К сентябрю Красная гвардия действовала уже в 100 городах [Там же]. Центральное руководство всеми частями осуществлял Петроградский военно-революционный комитет.

После подавления Корниловского мятежа части Красной гвардии продолжили несение охраны на местах. Когда же большевистское руководство начало подготовку к захвату власти, то решающая роль в нем отводилась именно красногвардейцам.

Октябрьская революция привела большевиков к постепенному отходу от идеи всеобщего вооружения народа. Первоначально функции защиты завоеваний революции и сохранения порядка на местах были переданы Петроградскому военно-революционному комитету. Однако из-за очень широкого круга собственных задач (организация новых органов власти, решение проблем снабжения населения, отправка комиссаров и агитаторов в регионы, закрытие антибольшевистских печатных изданий и т.д.), с одной стороны, и быстро накаляющейся внутривластной обстановки – с другой, перед СНК встал вопрос о создании специализированной структуры, пресекающей антиправитель-

ственную деятельность. Функции и полномочия ВРК постепенно начали перераспределять среди новых наркоматов, а 21 ноября в рамках комитета была создана специальная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Однако организовать непосредственно ее работу не удалось – катастрофически не хватало кадров – антибольшевистски настроенное чиновничество отказывалось работать на новую власть. Как вспоминал о тех событиях Ф.Э. Дзержинский, «нам пришлось найти только пустые кресла, столы, закрытые ящики и шкафы без ключей и курьеров, которые одни только перешли на нашу сторону. Все чиновничество главных ведомств, без функционирования которых жизнь в стране была невозможна (продовольственного, транспортного и других), саботировало и не хотело признать Советской власти» [10. С. 6–11].

Вопрос о создании структуры, занимавшейся только защитой достижений диктатуры пролетариата, по-прежнему оставался открытым. Проведенная кадетами демонстрация 28 ноября стала своеобразным катализатором этого процесса – 5 декабря Петроградский ВРК объявил о самороспуске, а 7 декабря 1917 г. СНК РСФСР был издан декрет о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, к которой и перешли оставшиеся его функции. Как следует из названия, основными задачами ВЧК должны были стать борьба с контрреволюционными элементами, их преследование и уничтожение. Это подтверждают и слова В.И. Ленина, который называл новую структуру «нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть...» [11. С. 327]. Части же Красной гвардии, выполнявшие до этого службу охраны порядка, в январе 1918 г. интегрировали в Рабоче-Крестьянскую Красную армию.

Председателем ВЧК был назначен Ф.Э. Дзержинский, профессиональный революционер, неоднократно отбывавший ссылку при царском режиме. Именно при нем ВЧК из временной организации превратилась в полностью интегрированный в государственный аппарат орган. Первоначально ВЧК состояла всего из четырех отделов (информационного, организационного, по борьбе со спекуляцией, по борьбе с контрреволюцией) и в декабре насчитывала 40 человек. Однако уже к марту 1918 г. было открыто 40 губернских и 365 уездных чрезвычайных комиссий, численность сотрудников уже составила 120 человек [12. С. 40]. До 13 возросло количество отделов ВЧК – появились тюремный, иностранный, иногородний, военный и другие отделы. Кроме того, Ф.Э. Дзержинский, непосредственно боровшийся против правящего режима и защищавший его органы политического сыска, смог изучить и извлечь полезный опыт из деятельности сотрудников Департамента полиции и позднее воплотить его при организации новой спецслужбы. Так, некоторые из отделов ВЧК организационно возглавляли и повторяли структуры, ранее подчинявшиеся Департаменту полиции. Например, желез-

нодорожный отдел – жандармские полицейские управления железных дорог, иностранный отдел (внешняя разведка) – 9-е делопроизводство Департамента полиции. Активно велась работа по оптимизации деятельности комиссии – в декабре 1918 г. В.И. Ленин внес на обсуждение несколько своих предложений по ее усовершенствованию [13. С. 535]. Тем не менее, чем было больше расстояние от центра, тем тяжелее шло образование новых отделений. Так, созданные в начале 1918 г. отделения ЧК в Иркутске, Новониколаевске и других сибирских городах были разгромлены во время Чехословацкого мятежа, в Томске 24 мая 1918 г. был убит глава ЧК Д.И. Кривоносенко и т.д. Оставшиеся в живых сотрудники таких комиссий уходили в партизаны [14. С. 14].

Профессиональная деятельность ВЧК по-прежнему состояла из оперативной и следственной части. Интересна сравнительная оценка юриста В.А. Жданова, одного из старых большевиков, защищавшего в суде И.П. Каляева и Б.М. Савинкова. Он, оценивая работу комиссии и ее предшественника из дореволюционного периода, Департамента полиции, писал в СНК летом 1918 г.: «Чрезвычайная комиссия взяла на себя деятельность прежних охранного и сыска отделений. Вместе с этим она восприняла те же методы деятельности и тот же способ производства дел: полная безгласность и тайна производства, недопустимость защиты и отсутствие права обжалования» [15. С. 621]. Таким образом, следственная работа новой структуры также не претерпела особых изменений по сравнению с дореволюционной. Осуждая с правовой точки зрения общие моменты в их работе, В.А. Жданов в итоге перешел в оппозицию по отношению к своим бывшим однопартийцам и объявил о разрыве с ними. Но его голос не был услышан.

17 апреля 1920 г.а была издана инструкция о взаимодействии ВЧК и революционных трибуналов, во многом повторявшая указ П.А. Столыпина 19 августа 1906 г. о военно-полевых судах: «...для трибуналов вырабатывается особая инструкция о так называемом “упрощенном порядке рассмотрения” дел <...> когда все судопроизводство будет сведено к прочтению обвинительного заключения, допросу обвиняемого и вынесению приговора» [16. С. 61–62].

В «Необходимом руководстве для агентов чрезвычайных комиссий» [17] также прослеживаются параллели с дореволюционным сыском, например наделение ведомой цели кличкой, порядок следования за нею, способы конспирации и некоторые другие моменты уже описывались в ряде инструкций Департамента полиции («Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения» [18. С. 120–140], «Инструкция по организации и ведению внутреннего агентурного наблюдения» [Там же. С. 95–106]). Оказавшись на месте царских властей, большевикам пришлось перенять и их методы, которым на тот момент не было альтернативы.

Довольно скоро была создана и служба внешней разведки – с 1921 г. при дипломатических и торговых

миссиях РСФСР создавались резидентуры, в странах, с которыми дипломатические отношения не были установлены, они открывались нелегально [19. С. 13–15]. В Российской империи были структуры с аналогичными функциями – заграничные отделения Департамента полиции. Для сокрытия истинных целей своего пребывания за границей их сотрудники также прикомандировывались к дипломатическим миссиям, консульствам и посольствам [20. С. 38].

Большинство достижений заграничных сотрудников Департамента полиции было утрачено из-за скандала Гартинга–Ландезена в 1909 г., в результате чего была дискредитирована вся заграничная российская агентура, а французский отдел Департамента, открытый в 1883 г. и осуществлявший политический сыск в Европе, был закрыт [Там же]. Тем не менее советская власть принимала во внимание опыт своих предшественников, что является еще одним показателем преемственности двух спецслужб. Так, при организации новых подразделений в рамках ВЧК большевики старались привлечь на свою сторону бывших сотрудников царской полиции. Но зачастую идеологические разногласия между ними были слишком сильны, заполучить старые кадры в свое распоряжение новой власти не удавалось. Однако в отдельных случаях большевики смогли достичь компромисса. Например, в первых числах января 1918 г. бывший сотрудник Департамента полиции, профессионал с десятилетним стажем и опытом работы как в самой стране, так и за ее пределами, К.А. Шевара сам предложил Ф.Э. Дзержинскому свои услуги по организации контрразведки. Он же в итоге и занялся организацией Контрразведывательного бюро [15. С. 607]. Процесс сопровождался конфликтами между старыми «охранцами» и новыми сотрудниками-большевиками. Далеко не всегда удавалось найти компромисс – в результате К.А. Шевара 18 марта 1918 г. был расстрелян по обвинению в контрреволюционном заговоре.

В организации фронтовой разведки советская власть учла ошибки предшествующего правительства, когда в 1913 г., в результате реформы В.Ф. Джунковского, из воинской среды была удалена вся агентура, что открывало путь к революционной пропаганде. Дискуссии о деятельности В.Ф. Джунковского в интересах революционеров ведутся до настоящего времени. Когда он был арестован в 1919 г. и осужден, то получил всего лишь 5 лет лишения свободы, а в ноябре 1921 г. по постановлению ВЦИК был освобожден из-под стражи [Там же. С. 471].

Прослеживается определенная параллель в организации специальных боевых отрядов в рамках ВЧК со специальным Летучим отрядом филеров, созданным в 1894 г. и реформированным в 1903 г. начальником Московского Охранного отделения и впоследствии директором Особого отдела Департамента полиции С.В. Зубатовым. И Летучий отряд филеров, и боевые отряды ВЧК должны были быстро реагировать на ситуации, угрожавшие правящему режиму. Отличие было

в том, что главной задачей Летучего отряда были сыск и розыск, в то время как чекистские отряды дополнительно должны были нести охрану особо важных стратегических объектов и осуществлять защиту персон государственной важности. Помимо этого, Летучий отряд филеров был полностью подконтролен Департаменту полиции, в то время как боевые отряды ВЧК далеко не всегда подчинялись руководящему центру. Например, Красно-Советский Финляндский отряд под начальством Д.И. Попова был передан под контроль ВЧК в апреле 1918 г., а уже в июле принял участие в левозесеровском мятеже. Осознавая опасность других таких выступлений, правительство реформировало боевые отряды и централизовало их управление (как это было в случае с Летучим отрядом), так что в итоге они приняли форму вспомогательных войск Красной армии.

Используя в своей борьбе метод «разложения» армии, большевики теперь стремились изолировать ее от внешних влияний. В мае 1918 г. на фронте была создана первая экспериментальная ЧК, и после признания ее деятельности удовлетворительной началась организация других фронтовых отделений. В профессиональном росте советской контрразведки большую роль сыграла разворачивающаяся Гражданская война, в ходе которой выявлялись и обезвреживались сотрудники иностранных и белых разведок. Так, в октябре 1918 г. был раскрыт В.Г. Орлов (Б. Орлинский) – в прошлом профессиональный контрразведчик. Позднее он сумел бежать, официально перешел на сторону Белого движения и возглавил контрразведывательную службу при правительстве Врангеля. Также велось выявление и ликвидация контрреволюционных центров, собраний и т.д. М.Я. Лацис, один из первых чекистов и официальный историограф комиссии, в своей брошюре «Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией» обозначил четыре основных организации («Союз защиты родины и свободы», «Тактический центр», «Национальный центр» и «Московский Штаб Добровольческой армии»), которые занимались подрывной деятельностью на территории Советов и контршпионажем [21. С. 33]. На протяжении 1918–1920 гг. все четыре организации были разгромлены. Также советская разведка и контрразведка активно участвовали в других конфликтах того времени (Советско-польская война, борьба с басмачами и английскими интервентами в Средней Азии).

В борьбе с иностранными контрреволюционными организациями самым громким процессом стал «Английский заговор», или «Дело Локкарта» (по имени главы специальной английской дипломатической миссии Роберта Локкарта). Сотрудникам ВЧК удалось установить факт попытки подкупа латышских стрелков для организации заговора с целью свержения большевиков, после чего был совершен налет на британское посольство, Локкарт и его подчиненные были арестованы [Там же].

Департамент полиции активно использовал секретных сотрудников – агентов и провокаторов, действовавших в самой революционной среде. Заподозренных в работе на царскую «охранку» ожидала жестокая расправа (например, «казнь» эсерами Г. Гапона). Моральная составляющая деятельности таких агентов для новой власти была вытеснена их практической необходимостью. Еще на заседании ВЦИК 1 декабря 1917 г. В.И. Ленин писал: «Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, – другие средства не изобретены» [22. С. 136]. В связи с этим неофициальное использование секретных сотрудников было разрешено, что является еще одним связующим звеном между Департаментом полиции и ВЧК. На заседании ВЧК 17 февраля 1918 г. было постановлено, что «можно пользоваться услугами, но с условием, чтобы это было вне комиссии» [16. С. 130]. При этом, если царское правительство использовало провокации только по отношению к революционным группам, то советское – к гораздо более широкому социальному спектру. Как писал М.Я. Лацис, «работа ВЧК должна распространяться на все те области общественной жизни, где вкоренилась контрреволюция <...> за военной жизнью, за продажной, за народным просвещением, за всеми положительно хозяйственными организациями, за санитарией, за пожарами, за народной связью и т.д., и т.д.» [21. С. 24].

Размах работы ВЧК выражался и в самой ее организации, где новые отделы формировались для работы с целыми социальными слоями, например Секретный отдел, предназначенный для борьбы с церковью. Свою роль играли широта полномочий и спектр инструментов, применяемых комиссией для наведения порядка: «Чрезвычайные комиссии все время старались так поставить работу и так отрекомендовать себя, чтобы одно напоминание о Комиссии отбило всякую охоту саботажничать, вымогать и устраивать заговоры...» [Там же. С. 10]. Кроме того, по-разному строилось восприятие среди населения образы сотрудника ВЧК и Департамента полиции. Как вспоминал М.Я. Лацис, «почти все крупные заговоры были раскрыты указанием населения. Первая нить бралась от них, этих добровольных и бесплатных сотрудников от населения, и потом уже разматывалась аппаратом ВЧК» [23. С. 90]. Правительство сумело организовать работу комиссии так, что население само активно принимало участие в поиске шпионов и вредителей, что было редкостью во времена царского правительства.

К окончанию Гражданской войны и упрочению советской власти о временном характере ВЧК уже не могло быть и речи. Эта структура прочно вошла в систему государственного управления. В своей речи на IX Всероссийском съезде советов в конце 1921 г. В.И. Ленин отмечал: «Советское государство допускает к себе иностранных

представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать Советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем, благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение, как ВЧК» [11. С. 328].

6 февраля 1922 г. ВЧК была реформирована в Главное политическое управление при НКВД РСФСР. Это было вызвано, с одной стороны, тем, что полномочия ВЧК к этому моменту были чрезмерно широкими и ее сотрудники очень часто выходили за рамки служебных полномочий. Так, в Томске за хищения и взяточничество был арестован чекист И.В. Третьяков, Е.В. Баев – за вызывающее поведение (позднее признан душевнобольным), в Ачинске почти весь состав местной ЧК – за повальное пьянство, в Канске за злоупотребления были арестованы три партии присланных из центра сотрудников и т.д. [14. С. 28]. С другой стороны, свою роль сыграло окончание Гражданской войны – необходимость в применении террора в прежнем размере отпала. Поэтому уже 1 декабря 1921 г. на заседании Политбюро было решено: «а) сузить компетенцию ВЧК, б) сузить право ареста, в) назначить месячный срок для общего проведения дел, г) суды усилить, д) обсудить вопрос об изменении названия, е) подготовить и провести через ВЦИК общее положение об изменении в смысле серьезных умягчений», что позднее вылилось в реформирование всей структуры [24. С. 509]. ГПУ в свою очередь в рамках начавшегося официального образования СССР в ноябре 1923 г. было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР. Необходимость его деятельности была обозначена в Конституции: «В целях объединения революционных усилий союзных республик по

борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом, учреждается при СНК Союза ССР Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ)» [25. С. 281].

Итак, органы государственной безопасности в Советской России проделали путь от ситуативной структуры с ограниченным спектром задач до полноценного государственного учреждения, активно участвующего в общественно-политической жизни страны. Новое правительство быстро преодолело первоначальные идеологически обусловленные установки и пришло к осознанию, что без политического сыска, разведки и контрразведки невозможно эффективно противостоять политической оппозиции, контролировать и направлять течение общественной жизни, защищать государственные интересы. Для того чтобы не разделить судьбы своих бывших политических оппонентов, был востребован некоторый организационный и функциональный опыт Департамента полиции – восстанавливался политический контроль над управленческим аппаратом железных дорог, воссоздавались институт заграничной резидентуры и агентурная сеть внутри страны, в некоторых случаях к этой работе привлекались и старые кадры. В репрессивной политике ВЧК применялся упрощенный порядок судопроизводства, организовывалась политическая и контрразведывательная работа в армии. Безусловно, советские органы государственной безопасности развивались по своему особому пути, однако, в том числе, и благодаря ряду заимствований в организационной и практической деятельности, они заняли в обществе ту же нишу, которую в свое время занимали царская полиция и жандармы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко С.И. Деятельность ВЧК в годы Гражданской войны и перехода к нэпу, 1917–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001. 167 с.
2. Капчинский О.И. ВЧК: организационная структура и кадровый состав. 1917–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 276 с.
3. Рассказов Л.Л. ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества, 1917–1941 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994. 587 с.
4. Петров М.Н. Формирование и деятельность органов ВЧК–ОГПУ, 1917 – середина 1920-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Новгород, 1995. 213 с.
5. Ратьковский И.С. Всероссийская чрезвычайная комиссия и политика красного террора в Советской России в 1918 г.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 224 с.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 31. 671 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 32. 605 с.
8. Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 238 с.
9. Чураков Д.О. Как это было: Красная гвардия в 1917-м // Диалог. 1998. № 4. С. 64–67.
10. Гончаров А.К., Дорошенко И.А. Ф.Э. Дзержинский о революционной законности // Исторический архив. 1958. № 1. С. 6–11.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44. 725 с.
12. Чистяков О.И. История отечественного государства и права. М.: Юрист, 2005. Ч. 2. 544 с.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 37. 748 с.
14. Тепляков А. «Непроницаемые недра». ВЧК–ОГПУ в Сибири 1918–1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007. 287 с.
15. Чуркин С., Линдер И. Спецслужбы России за 1000 лет. М.: РИПОЛ классик, 2008. 781 с.
16. Дзержинский Ф.Э. Сталин и государственная безопасность. М.: Алгоритм, 2013. 256 с.
17. Крылов В. Необходимое руководство для агентов чрезвычайных комиссий. М.: ЛексЭст, 2001. 67 с.
18. Щербакова Е.И. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сб. докл.: 1880–1917. М.: АИРО-XXI, 2006. 382 с.
19. Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М.: Эксмо, 2009. 733 с.
20. Гугасари Е.С. Межгосударственное сотрудничество в сфере противодействия терроризму: ретроспективный аспект // Философия права. 2012. № 6 (55). С. 38–42.
21. Лацис М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М.: Гос. изд-во, 1921. 62 с.
22. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1974. Т. 35. 600 с.
23. Лацис М.Я. Товарищ Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 81–97.
24. Пирожков В.П. В.И. Ленин и ВЧК: сб. документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1987. 642 с.
25. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. 367 с.

Vuachisty Dmitry D. (Tomsk State University). E-mail: dimdimvyachisty@yandex.ru

Shevtsov Vyacheslav V. (Tomsk State University). E-mail: totleben@yandex.ru

FROM THE CIVIL MILITIA TO THE UNITED STATE POLITICAL DIRECTORATE: THE EVOLUTION OF THE IDEAS OF THE ORGANIZATION OF STATE SECURITY IN BOLSHEVIK RUSSIA

Keywords: V.I. Lenin; the All-Russian Extraordinary Commission; the Police Department; the United State Political Directorate.

The purpose of the article is to consider the process of developing ideas about the organization and appointment of security services in the Soviet state. The aims of the authors include the identification of the main stages in the formation of the Soviet state security agencies, a comparative analysis of their activities and the activities of the Police Department of pre-revolutionary Russia.

The main methods of the article are comparison, analysis, deduction. The main sources of the article are the works of V.I. Lenin, the leader of the Bolshevik Party, memoirs of F.E. Dzerzhinsky and M.Ya. Latsis, the employees of the All-Russian Extraordinary Commission, and first basic law of the USSR - the Constitution of 1924.

The authors come to the following conclusions: that the state security services in Soviet Russia have evolved from a situational structure to a full-fledged state institution that actively participated in the socio-political life of the country. The new government quickly transformed their initial ideological attitude. For them it became clear that without political investigation, intelligence and counterintelligence it was not possible to effectively resist the political opposition. In December 1917, the Council of People's Commissars established the All-Russian Extraordinary Commission (Cheka). This measure was considered extraordinary and temporary. However, the policy of war communism and the Civil War required further reforms of the special services. The number of employees of the Commission (chekists) increased, a centralized system of offices was established, and the authorities of employees were expanded.

As a data prove the Commission had used some organizational and functional experience of the Police Department. Thus they restored political control over the administrative stuff of the railways; they reestablished institution of a foreign residence and an agent network inside the country. In some cases the former personnel were also involved in this work. In the repressive policy of the Commission such measures as a simplified procedure for judicial proceedings, revolutionary tribunals (as military courts in pre-revolutionary Russia) and political and counter-intelligence activity in the army were taken. Due to these measures, the work of the Commission was effective. The Civil War, where the soviet scouts were able to improve their skills, gave this opportunity. Besides, V. I. Lenin recognized that such structures were important and necessary for a young Soviet state. Later, the function of the United State Political Directorate, (the reorganized Commission), was officially enshrined in the Constitution of 1924. It was the final stage in the formation of state secret organization in Soviet Russia.

Without any doubt, the Soviet state security services had their own special way of development; however, they occupied the same place in the society, which had been taken by the tsarist police and gendarmes before.

REFERENCES

- Boyko C. I. (2001) *Deyatelnost VChK v godyi grazhdanskoy voynyi i perehoda k neyu, 1917–1922 gg.* [The activities of the Cheka during the period of Civil War and transition to the new economic policy. 1917–1922]. History Dr. Diss. Saratov.
- Kapchinskiy O. I. (2005) *VChK: organizatsionnaya struktura i kadrovyy sostav. 1917–1922 gg.* [The organizational structure and personnel of Cheka. 1917–1922]. History Dr. Diss. Moscow.
- Rasskazov L. L. (1994) *VChK–GPU–OGPU–NKVD v mekhanizme formirovaniya i funktsionirovaniya politicheskoy sistemyi sovetskogo obshchestva, 1917–1941 gg.* [VChK–GPU–OGPU–NKVD in the mechanism of formation and functioning of the political system of Soviet society. 1917–1941]. History Dr. Diss. Sent-Petersburg.
- Petrov M. N. (1995) *Formirovaniye i deyatelnost organov VChK–OGPU, 1917–seredina 1920-h gg.* [The process of formation and activity of organs of the Cheka-OGPU. 1917–mid-1920s]. History Dr. Diss. Novgorod.
- Ratkovskiy I. S. (1995) *Vserossiyskaya chrezvychaynaya komissiya i politika krasnogo terrora v Sovetskoj Rossii v 1918 g.* [The All-Russian Extraordinary Commission and the policy of the Red Terror in Soviet Russia in 1918]. History Dr. Diss. Sent-Petersburg.
- Lenin V. I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy* [The full composition of writings]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literaturyi. T. 31.
- Lenin V. I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy* [The full composition of writings]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literaturyi. T. 32.
- Chernykh E. I. (2001) *Revolutsiya k Sibiri: s'ezdy, konferentsii i soveshaniya obshchestvennykh ob'edineniy i organizatsiy (mart 1917 — noyabr 1918 goda)* [Revolution to Siberia: congresses, conferences and meetings of public associations and organizations (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.
- Churakov D. O. (1998) *Kak eto bylo: Krasnaya gvardiya v 1917-m* [How it was: the Red Guard in 1917] // Dialog [Dialog]. № 4. pp. 64–67.
- Goncharov A. K., Doroshenko I. A. (1958) *F. E. Dzerzhinskiy o revolyutsionnoy zakonnosti* [F. E. Dzerzhinsky about revolutionary legality] // Istoricheskiy arkhiv [Historical archive]. № 1. pp. 6–11.
- Lenin V. I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [The full composition of writings]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literaturyi. T. 44.
- Chistyakov O. I. (2005) *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava, Ch.2* [History of domestic state and law, part 2]. Moscow: Yurist'.
- Lenin V. I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy* [The full composition of writings]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literaturyi. T. 37.
- Tepliyakov A. (2007) *«Nepronitsaemye nedra». VChK-OGPU v Sibiri 1918-1929 gg.* [«Impenetrable bosom». The Cheka-OGPU in Siberia in 1918-1929.] Moscow: AIRO-XXI.
- Churkin S., Linder I. (2008) *Spetssluzhbyi Rossii za 1000 let* [Russian special services for 1000 years]. Moscow: RIPOL klassik.
- Dzerzhinskiy F. E. (2013) *Stalin i gosudarstvennaya bezopasnost* [Stalin and State Security]. Moscow: Algoritm.
- Krylov V. (2001) *Neobhodimoe rukovodstvo dlya agentov chrezvychaynykh komissiy* [A necessary guide for agents of emergency commissions]. Moscow: LeksEst.
- Scherbakova E. I. (2006) *Agenturnaya rabota politicheskoy politzii Rossiyskoj imperii: sb. dok.: 1880 – 1917* [The agency work of the political police of the Russian Empire: a collection of documents: 1880-1917]. Moscow: AIRO-XXI.
- Degtyarev K., Kolpakidi A. (2009) *Vneshnyaya razvedka SSSR* [Foreign Intelligence of the USSR]. Moscow: Eksmo.
- Gugasari E. S. (2012) *Mezhgosudarstvennoe sotrudnichestvo v sfere protivodeystviya terrorizmu: retrospektivnyy aspekt* [International cooperation in the field of countering terrorism: a retrospective aspect] // Filosofiya prava [Philosophy of law]. № 6 (55). pp. 38–42.
- Latsis M. Ya. (1921) *Chrezvychaynyye komissii po borbe s kontrrevolyutsiyey* [Extraordinary commissions to combat counter-revolution]. Moscow: Gos. izd-vo.
- Lenin V. I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [The full composition of writings]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literaturyi. T. 35.
- Latsis M. Ya. (1926) *Tovarisch Dzerzhinskiy i VChK* [Comrade Dzerzhinsky and the All-Russian Extraordinary Commission] // Proletarskaya revolyutsiya [Proletarian revolution]. № 9. pp. 81–97.
- Pirozhkov V. P. (1987) *V. I. Lenin i VChK: Sb. dokumentov (1917–1922 gg.)* [V. I. Lenin and the All-Russian Extraordinary Commission: collection of documents (1917-1922)]. Moscow: Politizdat.
- Kukushkin Yu. S., Chistyakov O. I. (1987) *Ocherk istorii Sovetskoj Konstitutsii* [Essay on the history of the Soviet Constitution]. Moscow: Politizdat.

УДК 94(571.1/5)"201"
DOI: 10.17223/19988613/52/3

Е.Н. Косых

ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРСКОЙ БУРЖУАЗНО-КАДЕТСКОЙ ПЕРИОДИКЕ КОНЦА 1917 г.

Исследуется партийно-классовая дифференциация периодической печати Зауралья во время Октябрьских событий в Сибири в 1917 г., анализируются материально-технические и политические условия издания буржуазных газет и журналов, их количественные характеристики, раскрываются идейно-политические установки редакций, делается обоснованный вывод о многопартийности и плюрализме периодических изданий сибирского региона на протяжении исследуемого времени.

Ключевые слова: газеты; журналы; буржуазно-кадетская периодика; идеология; политические партии и группировки; социальные и культурные установки зауральской буржуазии; общественно-политическая жизнь; буржуазная агитационно-пропагандистская система.

В год 100-летия революционных событий 1917 г. и последующей Гражданской войны в России и Сибири в науке и в публицистике идут горячие споры по различным аспектам истории страны и нашего региона. Проблемы истории Октябрьской революции стоят в центре этих дискуссий. Специалисты и неспециалисты пытаются ответить на ряд острых вопросов: была ли революция закономерной и не совершили ли большевики насилие над историей, повернув развитие России с «нормального» буржуазно-демократического пути в тупик? Возможен ли был тогда, в 1917 г., не революционный, а реформистский выход из кризиса? Какова была социальная база партии большевиков в 1917 г., какова была степень поддержки советской власти в массах и др.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что Октябрьская революция вслед за Февральской представляла собой громадный политический и социальный взрыв российского общества, в результате которого в стране окончательно сложилась принципиально новая общественно-политическая ситуация, когда свободная теперь от цензуры периодическая печать превратилась в эффективное средство борьбы враждовавших между собой социально-политических сил.

Источниковую базу нашего исследования составил весьма широкий круг разнообразных по содержанию и ёмкости архивных и опубликованных источников – делопроизводственные документы, справочные издания, периодическая печать, материалы личного происхождения. Естественно, что основным источником являются, конечно, общероссийские и сибирские газеты и журналы конца 1917 г. Методология и методика исследования включают в себя три основных уровня: общенаучный, общеисторический и конкретно-исторический, наше исследование основывается на принципах историзма и объективности, в числе конкретно-исторических методов использованы источниковедческий, историко-сравнительный, библиографический и историко-генетический.

Позитивное освещение нашей темы может дать дополнительный материал для рассмотрения проблем

Октябрьской революции в Сибири. Кроме того, эта тема совершенно недостаточно рассмотрена в работах сибирских историков. Известны лишь немногочисленные факты, приведённые в монографиях А.Л. Посадского [1. С. 149–152], В.В. Шевцова [2. С. 582–591] и в статьях С.А. Красильникова [3. С. 160–184] и В.В. Шевцова [4. С. 31–48].

Учитывая степень неразработанности, а также научной значимости вопроса, мы постарались создать цельную, обобщенную картину отношения буржуазно-кадетской периодики конца октября – начала ноября 1917 г. к Октябрьской революции, так как эта периодика составляла в то время основу буржуазной агитационно-пропагандистской системы воздействия на население и прививала различным его слоям определенные политические и социальные установки. В состав Сибири нами включается, по мере движения с запада на восток, Тобольская, Томская, Алтайская, Енисейская и Иркутская губернии, Акмолинская, Забайкальская и Якутская области. Датировка периодических изданий производится по старому стилю.

К концу октября 1917 г. в Сибири выходили 24 буржуазно-кадетские газеты и 6 буржуазно-демократических, главным образом религиозно-нравственных журналов [5. С. 89, 105]. Буржуазно-кадетская печать встретила Октябрьский переворот непримиримо отрицательно. Несомненно, предчувствуя его, кадетские идеологи с середины октября начали в открытую писать о заговоре большевиков, подготовке погромов, провоцировании гражданской войны.

«Призывы большевиков к бунту и анархии, обращенные в особенности к армии, – писали авторы петроградских “Биржевых ведомостей”, – составляют уголовно наказуемые деяния, за которые авторы их понесли бы суровое наказание в самых свободных странах. Ведь то, что делают большевики, есть не борьба с Правительством и даже не борьба за власть, а проповедь погромов, анархии и гражданской войны» [6. С. 2]. «Русская воля», в свою очередь, призывала Временное правительство занять открыто антибольшевистскую

позицию: «...если же большевики спровоцируют выступление против законной власти, создавая тем самым возможность германского нашествия, то с ними надо будет поступить, как с бунтовщиками и изменниками, а петроградское “Новое время” упрекало тогдашнее Временное правительство России в нерешительности и т.д.» [7. С. 1]. Эти выдержки из столичной буржуазной печати часто перепечатывались соответствующими сибирскими изданиями в рубрике «Обзор русской печати».

Статьи о заговоре большевиков, подготовке погромов в зауральских городах, о провоцировании гражданской войны печатались в крупнейших сибирских буржуазнокадетских периодических органах печати – «Сибирской жизни» (Томск), «Свободной Сибири» (Красноярск), «Иркутской жизни». Особенно впечатляющая серия таких материалов в старейшей из них – «Сибирской жизни». Логической заключительной точкой в этой серии можно считать комментарии к речи А.Ф. Керенского 24 октября 1917 г. во Временном совете Российской республики, в которой министр – председатель Временного правительства признаётся в своём бессилии противостоять уже начавшемуся восстанию большевиков.

Поэтому вполне объяснимой выглядит реакция буржуазно-кадетской печати Сибири на сами события во время Октябрьского переворота в Петрограде. «Сибирская жизнь» (Томск), «Свободная Сибирь» (Красноярск), «Сибирская торговая газета» (Тюмень), «Алтай» (Бийск), «Народная свобода» (Барнаул), «Свободный край» (Иркутск), «Забайкальская речь» (Чита) и другие газеты вслед за петроградской «Речью» писали, что захват власти в столице большевиками – это новое глубокое потрясение основ российского общества, новый этап крестного пути российского народа, последствия которого трудно предугадать.

Кроме того, «Курганское свободное слово» отметило: «Большевистский мятеж может сыграть и положительную роль. Он раскрыл перед страной истинных губителей Отечества и свободы, если только русский народ не ослеп совершенно» [8. С. 1]. Кадетские авторы не остановились только на стадии констатации фактов, интеллектуальный уровень большинства из них позволял проанализировать и причины победы большевиков. Правда, по горячим следам событий они объясняли её почти всегда субъективными причинами. Идеологи «Сибирской жизни» утверждали, например, что причиной всему – личная нерешительность членов Временного правительства и особенно его председателя А.Ф. Керенского [9. С. 1].

Более глубоко подошел к проблеме редактор «Иркутской жизни» Н.М. Доброхотов. В передовой статье газеты от 28 октября 1917 г. он отметил: «Петроградское восстание для общества непонятно и ужасно. Между тем оно должно было произойти, оно было неизбежно... Голос могикан революции не был услышан. Вождем же Петрограда сделался Ленин, в сущности политическое ничтожество». С течением времени

массовое движение разрасталось, и истинные вожди демократии всё более теряли почву под ногами, так как крайность движения питалась неудачной, затянувшейся войной и продовольственной разрухой. К несчастью для России, революция не дала в состав правительства сильных и стойких политических деятелей. Газеты справедливо отмечали, что А.Ф. Керенский был окружен ничтожествами, что способствовало дискредитации власти и разжигало страсти... нет тех сил, на которые они могли бы опереться. Ведь Петроград, Донецкий бассейн, Красноярск, Владивосток и даже Москва – далеко ещё не Россия. Да и в тех местах большевики имеют за собой не большинство, а меньшинство, только сплоченное и организованное». И здесь он делает вывод, как показало время, во многом ошибочный: «Масса же русского народа: крестьянство, солдаты фронта, горожане, интеллигенция, казачество и национальные организации не могут пойти за большевиками».

Однако кадетские идеологи рассчитывали не только на это. Испытанными приёмами буржуазной агитации и пропаганды в преддверии выборов в Учредительное собрание они пытались сформировать у населения заведомо выгодное им, во многом одностороннее и даже в чём-то ложное мнение о событиях в столице. Так, после октябрьских революционных действий большевиков и их союзников, в первую очередь анархистов, в центре страны буржуазно-кадетские издания совершенно перестали печатать сообщения Петроградского телеграфного агентства, перешедшего под контроль большевиков. Печатались только сообщения, исходившие из-под пера служащих почтово-телеграфного союза, Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного союза (Викжеля), обильно цитировались петроградские газеты «Речь», «День», «Русская воля» и др. с сообщениями о занятии войсками А.Ф. Керенского Гатчины и пригородов столицы.

Часть буржуазно-кадетских изданий сознательно замалчивала революционные события в Петрограде, перепечатывая сообщения Петроградского телеграфного агентства за 15–24 октября 1917 г., заполняя пустоты списками кандидатов в члены Учредительного собрания от различных партий. Некоторые газеты в лице их редакторов чаще всего, видимо сознательно, помещали и непроверенные сведения. К примеру, 3 ноября 1917 г., когда уже был известен и обнародован исход октябрьских событий в Москве и особенно в Петрограде, читинская «Забайкальская речь» в качестве передовой статьи напечатала следующее: «Телеграф принёс нам сообщение, что Керенский с войсками, верными Временному правительству, т.е. с войсками, не желающими гибели России, не желающими её позорного порабощения немцами, занял Петроград, что в Москве большевики не имеют успеха... и что мы спокойно можем готовиться к Учредительному собранию, оставив всякие опасения за его судьбу».

Как всегда, буржуазно-кадетские идеологи помещали на страницах своих изданий отклики на события

«людей из народа». Самым ярким из них в эти дни было, пожалуй, открытое письмо эсера, рабочего Иванова, редакционному коллективу барнаульской пробольшевистской газеты «Голос труда». В пространном послании, опубликованном в местной кадетской газете «Народная свобода», в частности, говорилось, что «кровь застывает в жилах и сердце перестаёт биться, когда читаешь вашу передовую статью в № 73 «Опасность момента». Чувство глубокого презрения к вам, насадители большевизма, заполняет душу... Проклятые, куда вы идёте и ведёте за собой? Чему вы учите нас? Зачем вы вселяете в наши души несбыточные надежды? Ведь вы прекрасно знаете, что сама жизнь, сама действительность никому и никогда не позволит осуществить ваших лживых лозунгов, которыми вы швыряетесь и направо, и налево, и взад, и вперёд... Вы толкаете нас, толкаете сознательно под флагом «спасения революции» громить и убивать таких же граждан свободной России, как вы сами и как мы. За что вы зовёте убивать их? За то, что они иначе думают и больше любят Россию? Вы хотите заставить нас восстать брат на брата» [10. С. 1].

Многое из того, что написано здесь, правда. Но это не вся правда. Не написано, что Октябрьский переворот имел глубокие корни в истории, социально-экономической, политической и культурной жизни России, что его поддержало большинство населения страны, что Гражданскую войну развязали не только большевики, но и их политические противники.

Такая же полуправда содержится в буржуазно-кадетской периодике Сибири тех дней и по другому важнейшему для кадетских идеологов вопросу – о нарушении свободы печати и о закрытии ряда буржуазных и мелкобуржуазных (социалистических) газет. С плохим скрытым озлоблением они из номера в номер сообщали населению региона о закрытии в Петрограде большевиками «Речи», «Русской воли», «Дня», «Нового времени», «Биржевых ведомостей», «Головы солдата» и других газет.

Нужно учитывать, что эти шаги новых властей были исторически неизбежной мерой: большевистская революция в первые же дни после победы находилась перед лицом серьёзной угрозы и опасность реставрации власти их политических оппонентов была ещё слишком велика. Буржуазия даже после свержения её в силу ряда причин ещё надолго оставалась могущественным врагом, она располагала силами и средствами, которые давали ей возможность организовать серьёзное сопротивление новой пролетарской власти. Большевики считали, что оставить в руках своих политических противников такое могучее оружие, как печать, нельзя.

Известный деятель этой партии, первый нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский несколько позднее, в 1921 г., достаточно откровенно писал в статье «Свобода книги и революция»: «Слово есть оружие и совершенно так же как революционная власть не может допустить существования револьверов и пулемётов

у всякого встречного и поперечного, ибо этот встречный и поперечный часто есть злейший враг, так же государство не может допустить свободы печатной пропаганды». Впрочем, он тут же добавил: «Конечно, революционеры устремляются к полной свободе слова, но как к конечному идеалу...» [11. С. 7].

Как показала история России, запрет оппозиционной прессы – это, видимо, универсальное средство каждой революции в нашей стране. Так поступили, в частности, российские власти через 76 лет, приостановив издание газет большевистско-коммунистической ориентации («Советская Россия», «Правда» и др.) после известных событий в Москве начала октября 1993 г.

Единственной буржуазно-кадетской газетой, издание которой приостанавливалось в Сибири в конце октября–начале ноября 1917 г., оказалась небезызвестная «Сибирская жизнь». 28 октября революционный комитет Томска, в состав которого, кстати говоря, входили не только большевики, но и меньшевики, и эсеры, предъявил редакции «Сибирская жизнь» требование не печатать агентских телеграмм без ведома и разрешения его членов. Требование это, «как незаконное», исполнено не было. Через день революционный комитет повторил своё требование, добавив: «В целях предупреждения появления телеграмм провокационного характера». В 9 часов вечера 30 октября в редакцию прибыл воинский наряд из 10 солдат во главе с большевиком, будущим главнокомандующим войсками Центросибири П.К. Голиковым и приостановил выпуск сверстанного и отпечатанного номера газеты.

И только к вечеру 3 ноября 1917 г. солдатский наряд в редакции «Сибирской жизни» был снят, а редактор А.В. Адрианов получил официальную бумагу следующего содержания: «Революционный комитет ввиду предстоящих выборов в Учредительное собрание и необходимости обеспечить свободу агитации всех течений политической мысли находит возможным, несмотря на настоящие тревожные дни, арест газеты «Сибирская жизнь» снять». Далее революционный комитет Томска предупредил редактора, что он не допустит печатание в газете погромных, антисемитских или других подобных статей. Кроме того, революционный комитет заявил, что в «Сибирской жизни» впредь должны будут печататься только телеграммы, «признанные революционным комитетом достоверными», и что такое положение сохранится в силе «до минования настоящего острого положения» [12. С. 1].

Редактор «Сибирской жизни» А.В. Адрианов со своей стороны в первом же номере газеты, вышедшем после вынужденного перерыва 4 ноября, оправдываясь, писал, что его газета телеграмм провокационного характера, а тем более погромных статей антисемитского содержания на своих страницах не помещает, и назвал действия революционного комитета ничем не оправданным и грубым насилием, произволом и явной бессмыслицей.

В «Сибирской жизни» появились публикации протестов против приостановки газеты. В номере за 4 но-

ября помещена резолюция общего собрания членов профессионального союза служащих Кузнецкого каменноугольного и металлургического общества от 31 октября 1917 г. В этой резолюции члены профсоюза заявили, что закрытие любых газет – это насилие над личностью и попытка держать население в неведении о происходящих событиях. Они призвали все профсоюзные организации Томска поддержать этот протест. Тут же такой протест выразили и более 70 граждан города. И в Красноярске была попытка приостановить выход буржуазно-кадетской «Свободной Сибири», но редакция газеты просто проигнорировала все требования слабой ещё советской власти [13. С. 1].

Вся идеологическая борьба в сибирском обществе была ещё впереди, и только в первой половине следующего 1918 г. местные большевики сумеют нанести решительный удар по оппозиционной прессе и закрыть 53 газеты (17 из 35 выходивших эсеровских, 13 из 27 буржуазно-кадетских, 12 из 17 меньшевистских, 3 из 5 народно-социалистических, 1 из 4 областнических и 2 из 3 коалиционных (совместные издания эсеров-оборонцев, меньшевиков-плехановцев и народных социалистов – омские газету «Заря» и «Вечерняя заря» и два журнала: «Бюллетень временной Енисейской губернской земской управы» (№ 2 за 1–14 фев-

раля г.) и «Кооперативная мысль» (Новониколаевск) [14. Л. 17. Л. 16].

Закрытие небольшевистских газет и журналов, конфискация типографий, в которых они печатались, а также экономические санкции имели одну главную цель – подорвать буржуазно-кадетскую и другую оппозиционную прессу и укрепить в противовес ей и за её счёт прессу большевистско-коммунистическую. В результате, если в конце октября–ноябре 1917 г. на 10 большевистских газет приходилось 22 буржуазно-кадетские, то в мае 1918 г. это соотношение уже было 28:5 [5. С. 102–108]. В то же время существенно уменьшив количественные параметры небольшевистской печати, к маю 1918 г. большевики Сибири не сумели подавить её качественно, идейно. Разгон законно избранного Учредительного собрания, местных органов самоуправления, наметившийся разрыв между словами и делами большевиков, а затем подписание унизительного Брестского мира с Германией и её союзниками способствовали довольно быстрому и заметному снижению их популярности среди трудящихся населения региона.

В результате Белое движение в Сибири весной 1918 г. получило если не поддержку, то, по крайней мере, нейтральное отношение к нему со стороны широких масс крестьянства, части рабочих и интеллигенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Посадсков А.Л. Сибирская книга и революция. 1917–1918. Новосибирск, 1977.
2. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск, 2016.
3. Красильников С.А. Периодическая печать Сибири в период октября в системе политической пропаганды. К постановке проблемы и методов исследования // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. Новосибирск, 1984.
4. Шевцов В.В. Революция и Гражданская война в освещении губернских ведомостей Сибири // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42).
5. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.). Указатель газет и журналов. Томск, 2009.
6. Биржевые ведомости. 1917. Петроград. 15 октября.
7. Новое время. 1917. Петроград. 19 октября.
8. Курганское свободное слово. 1917. Курган. 29 октября.
9. Сибирская жизнь. 1917. Томск. 29 октября.
10. Народная свобода. 1917. Барнаул. 4 ноября.
11. Луначарский А.В. Свобода книги и революция // Печать и революция. М., 1921. № 1.
12. Сибирская жизнь. 1917. Томск. 4 ноября.
13. Сибирская жизнь. 1917. Томск. 5 ноября.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 1. Д. 143; Оп. 4. Д. 36.

Kosykh Evgeniy N. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: history@tsuab.ru

PRESENTMENT OF THE CIVIL WAR IN SIBERIAN BOURGEOIS AND CADET PERIODICAL PRESS OF THE END OF 1917

Keywords: newspapers; bourgeois and cadet periodical press; ideology; social and political life.

The purpose of the article is to analyse cadet and bourgeois agitation-and-propaganda system of impact on local population of Siberia at the beginning of establishment of the Soviet power in the region. Positive interpretation of our subject gives additional material for consideration of controversial issues of the history of the October revolution in Siberia. Besides, this subject has been insufficiently considered in the monographs by A.L. Posadsky and V.V. Shevtsov and in the articles by S.A. Krasilnikov and V.V. Shevtsov.

Considering low extent of prior research and also scientific importance of the subject, we have tried to create a complete, generalized picture of the attitude of the bourgeois and cadet periodical press of the late October–early November, 1917, to the October Revolution. That periodical press really influenced the population and imparted certain social and political attitudes to its various layers. The source base of our research was made by a wide range of various sources: current records, reference works, periodical press, materials of a personal origin. The main source is the all-Russian and Siberian newspapers and magazines of the end of 1917. The methodology and research technique include the principles of objectivity and historicism; historiographic, comparative historical, genetic historical and bibliographic methods have been used.

While conducting the research, the author came to the conclusions: the Siberian bourgeois press took a grave view of the October revolution in Petrograd. Since the mid-October, 1917, cadet ideologists had begun writing about the run-up to the Civil War, about the plot of Bolsheviks and about preparation of riots and anarchy by them under the conditions of the World War. A series of such materials on the pages of the oldest and the most influential beyond the Urals bourgeois and cadet newspaper “Sibirskaya Zhizn” (Tomsk) was especially impressive. It was written there that the conquest of power in the capital by Bolsheviks was a profound convulsion of bases of the Russian society and a new stage of the Way of the Cross of the Russian people.

Cadet authors of local bourgeois newspapers and magazines did not stop only at the stage of fact ascertaining, the intellectual level of most of them allowed also analyzing the reasons of the victory of Bolsheviks. The truth without delay, they explained events generally with subjective attitudes, emphasizing personal indecision of the members of Provisional government and the Prime Minister A. F. Kerensky.

But all ideological fight for the masses of population in the local periodical press was still ahead; and only in the first half of 1918 local Bolsheviks, taking the power in the region, would manage to make determined attack to the oppositional press.

REFERENCES

1. Posadskov, A.L. (1977) *Sibirskaya kniga i revolyutsiya. 1917–1918* [Siberian Book and Revolution. 1917–1918]. Novosibirsk: Nauka.
2. Shevtsov, V.V. (2016) *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Siberian government periodicals (the late 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Krasilnikov, S.A. (1984) Periodicheskaya pechat' Sibiri v period oktyabrya v sisteme politicheskoy propagandy. K postanovke problemy i metodov issledovaniya [Siberian periodicals during October in the system of political propaganda. To the statement of problem and research methods]. In: Volkova, V.N. (ed.) *Knizhnoe delo Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody stroitel'stva sotsializma* [Book Business in Siberia and the Far East during the Construction of Socialism]. Novosibirsk: USSR AS.
4. Shevtsov, V.V. (2014) Revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna v osveshchenii gubernskikh vedomostey Sibiri [Revolution and the Civil War in the Siberian governorate gazettes]. *Novyy istoricheskiy vestnik – New Historical Bulletin*. 4(42).
5. Kosykh, E.N. (2009) *Periodicheskaya pechat' Sibiri (mart 1917 – may 1918 gg.). Ukazatel' gazet i zhurnalov* [Siberian Periodicals (March, 1917 – May, 1918). Index of newspapers and magazines]. Tomsk: Veter.
6. *Birzhevye vedomosti*. (1917). 15th October.
7. *Novoe vremya*. (1917). 19th October.
8. *Kurganskoe svobodnoe slovo*. (1917). 29th October.
9. *Sibirskaya zhizn'*. (1917a) 29th October.
10. *Narodnaya svoboda*. Barnaul. 4th November.
11. Lunacharsky, A.V. (1921) Svoboda knigi i revolyutsiya [Freedom of the book and revolution]. *Pechat' i revolyutsiya*. 1.
12. *Sibirskaya zhizn'*. (1917b). 4th November.
13. *Sibirskaya zhizn'*. (1917c). 5th November.
14. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 393. List 1. File 143.

УДК 94(437.3)
DOI: 10.17223/19988613/52/4

В.В. Никитин

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ И ПУТИ ЕЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ В СЛОВАЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1990-х гг.

Впервые в историографии на основе архивных материалов обстоятельно рассказывается о причинах возникновения советских и российских долговых обязательств перед Чехословакией в 1989–1992 гг. Особо анализируются основные направления их погашения, которые обсуждались в 1993–1998 гг. в ходе словацко-российских переговоров на разных уровнях. Описаны основные механизмы урегулирования задолженности, показана динамика переговоров и рассмотрена словацко-российская договорно-правовая база по данному вопросу.

Ключевые слова: погашение советской задолженности; словацко-российские отношения; внешняя политика; экономические отношения; дипломатия.

Проблема возникновения задолженности бывшего СССР перед странами Центральной и Юго-Восточной Европы привлекала и привлекает внимание многих исследователей как в 1990-х гг., так и в настоящее время. Словацкие журналисты, публицисты и политологи заняли еще в 1990-е гг. антирусскую позицию, пытаясь доказать чуть ли не предательство словацких национальных интересов правительством Владимира Мечьяра. Поэтому на первый план выдвигались поставки военной техники в счет погашения российской задолженности перед Словакией и, таким образом, создавалось впечатление об исключительной ориентации Словакии на Россию. При этом другие формы снижения Россией долговых обязательств перед Словакией в расчет ими не принимались. Словацкий политолог А. Дулеба не смог даже объяснить причины возникновения советского долга [1. С. 215–228; 2. С. 19–35; 3. С. 38–55]. И это несмотря на то, что еще в начале 1995 г. словацкий экономист А. Дмитренко в газете «Народна оброда» объяснял как природу возникновения задолженности, так и пути ее урегулирования [4. С. 8].

Российские же историки подошли к этому вопросу с диаметрально противоположных позиций. Указывалось, в частности, что проблема урегулирования задолженности привела к погашению интереса России «к развитию торговых отношений со странами, отказавшимися идти на списание и иные уступки в этом процессе» [5. С. 252–253, 261]. К сожалению, с такой трактовкой сегодня уже невозможно согласиться. Однако особенно необходимо подчеркнуть тот факт, что по объективным причинам они не имели возможности работать с серьезными источниками. Доступность словацких архивных документов в настоящее время дает возможность весьма качественно и подробно проанализировать это важнейшее направление словацко-российских отношений в 1990-х гг.

Основу чехословацко-советских экономических отношений в течение сорокалетней истории составлял бартер. Сегодня рыночные экономисты характеризуют его как «особый вид торговых операций», насчитывав-

ший к концу XX в., по разным оценкам, от 8 до 20% от мировой торговли [6. С. 314–315; 7. С. 566–567]. Бартер – это тип торговли, в которой товар одного участника торговой сделки обменивается на товар второго. В то время такой экономический механизм осуществлялся многими странами, причем их количество росло: если в 1970-х гг. бартерные операции проводились приблизительно 10 государствами, то в середине 1990-х гг. в них участвовали уже более 100 стран [6. С. 315].

В чехословацко-советских отношениях, по сути дела, это была корзина поставляемого из СССР в ЧССР производства, которая соответствовала по цене набору чехословацких товаров, экспортируемых в Советский Союз. Таким образом, в этой внешнеторговой схеме экспортируемое изделие оплачивалось не финансовыми средствами, а другим видом производства. Как констатировалось в одном словацком правительственном материале, такая «методика организации торговых отношений» в рамках стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) «обеспечивала бездефицитный ежегодный торговый баланс между отдельными странами» [8. С. 1].

Но это было не единственное преимущество данного механизма. Обращает на себя внимание и тот факт, что на такую торговлю не мог повлиять никакой финансовый кризис, и, наоборот, финансовый кризис не мешал развитию внешнеторговых операций.

При всех этих «плюсах», существовали, однако, и отрицательные стороны бартерных операций. Так, например, в связи с созданием в середине 1990 г. валютного, экономического и социального союза между ГДР и ФРГ, Восточная Германия в одностороннем порядке отменила контракты, заключенные еще в 1989 г. на поставку чехословацких товаров [9. С. 3]. К тому же, в июле 1990 г. ГДР назначила внутренний курс обмена переводного рубля к немецкой марке 1 к 2,3, что привело к неконкурентоспособности чехословацких товаров на восточно-немецком рынке. В итоге возник долг Чехословакии на уровне более 600 млн руб. (почти 5 млрд чехословацких крон), а потеря чехословацкой экономики исчислялась 724 млн руб. [10. С. 1].

Похожие проблемы (правда, без своеговольного нарушения международных двусторонних соглашений) возникли и в чехословацко-советских отношениях в конце 1980-х гг. В 1986–1990 гг. действовал двусторонний Торговый договор, в котором определялись объемы экспорта и импорта. Однако начиная с 1987 г. вследствие продолжавшегося снижения цен на нефть¹, возникло положительное сальдо торгового баланса для Чехословакии. На практике это означало, что в связи с падением цен на нефть Чехословакия экспортировала в СССР товары на большую сумму, чем импортировала. Причем объем и количество товаров в этой двусторонней корзине оставались прежними.

Эту проблему можно было решить тремя способами. Во-первых, СССР мог отказаться от части чехословацких товаров. Безусловно, это вызвало бы серьезные экономические проблемы в самой Чехословакии. В этом случае произошло бы «нежелательное и существенное сокращение советской стороной чехословацкого экспорта машиностроения и оборудования». Чехословацкий экспорт был «территориально заменяем только в минимальной степени», так как эти товары были неконкурентоспособны на европейском рынке. Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что советский рынок нуждался в этих товарах, и, таким образом, СССР должен был их закупить у какой-нибудь другой страны. Для того чтобы урегулировать возникшую ситуацию, Советский Союз попытался в 1989–1990 гг. снижать импорт из Чехословакии в области машиностроения, так как к концу 1990 г. мог возникнуть дефицит торгового баланса на уровне 5 млрд переводных рублей [11]. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что СССР не собирался нарушать свои договорные обязательства, как это сделала Восточная Германия.

Во-вторых, существовала возможность повышения экспорта СССР в Чехословакию. Однако в связи с состоянием экспортных фондов в советской экономике, увеличение физических объемов советских поставок в ЧССР стало невозможным даже в области обрабатывающей промышленности [11].

Оба эти варианта не устраивали ни одну из сторон. Решение проблемы виделось в выделении кредита правительством ЧССР для погашения отрицательного сальдо торгового баланса Советского Союза, т.е. на закупку чехословацких товаров, поставляемых в СССР. Такой подход в итоге не привел к катастрофическим последствиям ни для одной из этих стран. По сути дела, Чехословакия, таким образом, поддержала свое производство, свой экспорт в СССР. Такую же поддержку оказали, к примеру, и США в 1993 г. своему сельскому хозяйству. Тогда была выделена помощь для РФ в размере 1,6 млрд долл. США, из которой 700 млн долл. ушло на закупку Россией американского зерна [12. S. 2]. Следовательно, такая политика чехословацкого правительства была не единичным случаем в мировой практике.

Впервые вопрос о задолженности обсуждался на встрече председателя Совета министров СССР Николая Рыжкова с председателем правительства ЧССР Ладиславом Адамецом в середине февраля 1989 г. Советский политик попросил правительство ЧССР предоставить кредит в размере до 2 млрд руб. со сроком погашения после 1995 г.; Л. Адамец согласился с данным предложением [13. S. 4].

После этих переговоров наступило время подготовки текста Соглашения о предоставлении Чехословакией кредита Советскому Союзу, которое было подписано 10 ноября 1989 г. В «Пояснительной записке» Министерства внешней торговли ЧССР к данному договору объясняется к чему в итоге пришли эксперты обеих сторон. Во-первых, процентная ставка по кредиту составила 5% годовых, а не 5,5%, как в случае с чехословацкой задолженностью перед бывшей ГДР. Этот кредит был предоставлен в трех частях до конца 1990 г. в размере, соответствующем реально возникшему сальдо, но не более чем 2 млрд руб. Эти позиции полностью отвечали интересам СССР. Во-вторых, погашение этого кредита должно было начаться с 1996 г. советскими товарами, соответствующими структуре экспорта СССР в ЧССР, в том числе и топливно-энергетическим сырьем, на чем настаивала чехословацкая сторона. Последний транш по данному договору планировался на 2000 г. При этом, в случае возникновения положительного сальдо СССР в торговом обороте с ЧССР, кредит мог быть погашен и досрочно. В-третьих, стороны договорились и по поводу валютной клаузулы. Имелась в виду фиксация переводного рубля к корзине свободно конвертируемых валют. Она устанавливалась по методике Международного банка по экономическому сотрудничеству (МБЭС). Модификация размера кредита могла быть проведена в случае изменения установленного МБЭС уровня переводного рубля на $\pm 5\%$ по отношению к его основной стоимости к моменту подписания договора. С точки зрения сотрудников Министерства внешней торговли ЧССР, важность этой клаузулы заключалась в том, что чехословацкая сторона получила гарантию погашения задолженности в полном ее размере, в независимости от изменения курса переводного рубля [11].

В «Пояснительной записке» Отдела по международному разделению труда и внешним экономическим отношениям Аппарата правительства ЧССР было сделано следующее заключение: «Проект договора, обсужденный с советской стороной, содержит условия, которые можно считать приемлемыми для чехословацкой стороны». Важным для Чехословакии было и согласованное экспертами «содержание статьи 3 проекта договора о структуре поставок из СССР в ЧССР, которыми начиная с 1996 г. будет погашаться данный чехословацкий правительственный кредит, как и проценты по нему» [Там же].

Таким образом, можно сделать заключение, что этот кредит, как и причина его возникновения, имели,

во-первых, объективные предпосылки и, во-вторых, эти вопросы решались в соответствии с интересами обеих стран, не ставя одну из них в заведомо проигрышное положение.

В начале 1990-х гг. ситуация начала усугубляться. Во-первых, СССР (а затем РФ) на выплатил проценты по кредиту в соответствии с данным договором. За 1990–1991 гг. они составляли приблизительно 700 млн долл. США, а за 1992 г. – около 800 млн долл. К тому же за экспорт чехословацких товаров в РФ в 1992 г. на сумму примерно 400 млн долл. Россией было выплачено всего лишь 26 млн долл. На момент начала второй четверти 1993 г. задолженность бывшего СССР перед бывшей ЧСФР составляла 5,57 млрд долл. [14. S. 1].

Особенно подчеркнем тот факт, что Чехословакия стала страной, самые существенные долговые обязательства по отношению к которой имел бывший СССР: на одного жителя ЧСФР приходилось 333 долл. США советской задолженности. Поэтому уже в начале 1993 г. Словакия (как, впрочем, и Чешская Республика) стремилась поставить вопрос о выплате части долга перед Россией как правопреемницей СССР.

В конце марта 1993 г. состоялся визит в Москву словацкой правительственной делегации во главе со словацким премьер-министром Владимиром Мечьяром. На переговорах министра финансов СР Ю. Тота с заместителем министра финансов РФ А. Головатым обсуждались вопросы, связанные с советской задолженностью. Последний подчеркнул, что споры вызывает не сам долг, достигающий уровня 2,2 млрд долл. США, а приемлемое для обеих сторон решение проблематики задолженности в переводных рублях. Речь шла об аккредитивах, капитальном строительстве, поставках товаров в 1991 г. Третьим аспектом являлись обычные операции за 1992 г. Поставки товаров в РФ достигли уровня 160 млн долл. А. Головатый сообщил своему собеседнику, что российская сторона изучает размер участия государства и коммерческих структур в этих операциях.

Проблемным для России был и пересчет переводного рубля к американскому доллару. Она не соглашалась с позицией других стран (Болгария, Германия, Польша, Словакия), в соответствии с которой один переводной рубль соответствовал одному доллару США. А. Головатый высказался за терпеливый поиск компромиссного решения.

В свою очередь Ю. Тот подчеркнул, что словацкая сторона может предоставить документ, подписанный ранее в рамках СЭВ, в котором утвержден курс переводного рубля к американскому доллару на уровне 1 к 1. При этом словацкий министр высказался в пользу быстрого решения данной проблемы. Ю. Тот также проинформировал своего собеседника о том, что в соответствии с законами бывшей ЧСФР чехословацкий долг делится на две части 2 к 1 между ЧР и СР, таким образом, Словакии причитается одна треть российских долговых обязательств.

На данных переговорах обсуждался и другой существенный вопрос: форма выплаты задолженности. Ю. Тот предложил три направления в урегулировании возникшей ситуации. Прежде всего, речь шла о снижении долговых обязательств поставками российских товаров. Во-вторых, допускалась капитализация задолженности, т.е. приобретение словацкими предприятиями акций российских приватизируемых заводов в счет частичного погашения долга. Осуществлению этой формы препятствовал тот факт, что на момент переговоров не был подписан сторонами договор о защите и поощрении капиталовложений, без которого реализовать данный вариант было практически невозможно. Только подписание такого документа, по словам словацкого министра, позволило бы словацким предпринимателям участвовать в российской нефтегазовой промышленности и других областях. Словацкая сторона желала, чтобы это соглашение, как и договор о запрете двойного налогообложения, были подписаны не позднее конца июня 1993 г.

Третьим, и самым существенным, направлением в данной области были поставки специальной техники производства российского военно-промышленного комплекса. В итоге она и стала основой погашения российской задолженности перед Словацкой Республикой. Ее представители в ходе переговоров передали список интересующей их российской спецтехники [15. S. 2].

В ходе визита правительственной делегации Словакии в РФ в марте 1993 г. обсуждались вопросы, связанные с данной областью сотрудничества, и на встречах премьер-министра СР В. Мечьяра с его российским коллегой Виктором Черномырдиным и президентом РФ Борисом Ельциным [Ibid.]. В итоге задолженность и пути ее решения были включены в основной документ – «Меморандум по вопросам российско-словацкого торгово-экономического сотрудничества в 1993 году», подписанный премьер-министрами двух стран.

В нем на первый план выходит решение вопроса о неоплаченных поставках из Словакии в 1991 г. на сумму около 160 млн долл. США. Именно эту позицию российской задолженности было решено ликвидировать в первую очередь. Причем для этого российская сторона предложила поставки военной техники, с чем словацкие представители согласились. В документе затронуты и другие перспективные направления по данному вопросу. В частности, договорились о разработке двумя министерствами финансов режима «постепенного урегулирования задолженности в финансовой и имущественной областях при использовании возможностей капитализации в процессе приватизации в Российской Федерации» [16. S. 3–4].

По поводу данного направления заметим два существенных факта. Во-первых, использование капитализации было оправдано, так как Россия отказалась поставлять нефть и газ, а именно такие поставки соответствовали тексту соглашения. Несмотря на это нарушение, по объективным причинам Словакия не настаива-

ла на буквальном его выполнении. Словацкие эксперты понимали, что нефть и газ были основной статьей тогдашнего российского государственного бюджета. И жесткое исполнение договора могло бы иметь серьезные последствия для самой России. Ввиду этого российские представители согласились на словацкое предложение о капитализации задолженности. Важно подчеркнуть, что в приватизации уже участвовали иностранные компании, и, таким образом, словацкие предприниматели наряду с зарубежными субъектами получили бы в свои руки акции российских предприятий.

Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что речь шла о приобретении всего лишь части акций определенных заводов с целью создания совместных предприятий. Такое сотрудничество в рыночной экономике характеризуется словацкими экономистами как самое перспективное и весьма часто встречающееся в новых условиях. В социалистической же экономике так называемая кооперация стала одной из основ и в рамках СЭВ, и в области двусторонних чехословако-советских экономических отношений. Не менее существенно, что имелось в виду приобретение акций российских предприятий, работавших в нефтяной и газовой промышленности, а это соответствовало чехословако-советскому сотрудничеству 1980-х гг. Таким образом, как саму задолженность, так и пути ее погашения можно признать взаимовыгодными для обеих стран.

После этих переговоров наступил черед проведения в жизнь достигнутых договоренностей. В середине 1993 г. были созданы в обеих странах рабочие группы по решению проблем погашения задолженности. Премьер-министры двух стран на следующей встрече в Москве 23 августа 1993 г. договорились о том, что министры финансов разработают и предложат им проект, содержащий все реальные способы решения этого вопроса, включая поставки оборудования, сырья и капитализацию [17. С. 2]. Затем на первом заседании Межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и СР в конце ноября 1993 г. «в целях ускорения решения проблемы урегулирования задолженности бывшего СССР и Российской Федерации перед Словацкой Республикой» было принято решение заключить соглашение [18. Л. 3].

В начале 1994 г. проходили встречи словацких и российских экспертов, которые продолжались вплоть до подписания Соглашения между правительствами СР и РФ об урегулировании задолженности бывшего СССР и РФ перед Словацкой Республикой (Соглашение об урегулировании задолженности). В ходе этих переговоров стороны постепенно сближали свои позиции по отдельным направлениям погашения задолженности. Их было пять: во-первых, кредит 1989 г. (666,6 млн долл. США), во-вторых, проценты по нему за период 1990–1993 гг. (115,3 млн долл.), в-третьих, сальдо взаимных расчетов в переводных рублях (766,5 млн долл.), в-четвертых,

сальдо расчетов по платежным соглашениям ЧСФР–СССР (58,3 млн долл.) и, в-пятых, неоплаченные инкассовые поручения Чехословацкого торгового банка за поставки чехословацких товаров в СССР (сумма была определена в конце июня 1994 г. для всей Чехословакии – 385 млн долл.) [19. С. 1].

В итоге во второй половине июня 1994 г. сторонам удалось достигнуть компромисса практически по всем вышеперечисленным пунктам. После этого соглашение было одобрено и принято Постановлением правительства СР № 626 от 22 июня 1994 г.

Некоторые вопросы, по которым в мае–июне 1994 г. наблюдались расхождения, остались открытыми. Так, например, разногласия остались по поводу конкретной статьи, по которой долг должен быть ликвидирован поставками российского имущества специального назначения (специмущество). По представлениям российских экспертов, они должны были осуществляться в счет уплаты процентов за 1994–1995 гг. Словацкая сторона считала, что данный подход может вылиться в определенную нагрузку на государственный бюджет СР, так как проценты могли не начисляться и, таким образом, возникла бы «парадоксальная ситуация, когда Словакия при задолженности, не погашенной российской стороной, станет ее должником». Было предложено решить этот вопрос списанием из других позиций (правительственный кредит или сальдо платежного баланса) [20. С. 1].

Однако заметим, что эти расхождения не привели к серьезным отрицательным последствиям, так как сами сотрудники Министерства финансов Словакии предложили правительству утвердить и подписать данный документ. Они предполагали, что «постепенное проведение в жизнь данного соглашения создаст пространство для приемлемого решения по реструктуризации задолженности» [19. С. 1]. Это предположение словацких экспертов оказалось верным.

Соглашение было подписано вице-премьерами правительств двух стран – Бригиттой Шмёгнеровой и Юрием Яровым на следующий же день после его принятия на заседании словацкого правительства, 23 июня 1994 г. [21. Л. 8].

На московском заседании МПК в конце июня продолжилось обсуждение данной сферы двусторонних отношений. В частности, были затронуты вопросы по капитализации задолженности и поставкам военной техники. Что касается последней, то уже тогда был найден компромисс по сближению позиций двух сторон. В ходе дискуссии «стороны договорились о том, что поставки специмущества в соответствии с потребностями Армии Словацкой Республики будут осуществляться в счет уменьшения сальдо платежного баланса 1990 года с возможностью погашения начисляемых процентов» [Там же. Л. 11]. Это означало, что часть военной техники могла поставаться Россией в счет процентной ставки, а другая часть – путем сокращения сальдо платежного баланса. Таким образом, за-

ключение данного соглашения создало условия для дальнейшего решения спорных вопросов.

Сегодня можно выделить два основных направления в данном процессе. В первую очередь словацкими дипломатами и экспертами ежегодно на переговорах с российской стороной ставился вопрос о включении в проекты российского бюджета финансовых средств для погашения задолженности. Впервые он обсуждался словацкими дипломатами с представителями Министерства экономики РФ В.Д. Тепленичевым и А.С. Гинзбургом в конце июля 1994 г. Российские эксперты акцентировали внимание на срочности решения этой проблемы в 1994 г., так как уже в сентябре предполагалось рассмотреть государственный бюджет РФ на 1995 г. Не позднее этого срока Министерству экономики РФ в сотрудничестве с российском Минфином следовало зарезервировать надлежащую сумму для поставок сырья в счет снижения российских долговых обязательств в бюджете РФ. Речь шла о так называемом рублевом покрытии поставок товаров, сырья и специмущества. Эти финансовые средства, выделенные из бюджета РФ, направлялись на российские предприятия для выкупа выпускаемой заводами продукции для ее поставки в Словакию [22. S. 2]. Таким образом, словацкая сторона должна была заблаговременно обеспечить включение задолженности в проекты российских бюджетов.

Отметим, что не всегда все шло столь гладко, как бы это хотелось словацким экспертам. Так, например, 6 сентября 1996 г. представители Министерства внешних экономических связей РФ подтвердили словацким дипломатам, что в первую редакцию государственного бюджета РФ на 1997 г. Минфин не включил средства на финансирование проектов по уменьшению задолженности, нереализованных в 1996 г. и даже на весь 1997 г. Это произошло, по данным российских представителей, в связи с тем, что между министерствами финансов двух стран данные вопросы не были окончательно обсуждены [23. S. 1]. Словацкий посол в Москве Роман Палдан обсудил эти проблемы с вице-премьером СР С. Козликом в Братиславе 9 сентября 1996 г. 20 сентября было передано письмо словацкого вице-премьера его российскому коллеге А. Лившицу. В нем содержалась просьба включить российскую задолженность перед Словакией в российский бюджет на 1997 г. [24. S. 1]. В итоге словацкая сторона добилась положительного результата.

Несмотря на определенные трудности, Словакия добивалась заметного успеха. Если применительно к концу апреля 1994 г. погашение задолженности РФ перед Словацкой Республикой находилось приблизительно на уровне урегулирования данного вопроса по отношению к Венгрии и Чешской Республике, то в 1995 г. ситуация была иной. Можно согласиться с министром финансов РФ В. Пансковым, который констатировал, что «Словакия – одна из немногих стран, которой Россия начала в сравнительно больших объемах выплачивать долги» [25]. А в начале сентября 1996 г. в

ходе встречи с Р. Палданом сотрудница российского Минфина Елена Большакова «особенно подчеркнула, что после визита в Братиславу заместитель министра финансов РФ Михаил Касьянов предрасположен оценивать словацкие требования более снисходительно». Однако существовали и иные подходы, прежде всего на уровне среднего управленческого звена Минфина РФ. По мнению того же эксперта, «существуют люди, которые подчеркивают, что российская задолженность Словакии, учитывая ее размер, ликвидируется слишком быстро и щедро» [23. S. 1].

Второе направление заключалось в проведении переговоров и подписании протоколов по конкретным проектам в области погашения задолженности: специмущество, капитализация, поставка сырья и товаров и др.

Первые переговоры на высшем уровне после подписания Соглашения об урегулировании задолженности состоялись в начале 1995 г. На встрече министра финансов и вице-премьера правительства СР С. Козлика с главой российского Минфина были обсуждены поставки «нестратегического сырья» (сырье и энергоресурсы, за исключением нефти и газа), а также товары и специмущество. Вице-премьер правительства РФ Ю. Яров 12 января посоветовал своему словацкому коллеге обсудить «вопрос о перспективах создания совместной рабочей группы в Москве» в ходе переговоров с первым заместителем председателя правительства РФ А. Чубайсом. Ее члены занимались бы капитализацией «части российской задолженности в акции российских приватизируемых предприятий, которые имеют кооперационные связи со словацкими экономическими субъектами». Этот вопрос был обсужден С. Козликом на следующий день на встречах с А. Чубайсом и министром экономики РФ Е. Ясиным. С последним словацкий вице-премьер рассмотрел и другие формы урегулирования этого вопроса (поставка товаров, нестратегического сырья, военной техники), по которым получил поддержку [25].

В ходе третьего заседания МПК 9–11 февраля 1995 г. стороны обсудили как механизм, так и технические вопросы, связанные с погашением российских долговых обязательств. Словацкие эксперты настаивали на капитализации, ориентированной как на незаконченное строительство заводов, так и на приобретение акций приватизируемых предприятий. Российские представители предложили создать рабочую группу, которая займется подготовкой и реализацией конкретных проектов по данному вопросу. На этом заседании также обсуждались и поставки военной техники в Словакию [26. S. 3–4].

28 сентября 1995 г. в Москве состоялись переговоры уполномоченных делегаций сторон по вопросу реализации Соглашения об урегулировании задолженности. В ходе встречи был подписан Протокол, который решал три основные на тот момент задачи. Во-первых, была достигнута договоренность о продлении сроков погашения задолженности по неоплаченным инкассо-

вым поручениям до конца 1996 г. Причем погашение этого вида задолженности осуществлялось поставками товаров по взаимосогласованной номенклатуре.

Во-вторых, констатировалось, что в 1995–1996 гг. будет осуществлено погашение части задолженности поставками спецтехники в соответствии с Протоколом № 2 от 23 мая 1994 г. (90 млн долл. США) и Протоколом № 3 от 18 августа 1995 г. (202 млн долл.). При этом большую часть этих поставок в соответствии с протоколом следовало осуществить в 1995 г.

В-третьих, «по обоюдному согласию» было принято решение о том, что погашение задолженности будет осуществлено в товарной форме, а не в свободно конвертируемой валюте. Имелись в виду «суммы, предусмотренные к погашению в соответствии со ст. 3 п. 1 (кредит ЧССР правительству СССР по договору от 10 ноября 1989 г. – В.Н.) и проценты в соответствии со ст. 3 п. 2 абз. 2 (начисляемые проценты по салдо взаимных расчетов в переводных рублях. – В.Н.) указанного Соглашения» [27. S. 1–3].

Отметим, что российская сторона отказалась от этой «валютной формы» снижения долга и по отношению к другим странам. Так, например, в начале февраля 1997 г. сотрудник Министерства внешних экономических связей РФ А. Мазилев сообщил словацким дипломатам, что чешская сторона на заседании чешско-российской межправительственной комиссии «в качестве весьма серьезной проблемы поставила <...> вопрос о погашении задолженности Чешской Республике российской стороной целиком или частично финансовыми средствами», т.е. в свободно конвертируемой валюте. Российская сторона не согласилась с этим требованием [28. S. 2]. Напомним, что позиция чехов противоречила тексту договора от 10 ноября 1989 г. применительно, по крайней мере, к задолженности бывшего СССР перед Чешской Республикой. К тому же такой механизм противоречил как обязательствам России по отношению к Международному валютному фонду, так и принципам Парижского клуба. В начале 1996 г. словацким дипломатам было заявлено, что снижение долговой нагрузки будет осуществляться «поставками товаров и только в исключительных случаях <...> переводом финансовых средств» [29. S. 2]. Таким образом, словацкой стороной уже в середине 1995 г. был достигнут компромисс с Российской Федерацией о форме выплаты задолженности.

На четвертом заседании МПК 26–27 октября 1995 г. обсуждались различные направления в этой области (поставки специального имущества, поставки товаров, гражданских самолетов и судов, капитализация, погашение задолженности словацким предприятиям). Был назначен состав смешанной рабочей группы по капитализации долговых обязательств. Также в сентябре было заявлено о согласии использовать «товарную форму» снижения российского долга [30. S. 2–3].

В конце января 1996 г. в ходе встречи заместителя министра финансов СР Татьяны Шилханковой с заместителем министра финансов РФ Михаилом Касьяновым стороны констатировали, что в рамках соглашения об урегу-

лировании задолженности разработано несколько проектов по погашению как государственного долга (например, поставки атомного топлива на сумму 70 млн долл. США), так и задолженности предприятий (в частности, поставки угля или химической продукции).

На этих переговорах, однако, возникла другая проблема. Оказалось, что у сторон возникли серьезные расхождения в информации по поводу проведения в жизнь конкретных проектов, направленных на осуществление Соглашения об урегулировании задолженности. Это можно объяснить кадровыми перестановками в российском Минфине. В связи с этим была достигнута договоренность провести «обстоятельную инвентаризацию осуществления выполнения межправительственного соглашения и установить приоритеты на 1996 и последующие годы» [29. S. 2]. Эта проблема, однако, была решена уже в первой трети 1996 г.

В ходе следующей встречи М. Касьянова с Т. Шилханковой 3 апреля 1996 г. был подписан Протокол между Министерством финансов СР и российским Минфином о ходе выполнения Соглашения об урегулировании задолженности. В данном документе более обстоятельно, чем в Протоколе от 29 сентября 1995 г., были зафиксированы договоренности двух стран по трем основным направлениям. Во-первых, было подтверждено, что погашение долга перед словацкими предприятиями будет осуществлено поставками российских товаров до конца 1996 г., что соответствовало Протоколу от 29 сентября 1995 г. При этом словацкая сторона передала список словацких компаний, которые выступали реципиентами данной российской продукции. Речь шла о трех фирмах: «Хирана Экспорт-Импорт» (Пьештяны), «Каушн» (Братислава) и «Ремарк» (Братислава).

Во-вторых, по отношению к государственной задолженности словацкие представители пожелали уже в 1996 г. получить на сумму около 400 млн долл. США самолет ТУ-154 М и его модификации, а также самолеты Як 42-Д. Словацкие эксперты проявили заинтересованность в российском оборудовании (для Словацких железных дорог, для телепорта в Братиславе, а также для строительства циклотронного центра). Российская сторона также согласилась на поставку в Словакию специального стального листа для резервуаров нефти и военной продукции Московского авиационного производственного объединения («МАПО»).

Российские представители заявили, что рассмотрят данную просьбу с учетом ее возможностей в текущем финансовом году. Словацкие участники переговоров просили ускорить поставку военно-технической продукции в размере 90 млн долл. США (в соответствии с Протоколом № 2 от 23 марта 1994 г.), что и было обещано. Также было достигнуто решение по поставкам энергоресурсов в счет снижения долга. Словацкая Республика в 1997–1999 гг. получила ядерное топливо для атомной электростанции «Моховце» на сумму 70 млн долл.

Третьим аспектом, который обсуждался в ходе этих переговоров, были технические вопросы, связанные с

урегулированием задолженности. Во-первых, стала очевидной необходимость усиления контроля со стороны министерств финансов двух стран за процедурой списания долговых обязательств, урегулирование которых происходило путем поставок российских товаров. Во-вторых, уполномоченным банкам следовало предпринять необходимые меры для ликвидации возникших технических проблем, связанных с учетом осуществленных платежей в счет задолженности путем поставок российских товаров. Речь шла главным образом о поставках производства «МАПО». В-третьих, словацкая сторона проинформировала о решении правительства предоставить полномочия словацко-российскому банку «Девин» на проведение организационной работы, связанной со снижением российского долга перед Словакией поставками товаров [31. S. 1–3].

Таким образом, наряду с существованием некоторых проблем, например неполучением спецтехники в 1995 г. по протоколу № 2, подписанного еще в марте 1994 г., ситуация постепенно улучшалась². Переговоры и подписание протоколов, направленных на выработку динамики урегулирования задолженности, продолжались и в более позднее время при правительстве Микулаша Дзуринды (1998–2006 гг.). Оно, по сути дела, использовало наработки предыдущего правительства в данной области. Даже инструментарий и система переговоров остались прежними. Этот факт красноречивее всего свидетельствует о профессиональной, качественной политике по погашению российских долговых обязательств правительством В. Мечьяра, политике, благодаря которой несомненно проводились в жизнь национальные и экономические интересы Словакии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цена нефти в 1989 г. была на уровне всего лишь 70% от уровня цен 1986 г. [11].

² Это происходило благодаря разработке и принятию протоколов в ходе двусторонних встреч. Иногда они не выполнялись целиком, о чем словацкая сторона постоянно напоминала российским экспертам. Случалось даже, что российский Минфин в свою защиту использовал тот аргумент, который противоречил подписанному Россией тексту Протокола от 29 сентября 1995 г. [32. S. 1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Duleba A., Hirman K. Rusko na konci Jelfcinovej éry. Zahraničná a vnútorná politika, rozširovanie NATO a záujmy Slovenska. Bratislava : Inštitút pre verejné otázky, 1999. 321 s.
2. Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky: Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov. Bratislava : Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1996. 58 s.
3. Duleba A. Slovensko-ruská spolupráca vo vojenskej a vojensko-priemyselnej oblasti alebo Kde sa končí obchod a začína politika // Mezinárodní vztahy. Praha, 1998. Č. 1. S. 38–55.
4. Dmitrenko A. Slovensko má šancu získať od Ruska splatenie dlhov // Národná obroda. 19 januára 1995.
5. Вышеградская Европа: Откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л.Н. Шишелиной. М. : Весь мир, 2010. 563 с.
6. Ferenčíkova S. Operácie v medzinárodnom obchode // Medzinárodné podnikanie. Bratislava : Sprint, 1995. 486 s.
7. Veľká ekonomická encyklopédia. Bratislava : Sprint, 1996. 614 s.
8. SNA (Словацкий национальный архив). F. ÚV SR 1993–1996, šk. 173, č.m. 0873/96, tajné. Predkladacia správa. Správa o priebehu a výsledkoch rokovani k problematike riešenia pasívneho salda platobnej bilancie bývalej ČSFR voči bývalej NDR, ktoré sa konali 6. a 7. mája 1996.
9. SNA. F. ÚV SSR/SR 1981–1992, Zasadania vlády ČSFR, šk. 550, č. j. 7182/90, Důvodová zpráva. Charakteristika vývoje zahraničně obchodních vztahů v letech 1986–1990 a návrh zásad spolupráce v obchodě po roce 1990 s NDR.
10. SNA. F. ÚV SSR/SR 1981–1992, Zasadania vlády ČSFR, šk. 553, č. j. 7402/90-15, Důvodová zpráva. Výsledky jednání mezi ministrem zahraničního obchodu ČSFR a ministrem hospodářství NDR k problematice negativního vývoje obchodní bilance a platební bilance v roce 1990 mezi ČSFR a NDR.
11. SNA, f. ÚV SSR/SR 1981–1992, Zasadania vlády ČSFR, šk. 537, č.j. 0670/89-taj. Příloha I. Sjednání dohody s vládou SSSR o poskytnutí úvěru vládě SSSR.
12. DA MZV SR (Дипломатический архив Министерства иностранных дел Словацкой Республики). F. ZÚ Washington, kr. 24, fasc. 253-100, č.m. 1579/93.
13. SNA. F. ÚV SSR/SR 1981–1992, Zasadania vlády ČSFR, šk. 525, č.j. 0171/89-taj., Příloha II. Průběh a výsledky oficiální přátelské návštěvy předsedy vlády ČSFR v SSSR.
14. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 83, fasc. 210-107, Informácia o súčasnom stave finančných pohľadávok voči býv. ZSSR, s. 1.
15. SNA. F. ÚV SR 1993-1996, šk. 16, č.m. 1798/93, Příloha I. E. Informácia o priebehu a výsledkoch oficiálnej návštevy delegácie vlády SR vedenej jej predsedom V. Mečiarom v RF v dňoch 24. a 25. marca 1993.
16. SNA. F. ÚV SR 1993–1996, šk. 14, fasc. Rôzne, Memorandum o otázkach slovensko-ruskej obchodno-ekonomickej spolupráce v roku 1993 z výsledkov rozhovorov uskutočnených dňa 25. marca 1993 v Moskve medzi predsedom vlády SR V. Mečiarom a predsedom Rady ministrov-vlády RF V. Černomyrdinom.
17. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 80, fasc. 253-100, č.m. 2836/93/SVV.
18. АБП РФ. Ф. 888. Оп. 1. Пап. 1. Д. 5.
19. SNA. F. ÚV SR 1993–1996, šk. 76, č.m. 2865/94, Predkladacia správa. Návrh Dohody medzi vládou SR a vládou RF o riešení zadĺženosti bývalého ZSSR a Ruskej federácie voči SR.
20. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 84, fasc. 256-100, Záznam z rokovania.
21. АБП РФ. Ф. 888. Оп. 2. Пап. 2. Д. 6.
22. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 84, fasc. 256-100, č.m. 21479/94/SVV.
23. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 92, fasc. 256-100, č.m. 1.002/96-EOU-042.
24. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 93, fasc. 256-100, č.m. 4851/96-PÚ.
25. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 89, fasc. 210-100, Materiály z pracovnej návštevy podpredsedu vlády Sergeja Kozlíka v RF v dňoch 12–14 januára 1995.
26. SNA. F. ÚV SR 1993–1996, šk. 111, č.m. 990/95. Protokol z 3. zasadnutia Medzivládnej komisie pre obchodno-hospodársku a vedecko-technickú spoluprácu medzi SR a RF.

27. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 86, fasc. 256-100, Протокол
28. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 95, fasc. 256-100, č.m. 1510/97-EOU14.006.
29. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 92, fasc. 256-100, č.m. 1.002/96-EOU-04.
30. SNA. F. ÚV SR 1993–1996, šk. 142, č.m. 4138/95. Protokol zo 4. zasadnutia Medzivládnej komisie pre obchodno-hospodársku, vedecko-technickú a kultúrnu spoluprácu medzi SR a RF.
31. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 92, fasc. 256-100, Протокол между Министерством финансов СР и Министерством финансов РФ о ходе выполнения межправительственного Соглашения от 26.4.94 об урегулировании задолженности бывшего СССР и РФ перед СР.
32. DA MZV SR. F. ZÚ Moskva, kr. 92, fasc. 256-100, č.m. 1.002/96-EOU-15.

Victor Nikitin V. Institute for Slavic Studies of Russian Academy of Science (Moscow, Russia). E-mail: nikitin.viktor.1979@gmail.com
THE RISE OF SOVIET DEBT AND WAYS OF ITS SETTLEMENT IN THE SLOVAK-RUSSIAN RELATIONS IN THE 1990-S

Keywords: repayment of Soviet debts; Slovak-Russian relations; foreign policy; economic relations; diplomacy.

The author in this article analyzes the role of Soviet debt in Slovak-Russian relations in the 1990s. This issue has already been raised in historiography, but only on the basis of journalism. The available archive base (diplomatic reports and documents of the Czechoslovak and Slovak governments) provides an opportunity to take a more qualitative look at this question. Therefore the author for the first time in the world historiography may show the causes of origin of soviet debt, the dynamics of its settlement, as well as its role in the Russian vector of Slovak foreign policy.

At the beginning of article are described the reasons for the appearance of Soviet debt (fall in oil prices), which led to the appearance of a negative balance in the Soviet-Czechoslovak trade, and are analyzed possible ways of solving this problem. The author comes to a conclusion that the Czechoslovak and Soviet governments, having concluded an Agreement on the Czechoslovak credit arrangement for the USSR on November 10, 1989, selected the path that would suit interests of both states.

After the velvet revolution, Soviet debt rose to \$ 5 billion. Therefore, the issue of its settlement was raised during the first visit of the Slovak government delegation in Moscow in March 1993. During the negotiations, two main directions in this field were discussed: a size of the debt and a form of its payment. The amount of debt owed by Slovakia after the dissolution of Czech and Slovak Federative Republic was \$ 1.7 billion. It was paid for by the supply of goods, military-industrial production, energy resources, shares of Russian privatized enterprises. Later, in the first half of 1994, Slovakia signed an agreement with Russia on settlement the debts of the former USSR and the Russian Federation to Slovakia, which outlined the main mechanisms for Russia's repayment of debt obligations.

To implement these mechanisms, frequent consultations were held at the level of the ministries of the two countries. The author identifies two main areas in the negotiation process. First of all, it was necessary to reserve financial resources in the Russian budget, which were allocated for the purchase of goods provided by Russia to partially repay the debt. Then, at the talks it was necessary to sign protocols on specific projects for which these funds were intended. The author concludes that during the meetings, as much as possible, the representatives of the two states defended its national and economic interests.

The article also emphasizes negative phenomena in this kind of cooperation: agreements were not always implemented, sometimes there was a serious delay, not all officials of ministries understood the importance of this sphere in Slovak-Russian relations. Despite these temporary problems, which arose at that time because of the objective prerequisites, the author focuses attention on the successful completion of this field of bilateral relation.

REFERENCES

1. Duleba, A. & Hirman, K. (1999) *Rusko na konci Jel'cinovej éry. Zahraničná a vnútorná politika, rozširovanie NATO a záujmy Slovenska* [Russia at the end of the Eltsin era. Foreign and domestic policy, NATO expansion and the interests of Slovakia]. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky.
2. Duleba, A. (1996) *Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky: Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov* [The Blind Pragmatism of Slovak Eastern Policy: The Current Agenda of the Slovak-Russian Bilateral Relations]. Bratislava: Research Centre of the Slovak Society for Foreign Policy.
3. Duleba, A. (1998) Slovensko-ruská spolupráca vo vojenskej a vojensko-priemyselnej oblasti alebo Kde sa končí obchod a začína politika [Slovak-Russian cooperation in the military and industrial area or where the trade ends and the policy begins]. *Mezinárodní vztahy*. 1. pp. 38–55.
4. Dmitrenko, A. (1995) Slovensko má šancu získať od Ruska splatenie dlhov [Slovakia has the chance to obtain debt repayment from Russia]. *Národná obroda*. 19th January.
5. Shishelina, L.N. (ed.) (2010) *Vyshegradskaya Evropa: Otkuda i kuda? Dva desyatiletiya po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovakkii i Chekhii* [The Visegrad Europe: Where and from where? Two decades on the path of reforms in Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic]. Moscow: Ves' mir.
6. Ferenčíkova, S. (1995) Operácie v medzinárodnom obchode [Operations in International Trade]. In: Baláž, P. et al. *Medzinárodné podnikanie* [International Business]. Bratislava: Sprint, 1995. 486 s.
7. Šíbl, D. et al. (1996) *Velká ekonomická encyklopedia* [Great Economic Encyclopedia]. Bratislava: Sprint.
8. Slovak National Archives. (1996) *Predkladacia správa. Správa o priebehu a výsledkoch rokovani k problematike riešenia pasívneho salda platobnej bilancie bývalej ČSFR voči bývalej NDR, ktoré sa konali 6. a 7. mája 1996* [Draft report. Report on the course and outcome of negotiations on the issue of solving the passive balance of the balance of payments of the former CSFR against the former GDR, held on 6 and 7 May 1996]. Fund ÚV SR 1993-1996, šk. 173, č.m. 0873/96.
9. Slovak National Archives. (1990a) *Důvodová zpráva. Charakteristika vývoje zahraničně obchodních vztahů v letech 1986-1990 a návrh zásad spolupráce v obchodě po roce 1990 s NDR* [Explanatory Memorandum. The characteristics of the development of foreign trade relations between 1986-1990 and the draft principles of cooperation in the after 1990 trade with the GDR]. Fund ÚV SSR/SR 1981–1992. Meetings of the Government of the Czechoslovak Socialist Republic, No. 550, No. 7182/90.
10. Slovak National Archives. (1990b) *Důvodová zpráva. Výsledky jednání mezi ministrem zahraničního obchodu ČSFR a ministrem hospodářství NDR k problematice negativního vývoje obchodní bilance a platební bilance v roce 1990 mezi ČSFR a NDR* [Explanatory Memorandum. The results of negotiations between the Minister of Foreign Trade of the CSFR and the Minister of Economy of the GDR on the issue of the negative development of the trade balance and the balance of payments in 1990 between the CSFR and the GDR]. Fund ÚV SSR/SR 1981–1992. Meetings of the Government of the Czechoslovak Socialist Republic, No. 553, No. 7402 / 90-15.
11. Slovak National Archives. (n.d.) *Příloha I. Sjednání dohody s vládou SSSR o poskytnutí úvěru vládě SSSR* [A I. Arrangement of agreement with the Government of the USSR on granting credit to the Government of the USSR]. Fund ÚV SSR/SR 1981-1992. Meetings of the Government of the Czechoslovak Socialist Republic, File 537, ref. 0670/89-secret.
12. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic (DA MZV SR). (n.d.) Fund ZÚ Washington. 24. Vol. 253-100. No. 1579/93.
13. Slovak National Archives. (n.d.) *Příloha II. Průběh a výsledky oficiální přátelské návštěvy předsedy vlády ČSSR v SSSR* [Appendix II. The course and results of the official friendly visit of the Prime Minister of the CSSR in the USSR]. Fund ÚV SSR/SR 1981-1992. Meetings of the Government of the Czechoslovak Socialist Republic, 525, File 0171/89-secret.

14. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) *Informácia o súčasnom stave finančných pohľadávok voči býv. ZSSR* [Information on the current state of financial claims against the former. USSR]. Fund ZÚ Moskva. 83. Vol. 210-107.
15. Slovak National Archives. (1993) *Príloha I. E. Informácia o priebehu a výsledkoch oficiálnej návštevy delegácie vlády SR vedenej jej predsedom V. Mečiarom v RF v dňoch 24. a 25. marca 1993* [Annex I. E. Information on the progress and results of an official visit by a delegation of the Government of the Government led by its President V. Mečiar in RF on 24 and 25 March 1993]. Fund ÚV SR 1993–1996. 16. No. 1798/93.
16. Slovak National Archives. (1993) *Memorandum o otázkach slovensko-ruskej obchodno-ekonomickej spolupráce v roku 1993 z výsledkov rozhovorov uskutočnených dňa 25. marca 1993 v Moskve medzi predsedom vlády SR V. Mečiarom a predsedom Rady ministrov-vlády RF V. Černomyrdinom* [Memorandum on Slovak-Russian trade and economic cooperation in 1993 from the results of the interviews held on March 25, 1993 in Moscow, between the Prime Minister of the Slovak Republic V. Mečiar and the Chairman of the Council of Ministers-Government RF V. Chernomyrdin]. Fund ÚV SR 1993–1996. 14. Miscellaneous.
17. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) Fund ZÚ Moskva. 80. Vol. 253-100. No. 2836/93/SVV.
18. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation. (n.d.) Fund 888. List 1. File 1. Doc. 5.
19. Slovak National Archives. (1993) *Predkladacia správa. Návrh Dohody medzi vládou SR a vládou RF o riešení zadĺženosti bývalého ZSSR a Ruskej federácie voči SR* [Draft Agreement between the Government of the Slovak Republic and the Government of the Russian Federation on Solving the Debt of the former USSR and the Russian Federation towards the Slovak Republic]. Fund ÚV SR 1993–1996. 76. No. 2865/94.
20. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) Fund ZÚ Moskva. 84. Vol. 256-100.
21. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation. (n.d.) Fund 888. List 2. File 2. Doc. 6.
22. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) Fund ZÚ Moskva. 84. Vol. 256–100. No. 21479/94/SVV.
23. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) Fund ZÚ Moskva. 84. Vol. 256–100. No. 1.002/96-EOU-042.
24. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) Fund ZÚ Moskva. 84. Vol. 256–100. No. 4851/96-PÚ.
25. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) *Materiály z pracovnej návštevy podpredsedu vlády Sergeja Kozlika v RF v dňoch 12.–14. januára 1995* [Materials from a working visit by Deputy Prime Minister Sergei Kozlik in RF on January 12–14, 1995]. Fund ZÚ Moskva. 89. Vol. 210–100.
26. Slovak National Archives. (n.d.) *Protokol z 3. zasadnutia Medzivládnej komisie pre obchodno-hospodársku a vedecko-technickú spoluprácu medzi SR a RF* [Protocol of the 3rd Meeting of the Intergovernmental Commission for Trade, Economic and Scientific Cooperation between the SR and RF]. Fund ÚV SR 1993-1996. 111. No. 990/95.
27. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) Fund ZÚ Moskva. 86. Vol. 256–100.
28. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) Fund ZÚ Moskva. 95. Vol. 256–100. No. 1510/97-EOU14.006.
29. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) Fund ZÚ Moskva. 92. Vol. 256–100. No. 1.002/96-EOU-04.
30. Slovak National Archives. (n.d.) *Protokol zo 4. zasadnutia Medzivládnej komisie pre obchodno-hospodársku, vedecko-technickú a kultúrnu spoluprácu medzi SR a RF* [Protocol of the Fourth Session of the Intergovernmental Commission for Trade, Scientific, Technical and Cultural Cooperation between the SR and RF]. Fund ÚV SR 1993-1996. 142. 4138/95.
31. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) *Protokol medzi Ministerstvom finansov SR i Ministerstvom finansov RF o khode vypolneniya mezhpravitel'stvennogo Soglasheniya ot 26. 4. 94 ob uregulirovanii zadolzhenosti byvshego SSSR i RF pered SR* [Protocol between the Ministry of Finance of the Slovak Republic and the Ministry of Finance of the Russian Federation on the Implementation of Agreement of April 26, 1994, on the settlement of the former USSR and the Russian Federation debt before the SR]. Fund ZÚ Moskva. 92. Vol. 256–100.
32. Diplomatic Archives Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (DA MZV SR). (n.d.) Fund ZÚ Moskva. 92. Vol. 256–100. No. 1.002/96-EOU-15.

УДК 93 (091)
DOI: 10.17223/19988613/52/5

А.С. Шестопалова

ОБРАЗ ОФИЦЕРА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

Предпринята попытка воссоздать образ представителей офицерского корпуса в сознании российской общественности после свержения самодержавия. На основе изучения отечественной публицистики и воспоминаний современников с помощью дискурс-анализа были выявлены доминирующие концепты при характеристике офицерского корпуса в феврале–октябре 1917 г., а также различные формы репрезентации социальной реальности. Автор приходит к выводу, что закрепление за командным составом российской армии образа контрреволюционера осуществлялось поэтапно.

Ключевые слова: офицерский корпус; общественное сознание; революция 1917 г.; образ; контрреволюция.

Революционные события 1917 г. изменили судьбы нескольких поколений. Потрясения, вызванные революцией, подвергли трансформации жизненные устои и традиции различных социальных групп. Особенно отчетливо это сказалось на положении и состоянии офицерского корпуса. Русские офицеры, связанные присягой перед престолом и царем, были поставлены в ситуацию выбора: принять новую власть или бороться за восстановление старого режима.

Несмотря на то что история революции, изучение ее причин, хода, движущих сил и последствий всегда являлись предметом многочисленных исследований, до настоящего времени не прекратились споры о месте и роли в революционных событиях офицерского корпуса. В последнее десятилетие появился ряд работ, в которых была предпринята попытка осмыслить эти проблемы. Особую значимость имеют работы В.Л. Кожеева [1] и И.Н. Гребенкина [2], которые попытались рассмотреть офицерский корпус, изменения его положения в обществе в контексте социально-политических трансформаций, вызванных революцией 1917 г. Реконструкция же образа офицеров в сознании российской общественности, выявление причин его трансформации не являлись предметом специальных исследований. Без осмысления этих сюжетов невозможно в полной мере оценить роль офицерского корпуса в революционных событиях и воссоздать образы революции и ее действующих героев в сознании современников. Так, кем же был офицер российской армии в общественном сознании?

Цель настоящей работы заключается в воссоздании образа офицеров в сознании российской общественности после падения самодержавия. Источниковую базу настоящего исследования составили материалы отечественной публицистики, опубликованные на страницах «Речи», «Разведчика», «Русского инвалида» (с июля 1917 г. – «Армия и флот свободной России»), «Дело народа» накануне и в период революционных потрясений. Особенно важным для реконструкции образа было обращение к воспоминаниям русских военачальников А.И. Деникина, Н.В. Рузского, П.Н. Врангеля,

К.М. Оберучева и их современников. Их воспоминания содержат не только оценки революционных событий, но и восприятия офицеров в общественном сознании. Данное исследование было выполнено в рамках военно-исторической антропологии, что позволило взглянуть на изменения, происходящие в общественном сознании, через призму военного времени [3. С. 17]. Непосредственное значение имело обращение к дискурс-анализу. Под дискурсом мы понимаем особый способ общения и понимания социального мира [4. С. 18]. Использование дискурс-анализа дало возможность выявить доминирующие концепты, используемые при характеристике офицерского корпуса в период революционных потрясений 1917 г., и определить последствия различных репрезентаций социальной реальности для судеб российского офицерства.

Известия о Февральской революции, отречении императора от престола большинство представителей офицерского корпуса получили, находясь на фронтах мировой войны, вдалеке от эпицентра очага революционного движения. По воспоминаниям генерала А.И. Деникина, первое впечатление было ошеломляющим. Но в общем войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно [5. С. 165]. Офицеры, в своем большинстве, осознавали, что для спасения династии, армии, страны необходимо отречение от престола Николая II. Подтверждением этому служит тот факт, что за все 7,5 месяцев власти Временного правительства не было ни одной серьезной попытки к освобождению царской семьи [Там же. С. 161]. Большая часть офицерского корпуса присягнула на верность новому Временному правительству. Некоторые же из офицеров видели и свою заслугу в свержении самодержавия. В частности, генерал Н.В. Рузский после отречения императора заявлял: «Я убедил его отречься от престола в тот момент, когда для него самого стала ясна неисправимость положения» [6. С. 140].

Вскоре после февральских событий на страницах отечественных периодических изданий была высказана мысль о том, что главным противником революции являлся российский офицер. За представителями офи-

церского корпуса стал закрепляться образ контрреволюционера. Солдаты в своих командирах увидели главных врагов, которые, по их мнению, препятствовали утверждению их только что приобретенных гражданских прав и свобод. Временное правительство также считало, что у революции нет противников слева, а есть только враги справа. Так как же был сконструирован и закреплён за офицерством образ противника революции и установления демократических свобод? Немалую роль в этом сыграли публицистические работы времен революции, опубликованные на страницах отечественных периодических изданий, и, прежде всего в органах печати социалистических партий, которые пропагандировали идею о том, что главным противником революции являлся офицер российской армии. Обращаясь к анализу публицистических работ, можно проследить динамику изменений общественного мнения и представлений об офицерстве в контексте социально-политических трансформаций. Стоит подчеркнуть, что создание собирательного образа офицера как контрреволюционера не было одномоментным и прошло несколько условных этапов.

На первом этапе, в период с конца февраля до начала апреля 1917 г., начинается процесс формирования и трансляции в массы образа офицера как противника революции. После свержения самодержавия на страницах отечественных периодических изданий выходят в свет заметки и публицистические статьи, содержащие информацию о ходе и главных творцах Февральской революции. В кадетской газете «Речь» от 5 марта была опубликована заметка, где говорилось о том, что против старого порядка «встали все – солдаты, крестьяне, рабочие». Несмотря на то что ряд офицеров приняли активное участие в революционных событиях, а молодые офицеры нередко были замечены в деле революционной пропаганды, их участие и роль замалчивались. По замечанию органа печати кадетов, сначала в Государственную Думу приходили, большей частью, солдаты без своих офицеров. Затем стали приходить целые войска со своими командирами и офицерами [7].

«Правильное информирование» общественности о героях Февральской революции способствовало формированию представлений о безучастности офицеров, об их сочувствии самодержавию. На страницах отечественных периодических изданий активно культивировалось противопоставление «мы» – участники революции и «они», предпочитающие бездействовать. Лозунг «Народ и армия едины», активно транслирующийся на страницах печати, транспарантах, листовках, стал отражением некой новой социальной реальности, которая была порождена Февралем. Однако из этих реалий уже с первых дней начали исключать военачальников российской армии, которые, в большинстве своем, действительно в первые дни революции не приняли участия в ней. Усилился раскол не только между офицерами и гражданскими лицами, явной стала и стена отчуждения между военачальниками и солдатами. «Речь» сообщала, что в зависимости от отношения офи-

церов к революционному движению находилось и отношение солдат к своим офицерам [7].

Военный историк А.А. Керсновский в своих публицистических трудах, уже опубликованных в эмиграции, именовал российскую армию перед революцией не иначе как «вооруженным народом». Он неоднократно подчеркивал, что недавние ремесленники, рабочие фабрик, крестьяне видели в офицерах только «господ» [8]. Такое отношение к офицерам солдатской массы укрепляло и нерешительное поведение многих представителей офицерского корпуса в первые дни революции. Один из современников событий на страницах журнала «Разведчик» писал, что «в первые дни революции на улицах были лишь солдаты, рабочие, солдаты, рабочие... часто, очень часто слышались голоса, что нет среди них офицеров» [9. С. 205]. Неготовность, растерянность командного состава в первые дни революции стали одной из первопричин закрепления за представителями офицерского корпуса в общественном сознании образа контрреволюционера.

В рамках первого этапа на процесс закрепления за офицерством образа контрреволюционеров оказал влияние опыт, полученный в Первой русской революции. Участие армии в подавлении революционных выступлений 1905–1907 гг. способствовало конструированию в общественном сознании представлений об офицерах как единственных защитников монархии и борцов с революцией. К этому времени относятся первые трансформации представлений общества об офицерстве, которые были во многом сформированы под влиянием критической кампании, развернувшейся в периодике. Отечественные публицисты подвергли критике традиции, устои, мировосприятие, способ комплектования офицерского корпуса, взаимоотношения офицеров с нижними чинами и миром штатских. При характеристике офицерского корпуса корреспонденты гражданских периодических изданий использовали такие концепты, как «слуги самодержавия», «жрецы милитаризма», «господа», «тупые рутинеры», «члены мертвой касты». Этот сформированный и апробированный негативный образ офицера императорской армии в начале XX столетия вновь будет востребован в первые дни февраля 1917 г.

Главными последствиями репрезентации именно такой социальной реальности, в которой российские офицеры были представлены защитниками монархии, стали оскорбления, обезоруживание, избиения офицеров представителями мира штатских в 1905–1907 гг. [1. С. 56] и жестокие расправы и убийства военачальников солдатами в 1917 г. Уже в первые дни революции появились списки особенно ненавистных офицеров, с которыми солдаты жестоко расправлялись.

В рамках второго периода, который условно можно очертить апрелем–августом 1917 г., были предприняты попытки, прежде всего, со стороны публицистов военных периодических изданий реабилитировать российских офицеров в глазах общественности. В апреле бы-

ли опубликованы первые заметки «Помогите офицерам», «Идите на встречу», где публицисты настаивали на том, что обвинения в контрреволюционном заговоре, выдвинутые против военачальников, носили ложный характер и не имели под собой обоснований. Для усиления своей аргументации корреспонденты военных периодических изданий обращались к примерам доблести офицеров на фронтах мировой войны. Несмотря на эти попытки, в обществе бытовали представления, согласно которым офицеры российской армии были противниками революции. Один из корреспондентов журнала «Разведчик» следующим образом описывал эту ситуацию: «Взгляд на офицера эволюционирует весьма мало, по-прежнему приходится слышать заявление о контрреволюционном настроении старшего офицерского состава» [10. С. 487]. Действительно, представления об офицерстве трансформировались медленно, поскольку к этому времени в общественном сознании прочно укрепился ассоциативный ряд: офицер – контрреволюционер, «буржуй», «пасынок революции». Уничижительное отношение ко всем, кто в пагонах, была закреплена не только на ассоциативном уровне, но и в повседневной жизни и жизни на фронтах Первой мировой войны. Так, 2 июля был убит солдатами командующий 22-м гренадерским полком подполковник Рыков за то, что уговаривал солдат полка исполнить свой долг. Многие офицеры, уговаривающие солдат исполнить свой долг перед родиной, погибли от своих же пуль при аналогичных условиях [9. С. 205].

Предпринятая попытка реабилитации офицерского корпуса свидетельствовала о появлении новой репрезентации социальной реальности. Исход борьбы двух дискурсов, двух социальных реалий, в центре которых оказался офицерский корпус, оставался не ясным вплоть до начала Гражданской войны.

Продолжавшаяся мировая война привела политическую элиту того времени к осознанию опасности сложившейся ситуации. Военный и морской министр А.Ф. Керенский в подписанном 22 августа 1917 г. приказе «Армии и флоту» заявлял о готовности правительства оказать всемерную поддержку офицерству, которое кровью своею на поле брани доказало верность родине и революции [10. С. 487]. В правительственных кругах заговорили о братском единении солдат и офицеров в дни революции, а все притеснения представителей офицерского корпуса трактовались как незаслуженные, несправедливые, «пережитки старого строя». Изданию приказа А.Ф. Керенского предшествовал доклад военного комиссара юго-западного фронта Гобечиа о необходимости отметить доблесть и заслуги офицерского корпуса в последних боях. Так, и на уровне нового Временного правительства была осуществлена попытка реабилитировать офицерский корпус в сознании общественности. Безусловно, запоздавшие меры, такая политика дискредитации офицерского корпуса оказали влияние на его отношение к революционным событиям 1917 г. и подтолкнули к активным действиям.

Окончательное закрепление за офицерством образа контрреволюционера произошло после Корниловского мятежа в конце августа 1917 г. Генерал-майор К.М. Оберучев в своих воспоминаниях отмечал, что только были намечены пути преодоления трений между солдатами и офицерами, как «вдруг взрыв... мятеж, к которому оказываются прикосновенны высшие воинские чины, генералы офицеры» [11. С. 159]. Офицеры все авансом были взяты под подозрение только потому, что они были офицерами. После выступления Корнилова поднялась страшная волна самосудов над офицерами по подозрению в «корниловщине». Особой трагичностью отличались события в Выборге [12]. Термин «контрреволюционер» стал отождествляться с понятием «корниловец». Употребление таких концептов при характеристике офицерского корпуса не могло не повлиять на отношение к офицерам общественности, опьяненной революцией. После «корниловщины» доверие к офицерам, кое-где еще сохранившееся, было окончательно подорвано [11. С. 160].

Современник событий И.А. Бунин в своей книге «Окаянные дни», содержащей дневниковые записи, упоминал о трагических событиях, произошедших в Экономическом обществе офицеров: «В пять часов вечера узнал, что в Экономическое Общество Офицеров на Воздвиженке пьяные солдаты бросили бомбу. Убито, говорят, не то шестьдесят, не то восемьдесят человек» [13. С. 31]. Автор проиллюстрировал настроение общественности, царившее в дни революции в России. И.А. Бунин в своем произведении описывал спор на площади, очевидцем которого он стал, между прапорщиком и рабочим: «Прапорщик старался говорить как можно мягче, подбирая самые безобидные выражения, стараясь воздействовать логикой. Он почти заискивал, и все-таки рабочий кричал на него: “Молчать, побольше вашему брату надо, вот что!”» [Там же. С. 8]. Этот диалог, зафиксированный в дневнике И.С. Бунина чуть позднее, в феврале 1918 г., с точностью передал ту неприязнь и уничижительное отношение к офицерам, бытовавшие в России практически повсеместно.

Таким образом, в период революционных потрясений 1917 г. в общественном сознании бытовало представление о русском офицере как о главном противнике установления демократических прав и свобод. Под воздействием ряда причин был сформирован ассоциативный ряд: офицер, контрреволюционер, буржуй, слуга самодержавия. Появление негативного образа русского офицера во многом было подготовлено критической кампанией против офицерства, развернувшейся на страницах отечественной периодики до Первой мировой войны. Политические потрясения, вызванные революцией, обострили существующее противостояние между офицерами и нижними чинами, между миром военных и миром штатских. «Правильное» информирование общественности об отношении офицерства к социально-политическим изменениям в стране, использование идеологических конструкторов способствовали расколу не

только армейского организма, офицерского корпуса, но и всей страны на противоборствующие группы. Фигура российского офицера оказалась в центре борьбы двух противостоящих тенденций в борьбе за общественное мнение: одна была направлена на дискредитацию офицерства, другая пыталась восстановить статус и положение русского офицера. Противоборство двух дискурсов нашло отображение в социальной практике и повсе-

дневной жизни в дни революции. Вплоть до начала Гражданской войны оставался открытым вопрос, кто же одержит победу в этой борьбе. Понятно было только одно, что статус и положение российского офицера в обществе уже никогда не будут прежними. Такая политика дискредитации офицерского корпуса в глазах общественности повлияла на отношение офицеров к революционным событиям и на их выбор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. 260 с.
2. Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918. М.: АИРО-XXI, 2015. 528 с.
3. Сенявская Е.С. Психология войн в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 383 с.
4. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 1, т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). М.: Айрис-Пресс, 2015. 379 с.
6. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. 248 с.
7. Речь. 1917. 5 марта. № 55 (3797).
8. Керсновский А.А. История русской армии. URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html>, свободный (дата обращения: 14.04.2016).
9. Гражданин. Идите на встречу // Разведчик. 1917. № 1378. С. 205.
10. Н.В. Доклад об офицерстве // Разведчик. 1917. № 1399–1400. С. 485.
11. Оберучев К.М. В дни революции: Воспоминания участников великой русской революции 1917 года. М.: Кучково поле, 2017. 320 с.
12. Дело народа. 1917. 14 сентября. № 154.
13. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: ДАРЪ, 2014. 272 с.

Shestopalova Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: chestopalova94@mail.ru

IMAGE OF AN OFFICER IN THE MINDS OF THE RUSSIAN PUBLIC AFTER THE OVERTHROW OF AUTOCRACY

Keywords: officer corps; public consciousness; revolution of 1917; image; counterrevolution.

The purpose of the article is to reconstruct the image of the officer in the minds of the Russian public after the overthrow of autocracy. Achievement of the set goal includes the following tasks: to establish the reasons of emergence and consolidation of the image of the officer as the opponent of revolution in public consciousness, to identify specificity and dominant concepts at each stage of image formation of the officer of the Russian Army after the fall of monarchy and to define the consequences of establishment the officers as counter-revolutionaries. The methodology of the presented research is based on the achievements of military-historical anthropology. The use of discourse analysis was of direct importance for solving the tasks set in the present work. We consider discourse as a special way of communication and understanding of the social world. The use of discourse-analysis gave an opportunity to reveal the dominant concepts used in the characteristics of the officer corps during the shocks of revolution of 1917, and to determine the consequences of various social reality presentations for the Russian officer's destiny. The source base of the research consists of the materials of the national journalism published during the Revolution of 1917 on the pages of different periodicals such as "Speech", "Scout", "Russian Handicapped", "The Peoples case". Especially important for the reconstruction of the image were the memories of Russian military commanders A.I. Denikin, N.V. Ruzsky, P.N. Vrangeli, K.M. Oberuchev and their contemporaries.

In the course of the study, the author came to the conclusion that under the influence of a number of reasons an associative series was formed: officer, anti-revolutionary, bourgeois, servant of autocracy. We have detected that the process of forming and establishing the officer of the Russian army as anti-revolutionary has several conditional stages. The first stage (end of February – early April 1917) – the beginning of the formation and transmission of the image of the officer as an opponent of the revolution. The second stage (April–August 1917) – an attempt to rehabilitate the officer corps in the public eye. The third stage began with the suppression of the Kornilov Rebellion and marked the strong fixation of the image of the officers as anti-revolutionary.

The author substantiates the idea that the figure of the Russian officer was in the center of the struggle of two opposing discourses, two representations of the social reality, one of which represented the officer as an opponent of the revolution and the establishment of democratic rights and freedoms, and another one, as a defender of the new political system in the fatherland. The confrontation between the two discourses was reflected in social practice and everyday life of Russian society during the revolution.

REFERENCES

1. Kozhev, V.L. (2011) *Rossiyskoe ofitserstvo i Fevral'skiy revolyutsionnyy vzryv* [Russian officers and the February revolutionary explosion]. Omsk: Omsk State University.
2. Grebenkin, I.N. (2015) *Dolg i vybor: russkiy ofitser v gody mirovoy voyny i revolyutsii. 1914–1918* [Duty and choice: Russian officer in the years of world war and revolution. 1914–1918]. Moscow: AIRO-XXI.
3. Senyavskaya, E.S. (1999) *Psikhologiya voyn v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of wars in the 20th century: Russian historical experience]. Moscow: ROSSPEN.
4. Jorgensen, M.V. & Phillips, L. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Translated from English by A.A. Kiseleva. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
5. Denikin, A.I. (2015) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on the Russian Troubles]. Vol. 1(1). Moscow: Ayris-press.
6. Shchegolev, P.E. (1927) *Otrechenie Nikolaya II: Vospominaniya ochevidtsev, dokumenty* [Renunciation of Nicholas II: Memoirs of eyewitnesses, documents]. Leningrad: Kransaya gazeta.
7. *Rech'*. (1917). 5th March.
8. Kersnovskiy, A.A. (n.d.) *Istoriya russkoy armii* [History of the Russian army]. [Online] Available from: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html>. (Accessed: 14th April 2016)
9. Anon. (1917) *Grazhdanin. Idite na vstrechu* [Citizen. Go towards us]. *Razvedchik*. 1378. pp. 205.
10. N.V. (1917) *Doklad ob ofitserstve* [Report on the officers]. *Razvedchik*. 1399-1400. pp. 485.
11. Oberuchev, K.M. (2017) *V dni revolyutsii: Vospominaniya uchastnikov velikoy russkoy revolyutsii 1917 goda* [In the days of the revolution: Memoirs of participants in the Great Russian revolution of 1917]. Moscow: Kuchkovo pole.
12. *Delo naroda*. (1917) 14th September.
13. Bunin, I.A. (2014) *Okayannye dni* [Cursed days]. Moscow: DAR.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 323(574)
DOI: 10.17223/19988613/52/6

А.М. Ауанасова, Б.Г. Аяган, Е.К. Нурпеисов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕДИНСТВА НАЦИИ

Показана история зарождения и развития полиэтничности и поликонфессиональности в Казахстане, в результате которой к концу XX столетия накоплен ценный опыт регулирования этих отношений, взаимной толерантности, уважения в решении межэтнических вопросов. Авторы приходят к выводу, что для дальнейшей консолидации общества и достижения единства казахстанской нации в современных условиях, необходимы новые инструменты, адекватные требованиям завтрашнего дня.

Ключевые слова: Казахское ханство; этнос; полиэтничность; поликонфессиональность; Ассамблея народа Казахстана; казахстанская нация.

История человечества показывает, что объективно необходимое для его развития общественное согласие и единство зачастую разрушаются вопреки идеалам добрососедства и естественному стремлению людей к единству. Фундаментальными причинами здесь являются раскалывающие общество классовые, этнические и религиозные противоречия и обусловленные ими частные противоречия в различных сферах общественной жизни. В международном плане эти противоречия нередко приводят к захватническим войнам, межстрановым конфликтам, религиозному экстремизму. Внутри отдельно взятой страны они же приводят к революциям, межэтнической и межконфессиональной вражде. Их результатом становятся дестабилизация ситуации в стране, разобщенность этносов и верующих. Желаемый всеми идеал общественного согласия и единства не достигается. Следовательно, пристальное внимание государства, политических партий, общественных организаций и других институтов гражданского общества должно быть обращено на предотвращение этих фундаментальных причин, препятствующих достижению общественного согласия и единства.

Относительно классовых противоречий следует сказать, что цивилизованный мир за более чем трёхсотлетнюю историю капиталистического общества или обществ с рыночной экономикой научился регулировать классовые противоречия так, чтобы они коренным образом не нарушали устои общества. При сохранении противоположных классовых интересов, в развитых странах удается различными способами избежать их антагонизма. Этот многовековой опыт полезен и для Казахстана, выбравшего рыночный путь развития экономики, при сомнительном, в ряде случаев, первоначальном капитале. Поэтому социальная ответственность бизнеса, о которой настоятельно напоминает Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, нацелена на гуманизацию отношений между бизнесме-

нами и наемными работниками. Такие рычаги действенного регулирования классовых противоречий достаточно обширны и прошли испытание временем. Необходимо их тщательно изучать и умело применять в целях достижения общественного согласия и единства. Иначе обстоит дело с межэтническими и межконфессиональными противоречиями. Они, как и классовые противоречия, имеют достаточно продолжительную историю. Но человечество до сих пор не нашло универсального способа их решения. Даже в рамках одной страны они то угасают, то вспыхивают с новой силой. Поэтому не случаен возрастающий интерес мирового сообщества к казахстанской модели общественного согласия и единства.

Исходя из того, что дестабилизирующий потенциал классовых противоречий в Казахстане относительно низок и проявляется в основном в периоды мировых экономических кризисов, а также учитывая активную деятельность государства по преодолению этих кризисов, в данном цикле статей акцент сделан на освещение этнических и религиозных факторов общественного развития с точки зрения их консолидирующего или дестабилизирующего значения.

Современный казахский этнос, начало формирования которого совпадает с возникновением первого казахстанского централизованного государства – Казахского ханства в 1465 г., своими корнями уходит вглубь веков, когда жили его древние предки: тюрки, кипчаки и другие крупные племена. Формирование единого этноса с признаками, отличающими его от других, есть результат ассимиляции, поглощения, слияния разных племен и их союзов, родов и других общностей [1].

В таком, образно говоря, «плавленном котле истории» сформировался казахский этнос, вобравший в себя в синтезированном виде материальные и духовные ценности своих предшественников. Сформировав свое государство, обеспечивающее дальнейшую консолида-

цию общества, казахский этнос продолжил собственный исторический путь в качестве государствообразующего на средневековой территории современного Казахстана. Говоря современным языком, к XVIII в. в Казахстане сформировались мононациональное государство и мононациональное общество с подавляющим большинством казахов. Другие народы были представлены незначительным меньшинством (ногайцы, башкиры, узбеки, уйгуры).

В конфессиональном плане Казахстан по мере отхода от тенгрианства все больше становится мусульманской страной, хотя и со слабо выраженным религиозным оттенком. В этих условиях, в целом, благополучного состояния общественного согласия и единства этнические и религиозные противоречия сколь-нибудь заметного влияния не оказали. Разумеется, были межродовые конфликты, приграничные столкновения. Но в силу их эпизодического характера, они не были в состоянии кардинально расшатать устои традиционного казахского общества. Ситуация стала меняться с постепенным присоединением казахских территорий к Российской империи. Установление колониального режима управления в период XIX в. сопровождалось массовым переселением безземельных российских крестьян и передислокации казахских поселений на захватываемые рубежи в казахской степи.

Начало полиэтничности на территории Казахстана было обусловлено принудительными методами, когда исконно казахские земли изымались и безвозмездно передавались российским переселенцам. Коренной этнос – казахи, и прибывающие представители другого этноса – русского, были поставлены в положение противостояния. Этническое противостояние сопровождалось религиозным противостоянием мусульман-казахов и христиан-русских. Казаки и русские крестьяне были далеки от мысли считать себя казахстанцами. Они идентифицировали себя не только в качестве подданных российской короны, но и проводниками политики метрополии, а казахи, оказавшиеся формально также подданными Российской империи, идентифицировали себя в качестве детей Великой степи. Поэтому часто нарушаемое общественное согласие обеспечивалось военными операциями колониальных властей и авторитетом биев и других знатных людей, удерживавших народ от акций, заведомо обреченных на провал. В этих условиях о единстве этносов, населявших Казахстан, говорить не приходится.

Со временем первоначальное отчуждение, возникшее между переселенцами и коренными жителями, постепенно стало преодолеваться. Наряду с силовыми методами решения споров, стали практиковаться судебные разбирательства, в том числе отправление казахскими судами – судами биев. Нередко по земельным спорам, касающихся использования пастбищ, водоемов, защиты ночевков, русские обращались к казахским биям, уверенные в их объективности, чистоте и мудрости [2]. При этом если неправомерные поступки со-

вершались казахской стороной, споры безоговорочно решались в пользу истцов – русских. Жизнь по соседству взаимно обогащала этносы в сфере материального производства и торговли. Обмен товарами, способами земледелия и животноводства вносил разнообразие в жизнь некогда противостоящих этносов, сближал их, формируя толерантность друг к другу.

В духовной сфере, особенно в религиозной, тако-го единства не наблюдалось. Эта сфера, базирующаяся на традициях, верованиях, мифах и сказаниях, этническом языке, всегда менее подвижная, чем сфера материального производства, существенно отличалась от духовной культуры представителей русского народа, что серьезно затрудняло достижение единства в духовной сфере. Но, тем не менее, параллельное существование двух культур постепенно приводило к их взаимной толерантности. Хотя об активной интериоризации ценностей другой культуры говорить еще было рано, но все же взаимное влияние двух культур на уровне обыденной жизни простых людей отрицать нельзя.

Превращению этих, хотя и слабых, предпосылок общественного согласия и единства в условиях складывающейся полиэтничности и поликонфессиональности на территории Казахстана серьезно препятствовала колониальная политика царизма, вытесняющего государственные институты казахов и вековые законы, обычаи и традиционные устои кочевого общества. Спровоцированное ею недовольство коренного населения приобретало зачастую этническую и религиозную окраску, усиливая межнациональную отчужденность. Общественное согласие поэтому было нестабильным, а духовное единство практически не формировалось. Этносы и конфессии жили рядом, но не вместе. Решающую роль в дестабилизации общественного согласия сыграли, таким образом, не межэтнические и межконфессиональные противоречия, а межстрановой конфликт между метрополией и колонией, сохранивший свою разрушительную силу вплоть до Февральской революции 1917 г., когда с падением царизма рухнула и колониальная система.

К этому времени изменился этнический состав Казахстана. В степном крае сформировались украинская, татарская, узбекская диаспоры, связанные с промышленным производством и торговлей. Их взаимоотношения с коренным населением Казахстана носили достаточно дружелюбный и деловой характер. Национально-освободительные движения начала XX в. в Казахстане не отражались тотально негативно на этнических и религиозных отношениях внутри страны. Борьба за возрождение национальной государственности велась не с внутренним противником, а с носителями имперского мышления в числе сторонников Временного правительства, а затем и советской власти, жестко руководимой Коммунистической партией большевиков. После формального восстановления Казахской государственности в форме автономной Республики

6 октября 1920 г. в составе РСФСР и начавшейся впоследствии индустриализации в Казахстан в массовом порядке мигрировали из других советских республик рабочие и инженерно-технические кадры. Вследствие этого полиэтническая и поликонфессиональная обстановка существенно изменилась в сторону увеличения числа этносов и конфессий. Но это не повлекло обострений в национальных и религиозных отношениях. Сформированное за годы совместной жизни чувство единой Родины в лице СССР и атеизм, отрицавший божественную волю, умноженную на запрет всякого инакомыслия, давали свои плоды.

Вторая волна подобного изменения этнической и конфессиональной структуры общества пришлась на периоды насильственной депортации народов на территорию Казахстана во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (немцы, поляки и т.д.). В этом случае ожидаемое властями этническое отчуждение, наоборот, обернулось сочувствием и доброжелательностью казахского народа к насильственно депортированным представителям других народов, хотя последние вряд ли идентифицировали себя казахстанцами. Более того, они рассматривали свое пребывание в качестве временной меры, ожидая восстановления исторической справедливости и возможности возвращения на историческую Родину, что впоследствии и свершилось. Все эти обстоятельства не сказались отрицательно на общественном согласии.

Третья волна массовой этнической миграции в Казахстан началась с освоением целинных земель, с 1954 г., когда с западных регионов СССР приехали сотни тысяч человек. Возможно, с целью избежать этнических конфликтов первоцелинников расселяли в центральных усадьбах совхозов, построенных в степи на удалении 10–15 км от казахских аулов, и значительная часть посевных площадей и пастбищных угодий была передана целинным совхозам. Хотя с экономической точки зрения их целесообразно было разместить в аулах, где действовала социальная и производственная инфраструктура (школы, административные здания, медпункт, складские, ремонтные и другие производственные помещения, транспорт, связь, автодороги и т.д.). Из-за этого в течение 5–10 лет многие аулы, населенные в основном казахами и депортированными этносами, стали приходить в упадок. Это вызвало их недовольство политикой советской власти, вдохновляемой идеологией коммунистической партии. Но к межнациональным и межрелигиозным конфликтам это не приводило. Ясно, что подобные факты пренебрежения к казахам со стороны советской власти не проходили бесследно, они накапливались в их историческом сознании, в котором еще сохранились печальные последствия организованного сталинским режимом голода, массовые репрессии и истребление казахской интеллигенции и, наконец, придание Казахстану статуса союзной республики лишь в 1937 г. (самому последнему). К чести казахского народа, все эти вопиющие несправедливые акции были воспри-

няты как проявление имперского мышления партийно-советской номенклатуры и не были переведены в плоскость межэтнических отношений.

Даже в разгар декабрьских событий 1986 г., гнев был направлен прежде всего против решения ЦК КПСС, назначившего на пост руководителя республиканской партийной организации секретаря Ульяновского обкома партии, а не против русских. Тем не менее партийная верхушка поспешно охарактеризовала эти события как проявление казахского национализма. Вопрос, против кого был направлен этот национализм, остался без ответа. Межэтнические отношения в этот период никаких потрясений не испытывали.

Таким образом, история Казахстана свидетельствует о том, что полиэтничность и поликонфессиональность не препятствовали общественному согласию, как это имело место в некоторых постсоветских республиках, например в Кыргызстане, Азербайджане, Узбекистане, Грузии, Молдавии, Прибалтике, где конфликты на основе этнических и конфессиональных противоречий привели к человеческим жертвам. В некоторых из них отсутствие общественного согласия и единства до сих пор таит угрозу вооруженных столкновений.

Казахстан, пройдя многолетний путь вначале двуэтнического и двуконфессионального, а затем полиэтнического и поликонфессионального развития, приобрел ценный опыт регулирования этих отношений, которые от взаимной толерантности постепенно перерастают во взаимное уважение. Задача сегодняшних и будущих поколений – на основе опыта с учетом современных социально-политических реалий изыскать и применять новые инструменты дальнейшей консолидации общества и достижения осознаваемого всеми единства. Здесь необходимо из множества условий, так или иначе влияющих на состояние общественного согласия и единства, выделить главные, решающие факторы и целенаправленно работать над повышением их эффективности.

При этом надо иметь в виду, что геополитическая обстановка, окружающая Казахстан, оказывает воздействие не только напрямую, но и опосредованно, преломляясь через внутривнутриполитическую ситуацию, что приводит в итоге к дестабилизации или же, наоборот, к укреплению общественного согласия и единства. Все зависит от характера внешних вызовов и условий международной обстановки. Кроме того, следует помнить, что политическая ситуация в стране, детерминированная внутренними причинами (меж- и внутриэтнические и религиозные разногласия), непосредственно и негативно влияет на общественное согласие и единство. Эти обстоятельства требуют активного использования адекватных и эффективно действующих политических институтов, которые в качестве факторов стабилизации общественной жизни становятся, в широком смысле слова, политической основой общественного согласия и единства. К числу необходимых элементов относятся

государственно-правовые, институциональные и идеологические факторы.

Начавшийся активный процесс возрождения национальных культур привел к созданию 22 республиканских и региональных национально-культурных центров, которые объединяли 470 областных, городских и районных организаций. В настоящее время в республике сформировано 49 этнообразований у немцев, 40 у казахов, 36 у корейцев, 29 у татар, 27 у славян, по 26 у чеченцев и ингушей, 23 у азербайджанцев, 21 у уйгуров, 20 у русских, 19 у украинцев, 18 у евреев, 16 у поляков, 14 у турок, 12 у греков, 11 у армян, 10 у белорусов, 10 у дунган, по 8 у курдов, узбеков, 6 у казахов, по 4 у туркмен, болгар, дагестанцев, по 3 у киргизов, таджиков, по 2 у карачаевцев и балкарцев, китайцев, чувашей, каракалпаков, молдаван, по 1 у ассирийцев, чехов, народов Прибалтики, грузин, осетинов, лезгин, иранцев, бурят, венгров, румынов.

В Казахстане были созданы условия для свободной реализации этносами права изучения своих родных языков, культур, обычаев и традиций. Государственная поддержка оказывалась развитию национальных школ, языковых программ, СМИ, театров. Благодаря такому подходу, в настоящее время в республике действуют более 100 этнических школ, 170 воскресных языковых центров, где изучаются

23 родных языка этносов республики. В школах национального возрождения работают 29 отделений по изучению 12 языков. На финансовую поддержку этих школ правительство страны выделяет ежегодно 12 млн тенге. Кроме того, им оказывается помощь из местного бюджета.

В эфир выходят передачи на 11 языках, в том числе на украинском, польском, немецком, корейском, уйгурском, турецком, дунганском и других. В Казахстане начали издаваться 4 республиканских и 15 региональных национальных газет, стали работать 6 национальных театров (казахский, русский, немецкий, уйгурский, корейский и узбекский). Ежегодно в свет выходят десятки новых книг на языках этнических групп, проводятся традиционные и массовые народные праздники Наурыз, Масленица, Рождество и др. [3].

Глава государства неустанно реализует политику укрепления единства, дружбы и взаимопонимания между представителями всех этносов и конфессий. Этот фундаментальный принцип находил свое отражение в принимаемых решениях Нурсултана Назарбаева. Президент отдает себе отчет в том, что модель межнационального согласия и мира во многом является определяющим фактором модернизации Казахстана, станет гармоничным условием эффективной реализации намеченных преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Выступление на торжественном собрании в честь празднования 550-летия Казахского ханства. Астана, 2015. 11 сентября.
2. История государства и права Советского Казахстана / ред. С.З. Зиманова. Т. 3: 1938–1958 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 430 с.
3. Аяган Б., Ауанасова А. Нурсултан Назарбаев и казахстанская модель строительства государства (исторический аспект). Алматы: Литера-М, 2012. С. 160–161.

Ayagan Burkitbay G. Institute of State History of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: b.ayagan@mail.ru

Nurpeisov Erkes K. Institute of State History of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: auanasova_a@mail.ru

Auanasova Alima M. Institute of State History of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: auanasova_a@mail.ru

THE HISTORICAL BASIS OF CONSOLIDATION OF KAZAKHSTAN'S SOCIETY AND UNITY OF NATION

Keywords: Kazakh khanate; ethnos; polyethnicity; polyconfessionality; Assembly of people of Kazakhstan; Kazakhstan's nation.

The history of humanity shows that objectively required for its development social consensus and unity frequently disintegrate contrary to ideals of neighborliness and natural tendency of people to unity. The main fundamental reasons here are splitting society class, ethnic and religion contradictions and stipulated by it private contradictions in different spheres of social life. On the assumption that destabilizing potential of classic contradictions in Kazakhstan are lower and developed basically in periods of global economic crisis, as well as, in consideration activity of state by overcoming of this crisis, in the article emphasis is placed on presentation of ethnic and religion factors of community development from point of view its consolidating and destabilizing meaning. The beginning of polyethnicity on territory of Kazakhstan was fuelled by forced methods, when original Kazakh lands detracted and transferred without charge to Russian back settlers. The native ethnos Kazakh, and incoming representatives of other ethnos – Russian, were settled in position of struggle. For this reason often violated social consensus provided by military operations of colonial authorities and authority of Biis and other notable people, which restrained people from acts doomed to failure. Under the circumstances about of unity of ethnos which populated Kazakhstan is difficult to speak. The decisive role in destabilization of social consensus played off so not interethnic and inter-confessional contradictions, but cross-country conflict between metropolitan countries and colonies, which preserved its own destructive force up to February Revolution of 1917, where with the falling of tsarism crashed a colonial system. By the time, ethnic composition of Kazakhstan is changed. The Ukrainian, Tatar, Uzbek Diasporas, associated with industrial production and trade formed in Steppe region. Its mutual relations indigenous population of Kazakhstan carried enough friendly and businesslike character. The history of Kazakhstan, pointed to the fact that polyethnicity and polyconfessionality, did not preclude social consensus, as the case in some post-Soviet republics, as example, in Kyrgyzstan, Azerbaijan, Uzbekistan, Georgia, Moldova, Baltic republics.

The task of today and future generations is on the base of experience with account for modern social-political realities to explore and apply new instruments for further consolidation of society and achievement of unity perceived by them.

REFERENCES

1. Nazarbaev, N.A. (2015) *Vystuplenie na torzhestvennom sobranii v chest' prazdnovaniya 550-letiya Kazakhskogo khanstva* [Speech at the solemn meeting in honor of the 550th anniversary of the Kazakh Khanate]. Astana. September 11, 2015.
2. Zimanova, S.Z. (ed.) (1965) *Istoriya gosudarstva i prava Sovetskogo Kazakhstana* [History of the state and law of the Soviet Kazakhstan]. Vol. 3. Alma-Ata: Nauka.
3. Ayagan, B. & Auanasova, A. (2012) *Nursultan Nazarbaev i kazakhstanskaya model' stroitel'stva gosudarstva (istoricheskiy aspekt)* [Nursultan Nazarbayev and Kazakhstan's model of the construction of the state (historical aspect)]. Almaty: Litera-M. pp. 160–161.

М.С. Иманалиев, А.Э. Джоробекова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КЫРГЫЗСТАНА И КИТАЯ В СВЕТЕ ИНИЦИАТИВЫ СИ ЦЗИНЬПИНА О СОВМЕСТНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

Обосновывается необходимость разработки новой концепции сотрудничества между Кыргызстаном и Китаем в свете совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути». Анализируются место Китая в структуре внешней политики Кыргызстана с учетом трех статусных образов Китая, формулируются рекомендации создания научно-экспертной синологической «школы» и подразделений в правительственных структурах и общественных организациях, которые должны заниматься китайской проблематикой.

Ключевые слова: «Экономический пояс Шелкового пути»; Кыргызстан; Китай; ЕАЭС; Центральная Азия.

В сентябре 2013 г. в Астане Председатель КНР Си Цзиньпин предложил идею создания и совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути». Реализации этой идеи китайское руководство придает большое значение. Выступая на сессии ВСНП 12-го созыва с докладом о работе правительства, премьер Госсовета Китая Ли Кэцян подчеркнул: «Предстоит форсировать разработку и реализацию программы создания экономической полосы вдоль Шелкового пути и морского шелкового пути XXI века, стимулировать создание экономических коридоров Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма и Китай – Пакистан...» [1].

Целесообразно высказать мысль в отношении этой идеи применительно к Кыргызстану: не следует ждать предложений и проектов со стороны Китая. Считаем, что Бишкек в состоянии сверстать свои программы и проекты и обсудить их с Китаем и другими центрально-азиатскими государствами.

На форуме Боао, который состоялся 26–29 марта 2015 г., Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с концептуальной речью, в которой были изложены основные принципы, приоритеты и инструменты сотрудничества стран, расположенных в полосе «Экономического пояса Шелкового пути». Одновременно руководитель Китая как бы презентовал и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, фундатором которого после определенной паузы стал и Кыргызстан. В этой связи хотелось бы напомнить об активном участии центрально-азиатских стран в работе данного форума, особенно Казахстана, который присутствовал в Боао на уровне премьер-министра страны. Причины отсутствия Кыргызстана правительство страны не стало объяснять. Понятный контент по реализации сказанного выше содержится и в деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), лидером которой наряду с Россией является Китай. В данной организации равноправными партнерами ведущих держав мира – России и Китая – являются и такие небольшие страны, как Кыргызстан. Причем равноправными не только по формально-уставным параметрам и нормам, а реально равными участниками сообщества стран ШОС.

Инициатива «Один пояс – один путь» теперь вписана в Устав Коммунистической партии Китая после XIX партийного съезда и сегодня является основным концептуальным документом по внешней политике Китая. Китайская дипломатия как инструмент внешней политики и, разумеется, инструмент достижения целей идеи «Экономического пояса Шелкового пути» также находится в процессе изменений, сохраняя при этом преемственность по наиболее принципиальным вопросам международной жизни и внешней политики страны, как, например, отказ Китая от гегемонии [2]. Кстати, подтвержден этот тезис и в Декларации об установлении стратегического партнерства, подписанной в ходе визита Си Цзиньпина в Кыргызстан.

Расширился список руководящих принципов внешней политики Китая: к трем принципам – мир, развитие и сотрудничество – добавился еще один, чрезвычайно привлекательный для Кыргызстана – достижение совместной выгоды. Сотрудничество с сопредельными странами становится главным приоритетом внешней политики Китая. В этом контексте, как заявляют китайские дипломаты, КНР будет двигаться по четырем важным направлениям: сохранение традиционной близости и дружбы; верность своему слову перед соседями Китая; достижение взаимной выгоды; обеспечение толерантного и инклюзивного развития. Особое внимание привлекает обязательство китайской дипломатии «не оценивать внутренние дела других стран по нашим национальным критериям» [3].

Кыргызстану в связи активизацией китайской дипломатии на центрально-азиатском направлении, причем открывающей, как уже сказано, новые возможности для сотрудничества и развития, следует, видимо, также начать разработку новой концепции сотрудничества с КНР. В ее основе должно лежать понимание того, что мы соседи навсегда, добрые и открытые друг другу соседи. Одновременно и в Кыргызстане, и в Китае должны отдавать себе отчет, что только совместная конструктивная и взаимовыгодная деятельность всех стран, расположенных вдоль Великого

шелкового пути, позволит достичь целей, изложенных в концепции Председателя КНР Си Цзиньпина.

В ходе визита в центрально-азиатские страны Председатель КНР Си Цзиньпин, говоря о внешнеполитическом курсе Китая в отношении региона, особо выделил следующие пункты: Китай и страны региона связывает продолжительная история отношений и у них общая историческая судьба; Китай с уважением относится к суверенному выбору государств региона и готов оказывать поддержку избранному ими пути развития; Китай в своих планах не ставит целью достижение господства в делах региона и не стремится к созданию зоны влияния; Китай считает, что его колоссальные промышленные, товарные и финансовые возможности могут стимулировать расширение торгово-экономического сотрудничества между Китаем и центрально-азиатскими странами, благодаря чему соседние государства могут извлечь для себя пользу.

Думается, что новая концепция сотрудничества между Кыргызстаном и Китаем должна учитывать сказанное выше. При этом важно понимание того, что совместное строительство «Экономического пояса Шелкового пути» будет связано и с проблемами обеспечения безопасности, и с расширением партнерства в области культуры и т.д. В этой связи считаем весьма актуальным предусмотреть в новой концепции сотрудничества между Кыргызстаном и Китаем некоторые важные позиционные конструкции, выраженные в следующих «необходимостях».

Во-первых, необходимо приложить совместные усилия для того, чтобы очистить мировоззрение элит и простых людей Кыргызстана и Китая от некоторых информационно-пропагандистских «атавизмов» прошлого, имеющих до сих пор инерционное влияние на сознание людей. В этой связи было бы полезным усилить и расширить культурно-гуманитарное сотрудничество между нашими странами. Очевидно, что пора создать полноценный синологический научно-экспертный центр в Кыргызстане. Открытие институтов Конфуция – дело благое и на пользу обеим сторонам, но необходимо создать свое исследовательское учреждение, хотя бы лабораторного уровня.

Во-вторых, следует сверстать свою концепцию развития страны, которая будет состыкована со стратегиями России, Казахстана, Китая, и совместными усилиями создать неформальный инструмент общественно-политической поддержки идеи Председателя КНР и вкуче с правительственными структурами двух стран, например межправительственной комиссией по торгово-экономическому сотрудничеству, выстроить стабильное и развивающееся пространство для укрепления и развития кыргызско-китайского партнерства в области экономики, торговли и инвестиций и т.д. Таким общественным учреждением может стать Кыргызско-китайская торгово-инвестиционная палата.

В-третьих, важно стимулировать «проектный подход» Кыргызстана к сотрудничеству с Китаем, постараться избежать формирования системы финансово-

экономических отношений в формате «донор–реципиент», стремиться укреплять формат «партнер–партнер». Этой идее должны быть подчинены формат и содержание новой схемы финансово-инвестиционного сотрудничества между нашими странами. Очевидно, что необходимо расширять сотрудничество между управляющими экономическими структурами и бизнес-кругами двух стран.

В-четвертых, нужно укреплять сотрудничество между странами в области обеспечения региональной и национальной безопасности, придать больший динамизм, масштабность и новое качество деятельности Шанхайской организации сотрудничества в этом направлении. Причем активность и творческий подход к решению этих проблем у Кыргызстана и Китая должны быть практически одинаковыми по уровню решимости, практического вклада и результативности.

В-пятых, необходимо расширять и укреплять сотрудничество между парламентами, регионами Кыргызстана и провинциями Китая, научными, учебными и экспертными структурами двух стран. Было бы полезно создать межпарламентскую группу «Жогорку Кенеш – СНП СУАР КНР». Важное значение имеют контакты между молодежью наших государств.

В-шестых, следует активно использовать совместную идею Президента России В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина о сопряжении Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути», изложенную в соответствующем заявлении двух лидеров по итогам визита китайского руководителя в Россию. Необходимо в Кыргызстане создать соответствующий правительственный орган, который был бы уполномочен курировать вопросы национального проекта по сопряжению ЕАЭС, «Экономического пояса Шелкового пути», американского «нового Шелкового пути (КАСА-1000)» и европейских экономических и инфраструктурных проектов.

Сотрудничество с Китайской Народной Республикой требует детализированного и всеобъемлющего обоснования и программного подхода. При этом очевидно и то, что необходимо более активно использовать незадействованные механизмы и формы сотрудничества.

Общие положения концепции, изложенные выше, могут быть дополнены также следующим. В соответствии с традиционными представлениями китайцев сопредельные государства и народы не обязательно должны были входить в сферу влияния Китая. Однако, хотя бы формально (вербально и подношением даров, квалифицировавшихся китайской властью как дань), обязаны были зафиксировать свою лояльность существовавшему на тот момент режиму власти в Китае, не предпринимать в одиночку либо вкуче с кем-то какие-либо враждебные действия.

Современный Китай, строго придерживающийся действующего международного права и соответствующих обычаев международной жизни, разумеется, не

использует в своем нынешнем внешнеполитическом арсенале дипломатические приемы и доктринальные подходы имперского прошлого, но, тем не менее, общепризнано, что историческая инерция по ряду мировоззренческих и политехнологических емкостей срабатывает по сию пору и не только в Китае. Сегодня важнейшими внешнеполитическими задачами Китая являются поиск, инициирование и использование рациональных, выгодных и одновременно деидеологизированных направлений, форм и способов взаимоотношений с другими государствами.

Внешнеполитическая концепция Китайской Народной Республики определяет три группы приоритетных стран: крупные державы, сопредельные страны, развивающиеся государства. Кыргызстан попадает в число последних двух групп. Россия находится во всех трех группах.

Место Кыргызстана в глобальной и региональной стратегии Китая определяется несколькими факторами и условиями, в том числе:

1. Кыргызстан как политический партнер. Эта позиция формируется за счет понимания Китаем стратегии и некоторых позиционных компонентов Кыргызстана, связанных с внутренней и внешней политикой нашей страны. В частности, таких как объем, качество и формируемое доверие в отношениях Кыргызстана с другими государствами, международными структурами и особенно с теми, с которыми у Китая в определенном смысле существуют проблемы. Контактность, близость позиций или их отдаление могут осуществляться за счет отношений с другой страной-донором или страной-посредником. Разумеется, определяющее значение политической контактности двух стран имеет официальная поддержка Бишкеком позиций Пекина по Тайваню, Тибету, уйгурскому сепаратизму, религиозному экстремизму и международному терроризму и т.д.

Среди некоторых зарубежных специалистов распространено мнение, что Кыргызстан вынужденно поддерживает Китай по вопросу сепаратизма, хотя на самом деле так называемая тюрко-исламская солидарность (молчаливая!) в немалой степени определяет истинное отношение кыргызского руководства и кыргызской общественности к данной проблеме. Но истина в том, что совпадение позиций двух стран по проблеме сепаратизма обуславливается наличием данной проблемы, потенциальной опасностью этого разрастающегося в мире явления в самом Кыргызстане.

2. Кыргызстан как экономический партнер. В ближайшей перспективе Кыргызстан вряд ли станет непосредственным производителем каких-то товаров, технологий и услуг для Китая, но как производитель некоторых сельскохозяйственных товаров и как небольшая транзитная структура он может предоставлять определенные услуги.

В данном направлении – две конструкции, которые необходимо усилиями обеих сторон гармонично сочетать и использовать. Первая – многосторонняя, вто-

рая – двусторонняя. Вопрос многосторонней стратегии решается в рамках необходимости стыковки или гармонизации пространств экономического сотрудничества Евразийского экономического сообщества и Экономического пояса Шелкового пути. Важнейшим инструментом гармонизации может стать Шанхайская организация сотрудничества: именно на это должна быть сориентирована концепция участия Кыргызстана в деятельности ШОС. Формула двусторонней стратегии проста: равноправие и выгода.

3. Кыргызстан как партнер в области борьбы против «трех зол» – терроризма, экстремизма и сепаратизма. В данном контексте важно понимание подходов Китая к этим проблемам с точки зрения субъектности и объектности Кыргызстана. В первой емкости сотрудничество двух стран имеет весьма конкретные формы и способы борьбы с различными проявлениями трансграничной преступности, квалифицируемых как риски и вызовы для обеих сторон. Во второй – для Китая представляется более чем актуальным предотвратить возможную трансформацию некоторых регионов Кыргызстана в площадки, на которых будут формироваться сгустки криминальной активности, в том и числе и против Китая. Эта ситуация предполагает активное партнерство Пекина с другими, более мощными акторами, ряд из которых несет историческую ответственность за безопасность в центрально-азиатском регионе. Прежде всего речь идет о России и США. При этом следует иметь в виду, что для всех трех великих держав, имеющих серьезные интересы в регионе, причем некоторые из них порой находятся в политической, экономической и иной противофазе, так называемый исламский экстремизм является сегодня «головной болью» № 1. В свое время, в 90-е гг. XX в., исламский экстремизм в этих странах был еще и конкретно, и портретно персонифицирован.

Из регионального реестра «борцов с экстремизмом» не должна выпасть быстро развивающаяся Индия. Один из вопросов современной повестки дня региона – смогут ли перечисленные выше четыре державы (США, КНР, РФ и Индия) объединить усилия и возможности в борьбе против «трех зол» и какую роль сыграют в формировании такого тренда сами центрально-азиатские страны. Особенно после вступления Индии и Пакистана в ШОС.

Прежде всего следует признать, что до сих пор Китай (и исторический, и современный) остается для Кыргызстана «terra incognita». Концептуально-научный подход к оценке места Китая во внешней политике нашей страны имеет несколько весьма специфических и особенных элементов. В частности, Китай – единственный народ и государство (во всяком случае, из числа сегодняшних крупных держав), не просто упоминаемый в материалах кыргызской этногонии, в том числе эпосе «Манас», но и имеющий в них достаточно заметную ролевую (в разных ипостасях) нишу; Китай – единственный народ и государство, не отождествляемый

ни в политическом, ни в военном, ни в экономическом смыслах с какой-то международной организацией, либо группой стран, либо идеологизированной частью света. Если Россия – это СНГ, Евразия, бывший СССР, а США мы все-таки считаем историческим Западом и имеем в виду НАТО, то Китай не привязан ни к кому и ни к чему; Китай – единственный народ и государство, являющийся непосредственным соседом нашей страны, чьи иероглифы и тексты не прочтет ни один кыргызстанец без специальной подготовки; Китай – это государство-цивилизация и народ-цивилизация.

Изложенное выше, а также современные характеристики, совокупная мощь и предполагаемый в обозримом будущем колоссальный потенциал Китая обуславливают объективно и стихийно конструируемую необходимость рассматривать эту страну как не просто государство, а как целое направление во внешней политике Кыргызстана. Поэтому очевидно, что в Кыргызстане необходимо иметь не только сильную научно-экспертную синологическую «школу», но и предусмотреть в соответствующих правительственных структурах, общественных организациях специализированные, кадрово обеспеченные подразделения, профессионально занятые китайской проблематикой.

Место Китая в структуре внешней политики Кыргызстана должно формироваться за счет осмысленного подхода к следующим трем статусным образам Китая:

1. Как политический партнер Китай в двусторонних отношениях, безусловно, лидер, но, лидер, который не должен стать гегемоном и ментором. Настоящая проблема восходит к вопросам конструирования нового формата и содержания лидерства, над чем должны работать вместе и Китай, и Кыргызстан.

2. Как экономический и финансовый партнер Китая, безусловно, не должен стать «донором» западного образца. Эта проблема относится к формированию новой культуры взаимоотношений, могущей отчасти в принципе опираться на введенный китайскими дипломатами в международный оборот тезис о взаимном

выигрыше и т.д. Тем не менее первостепенная задача правительства, дипломатов, ученых Кыргызстана – на «китайском направлении» выработать и согласовать с китайской стороной необходимый перечень принципов взаимоотношений, разумеется, стержнем и определяющим движителем которых должны быть международное право и обычаи.

3. Как военный партнер Китай, кроме того, что является сподвижником Кыргызстана по совместной борьбе против «трех зол», он еще и один из гарантов безопасности центрально-азиатского региона и Кыргызстана. Во всяком случае в рамках ШОС декларирует эту позицию. Вместе с тем весьма желательно, чтобы обе страны вкупе с другими соседями приложили усилия к тому, чтобы избежать чрезмерной, превышающей необходимый уровень обороны милитаризации Центральной Азии.

Особое место во внешнеполитических стратегиях двух стран занимает проблема культурно-гуманитарного сотрудничества, чему сегодня незаслуженно уделяется мало внимания. Однако при этом следует иметь в виду, что в Китайской Народной Республике проживают около 200 тыс. кыргызов, которые имеют свою автономию, учебные заведения, театр, радио, телевидение и т.д. Как известно, большое внимание уделяется работе над эпосом «Манас». Для этого создана специальная научно-практическая группа с годовым бюджетом 50 млн юаней (6 млн долл. США). Эпос «Манас» является одной из жемчужин устного народного творчества народов Китая наряду с монгольским «Джангар» и тибетским «Занг». Поэтому о кыргызской культуре китайцы имеют не «книжное» и не «телевизионное» представление.

Кыргызский и китайский народы прошли весьма сложный, тернистый исторический путь, иногда двигаясь вместе, а порой параллельными маршрутами. И сегодня кыргызско-китайское сотрудничество должно открыть новую страницу в истории взаимоотношений двух государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ли К. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2014 год и проекте плана на 2015 год, который был представлен Государственным комитетом КНР по развитию и реформе 5 марта 2015 года на 3-й сессии ВСНП 12-го созыва. Пекин, 17.03.2015. Синьхуа. URL: <http://russian.china.org.cn>
2. Дай Бинго. Неуклонно идти по пути мирного развития. URL: <http://saint-petersburg.china-consulate.org>
3. Китайский дипломат утверждает, что стратегия Таможенного союза не противоречит Экономическому поясу Шёлкового пути. URL: <http://www.polit.kg/conference>

Imanaliyev Muratbek S. Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Kyrgyz Republic n.a. K. Dikambaev (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: i.muratbek@mail.ru

Dzhorobekova Ainur E. Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Kyrgyz Republic n.a. K. Dikambaev (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: gonduras1967@mail.ru

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF KYRGYZSTAN AND CHINA RELATIONS IN LIGHT OF XI JINPING'S INITIATIVE ON THE JOINT CONSTRUCTION OF THE SILK ROAD ECONOMIC BELT

Keywords: Silk Road economic belt; Kyrgyzstan; China; SCO; Eurasian Economic Union; Central Asia.

The aim of the research is to justify the need to develop a new concept of cooperation between Kyrgyzstan and China in the light of the joint construction of the "Silk Road Economic belt" and to formulate recommendations on the need to establish the Kyrgyz – Chinese chamber of Commerce and investment, scientific and expert sinological "school" and specialized units in government structures and public organizations that will professionally deal with Chinese problems. The paper also analyzes the conceptual and scientific approach to assessing China's place in the structure of Kyrgyzstan's foreign policy and Kyrgyzstan's place in China's global and regional strategy.

The research reached the following conclusions. In cooperation with neighboring countries, China will move in four important directions: the preservation of traditional proximity and friendship; fidelity to one's word in front of China's neighbors; achieving mutual benefits; ensuring a tolerant and inclusive development.

China and Kyrgyzstan should be aware that only constructive and mutually beneficial joint activities of all countries located along the Silk Road will achieve the objectives set out in the concept of Chinese President Xi Jinping. The issue of a multilateral strategy is being addressed within the framework of the need to link or harmonize the areas of economic cooperation between the Eurasian economic community and the Silk Road Economic belt. The most important tool of harmonization will be the Shanghai cooperation organization, whose activities need to give greater dynamism, scale and new quality, and the activity and creative approach to the solution of these problems in Kyrgyzstan and China should be almost the same level of commitment, practical contribution and effectiveness.

As recommendations it should be noted the active use of the joint idea of President of Russia V. Putin and President of the PRC Xi Jinping on the connection of the Eurasian Economic Union and the "Silk Road Economic belt", the creation of the inter – parliamentary group "Zhogorku Kenesh – SNP SUAR PRC", stimulation of the "project approach" of Kyrgyzstan to cooperation with China in order to strengthen the "partner-partner" format in order to avoid the format "donor-recipient".

REFERENCES

1. Li K. (2015) *Doklad o vypolnenii plana ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya za 2014 god i proekte plana na 2015 god*, kotoryy byl predstavlen Gosudarstvennym komitetom KNR po razvitiyu i reforme 5 marta 2015 goda na 3-y sessii VSNP 12-go sozyva [Report on the implementation of the plan for economic and social development for 2014 and the draft plan for 2015, presented by the State Committee of China on Development and Reform on March 3, 2015 at the Third Session of the 12th National People's Congress]. [Online] Available from: <http://russian.china.org.cn>.
2. Day Bingo. (n.d.) *Neuklonno idti po puti mirnogo razvitiya* [Steadily following the path of peaceful development]. [Online] Available from: <http://saint-petersburg.china-consulate.org>.
3. Polit.kg. (2014) *Kitayskiy diplomat utverzhdaet, chto strategiya Tamozhennogo soyuza ne protivorechit Ekonomicheskomu poyasu Shelkovogo puti* [The Chinese diplomat asserts that the strategy of the Customs Union does not contradict the Economic Belt of the Silk Road]. [Online] Available from: <http://www.polit.kg/conference>.

УДК 94 (410):327
DOI: 10.17223/19988613/52/8

А.Е. Морозова

ВОПРОС БРЕКСИТА В ПРЕДВЫБОРНОЙ РИТОРИКЕ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ИХ ЛИДЕРОВ НАКАНУНЕ ДОСРОЧНЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 8 ИЮНЯ 2017 г.

Даются определение и происхождение слова «Брексит». Рассматриваются причины, побудившие премьер-министра Великобритании Терезу Мей объявить о досрочных парламентских выборах в 2017 г., а также предвыборная ситуация в основных политических партиях Великобритании в отношении Брексита. Анализируются манифесты политических партий по вопросу Брексита, опросы общественных мнений о поддержке этих партий. Делается вывод о предполагаемом исходе ближайших парламентских выборов в Великобритании.

Ключевые слова: Брексит; досрочные британские парламентские выборы 2017 г.; британские политические партии.

Выход Великобритании из Евросоюза может стать одним из важных событий современной истории. К нему относятся неоднозначно как за пределами Великобритании, так и в самой стране. Сокращение Brexit, или Брексит (слово, которое стали использовать в русскоязычных источниках), происходит от сочетания английских слов Britain – Британия и Exit – выход – выход Великобритании из Европейского союза (ЕС) – главная политическая цель консервативной оппозиции, а также националистов и евроскептиков в Великобритании. Оксфордский английский словарь приписывает авторство Питеру Уилдингу – основателю и директору британского аналитического центра «Влияние», который проводил кампанию за то, чтобы Великобритания осталась в ЕС на референдуме в июне 2016 г. Он написал о «Brexit» в мае 2012 г., за восемь месяцев до того, как тогдашний премьер-министр Дэвид Камерон объявил, что будет проводить референдум [1].

Одной из причин досрочных выборов стало то, что на переговорах по Брекситу намечилось затишье до выборов нового немецкого правительства осенью 2017 г. Поэтому у Т. Мей появилось «окно», и премьер-министр хотела использовать данный шанс, и сделать это до сентября 2017 г. [2].

Данные опросов о намерениях британцев, проведенные YouGov/Times 5–6 апреля 2017 г., показали, что консервативная партия может рассчитывать на 42%, в то время как Лейбористская партия – на 25%, отдавая Тори 17 пунктов. Либеральные демократы поддерживают 11% избирателей, UKIP – 11% (по сравнению с 10% на прошлой неделе), за другие партии – 11%. Терезу Мей в качестве Премьер-министра поддерживают 49% избирателей, а Джереми Корбина – лидера Лейбористской партии – 16%, 35% голосовавших пока не определились со своим выбором [3].

18 апреля 2017 г. Тереза Мей призвала к проведению досрочных парламентских выборов. Таким образом, г-жа премьер-министр нарушила ранее данное обещание не проводить досрочные выборы, и этот шаг можно расценить как эксплуатацию ее популярности

для того, чтобы получить больше мест в парламенте. Подавляющим большинством голосов – 522 против 13, британские законодатели согласились провести выборы 8 июня 2017 г. по требованию премьер-министра, которая надеется усилить свою парламентскую поддержку, заручиться мощной поддержкой избирателей, дабы укрепить собственную позицию на переговорах с ЕС [4].

Первые данные опросов YouGov/Times, проведенные после призыва Терезы Мей к досрочным выборам, показали существенное увеличение голосов в пользу Консервативной партии (48%), которая поднялась на четыре пункта. Лейбористская партия тем временем могла рассчитывать на 24%, уступая Тори 24 пункта. Эти результаты представляют собой самую высокую поддержку консерваторов с мая 2008 г., и также самое сильное лидерство для Тори начиная с того периода [5].

Нынешняя правящая партия – консерваторы (Тори), возглавляемая сейчас премьер-министром Терезой Мей, считается партией правоцентристского крыла. Большая часть членов парламента Тори поддерживало позицию «остаться», а не «уйти» на референдуме 2016 г., но сегодня их позиции поменялись – они стали поддерживать британский выход из ЕС. В феврале 2017 г. был только один голос против того, чтобы правительство запустило двухгодичный процесс по Брекситу на основании ст. 50 Лиссабонского договора (ст. 50 описывает процесс, посредством которого государства-члены могут выйти из Европейского союза) [6].

В предисловии к манифесту Консервативной партии, опубликованному 18 мая 2017 г., Т. Мей написала: «Следующие пять лет являются самыми стимулирующими, с которым Великобритания столкнулась за всю мою жизнь. Брексит определит наше место в мире, нашу экономическую безопасность и наше будущее процветание. Именно сейчас Великобритания нуждается в сильном и устойчивом правительстве, чтобы добиться лучшего соглашения по Брекситу для нашей страны и ее людей. Теперь более чем когда-либо Великобритания нуждается в сильном и устойчивом лидер-

стве, чтобы максимально использовать возможности, которые Брексит принесёт для трудолюбивых семей. Теперь более чем когда-либо Великобритания нуждается в ясном плане. Этот манифест рассказывает, как справиться с большими проблемами нашего времени. С этим планом и сильной рукой с помощью Брексита, мы построим более сильную, более справедливую, более преуспевающую Великобританию для всех нас» [6].

В манифесте партии консерваторов о Брексите говорится как одной из главных пяти проблем. «Мы должны провести процесс выхода из ЕС гладко и упорядочено и остаться в хороших отношениях с нашими друзьями и союзниками по всей Европе. В сферах внутренней и внешней политики практически не существует различий в вопросах миграции, национальной безопасности и экономики – Великобритания должна оставаться сильной и единой, чтобы отстаивать свои интересы» [7].

Консервативная партия подтвердила план по Брекситу, чем вызвала жесткую критику политических оппонентов: «отсутствие соглашения по Брекситу лучше, чем плохое соглашение» и «сейчас не время для повторного референдума о независимости Шотландии». Несмотря на то что «Брексит означает Брексит», в манифесте оговаривается, что Великобритания может быть заинтересована в сохранении участия в некоторых европейских программах после выхода из ЕС и готова заплатить за это.

«Покидая Европейский союз, мы перестаем быть членом единого рынка и таможенного союза, но мы будем добиваться глубокого особого партнерства, которое выразится в полноценном соглашении о свободной торговле. Могут быть специальные программы ЕС, в которых мы захотим участвовать, и, если так, будет разумным вносить свой вклад» [7], – говорится в манифесте. Но руководство ЕС уже не раз предупреждало Великобританию о том, что не допустит избирательного подхода в вопросе Брексит, т.е. британцы не имеют права выбирать, в каких программах ЕС они смогут участвовать, а в каких – нет [8].

Проблема всех остальных партий в том, что электорат в основном уважает (хотя и необязательно любит) Терезу Мэй, больше других доверяет консерваторам в экономических вопросах и верит в то, что соглашение по Брекситу будет как минимум приемлемым. Терезу Мэй призвала избирателей голосовать 8 июня за консерваторов, потому что чем больше британцев поддержит правящую партию, тем увереннее будет чувствовать себя правительство Тори на предстоящих переговорах с ЕС. По данным опроса YouGov на 19 мая 2017 г. партия госпожи Мэй может рассчитывать на 44% голосов, лейбористы – на 35%, Либерал-демократическая партия – 9%, Партия независимости – 3% [9].

Опросы общественного мнения предполагают, что правящие консерваторы одержат сокрушительную победу.

Большинство членов парламента от Лейбористской партии поддержало позицию «остаться» перед рефе-

рендумом 2016 г., но в феврале большинство партии проголосовали за применение ст. 50 Лиссабонского договора. С 2015 г. партию возглавляет Джереми Корбин – самый крайне «левый» глава лейбористов до сего момента. Коллеги по партии неоднократно пытались сместить его с этого поста, однако Дж. Корбин остаётся «непотопляем».

Аналитики уже давно говорят о возможном расколе Лейбористской партии на две группы: непримиримых «левых», которые в результате поражения уйдут на дальнюю периферию политического поля, и более умеренных центристов, которые получают поддержку и составят консерваторам серьезную конкуренцию на следующих выборах. Тим Бэйл – политолог, профессор Лондонского университета королевы Марии, считает, что, если глава лейбористов не уйдет, начнутся проблемы. Разрыв между простыми членами партии и ее представителями в парламенте слишком большой. Возникает вероятность, что некоторые лейбористы могут начать формировать собственную партию. Произойдет раскол или нет, зависит от того, будет ли Дж. Корбин цепляться за пост лидера после поражения на выборах. Или он может уйти, но оставить наследника левых взглядов, что тоже может привести к расколу Лейбористской партии [10].

9 мая 2017 г. Дж. Корбин заявил прессе, что останется лидером, вне зависимости от полученных голосов [11]. Международное агентство ORB провело опрос для газеты «Телеграф» по вопросу «Должна ли «Лейбористская партия прежде расколоться, и группа должна формировать новую партию, если лейбористы не выигрывают на этих выборах?». Из 500 участников, которые проголосовали за Лейбористскую партию на Всеобщих парламентских выборах 2015 г., 39% были против этого, 36% или не определились или поддержали другой выбор. Таким образом, опрос показал, что каждый четвертый сторонник Лейбористской партии хочет, чтобы партия раскололась, если она проиграет на Всеобщих парламентских выборах [12].

Дж. Корбин заявил в прессе после запуска официальной кампании по проведению Всеобщих выборов Лейбористской партии в Манчестере, что проблема Брексита непосредственно «была улажена», и обрисовал в общих чертах пункты, по которым продолжиться работа после «развода» Великобритании с Европейским союзом. «Главная цель этих выборов – не Брексит непосредственно, эта проблема была улажена. Вопрос теперь состоит в том, какой Брексит мы хотим, и какую страну мы хотим. Лейбористская партия хочет провести такой Брексит, который сохранит будущее британских жизненно важных отраслей промышленности», – объявил он [11].

Согласно манифесту лейбористов по вопросу Брексита, партия собирается: пересмотреть «Белую книгу» о Брексите и заменить её с целью ведения переговоров с «акцентом на единый рынок и таможенное объединение»; немедленно гарантировать права граждан ЕС,

живущих в Великобритании; заменить «Великий билль об отмене» на «Билль ЕС о правах и защите», который гарантирует права рабочих и защиту среды; не отклонять «соглашения» с Европейским союзом как жизнеспособный вариант [13].

Все члены парламента от либерал-демократов поддерживали пребывание в ЕС, и семь из девяти проголосовали против введения в действие ст. 50 Лиссабонского договора, двое воздержались [7]. Либерал-демократическая партия – это самая проевропейски настроенная из основных британских партий, возглавляемая Тимом Фарроном. В 2010 г. либерал-демократы образовали коалиционное правительство с консерваторами, чем навлекли на себя гнев своих избирателей, как результат – потеря голосов на последних парламентских выборах. Однако недавние размолвки внутри партии лейбористов помогли либерал-демократам восстановить некоторую популярность. На данный момент – это самая центристская партия из всех, поскольку консерваторы становятся всё более «правыми», а лейбористы, напротив, «левеют». Либерал-демократы в состоянии отобрать у консерваторов несколько мест, главным образом потому, что только либерал-демократы сегодня представляют в парламенте сторонников «европейского выбора» – тех, кто голосовал против выхода из ЕС. Однако для многих избирателей, особенно в «левой» части спектра, либеральные демократы по-прежнему остаются в «черных списках» из-за участия в коалиции с консерваторами в 2010–2015 гг. Если в Лейбористской партии произойдет раскол, а либеральные демократы покажут приличные результаты на местных выборах (они состоятся до парламентских), то на волне этого успеха они могут даже поспорить с лейбористами за второе место, как это бывало на выборах в 1980-х гг. [10].

Либерал-демократы обещают провести повторный референдум касательно Брексита, причём сама партия будет активно агитировать за сохранение членства в Евросоюзе. Т. Фаррон выступает против «жёсткого Брексита», рассчитывая сохранить доступ к Единому европейскому рынку. Согласно манифесту, либеральные демократы проводили кампанию за то, чтобы Великобритания осталась в ЕС. Однако они признают результат референдума 2016 г., который дал правительству мандат начать переговоры, чтобы уйти. Решение остаться или покинуть Европейский союз, тем не менее, было простым для Великобритании. В избирательном бюллетене не было ни возможности выбрать форму будущих отношений с ЕС, ни решения жизненных проблем включая торговлю, путешествие или безопасность.

Во время переговоров по выходу из ЕС либерал-демократы используют всю свою силу в парламенте, чтобы потребовать оставить Великобританию настолько близко к Европе, насколько это возможно. Их приоритеты будут включать: защиту прав граждан ЕС и британских граждан; членство в едином рынке и тамо-

женном объединение. Они считают, что ЕС должен гарантировать, что торговля продолжится без таможенного контроля на границе, и поддержать членство Великобритании в Едином рынке, который обеспечивает общий механизм, гарантирующий соблюдение правил [14].

Единственной политической силой, которая не просто придерживалась откровенной антиевропейской позиции, но и построила на ней свою программу, была Партия независимости Соединенного Королевства (UKIP). Она была основана в 1991 г. рядом университетских интеллектуалов и общественных деятелей, выступавших против Маастрихтского договора. В течение 15 лет UKIP чаще привлекала внимание таблоидов, чем ведущих политиков и серьезных экспертов. Так продолжалось вплоть до 2006 г., когда лидером партии стал харизматичный Найджел Фарадж. Успех UKIP (партия успешно провела несколько региональных кампаний, а в 2014 г. на выборах в Европарламент опередила все три основные британские партии, набрав 28% голосов) спровоцировал многочисленные расколы как среди консерваторов, так и лейбористов. В итоге произошло усиление позиций более «правых» и «левых» фракций, лидерами которых стали Борис Джонсон и Джереми Корбин соответственно [15].

Лозунг Н. Фараджа во время кампании по выходу Великобритании из Европейского союза – «Я хочу свою страну назад». «Если мы выйдем из ЕС, назад мы уже не вернемся. Оставляя Европейский союз, мы берем судьбу в свои руки» – заявил Н. Фараж [16]. Н. Фараж также известен своими резкими и зачастую скандальными выступлениями в Европарламенте, критикующими евроинтеграцию в рамках ЕС и зоны евро. Однако 4 июля 2016 г. он ушел с поста лидера партии UKIP, заявив, что выполнил свои политические стремления после успешного проведения кампании за выход Великобритании из ЕС и теперь пришло время отдохнуть [17]. Нынешний лидер UKIP Пол Наттолл поклялся «держаться под контролем» процесс Брексита и надеется забрать у Лейбористской партии голоса тех избирателей, которые поддерживали выход из ЕС. Но при формально начатом процессе по выходу из ЕС, будет ли данное обещание иметь большой успех?

Пол Наттолл пообещал издать манифест UKIP 25 мая 2017 г., в то время как другие стороны вернулись к местной агитации и раздаче листовки после дня «тишины» в четверг 25 мая 2017 г. из-за трагедии в Манчестере. Согласно манифесту UKIP по вопросу о Брексите, флаги ЕС будут запрещены на всех британских общественных зданиях после завершения процесса Брексита; 23 июня назовут Днем независимости и сделают выходным днем; правительство не должно оплачивать счета за «развод» с ЕС; необходимо восстановить синий британский паспорт [18].

54 члена парламента Шотландской национальной партии (SNP) голосовали против введения в действие ст. 50 Лиссабонского договора и, как ожидается, про-

должат свою красноречивую оппозицию по вопросу Брексита в парламенте нового созыва [6]. Лидер партии SNP, она же первый министр Шотландии Никола Стёрджен, выступает за наделение Шотландии особым статусом после Брексита, подразумевающим, что та останется частью единого рынка. Н. Стёрджен также агитирует за повторный референдум о независимости Шотландии еще до подписания соглашения об условиях Брексита. По последним данным опроса о намерениях шотландских избирателей, проведенного YouGov/Times, за SNP готовы голосовать 42% (в конце апреля 41%), за консерваторов – 29% (по сравнению с 28%), за лейбористскую партию – 19% (в конце апреля 18%), за либерал-демократов – 6% (в конце апреля 7%), за другие партии – 3% (по сравнению с 6%) [19].

На предвыборные расклады, впрочем, еще может повлиять и бывший премьер-министр лейборист Тони Блэр (1997–2007 гг.). В воскресенье в интервью газете *The Daily Mirror* он выступил с новостью о возвращении в большую политику – он не может оставаться в стороне на фоне происходящих исторических событий. Выступая против Брексита, г-н Блэр отмечает, что не готов «игнорировать волю народа». Но оговаривается: узнав в дальнейшем все условия «развода» с ЕС, свое мнение о Брексите британцы еще могут скорректировать. Блэр убеждает избирателей поддержать кандидатов от любой партии, которая выступает против Брексита, и скорее всего проведет кампанию с либерал-демократами на выборах [20].

Либерально-демократические источники подтвердили, что г-н Блэр, который выиграл на трех Всеобщих парламентских выборах как лидер Лейбористской партии, и г-н Фаррон могли бы объединить силы, чтобы их проевропейский союз мог вмешаться в

предвыборную кампанию. Критикуя «истощение лейбористской партии», в которой не осталось эффективной оппозиции, он настаивает: «Одна неопровержимая особенность политики сегодня – склонность к восстанию» [20]. Тем временем только 12% избирателей хотят видеть Тони Блэра, а приблизительно 70% не хотят его возвращения [20].

Если посмотреть на рис. 1, можно отметить, что на 22 мая 2017 г. партия консерваторов продолжает значительно лидировать.

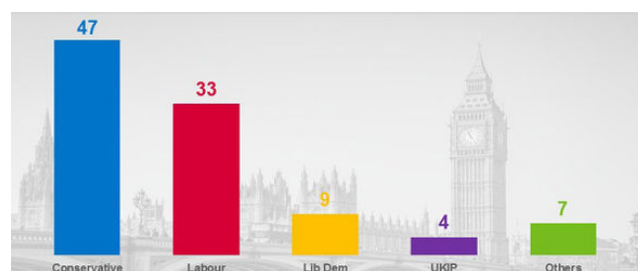

Рис. 1. Всеобщие выборы [21]

Подводя итог, очевидно, что на предстоящих выборах победят консерваторы и, следовательно, именно их программа и будет положена в основу будущего Великобритании. А значит, у Т. Мей будет несколько лет между заключением соглашения по ст. 50 Лиссабонского договора и следующими Всеобщими парламентскими выборами в Великобритании. Вероятнее всего, она сможет договориться о новых отношениях между Великобританией и ЕС. С политической точки зрения, победа на предстоящих парламентских выборах 8 июня 2017 г. переходный период по Брекситу сделает довольно надежным до 2022 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Moseley T. The rise of the word Brexit // Британская корпорация BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-37896977> (дата обращения: 29.05.2017).
2. J. The five risks that Theresa May has taken by her early election // *The Spectator*. 22 April 2017. URL: <https://www.spectator.co.uk/2017/04/theresas-party-tricks/> (дата обращения: 29.05.2017).
3. Voting Intention: Conservatives 42%, Labour 25% (5–6 Apr.) // YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/04/11/voting-intention-conservatives-42-labour-25-5-6-ap/> (дата обращения: 29.05.2017).
4. Castle S. U.K. Parliament Approves Theresa May's General Election Call // Британская корпорация BBC. URL: https://www.nytimes.com/2017/04/19/world/europe/uk-general-election.html?_r=0 (дата обращения: 29.05.2017).
5. Voting Intention: Conservatives 48%, Labour 24% (18–19 Apr.) // YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/04/20/voting-intention-conservatives-48-labour-24-18-19-/> (дата обращения: 29.05.2017).
6. General election 2017: Where UK's parties stand on Brexit // Британская корпорация BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-39665835> (дата обращения: 29.05.2017).
7. Forward together: our plan for a stronger Britain and prosperous future. The conservative manifesto // Сайт Консервативной партии Великобритании. URL: <http://www.conservatives.com/manifesto> (дата обращения: 29.05.2017).
8. Stern J. Ahead of EU Brexit summit, Merkel takes tough stance on UK // *World Socialist Website*. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2017/04/29/merk-a29.html> (дата обращения: 29.05.2017).
9. Voting Intention: Conservatives 44%, Labour 35% (18–19 May) // YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/05/19/voting-intention-conservatives-44-labour-35-18-19-/> (дата обращения: 29.05.2017).
10. BBC: Гамбит Терезы Мэй. Что принесут Британии досрочные выборы? // Центр актуальной политики. URL: <http://actualpolitics.ru/article/15048> (дата обращения: 29.05.2017).
11. Brexit questioned as labour launches UK election campaign // Сайт EURONEWS. 09/05/2017. URL: <http://www.euronews.com/2017/05/09/brexit-questioned-as-labour-launches-uk-election-campaign> (дата обращения: 29.05.2017).
12. Riley-Smith B., Scott P. Exclusive Telegraph ORB poll: One in four Labour voters back a split if party loses election // *Telegraph*. May 20 2017. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/05/20/exclusive-telegraph-orb-poll-one-four-labour-voters-back-split/> (дата обращения: 29.05.2017).
13. Negotiating brexit. A manifesto for a better, fairer Britain. The labour party manifesto 2017 // Сайт лейбористской партии Великобритании. URL: <http://www.labour.org.uk/index.php/manifesto2017/brexit> (дата обращения: 29.05.2017).

14. Change Britain's future. liberal democrat manifesto 2017 // Манифест Либерально-демократической партии Великобритании. URL: <http://d3n8a8pro7vhm.cloudfront.net/themes/5909d4366ad575794c000000/attachments/original/1495020157/Manifesto-Final.pdf?1495020157> (дата обращения: 29.05.2017).
15. Каневский П. После «Брексит»: неопределенная новая реальность // Российский совет по международным делам. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posle-breksit-neopredelennaya-novaya-realnost/> (дата обращения: 29.05.2017).
16. Европейский союз играет с огнем и тысячами жизней украинцев // Агентство Lenta.ru. 23 июня 2016. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/06/23/nigelspeaking/> (дата обращения: 29.05.2017).
17. Mason R., Booth R., Gentleman A. Nigel Farage resigns as Ukip leader after 'achieving political ambition' of Brexit // The Guardian. Monday 4 July 2016. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jul/04/nigel-farage-resigns-as-ukip-leader> (дата обращения: 29.05.2017).
18. Britain Together: The UKIP 2017 General Election Manifesto. URL: <http://www.ukip.org/manifesto2017>
19. Voting intention (Scotland): SNP 42%, Con 29%, Lab 19% (15–18 May) // YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/05/18/voting-intention-scotland-snp-42-con-29-lab-19-15/> (дата обращения: 29.05.2017).
20. Hope Ch., Maidment J. Tony Blair urges voters to back any candidate who opposes Brexit amid speculation that he will campaign with the Liberal Democrats // Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/04/18/tony-blair-could-share-pro-eu-stage-tim-farron-election-campaign/> (дата обращения: 29.05.2017).
21. URL: <http://www.express.co.uk/news/politics/807359/Election-2017-UK-news-updates-General-Election-polls-Conservatives-Labour-Theresa-May-poll>

Morozova Anna E. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ann.morozo@yandex.ru

QUESTION OF BREXIT IN PRE-ELECTION RHETORIC OF THE BRITISH POLITICAL PARTIES AND THEIR LEADERS ON THE EVE OF SNAP PARLIAMENTARY ELECTIONS ON JUNE 8 2017.

Keywords: Brexit; British snap parliament elections 2017; British political parties.

The article aims to forecast the possible results of the snap general elections in the UK in 2017. As the topic is current, the author mainly used different newspapers, BBC's publication, Euro news and polls made by YouGov, which is an international Internet-based market research firm, headquartered in the UK, etc.

Brexit is an abbreviation for "British exit", referring to the UK's decision in a June 23, 2016 referendum to leave the European Union (EU).

British Prime Minister, Theresa May, used two things: brake in the negotiation process on Brexit until a new German government's election in autumn and her great popularity in the country to declare about a new snap parliament elections. Polls showed that 49% of voters support her. Many her supporters think that this time they have to support Theresa May to secure Brexit.

Therefore, it is suitable moment to start a new election campaign to get more places in the British parliament. It is in its turn will help her to settle Brexit problem as she wishes.

The Conservative party published its manifesto, which supports the idea to save close relation with the EU and even keep their participation in the definite European programs (However, according to reaction of different EU authorities it is impossible). Therefore, 44% of voters support it according to YouGov polls.

As for the Labour party, its head - Jeremy Corbyn has served as Leader of the Labour Party and Leader of the Opposition since September 12 2015. He considers that the Brexit issue has been already settled and a new parliament election has another aims. His position evoked many problems as not all his party members support it. That is why some analysts predict the split of his party. Nevertheless, Jeremy Corbyn does not want to change his position even if Labour loose next elections. According to YouGov polls – 33% of Britons support the Labour party.

At present the Liberal Democratic party is a centrist party as Conservatives become more and more "right", and Labours, on the contrary, "shift to the left". The Leader of this party – Mr. Farron declared that the public had the choice to "change Britain's future", although he accepted the result of last year's EU referendum, he still believed the UK would be "better off and safer" within the EU.

Talking about Brexit it is impossible not to mention about the UK independent party (UKIP), which policy has always been built on British leaving from the EU. Nigel Farage has resigned as leader of UKIP, saying he had fulfilled his political ambitions after successfully campaigning for the UK to vote for Brexit and that it was time for him to take a rest. New Leader - Paul Nuttall tries to attract votes of those who disappointed in Labour party policy and wanted to leave the EU. However, such tactics is not actual right now.

In conclusion, we may say that it is obvious that Conservative party is going to win next election and Theresa May will use the period till next elections to try to negotiate Brexit's conditions, which she wants, because of great support in the parliament and in the country!

REFERENCES

1. Moseley, T. (2016) *The rise of the word Brexit*. [Online] Available from: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-37896977>. (Accessed: 29th May 2017)
2. Forsyth, J. (2017) *The five risks that Theresa May has taken by her early election*. [Online] Available from: <https://www.spectator.co.uk/2017/04/theresas-party-tricks/>. (Accessed: 29th May 2017)
3. Smith, M. (2017a) *Voting Intention: Conservatives 42%, Labour 25% (5-6 Apr)*. [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/news/2017/04/11/voting-intention-conservatives-42-labour-25-5-6-ap/>. (Accessed: 29th May 2017).
4. Castle, S. (2017) *U.K. Parliament Approves Theresa May's General Election Call*. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2017/04/19/world/europe/uk-general-election.html?_r=0. (Accessed: 29th May 2017).
5. Smith, M. (2017b) *Voting Intention: Conservatives 48%, Labour 24% (18-19 Apr)*. [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/news/2017/04/20/voting-intention-conservatives-48-labour-24-18-19-1/>. (Accessed: 29th May 2017).
6. BBC. (2017) *General election 2017: Where UK's parties stand on Brexit*. [Online] Available from: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-39665835>. (Accessed: 29th May 2017).
7. Conservative Party of Great Britain. (n.d.) *Forward together: our plan for a stronger Britain and prosperous future. The conservative manifesto*. [Online] Available from: <http://www.conservatives.com/manifesto>. (Accessed: 29th May 2017).
8. Stern, J. (2017) *Ahead of EU Brexit summit, Merkel takes tough stance on UK*. [Online] Available from: <https://www.wsj.org/en/articles/2017/04/29/merk-a29.html>. (Accessed: 29th May 2017).
9. Smith, M. (2017c) *Voting Intention: Conservatives 44%, Labour 35% (18-19 May)*. [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/news/2017/05/19/voting-intention-conservatives-44-labour-35-18-19-1/>. (Accessed: 29th May 2017).
10. BBC. (2017) *Gambit Terezy Mey. Chto prinesut Britanii dosrochnye vybory?* [Theresa May's Gambit. What will the early elections bring to Britain?]. [Online] Available from: <http://actualpolitics.ru/article/15048>. (Accessed: 29th May 2017).

11. Euronews. (2017) Brexit questioned as labour launches UK election campaign. [Online] Available from: <http://www.euronews.com/2017/05/09/brexit-questioned-as-labour-launches-uk-election-campaign>. (Accessed: 29th May 2017).
12. Riley-Smith, B. & Scott, P. (2017) Exclusive Telegraph ORB poll: One in four Labour voters back a split if party loses election. *Telegraph*. May 20, 2017. [Online] Available from: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/05/20/exclusive-telegraph-orb-poll-one-four-labour-voters-back-split/>. (Accessed: 29th May 2017).
13. British Labour Party. (2017) *Negotiating brexit. A manifesto for a better, fairer Britain. The labour party manifesto 2017*. [Online] Available from: <http://www.labour.org.uk/index.php/manifesto2017/brexit>. (Accessed: 29th May 2017).
14. Liberal Democratic Party of Great Britain. (2017) *Change Britain's future. Liberal democrat manifesto 2017*. [Online] Available from: <http://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/themes/5909d4366ad575794c000000/attachments/original/1495020157/Manifesto-Final.pdf?1495020157>. (Accessed: 29th May 2017).
15. Kanevskiy, P. (n.d.) *Posle "Breksit": neopredelennaya novaya real'nost'* [After "Brexit": an uncertain new reality]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posle-breksit-neopredelennaya-novaya-realnost/>. (Accessed: 29th May 2017).
16. Farage, N. (2016) *Evropeyskiy soyuz igraet s ognem i tysyachami zhizney ukrainsev* [The European Union is playing with fire and thousands of lives of Ukrainians]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2016/06/23/nigelspeaking/>. (Accessed: 29th May 2017).
17. Mason, R., Booth, R. & Gentleman, A. (2016) *Nigel Farage resigns as Ukip leader after 'achieving political ambition' of Brexit*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jul/04/nigel-farage-resigns-as-ukip-leader>. (Accessed: 29th May 2017).
18. UKIP. (2017) *Britain Together: The UKIP 2017 General Election Manifesto*. [Online] Available from: <http://www.ukip.org/manifesto2017>.
19. Smith, M. (2017d) *Voting intention (Scotland): SNP 42%, Con 29%, Lab 19% (15-18 May)*. [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/news/2017/05/18/voting-intention-scotland-snp-42-con-29-lab-19-15-/>. (Accessed: 29th May 2017).
20. Hope, Ch. & Maidment, J. (2017) *Tony Blair urges voters to back any candidate who opposes Brexit amid speculation that he will campaign with the Liberal Democrats*. [Online] Available from: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/04/18/tony-blair-could-share-pro-eu-stage-tim-farron-election-campaign/>. (Accessed: 29th May 2017).
21. Available from: <http://www.express.co.uk/news/politics/807359/Election-2017-UK-news-updates-General-Election-polls-Conservatives-Labour-Theresa-May-poll>

М.В. Подрезов

СУЩНОСТЬ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ (1990–2000-е гг.)

Исследуется исламский фундаментализм: понятие, истоки, сущность. Анализируются современные достижения российских и зарубежных востоковедов и политологов в этом направлении. Характеризуются этапы развития исламского фундаментализма и сопровождавшие их проблемы, в частности исламское Возрождение, которое началось в 1970-х гг. и достигло своей кульминации в 2000-е гг. на территории не только исламских, но и христианских государств. Сделана попытка выявления доктринальных корней и причин усиления роли исламских фундаментальных движений и течений в Средней Азии.

Ключевые слова: ислам; исламский фундаментализм; исламское течение; исламское движение; исламское Возрождение.

Понятие «фундаментализм» свойственно не только исламской религии. Им обозначают процессы и в ряде других конфессиональных течений: индуизме, сионизме, христианстве. Изначально термин «фундаментализм» относился именно к христианству. Идеи фундаментализма распространены в Центральной и Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, США и Европе, т.е. фактически повсеместно [1. С. 5; 2. С. 66]. В данном случае нас интересует исключительно исламский фундаментализм в рамках Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Центральной Азии.

В последние годы в российской историографии все чаще отказываются от понятия «исламский фундаментализм» в контексте заявленной проблемы, видя ему замену в более точном – «ас-салафийя» (от араб. «предки, предшественники»). Данный термин применим ко всем фундаменталистским течениям в исламе. Для западной историографии термин «исламский фундаментализм» остается приемлемым.

Проблема использования термина «фундаментализм» применительно к исламу заключается в том, что изначально он относился к тем христианским движениям и течениям, для которых характерно обновление (здесь синонимом выступает термин «ревизионизм») [1. С. 5]. Термин «ас-салафийя», напротив, в буквальном переводе имеет смысл, который заключается в процессе, направленном на прошлое, на очищение ислама от накопившихся и устоявшихся элементов.

Значение термина «фундаментализм» варьируется у разных авторов. На наш взгляд, наиболее универсальной и понятной является трактовка, которую дал известный востоковед и политолог Г.И. Мирский. Фундаментализм, по его мнению, это реакция мусульманского народа на возвращение к первоначальным нормам, т.е. к «чистому исламу», которые могут спасти их народы, их идентичность и духовные ценности от разрушительного влияния «растленной и аморальной западной цивилизации» [3. С. 12]. Подобная реакция имеет место только в случае, когда затрагиваются основы той или иной цивилизации, после чего появляются идеи, призывающие вернуться к истокам, первоначальной чистоте и самобытности.

Для западных исследователей чаще всего характерно упрощение значения данного термина. Типичным примером подобного толкования служит определение, приведенное в Оксфордской энциклопедии. «Исламский фундаментализм – это система убеждений, согласно которой возрождение исламского общества возможно только на пути возвращения к основополагающим принципам и практике раннего ислама» [4. С. 150]. Одно из определений, принадлежащих перу западных специалистов, можно обнаружить в работе американского геополитика С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». По его мнению, фундаменталистские движения – это способ справиться с хаосом, потерей прочных социальных структур, идентичности и смысла, которые вызваны стремительным насаждением современных социальных и политических моделей, атеизма, научной культуры и экономического прогресса [5. С. 144].

В настоящее время термин «фундаментализм» ассоциируется, прежде всего, с «исламским фундаментализмом». Это связано с тем, что данная проблема уже несколько десятилетий является одной из ведущих в системе международных отношений и, по прогнозам ряда специалистов, станет ключевой в истории XXI столетия. К ней относится не только террористическая деятельность группировок и организаций, но и непринятие чуждых для ислама идей. В частности, главным противостоянием фундаменталистского течения являются интеллектуальные движения внутри исламского мира, на формирование которых значительное влияние оказывают идеи Запада. Относительно сущности этого явления следует отметить взгляд Г.И. Мирского, который определяет фундаменталистов как мусульман, призывающих общество вернуться к «золотому веку», когда господствовал чистый и незапятнанный ислам, а благочестивые правители жили в строгом соответствии с нормами Корана и Сунны [6. С. 125].

Ряд отечественных специалистов, в частности В.В. Наумкин, считают, что более верным обозначением данного процесса является термин «салафизм» (от араб. «ас-салаф ас-салих» – «праведные предки»). Именно он, по мнению В.В. Наумкина, должен употребляться для обозначения всех фундаменталистских

течений в исламском мире. Одним из преимуществ такого употребления является то, что салафизм, в отличие от фундаментализма, характерен только для исламской религии. Внутри салафизма он выделяет джихадский, неджихадский, обновленческий, консервативный и другие типы [1. С. 7].

Российский востоковед К.И. Поляков выделяет ряд характерных черт, присущих исламскому фундаментализму. Во-первых, обращение к истокам ислама в целях перестройки общественной жизни на основе базовых ценностей. Во-вторых, активные действия, направленные на установление исламской власти («хакимии»), а также на приведение законодательства страны в соответствии с Кораном и Суннами. Продвижение норм морали времен Пророка и первых четырех халифов (Абу-Бакр, Омар, Осман, Али), их идеализация, мифологизация и внедрение во все сферы общественной жизни. В-третьих, «исламская революция» – более или менее радикальный характер политических, социально-экономических преобразований, которые проводятся в соответствии с идеологической установкой. В-четвертых, проведение активного внешнеполитического курса, который направлен на достижение единства с фундаменталистскими движениями в других странах. Продвижение идей «исламского возрождения» в мировом масштабе [7. С. 14].

Исламский фундаментализм в Средней Азии обладает рядом отличительных особенностей, связанных, в первую очередь, с присутствием данного региона в составе Советского Союза в XX в. Несмотря на длительное противодействие исламу, в 1980–1990-х гг. с небольшим опозданием от традиционных центров распространения исламского фундаментализма здесь происходит настоящий взрыв, получивший название «исламское Возрождение».

Среди российских востоковедов популярным является мнение С.П. Полякова относительно причин, позволивших исламскому фундаментализму в Средней Азии вырваться наружу. Он выдвинул идею о том, что основы социального строя среднеазиатского общества за время вхождения в СССР практически не изменились, а экономический, идеологический и политический кризисы помогли традиционным течениям и идеям претендовать на господствующую роль в жизни региона [Там же]. Однако сегодня исследователи называют, как правило, данные процессы не традиционализмом, а фундаментализмом.

Ряд авторов, в том числе А.А. Игнатенко, отмечают, что исламский фундаментализм в Средней Азии возник не только в результате кризиса процессов модернизации, но и их успехов. Иными словами, массовая миграция, всеобщее образование, развитие средств массовой информации и транспорта позволили среднеазиатскому обществу избавиться от малограмотности, замкнутости и неподвижности. Ислам с этого времени стал пониматься не только как способ решения локальных вопросов, но и как политический и экономический инструмент [8].

В рамках настоящей работы современная точка зрения научного сообщества на причины быстрого распространения исламского фундаментализма в Центральной Азии представлена в лице востоковеда С.В. Кожемякина. Он выделяет три внутренних фактора: идеологический вакуум после крушения Советского Союза и, как следствие, ценностная дезориентация больших масс народа; упадок экономики, рост расслоения общества, обнищание населения и повальная коррупция; ускоренное проникновение западной системы ценностей, в ответ на которое произошла архаизация общества [9. С. 10].

Исламский фундаментализм в Средней Азии продолжает обретать силу. Несмотря на заявления духовных и политических лидеров республик, традиционный ислам все чаще подменяется фундаментальным. Эксперты предостерегают, в частности, рост последователей ваххабизма в Киргизии, где вступили в силу законы о безвизовом режиме для граждан из Саудовской Аравии, Кувейта, Катара [10].

Важнейшей проблемой, источником которой является исламский фундаментализм, стало увеличение числа террористических и экстремистских организаций. Они ставят своей целью пропаганду идеи сепаратизма и радикального фундаментализма. При этом их деятельность тесно переплетается с международным наркобизнесом, который зачастую служит главным источником их финансирования. С конца 2000-х гг. на большей части территории Центральной Азии складываются новые тенденции, связанные с активизацией наиболее радикальной части исламских фундаменталистов [11].

Первая тенденция – это резкое обострение внутриполитической ситуации в государствах региона («мартовская революция» в Киргизии, андижанские события в Узбекистане, убийство Алтынбека Сарсенбайулы в Казахстане). Говоря о событиях в Андижане, обратимся к словам И. Панкратенко: «Андижан-2005 – это кульминация многоуровневой игры, в которой сошлись и власти Узбекистана, и американские спецслужбы, и западные технологи “цветных революций”, и исламисты» [12]. Панкратенко верно отмечает сложность обстановки в регионе, состоящей в том, что несколько разнородных и разноплановых сил боролись за влияние, при этом «у каждой стороны была своя цель, за достижение которой они были готовы щедро платить жизнями мирных граждан» [Там же].

Вторая тенденция – возрастание в процессе политической борьбы общего уровня криминализации (борьба за захват государственной власти в Киргизии). Данное обстоятельство наиболее ярко проявилось в ходе предвыборной кампании 2011 г., когда была провозглашена борьба с криминалом. Проблемы общей криминализации киргизского общества обсуждались и ранее. В частности, президент Р. Отунбаева заявляла: «Тревожным явлением в последнее время стало то, что идет усиление роли организованной преступности во всех

общественно-политических событиях, включая их участие в выборных процессах и межэтнических столкновениях» [13]. Особенно остро данная проблема обозначилась в южных регионах Киргизии, являющихся традиционными «рассадниками экстремизма».

Третья тенденция – террористические акты и вооруженные нападения на государственные объекты, одной из причин которых, на наш взгляд, является активное развитие отношений внутри ШОС в рамках борьбы с терроризмом. Создание контактных групп, многосторонних и двусторонних конвенций, а также проведение совместных антитеррористических учений помогают государствам региона, по меньшей мере, защитить наиболее важные и значимые государственные объекты.

Четвертая тенденция – это принятие правительствами республик мер, направленных на борьбу с экстремизмом и терроризмом, за счет сужения круга гражданских прав. Например, в 2011 г. в Казахстане был принят закон, запрещающий функционирование моленных комнат в государственных учреждениях.

Однако, по мнению ряда экспертов, включая верховного муфтия Казахстана Абсаттара Дербисали, подобные законопроекты могут иметь прямо противоположный эффект – вызвать недовольство у благочестивых мусульман и дать повод для роста экстремизма. Ведущие западные правозащитные организации, в том числе Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, быстро отреагировали на данный закон и выразили опасения, связанные с тем, что его исполнение может привести к ограничению религиозных свобод в Казахстане [14].

Исламский фундаментализм представляет опасность, прежде всего, своей радикальной формой. К наиболее тяжелым последствиям развитие этого процесса привело в Узбекистане, где вооружилась местная оппозиция. Возможным вариантом решения проблемы может служить опыт Таджикистана. После гражданской войны власть отдала треть государственных постов оппозиционерам, тем самым подтолкнув их к самостоятельному отказу от радикальных фундаментальных лозунгов и идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2006. № 1. С. 5–25.
2. Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // Полис. 2002. № 1. С. 66–77.
3. Мирский Г.А. Возврат в Средневековье? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5. С. 8–19.
4. Хогарт Р. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Т. 7: Народы и культуры. М.: ИНФРА-М, 2004. 416 с.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.
6. Мирский Г.И. «Арабская весна» туман и тревога // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. С. 125–137.
7. Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000. 168 с.
8. Игнатенко А.А. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор // Материалы научного семинара «Исламизм глобальная угроза?». URL: http://www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html, свободный (дата обращения: 12.05.2014).
9. Кожемякин С.В. Исламский фундаментализм в Центральной Азии: перспективы развития в условиях глобализации // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2008. Т. 8, № 1. С. 8–12.
10. Токмаков А., Фасхутдинов Г., Бушуев М. Исламский фундаментализм проникает в Центральную Азию. URL: <http://www.dw.de/исламский-фундаментализм-проникает-в-центральную-азию/a-17348157>, свободный (дата обращения: 15.03.2015).
11. Кулбаракوف Р.Д. Проблемы терроризма в Центральной Азии // Материалы Международной научно-практической конференции «Терроризм: проблемы противодействия». Астана, 2011. URL: <http://conference.antiterror.rsbi.kz/index.php/doklads/36-kylbarakov> (дата обращения: 22.04.2015).
12. Панкратенко И. Уроки «Андижанского расстрела» // Портал ЦентрАзия. 22.05.2015. URL: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1432244160> (дата обращения: 23.05.2015).
13. Иващенко Е. В Кыргызстане объявлена предвыборная борьба с криминалом // Информационное агентство «Фергана». 28.02.2011. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6909> (дата обращения: 20.04.2015).
14. Соловьев Д. Казахстан ограничивает религиозные свободы, чтобы обуздать воинствующий исламизм // Reuters, Великобритания. 14.10.2011. URL: http://inosmi.ru/middle_asia/20111014/175984387.html (дата обращения: 23.05.2015).

Podrezov Mikhail V. The Shukshin Altai State Academy of Education (Biysk, Russia). E-mail: misha_1101@mail.ru

ESSENCE OF ISLAMIC FUNDAMENTALISM IN CENTRAL ASIA (1990–2000)

Keywords: Islam; Islamic fundamentalism; Islamic movements; Islamic Renaissance.

The concept of Islamic fundamentalism, its origins, and essence are being studied. The most recent advances in this direction by Russian and foreign orientalists and political scientists are being analyzed. The article presents the characteristics of the stages of Islamic fundamentalism development, as well as the problems that each stage had, the Islamic Renaissance, in particular, which began in the 1970s. and reached its climax in the 2000s both in the Islamic and Christian states. There is also made an attempt to dissolve similar concepts of this problem, such as Islamic fundamentalism and Salafism, that many authors use interchangeably.

The S. Polyakov's concept of "traditionalism" and the A. Ignatenko's concept of "fundamentalism" are also being studied. According to the Polyakov's concept of "traditionalism", the reason for such rapid spread of fundamentalism is that the social organization in Central Asia during the Soviet era has not changed at all and the ubiquitous crisis has led to the reactionary consequences. Ignatenko also gives quite an ambiguous concept. According to his concept, the modernization of the region in the XX century is the locomotive power, not the cause of attenuation in a given period of Islamic fundamentalism. Modernization, in his opinion, emancipated Central Asian society and Islam has become to be seen as a way not only to spiritual regulation of life, but also the way of political and economic regulation. The modern point of view of researchers in Central Asia is represented by the ideas of S. Kozhemyakin. He sees the causes of the Islamic Renaissance in the values disorientation, also as in the impoverishment of the population and in the archaization of the society, as a reaction to the penetration of Western values.

An attempt was made to identify the reasons for the doctrinal roots and strengthen the role of the fundamental Islamic movements and movements in Central Asia. Distinctive feature of Islamic fundamentalism in the region is the "values vacuum" that has arisen due to the

withdrawal from the region of Soviet power. There are four main tendencies inherent in Islamic fundamentalism in the 2000s. In Central Asia: the aggravation of the internal situation in the region, an increase in the level of criminalization of society and the proximity to power, crime, lack of terrorist attacks against government installations, the adoption of legislation against terrorism and extremism, narrowing civil liberties.

REFERENCES

1. Naumkin, V.V. (2006) Islamskiy radikalizm v zerkale novykh kontseptsii i podkhodov [Islamic radicalism in the mirror of new concepts and approaches]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' – Oriens*. 1. pp. 5–25.
2. Kudryashova, I.V. (2002) Fundamentalizm v prostranstve sovremennogo mira [Fundamentalism in the modern world]. *Polis – Polis. Political Studies*. 1. pp. 66–77.
3. Mirskiy, G.A. (2006) Vozvrat v Srednevekov'e? [Return to the Middle Ages?]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 5. pp. 8–19.
4. Hoggart, R. (2004) *Oksfordskaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Oxford Illustrated Encyclopedia]. Vol. 7. Moscow: INFRA-M.
5. Huntington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Translated from English by Y. Novikov, E. Krivtsova, T. Velimeev. Moscow: Midgard, AST.
6. Mirskiy, G.I. (2013) "Arabskaya vesna" tuman i trevoga ["Arab spring": fog and anxiety]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 2. pp. 125–137.
7. Polyakov, K.I. (2000) *Islamskiy fundamentalizm v Sudane* [Islamic fundamentalism in Sudan]. Moscow: [s.n.].
8. Ignatenko, A.A. (2000) *Islamizm kak global'nyy destabiliziruyushchiy faktor* [Islamism as a global destabilising factor]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html. (Accessed: 12th May 2014).
9. Kozhemyakin, S.V. (2008) Islamskiy fundamentalizm v Tsentral'noy Azii: perspektivy razvitiya v usloviyakh globalizatsii [Islamic fundamentalism in Central Asia: development prospects in the context of globalisation]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*. 8(1). pp. 8–12.
10. Tokmakov, A., Faskhutdinov, G. & Bushuev, M. (2014) *Islamskiy fundamentalizm pronikaet v Tsentral'nuyu Aziyu* [Islamic fundamentalism penetrates into Central Asia]. [Online]. Available from: <http://www.dw.de/islamskiy-fundamentalizm-pronikaet-v-tsentral'nuyu-aziyu/a-17348157>. (Accessed: 15th March 2015).
11. Kulbarakov, R.D. (2011) *Problemy terrorizma v Tsentral'noy Azii* [Problems of Terrorism in Central Asia]. [Online] Available from: <http://conference.antiterror.rsbi.kz/index.php/doklads/36-kylbarakov>. (Accessed: 22nd April 2015).
12. Pankratenko, I. (2015) *Uroki "Andizhanskogo rasstrela"* [Lessons of the "Andijan Massacre"]. [Online] Available from: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1432244160>. (Accessed: 23.05.2015).
13. Ivashchenko, E. (2011) *V Kyrgyzstane ob'yavlena predvybornaya bor'ba s kriminalom* [Pre-election campaign against crime announced in Kyrgyzstan]. [Online] Available from: <http://www.fergananews.com/articles/6909>. (Accessed: 20th April 2015).
14. Soloviev, D. (2011) *Kazakhstan ogranichivaet religioznye svobody, chtoby obuzdat' voinstvuyushchiy islamizm* [Kazakhstan limits religious freedom to curb militant Islamism]. [Online] Available from: http://inosmi.ru/middle_asia/20111014/175984387.html. (Accessed: 23rd May 2015).

УДК 327(73+510) 2004/2017
DOI: 10.17223/19988613/52/10

Е.В. Савкович, И.А. Черепанова

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИАЛОГА» КНР И США: ЗАДАЧИ ДЛЯ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

Рассматриваются варианты развития ситуации вокруг существующей системы «Стратегического и экономического диалога» КНР и США (U.S.-China Strategic Economic Dialogue) при новой администрации Д. Трампа, с новыми ограничениями и вызовами. Основное внимание уделяется рассмотрению заявлений официальных лиц и фактической стороне двустороннего сотрудничества. Новая «Национальная стратегия безопасности США» рассматривает Китай исключительно в качестве угрозы, что, по мнению авторов, поставило точку в попытках Пекина найти варианты взаимодействия с Вашингтоном.

Ключевые слова: КНР; США; «Стратегический и экономический диалог».

На современном этапе идея оформления нового формата отношений США и КНР была предложена Фредом Бергштейном (Fred Bergstein) в 2005 г. Некоторые источники указывают на 2004 г. и на встречу двух лидеров Дж. Буша-мл. и Ху Цзиньтао на форуме АТЭС 2004 г. в Чили как на момент, когда было заявлено о возможностях создания форума. Ей стало возможное формирование «Группы двух», или G-2. В основном предполагалось экономическое сотрудничество высокого уровня. Вариант новой модели основывался на расширении торговли и инвестиционного сотрудничества, а также возникновении и развитии «групп интересов», которые оказывали непосредственное влияние на принятие решений. В результате «групп интересов» становились транснациональными, а они сами были вынуждены взаимодействовать друг с другом по широкому кругу вопросов [1. Р. 303].

Несмотря на критику во внутренней китайской прессе [2], первый раунд переговоров прошел в Пекине 1 августа 2005 г. Его предварял мартовский визит в КНР Госсекретаря США К. Райс в Пекин. На переговорах США представлял зам. госсекретаря Р. Зеллик, а китайскую сторону – зам. министра иностранных дел Дай Бинго. В пресс-релизе китайского информационного агентства Sina.com отмечалось, что «США и Китай являются великими державами и играют ключевую роль в международных делах... диалог отвечает интересам стран по решению важных проблем на двустороннем уровне, будет направлен на углубление взаимопонимания, усиление взаимного доверия, расширение сотрудничества» [3].

На встрече глав государств Дж. Буша-мл. и Ху Цзиньтао формат официально был назван «Американо-китайский стратегический экономический диалог» (*U.S.-China Strategic Economic Dialogue*) [4]. Между странами был достигнут максимальный – высший уровень сотрудничества. Было решено проводить Стратегический экономический диалог (СЭД) раз в полгода, по очереди, в США и КНР соответственно. Цель диалога формулировалась как «создание рамок для дальнейшего продуктивного двустороннего диалога и экономических отношений в

будущем, координация политики по долгосрочным экономическим вопросам» [4]. В США за формирование и развитие сотрудничества с Китаем отвечал министр финансов Генри Полсон, в КНР диалог должна была возглавить вице-премьер Госсовета У И. С обеих сторон были созданы специальные межведомственные комиссии или рабочие группы, которые отвечали за разработку вопросов для последующих встреч.

Диалог охватывал широкий круг политических и экономических проблем. К декабрю 2008 г. прошло шесть раундов, основные моменты и документационное обеспечение переговоров были представлены на официальном сайте министерства финансов США и в настоящее время выставлены в архивах [5]. Ключевым для американской внешней политики в отношении КНР и развития диалога становится 2009 г. С приходом в США к власти администрации Б. Обамы был озвучен курс «Возвращение в Азию», что без сотрудничества с Китаем было бы невозможно. 14 января 2009 г. в «Файнэншл Таймс» появляется статья известного американского политолога З. Бжезинского «Группа двух, которая может изменить мир» [6]. Вариантом развития отношений двух гигантов мог стать стратегический союз. Тезис неоднократно повторялся в период президентства Б. Обамы и был принят в качестве основы для развития отношений. Для китайской стороны отмечалось, что «КНР подписала соглашения о стратегическом партнерстве или сотрудничестве уже со многими государствами мира» [2], поэтому, по крайней мере в прессе, особого значения новому соглашению в Китае не предавали. В итоге уже на первой встрече президента Б. Обамы и Председателя КНР Ху Цзиньтао в апреле 2009 г. было принято решение о создании «Американо-китайского стратегического и экономического диалога» (*U.S.-China Strategic and Economic Dialogue, S&ED*). Отмечалось, что новый вариант заменил существовавший ранее механизм, соединив два трека – стратегический и экономический [7]. Этапы формирования и развития американо-китайских отношений в данном контексте рассматривались отечественными авторами и ранее [8–10].

К настоящему времени немаловажным фактором развития внешнеполитических отношений остается экономическое сотрудничество. Так, в 2015 г. КНР впервые за 30 лет стала крупнейшим торговым партнером Соединенных Штатов, опередив Канаду [11, 12]. С 1979 до начала 2017 г. объем двусторонней торговли увеличился в 208 раз, достигнув 519 млрд долл., а уровень инвестиций составил 170 млрд долл. [13]. Кроме того, существует постоянно ухудшающаяся ситуация с торговым балансом, который у США в 2016 г. превысил 340 млрд долл. только в торговле с КНР (экспорт в КНР составил 116 млрд долл., импорт – 463 млрд) [14]. Стороны заинтересованы в получении выгод от такого сотрудничества – для Китая это доступ к американскому рынку, а также усиление влияния с использованием экономических рычагов. США также заинтересованы в реализации американских товаров и услуг на крупнейшем мировом рынке.

Тем не менее, несмотря на достигнутые результаты, нельзя говорить об отсутствии противоречий в двусторонних отношениях. Наоборот, *сотрудничество вопреки политическим разногласиям* является главной чертой китайско-американских отношений, которая становится очевидной в эпоху противостояния лидеров двух государств – Дональда Трампа и Си Цзиньпина. Наряду с непосредственными выгодами от торговли можно выделить два ключевых фактора, которые не позволяют кардинально изменить текущую ситуацию и сменить модель взаимодействия. Во-первых, США выигрывают торговый дефицит до тех пор, пока китайские товары остаются дешевыми. В свою очередь основа для низкой стоимости китайских товаров – низкая стоимость рабочей силы и низкие стандарты, хотя ситуация в данной сфере начинает меняться с принятием в КНР нового трудового законодательства (с 2008 г.). Кроме того, обменный курс частично зафиксирован к доллару. Собственно, в рамках президентской кампании Д. Трамп начал разыгрывать «китайскую карту», в основном это касалось экономической сферы.

Так, еще в 2016 г. Д. Трамп критиковал американо-китайские экономические отношения, говоря о намерении начать «торговую войну» с КНР [15], практика использования словосочетания продолжалась и уже после инаугурации. Кроме всего прочего, недовольство Пекином демонстрировалось по широкому кругу проблем – внешней политикой Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, финансовой и фискальной политикой в комплексе, а в частности практикой использования демпинга и заниженным курсом юаня. В целом предвыборная политика Д. Трампа отчасти строилась на жесткой критике Китая, что никак не могло способствовать стабильности и взаимовыгодному развитию американо-китайских отношений [16. С. 2].

Предполагалось проведение более жесткой политики в отношении Пекина в целом, вопрос заключался в новом режиме функционирования стратегического и экономического диалога. Обращение будущего главы

государства к терминологии «протекционизма», а также последующие реальные шаги в этом направлении (выход из Транстихоокеанского партнерства) поставили вопрос на повестку дня уже с началом 2017 г. Кроме того, внешнеполитическую ситуацию обострил звонок от президента Республики Китай (Тайвань) Цай Инвэнь 2 декабря 2016 г. [17]. В дальнейшем в «Твиттере» Д. Трамп поднимал также проблему девальвации юаня и спорных территорий Южно-Китайского моря [18].

Однако уже с началом 2017 г. новый президент пообещал, что будет придерживаться практики сотрудничества с Китаем, но при этом внимательно отслеживать ситуацию с юанем для облегчения конкуренции американских компаний с китайскими [19]. В дальнейшем практика показала, что вариантами проведения внешней политики администрации и лично Д. Трампа являются громкие заявления, а при их неприятии другой стороной попытки сгладить ситуацию – даже возвращение к предыдущей политической практике.

Несмотря на существовавшие разногласия и принятую Д. Трампом практику, когда за несколько дней до встречи на высшем уровне с Председателем КНР Си Цзиньпином он разместил в «Твиттере» сообщение о том, что «переговоры будут очень трудными и мы больше не потерпим такой существенный торговый дефицит» [20], в ходе апрельского визита Си Цзиньпина в США главы государств пришли к созданию китайско-американского всеобъемлющего экономического диалога [21], который был назван экспертами «новым этапом потепления двусторонних отношений». Принципами этого диалога станут признание неприемлемости конфронтации, взаимоуважение и модель «Win – Win», в которой обе страны получают преимущества от сотрудничества [22]. Отмечалось также, что «в условиях существования новых угроз – распространения ядерного оружия, терроризма, загрязнения окружающей среды, бедности и новых вирусов – двустороннее сотрудничество принесет пользу не только его непосредственным участникам, но и мировому сообществу в целом посредством укрепления мира, стабильности и развития» [Там же]. Этот новый этап также предполагает высокий уровень политической поддержки, оптимальной кооперации, поиск общих преимуществ развития.

Таким образом, на тот момент китайские авторы отмечали, что Китай и США могут стать надежными гарантами безопасности во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе: «такого рода отношения должны стать новым мегатрендом, конфронтация между ними невозможна, поскольку главными ценностями обеих держав являются безопасность и суверенитет, а вопрос национальных государств “кто из них враг” должен смениться на “кто главный партнер”». Совмещение разных подходов двух государств во внешней политике непременно принесет желаемый для обоих результат» [Там же]. Для доказательства приверженности новой теории приводят слова Си Цзиньпина: «Человеческий ресурс – определяющий фактор, с помо-

щью которого осторожность и дискриминация сменяются доверием и вовлечением» [22].

Несмотря на то что в реальности за 2017 г. войны не наблюдалось, укоренилось лишь обоюдное понимание двустороннего торгового партнерства как «самого ненадежного». Открытые нападки Д. Трампа на Китай, который он называл «нерыночной экономикой», и угрозы выйти из ВТО в случае признания за государством такого статуса, казалось, сменились приоритетом торговых выгод, а идея «Америка превыше всего» трансформировалась в «Торговля превыше всего». Так в апреле 2017 г. начала развиваться идея американо-китайского всеобъемлющего экономического диалога, которая была высказана при подписании лидерами двух государств 100-дневного плана [23]. В июле началась открытая сессия в рамках этого диалога, от которой многие ожидали подписания новых торговых соглашений, годового плана совместных действий, программы развития экономических отношений.

Однако большим сюрпризом стало отсутствие какого-либо результата июльской сессии. Неожиданный итог продемонстрировал подход президента Д. Трампа к азиатскому сотрудничеству: формальная поддержка отношений с Китаем на фоне реального избегания мер, способствующих либерализации.

В то же время и Китай не торопится открывать для Штатов ныне закрытые секторы своей экономики, поскольку никто из политических деятелей не хочет стать тем, кто «капитулировал» перед Америкой. До следующего заседания Национального Конгресса в марте 2018 г. главной идеей в отношениях с США остается стабильность.

От поездки Д. Трампа в Китай в ноябре 2017 г. уже не ожидали конкретных шагов по сближению экономических отношений. Но результаты XIX Съезда КПК так или иначе нашли свое отражение в повестке визита. В рамках плана реализации «Сизэкономии» Китай уделял внимание вопросу долгосрочного сотрудничества, стабильность которого реализуется через эффективную краткосрочную кооперацию, а потому президенты сконцентрировались именно на ней. В результате были подписаны торговые соглашения на сумму 253,4 млрд долл., что неожиданно удивило деловые круги. Еще большей неожиданностью стала новость о том, что неделю спустя Д. Трамп направил ВТО сорокастраничный протест, согласно которому правительство КНР обязано снизить контроль над экономикой, открыть доступ для иностранных компаний и инвесторов на рынки Китая (прежде всего финансовые). Прогресс в отношениях вновь сменился напряженностью. Президент Китайского центра Торговой палаты США Джереми Вотермен констатировал, что отныне фактически можно говорить об «ограниченной торговой войне США с КНР» [Там же].

Резкий рост напряженности можно связать с тремя факторами. Во-первых, несмотря на осуществление п. 301 и 307 100-дневного плана (восстановление по-

ставок говядины, домашней птицы и природного газа), во второй половине 2017 г. продолжился рост торгового дефицита.

Во-вторых, 4 декабря Сенат одобрил предложение о крупнейшем за всю историю налоговом сокращении, что вызовет значительное подорожание доллара против юаня и скажется на американском экспорте.

В-третьих, с точки зрения стратегического диалога, мощным негативным фактором для двусторонних отношений стала публикация в декабре 2017 г. «Национальной стратегии безопасности США» [24]. Слово «Китай» в ней встречается 23 раза, в основном в негативном ключе. В частности, отмечается, что «Россия и Китай бросают вызов американской силе, влиянию, интересам, а также посягают на безопасность и процветание» [Ibid.]. Китай обвиняется в «краже американской интеллектуальной собственности на миллиарды долларов» [Ibid. Р. 21]. Кроме того, КНР ставили в вину «создание искусственного интеллекта для слежения за собственными гражданами», встречаются такие фразы, как «Китай и Россия угрожают американским инвестициям за рубежом» [Ibid.] и т.д. Фактически КНР рассматривается в качестве «стратегического соперника» США, а вместе с Россией они формируют то, что на Западе названо «ревизионистскими державами» [15]. Кроме того, инициирована серия исследований против КНР, касающихся интеллектуальной собственности, которые по факту могут привести к односторонним санкциям со стороны США.

Оценивая созданную систему «Стратегического и экономического диалога» США и КНР, которая с июля 2017 г. стала называться «Всеобъемлющий экономический диалог» КНР и США (*U.S.-China Comprehensive Economic Dialogue, CED*), необходимо выделить несколько моментов.

Во-первых, после Дж. Буша-мл. и Б. Обамы новый президент Д. Трамп вновь переименовал существующий диалог, формализовав его и выделив торговую составляющую. Во-вторых, переформатированная структура позволяет вместе с другими, созданными специально для азиатских стран и Китая в частности, сформировать некую новую структуру, направленную на обеспечение экономических интересов США в Азии. В-третьих, США в ходе нового раунда переговоров не удалось решить основную проблему – создать механизмы по сокращению торгового дефицита с КНР, а также по возвращению американских компаний в США, что ставит под сомнение всю экономическую политику администрации Д. Трампа. В-четвертых, новым в двусторонних отношениях стало принятие 100-дневного плана, который стороны начали реализовывать еще до открытия раунда в апреле 2017 г. по итогам встречи глав государств.

В настоящее время можно отметить превалирование краткосрочных интересов над долгосрочными. Действующие соглашения (100-дневный план) являются разовыми акциями и призваны, прежде всего, урегулировать непосредственные конфликтные ситуации в

сфере торговли. Долгосрочная политика ставится в данном случае под сомнение. Наконец, новая «Национальная стратегия безопасности США» рассматривает

Китай исключительно в качестве угрозы, что поставило точку в попытках Пекина найти варианты взаимодействия с Вашингтоном.

ЛИТЕРАТУРА

1. China's Reform In Global Perspective. Series on contemporary China. Ed.by John Wong, Bo Zhiyue. Singapore : World Scientific Publishing Co., 2010. Vol. 24. P. 303.
2. Zhong Mei zhanlue duihua zengxin shiyi wei liangguo guanxide daohang (Стратегический диалог КНР и США рассеивают сомнения и являются мостом для развития двусторонних связей) // China.com. 02.08.2005. URL: http://military.china.com/zh_cn/critical2/23/20050802/12534010.html
3. Mei Guo changwu fu guowuyuan Zuolike 7 yue 31 ri dida Beijing (Заместитель Госсекретаря США Зеллик 31 июля прибыл в Пекин) // Sina.com, 31.07.2005. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2005-07-31/15086574183s.shtml>
4. Fact Sheet Creation of the U.S.-China Strategic Economic Dialogue. URL: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/hp107.aspx>
5. 2016 U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Joint U.S.-China Fact Sheet – Economic Track // U.S. Department of Treasury. 6.7.2016. URL: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl0484.aspx>
6. Brzezinski Z. The Group of Two that could change the world // Financial Times. Jan. 14, 2009. URL: <https://www.ft.com/content/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac>
7. Freeman Ch., Glaser B.S. The U.S. – China Strategic and Economic Dialogue // Center for Strategic & International Studies. CSIS. May 9.2001. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-china-strategic-and-economic-dialogue>
8. Бычкова Т.А. Китайская политика администрации Барака Обамы в 2009–2012 годах // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 106–113.
9. Лексютин Я.В. США и Китай: Линии соперничества и противоречий. СПб. : СПбГУ, 2011.
10. Лексютин Я.В. Нюансы политики администрации Б. Обамы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и интересы Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2012. № 3. С. 103–109. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nyuansy-politiki-administratsii-b-obamy-v-aziatsko-tihookeanskom-regione-i-interesy-kitaya> (дата обращения: 23.05.2017).
11. Китай стал ведущим торговым партнером США впервые за 30 лет. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/11/2015/563c87129a79476e0ff200bd>
12. Рекордный торговый оборот США и КНР. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/us-china-trade/3051752.html>
13. Торгово-экономические отношения Китая и США в цифрах. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0225/c31518-9182648.html>
14. Why America's Trade Deficit With China Is So High // The Balance. URL: <https://www.thebalance.com/u-s-china-trade-deficit-causes-effects-and-solutions-3306277>
15. Trivedi A. Trump's Coming Trade War With China // The Diplomat. Dec. 19, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/12/trumps-coming-trade-war-with-china/>
16. Арсентьева И.И. К вопросу о возможных изменениях в американо-китайских отношениях при Дональде Трампе // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnyh-izmeneniyah-v-amerikano-kitayskih-otnosheniyah-pri-donalde-trampe> (дата обращения: 23.05.2017).
17. Donald Trump's Twitter. Dec. 2, 2016. "The President of Taiwan CALLED ME today to wish me congratulations on winning the Presidency. Thank you!"
18. Donald Trump's Twitter. Dec. 4, 2016. "Did China ask us if it was OK to devalue their currency (making it hard for our companies to compete), heavily tax our products going into their country (the U.S. doesn't tax them) or to build a massive military complex in the middle of the South China Sea? I don't think so!"
19. Trump 'Willing to work with Russia and China' // BBC News. January 14, 2017. URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-38621025>
20. Donald Trump's Twitter. March 30, 2017 "The meeting next week with China will be a very difficult one in that we can no longer have massive trade deficits..." URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/847573220417044480>
21. Department of Commerce. United States of America. URL: <https://www.commerce.gov/tags/us-china-comprehensive-economic-dialogue>
22. Yu Sui. A New Stage of China-US Relations // China US Focus. Dec. 6, 2017. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/a-new-stage-of-china-us-relations>
23. Waterman J., Markus D. A Win-Win Strategy for 100 Days: 5 Ways China Can Open Its Economy to the U.S. // US Chamber of Commerce. May 01, 2017. URL: <https://www.uschamber.com/series/above-the-fold/win-win-strategy-100-days-5-ways-china-can-open-its-economy-the-us>
24. National Security Strategy of the United States of America. Dec. 2017. URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/4332188/Trump-s-National-Security-Strategy-Dec-2017.pdf>

Savkovich Yevgeni V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: savkovic@sibmail.com

Cherepanova Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: irochka_cherepanova@list.ru

U.S.-CHINA STRATEGIC ECONOMIC DIALOGUE IN PROGRESS: TASKS FOR TRUMP ADMINISTRATION

Keywords: China; USA; Strategic Economic Dialogue.

After the new administration of the president D. Trump the relations with China have become more complicated.

The main purpose of research is to study the essential minimum of official contacts between Beijing and Washington and to evaluate an evolution of previously established mechanism of *Strategic and Economic Dialogue*. Thus it could be mentioned as a new era's global regime. The current speeches of Donald Trump including social media (Twitter and content-analysys of it), the articles in Chinese and English considering current state of U.S.-P.R.C. relations and the essential materials: bilateral (100-days Action Plan) and unilateral (National Security Strategy of the United States of America) were used as the main sources for this article.

The article fixes variants established before current format of "Dialogue" such as G-2 or Group of Two. Both great powers share common economic interests or even political. Authors give detailed positions of US and China during *Strategic and Economic Dialogue* construction period. Since 2009 when B.Obama announced "Pivot" to Asia *Strategic and Economic Dialogue* is making strong progress. The high-level visits and negotiations lead to further cooperation. Dialogue process benefits not only to US, but also to China, that ease the situation in finance, credit and so on.

During the presidential elections in 2016 D. Trump was back to the previous president policy which ignored China at all. D. Trump stated that China is "guilty of many acts". After becoming a new president, he announced much more rough policy toward China. Before and after presidential elections the most widespread topics in D. Trump speeches on China were: Taiwan question, South China Sea territorial disputes, protectionism in trade. Special mechanism of D. Trump is the official Twitter-channel through that the new president

started to charge his opponents, Chinese as well. But we can see that when the official establishment in US or China oppose his opinion through the mass-media or informal channels, he reacts immediately and changes his mind.

U.S.-China Strategic and Economic Dialogue could be an example. In early 2017 both sides decided to establish a new 100-days plan considering to solve the base problems in trade, investment and intellectual property. Plan was good but not too much realistic. Moreover in December of 2017 “National Security Strategy of the United States of America” accuses P.R.C. in rivalry. The main conclusions could be as follows: first of all D.Trump substantially reduced an influence and functionality of *Dialogue* using the term “trade dialogue”. Besides he stated and promoted “100-days Action Plan” in trade talks, he also couldn’t change the current situation: U.S. goods trade deficit with China reached new high.

REFERENCES

1. Wong, J. & Zhiyue, B. (2010) *China's Reform In Global Perspective*. Vol. 24. Singapore: World Scientific Publishing Co. pp. 303.
2. China.com. (2005) *Zhong Mei zhanlue duihua zengxin shiyi wei liangguo guanxide daohang* [Strategic dialogue of the PRC and the US dispel doubts and are a bridge for the development of bilateral relations]. [Online] Available from: http://military.china.com/zh_cn/critical2/23/20050802/12534010.html.
3. China.com. (2005) *Mei Guo changwu fu guowuyuan Zuolike 7 yue 31 ri dida Beijing* [US Assistant Secretary of State Zoellick arrived in Beijing on July 31]. [Online] Available from: <http://news.sina.com.cn/c/2005-07-31/15086574183s.shtml>.
4. US Department of the Treasury. (2006) *Fact Sheet Creation of the U.S.-China Strategic Economic Dialogue* [Online] Available from: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/hp107.aspx>.
5. U.S. Department of Treasury. (2016) *U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Joint U.S.-China Fact Sheet – Economic Track*. [Online] Available from: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl0484.aspx>.
6. Brzezinski, Z. (2009) *The Group of Two that could change the world*. [Online] Available from: <https://www.ft.com/content/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac>.
7. Freeman, Ch. & Glaser, B.S. (2001) *The U.S. – China Strategic and Economic Dialogue*. [Online] Available from: <https://www.csis.org/analysis/us-china-strategic-and-economic-dialogue>.
8. Bychkova, T.A. (2014) The Chinese Policy of Obama's Administration in 2009-2012. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 388. pp. 106–113. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/388/18
9. Leksyutina, Ya.V. (2011) *SShA i Kitay: Linii sopernichestva i protivorechiy* [The USA and China: Lines of competition and contradictions]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
10. Leksyutina, Ya.V. (2012) Nuances of B. Obama administration's policy in the Asia-Pacific region and China's interests. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*. 3. pp. 103–109. (In Russian).
11. Makarenko, G. (2015) *Kitay stal vedushchim trgovym partnerom SShA v pervye za 30 let* [China becomes the leading trading partner of the United States for the first time in 30 years]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/economics/06/11/2015/563c87129a79476e0ff200bd>.
12. Alenichev, V. & Degtyarev, A. (2015) *Rekordnyy trgovyy oborot SShA i KNR* [Record trade in the US and China]. [Online] Available from: <https://www.golos-ameriki.ru/a/us-china-trade/3051752.html>.
13. Russian.people.com. (2017) *Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya Kitaya i SShA v tsifrakh* [Trade and economic relations between China and the United States in figures]. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0225/c31518-9182648.html>.
14. Amadeo, K. (2018) *Why America's Trade Deficit With China Is So High*. [Online] Available from: <https://www.thebalance.com/u-s-china-trade-deficit-causes-effects-and-solutions-3306277>.
15. Trivedi, A. (2017) *Trump's Coming Trade War With China*. [Online] Available from: <https://thediplomat.com/2017/12/trumps-coming-trade-war-with-china/>.
16. Arsenyeva, I.I. (2016) Possible changes in the US-China relations under President Donald Trump. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 12. pp. 2. (In Russian).
17. Trump, D. (2016a) The President of Taiwan CALLED ME today to wish me congratulations on winning the Presidency. Thank you! *Donald Trump's Twitter, December 2, 2016*.
18. Trump, D. (2016b) Did China ask us if it was OK to devalue their currency (making it hard for our companies to compete), heavily tax our products going into their country (the U.S. doesn't tax them) or to build a massive military complex in the middle of the South China Sea? I don't think so! *Donald Trump's Twitter, December 4, 2016*.
19. BBC. (2017) *Trump 'Willing to work with Russia and China'*. [Online] Available from: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-38621025>.
20. Trump, D. (2017) The meeting next week with China will be a very difficult one in that we can no longer have massive trade deficits. *Donald Trump's Twitter, March 30, 2017*. [Online] Available from: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/847573220417044480>.
21. US Department of Commerce. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.commerce.gov/tags/us-china-comprehensive-economic-dialogue>.
22. Yu Sui. (2017) *A New Stage of China-US Relations*. [Online] Available from: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/a-new-stage-of-china-us-relations>.
23. Waterman, J. & Markus, D. (2017) *A Win-Win Strategy for 100 Days: 5 Ways China Can Open Its Economy to the U.S.* [Online] Available from: <https://www.uschamber.com/series/above-the-fold/win-win-strategy-100-days-5-ways-china-can-open-its-economy-the-us>.
24. USA. (2017) *National Security Strategy of the United States of America. December 2017*. [Online] Available from: <https://assets.documentcloud.org/documents/4332188/Trump-s-National-Security-Strategy-Dec-2017.pdf>.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 930.85

DOI: 10.17223/19988613/52/11

О.В. Богданова

СИБИРСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗОДЧЕГО Ф.А. ЧЕРНОМОРЧЕНКО

Рассматривается творчество гражданского инженера Ф.А. Черноморченко, основная деятельность которого была связана с тремя российскими городами: Самарой, Томском и Омском. Выделяется сибирский период деятельности Ф.А. Черноморченко, где в Томске зодчий занимал ответственные посты главного архитектора Императорского университета и Технологического института Императора Николая II, а в Омске построил несколько значимых для города зданий. Выявляется роль зодчего в формировании городской среды западносибирского города конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: сибирский период; деятельность; зодчий; Федор Андреевич Черноморченко; Самара; Омск; Томск.

Деятельность зодчего Федора Андреевича Черноморченко еще недостаточно изучена исследователями. Если в европейской части России, а именно в Самаре, это имя известно, то в сибирских исследованиях ему до сих пор не уделено должного внимания. Следует назвать лишь работы самого автора данной статьи [1, 2], а также некоторые материалы других исследователей [3, 4]. Творчество Ф.А. Черноморченко заслуживает более детального рассмотрения.

Цель настоящей статьи – выявить основные периоды в творчестве зодчего Ф.А. Черноморченко и более подробно изучить сибирский период, а также показать значение его творчества для российского градостроительства.

Фёдор Андреевич Черноморченко родился 7 февраля 1870 г. в семье мещанина православного вероисповедания в Мелитопольском уезде Таврической губернии. После окончания Мелитопольского реального училища, в сентябре 1891 г. поступил в Институт гражданских инженеров. Окончил институт будущий зодчий в мае 1896 г. и, как было сказано в аттестате, «при отличном поведении» и «очень хороших успехах» [5. Л. 14]. Сохранились сведения, что во время учебы в институте он проживал в Петербурге в Литейной части по Симоновской улице, 3 (из личного дела студента Ф.А. Черноморченко).

После окончания института Ф.А. Черноморченко работал в Севастополе и поступил на должность исполняющего обязанности архитектора Южного таможенного округа [Там же. Л. 18 об.]. Так начался первый период деятельности зодчего. В это время Ф.А. Черноморченко строил таможенные здания и портовые сооружения в Севастополе, Феодосии, Керчи, Мариуполе и Очакове [6. Л. 47]. С 12 февраля 1899 г. с разрешения г. министра внутренних дел был определен на службу в МВД и откомандирован в Техничко-строительный комитет [Там же. Л. 49–49 об.]. 12 февраля 1899 г. Ф.А. Черноморченко получил чин коллежского секретаря со старшинством. В 1901 г. по конкурсу Самар-

ской городской думы Федор Андреевич был избран на должность городского архитектора. За девять лет, с 1901 по 1910 гг., которые зодчий прожил в Самаре, он создал множество значимых для города общественных зданий. Это коммерческое училище, больница им. И.М. Плешанова, военный лазарет, 2-я женская гимназия, казармы для гусарского Александрийского полка и артиллерийского дивизиона [6. Л. 47]. Наибольшее количество зданий было возведено архитектором на главной улице города – Соборной. Это здание женской гимназии № 2, коммерческое училище, больница имени Ивана Михайловича Плешакова, особняк купца Гребенева. В 1908 г. зодчий выполнил реконструкцию здания Городской управы, в результате чего здание было надстроено третьим этажом, а также выполнена дворовая пристройка. В результате реконструкции облик здания получил необычную стилистическую трактовку: если первый этаж был выполнен в классицистических формах, а второй в 1890 г. после реконструкции зодчим А. Щербачевым получил псевдобарочную трактовку, то третий этаж вновь тяготеет к классицистическим элементам. Творчество Ф.А. Черноморченко периода его пребывания в Самаре несет на себе отпечаток двух стилей: эклектики и неоклассицизма.

С 1911 г. начался сибирский период деятельности Ф.А. Черноморченко. Зодчий приехал в Томск с семьей: женой Марией Николаевной Уманской и пятью детьми: Натальей (род. 27 февраля 1898 г.), Татьяной (род. 28 февраля 1900 г.), Зинаидой (род. 15 июня 1902 г.), Марией (род. 4 января 1904 г.) и Николаем (род. 4 июня 1907 г.). Жена и дети были православного вероисповедания. В Томск зодчий приехал на должность архитектора Первого Сибирского университета. Эту должность он занял с 1 мая 1911 г. по Постановлению попечителя Западно-Сибирского учебного округа от 5 апреля 1911 г. за № 3800. Через месяц Ф.А. Черноморченко вступил и в должность архитектора Томского технологического института (Постановление от

13 июня 1911 г. за № 6205). Таким образом, Черноморченко занимал одновременно две должности – архитектора университета и архитектора института. В своей докладной записке Акмолинскому губернатору Ф.А. Черноморченко указывал, что кроме этого он занимал еще и должность строителя здания библиотеки и актового зала при университете. Сохранились сведения, что за период работы в Томске Черноморченко только один раз был в отпуске, а именно с 4 января по 2 февраля 1913 г. Где он провел отпуск – неизвестно, вполне возможно, был в своем родовом имении, которое составляло 50 десятин земли и находилось в Мелитопольском уезде Таврической губернии.

В период пребывания зодчего в Томске в городе не проводилось значимых построек (не считая строительства Томского университета, а Черноморченко как раз занимал должность главного строителя), о чем и писал он в письме главному строителю сельскохозяйственного Омского училища Ф.П. Засухину: «Постройка здания библиотеки и актового зала при университете в настоящее время мною закончена – остались небольшие кое-какие недоделки. Приступили к постройке клиник, но последняя работа мне неинтересна во всех отношениях. В Томске архитектору делать нечего, частных построек нет» [6. Л. 33–34].

В Томске Ф.А. Черноморченко не построил зданий по своим проектам. Однако строительство таких зданий, как библиотека университета, несомненно, является заслугой зодчего. Строительство библиотеки и актового зала при университете было интересно и значимо. Неоклассицистические тенденции, которые так любил Ф.А. Черноморченко и использовал в самарских постройках, реализовывались им и при строительстве здания библиотеки. Первоначальный проект библиотеки университета был составлен томским гражданским инженером А.Д. Крячковым, но он не был утвержден [1. С. 59]. Новый проект и смета к нему были выполнены гражданским инженером Л.П. Шишко, работавшим в Петербурге. Торжественная закладка здания библиотеки состоялась 14 мая 1912 г. По проекту Л.П. Шишко в книгохранилище библиотеки в соответствии с противопожарными требованиями ярусы хранилищ должны были быть отделены железобетонными огнестойкими перекрытиями, лежащими на железобетонных стойках. Строитель библиотеки Ф.А. Черноморченко внес некоторые коррективы в данное решение. Зодчий заменил железобетонные балки на стропильные фермы, а кирпичные своды – на железобетонные перекрытия, кирпичные столбы в подвальном этаже – на железобетонные колонны, каменные лестницы в книгохранилище – на железные [Там же].

Организация и проведение строительных работ при таких мощных и значимых стройках, как Первый Сибирский университет и Первый Сибирский технический институт – Технологический, требовали от зодчего умения и сил. Когда Ф.А. Черноморченко покидал Томск, он получил отличную характеристику, данную

ему 6 ноября 1913 г. временно исполняющим обязанности ректора Томского университета ординарным профессором И. Левашевым, как зодчего, отличавшегося «усердным исполнением возложенных на него поручений, совершенным знанием дела и в нравственном отношении безупречным поведением...» [7. Л. 4–5].

Автору данной статьи удалось установить авторство Ф.А. Черноморченко на одном из интересных деревянных домов Томска. Эти данные тем ценны, что к настоящему времени не многие шедевры деревянного зодчего атрибутированы (т.е. сведения об авторе проекта). Этот дом был построен в центре города Томска, на одной из его главных улиц – Нечаевской (современный пр. Фрунзе, 10). В композиции фасада деревянного двухэтажного дома налицо влияние классицистических приемов, так любимых Федором Андреевичем, а именно симметричность, акцентирование оконных проемов мощными наличниками, использование треугольных фронтонов, простые и четкие формы в элементах декора.

Как уже было сказано выше, в Томск Ф.А. Черноморченко приехал на должность архитектора университета для строительства двух новых факультетов, полагавшихся по тогдашнему университетскому уставу, а именно историко-филологического и физико-математического. Но как выяснилось по приезду в Томск, вопрос об открытии этих факультетов остался открытым. В связи с данной ситуацией Ф.А. Черноморченко писал в Омск Ф.П. Засухину следующее: «Когда в Министерстве предложили мне место архитектора в Томском университете, то имелась ввиду только постройка двух факультетов. Этот вопрос, по-видимому, раньше как через три года не разрешится и потому я намеревался зимой поехать в Петербург на разведку и выяснить свое положение» [6. Л. 33–34]. В этот период, а именно в октябре 1913 г., как раз и пришло приглашение от строителя сельскохозяйственного училища гражданского инженера Ф.П. Засухина принять на себя обязанности производителя работ по постройке комплекса зданий Омского среднего сельскохозяйственного училища. Ф.А. Черноморченко с удовольствием принял это приглашение, на что и ответил: «Ваше предложение, с перспективой на будущее, явилось для меня как нельзя более благовременным, и буду Вам весьма благодарен, если устроите для меня это дельце» [Там же]. 30 октября 1913 г. Ф.А. Черноморченко подал прошение о назначении его производителем работ по постройке зданий Омского среднего сельскохозяйственного училища. С 1 декабря 1913 г. Федор Андреевич был уволен с должностей архитектора университета и Технологического института и переведен в Строительную комиссию по постройке Омского сельскохозяйственного училища на должность производителя работ. 31 ноября 1913 г. зодчий отбыл в Омск.

В течение трех лет Федор Андреевич являлся производителем работ по постройке училища [2. С. 41]. С 3 августа 1916 г. за № 117 Ф.А. Черноморченко был

освобожден от наблюдения за дальнейшим производством работ по постройке сельскохозяйственного училища. Наблюдение за постройкой было возложено на Хозяйственный комитет Омского среднего сельскохозяйственного училища и Строительное отделение Акмолинского областного правления. Строительство Омского среднего сельскохозяйственного училища продолжалось с 1913 по 1916 г. По Постановлению Сибирского Совета рабочих и крестьянских депутатов от 24 февраля 1918 г., на базе Омского среднего сельскохозяйственного училища был открыт институт. Омский сельскохозяйственный институт стал первым высшим сельскохозяйственным учебным заведением Сибири. Сначала в институте был один агрономический факультет, в 1921 г. открыли лесной и инженерный факультеты. В марте 1922 г. в результате слияния сельскохозяйственного института и Омского земельного института была образована Сибирская сельскохозяйственная академия. В 1924 г. академия была переименована в Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства, в 1935 г. – в Омский сельскохозяйственный институт [2. С. 41].

Ф.А. Черноморченко был производителем работ и на другом значимом для Омска объекте – Доме судебных установлений. Здание было построено по проекту архитектора В.А. Прусакова. Сначала строительством руководил инженер-архитектор А.И. Хмара, а затем его сменил Ф.А. Черноморченко [Там же]. Строительство здания было связано с 50-летием со дня учреждения судебных установлений. Торжественная закладка здания состоялась 20 ноября 1914 г. В этот же день рядом с домом был заложен памятник Александру II, Царю-Освободителю, в период правления которого была проведена судебная реформа. Бюстовый памятник был открыт в августе 1916 г. Строительство здания было закончено в 1916 г., а отделочные работы продолжались до 1919 г. Здание по своему первоначальному назначению практически не использовалось. В 1919 г. здесь находилось Министерство юстиции Российского правительства и Правительствующий Сенат. После восстановления советской власти в здании разместили Сибревком и Сиббюро ЦК РКП (б) [8]. Каменное трехэтажное на каменном цоколе здание было особо значительно для архитектурного облика Омска начала XX в. Монументальное, кареобразное в плане, имевшее внутренний двор, оно отличалось особой репрезентативностью [2. С. 41]. Главный фасад выходил на Соборную площадь, где находился главный храм города – Успенский собор. Композиция главного фасада симметрична, его центр акцентирован главным входом-аркой с разорванным фронтоном и куполом, венчающим здание. Преувеличенные размеры стилизованных классических элементов – фронтона, пилястр, рустовки, симметричность композиции фасада, все это вновь возвращало к увлечению классическим наследием Древних Греции и Рима.

В 1910-е гг. на пр. Санниковском был построен Доходный дом Г.Е. Грязнова. Автором и производителем

работ был гражданский инженер Ф.А. Черноморченко. Дом был построен рядом, торец к торцу, с бывшим домом купца Г.В. Терехова. Оба дома, архитектурно-художественное решение которых представляло единый фасад, составляли единую композицию и в своем декоративном оформлении имели общие черты и элементы [2. С. 41]. Безукоризненно точно повторяя декор в плоскости фасадов второго и третьего этажей, зодчий стилистически выдержанно надстроил четвертый этаж, при этом профессионально сочетая эклектическую направленность дома Терехова с приемами и формами нового стиля – модерна. В оформлении фасадов видно желание владельца сделать дом самым представительным и эффектным в окружающей застройке, каким он остается до настоящего времени. В здании располагались гостиничные номера и кинематограф «Кристалл-Палас» (в настоящее время здание используется по своему прямому назначению, здесь находится кинотеатр). В доме были использованы и новейшие строительные материалы, он выстроен по последнему слову техники из железобетона, ввиду чего был совершенно безопасен в пожарном отношении. Здание было грамотно вписано и в существующую градостроительную ситуацию. Кроме того, здание являлось одним из немногих типов доходных домов, в которых находились помещения для общественных зрелищ.

По проекту Федора Андреевича в 1916 г. в Омске было построено здание Коммерческого училища. В результате конкурса, в котором было представлено несколько проектов: «Русь», «Коробочка», «Меркурий», «Утро» и др., победил проект гражданского инженера Ф.А. Черноморченко. Здание было расположено на углу квартала при пересечении ул. Музейной и пр. Санниковского. Главный фасад выходил на пр. Санниковский и был более декорирован, чем боковые, особенно в его правой части, где находился главный вход. Здание построено в стиле неоклассицизма с использованием стилизованных классических элементов: рустовка, трехчетвертные колонны ионического ордера, замковые камни, декор на плоскости аттика и карниза [Там же. С. 42]. Усиливают классицистические мотивы и маскароны с изображением Меркурия, покровителя торговли, расположенные в плоскости замкового камня над проемами боковых окон второго этажа на главном фасаде. Уже имевшийся опыт в строительстве Коммерческого училища в Самаре зодчий повторил и в Омске.

С 1920 по 1922 г. Черноморченко был главным производителем работ на строительстве зданий военного училища в Иркутске [3. С. 115]. С 1922 г. Федор Андреевич служил в Сибирском отделе путей сообщения. Сохранились сведения и о преподавательской деятельности зодчего. С апреля по сентябрь 1923 г. Черноморченко преподавал в Омском механико-строительном училище. На этом сибирский период в деятельности Ф.А. Черноморченко закончился. В конце 1923 г. зодчий переехал в Харьков, где сначала преподавал в Технологическом институте, затем работал в

Наркомпросе [4. С. 134]. Умер Федор Андреевич Черноморченко в 1948 г. [3. С. 115].

Таким образом, сибирский период деятельности зодчего, продлившийся 12 лет, оказался не менее плодотворным, чем его деятельность в европейской части России. Работая, в основном, в стиле неоклассицизма, Ф.А. Черноморченко создал целую галерею подобных построек. В некоторых он сам был автором проекта, в других реализовывал классицистическое наследие других зодчих на практике. Это такие здания, как Дом судебных установлений и Коммерческое училище в Омске, здание Научной библиотеки университета в Томске. Воплощал в жизнь Ф.А. Черноморченко и новые веяния стиля модерн, проявившиеся в облике доходного дома Грязнова и сельскохозяйственного училища в Омске. Все вышеупомянутые здания формировали центральную часть городов, были грамотно вписаны в существующую градостроительную ситуацию, во многих из них активно использовались новейшие строительные технологии и материалы. Не-

смотря на то что в Томске зодчий не проектировал подобных по масштабу самарским и омским сооружений, его деятельность была связана с занятием особо ответственных должностей – архитектора особо значимых сибирских учебных комплексов – Первых в Сибири Императорского университета и Технологического института. Кроме того, Ф.А. Черноморченко оставил свой след и в деревянном зодчестве города, построив по своему проекту интересное двухэтажное деревянное здание в центре Томска. Постройки Ф.А. Черноморченко были различны по своему функциональному назначению: это и учебные, и административные, и культурно-просветительные, а также частные постройки. И в каждом из них зодчий приносил стилевые направления, новые для застройки западносибирского города. Все творчество гражданского инженера Ф.А. Черноморченко в Омске, Томске, а также в Самаре отличают индивидуальность, приверженность к классическому наследию, глубокое знание конструкций и градостроительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова О.В. Гражданские инженеры – строители Томского университета // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 55–60.
2. Богданова О.В. Творчество гражданских инженеров в Омске // Проектирование и строительство в Сибири. 2006. № 2 (32). С. 37–42.
3. Девятярова И.Г. Краткие сведения об инженерах и архитекторах, работавших в Омске или проектировавших для города в XVIII – первой четверти XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1993. № 2. С. 113–115.
4. Залесов В.Г. Архитекторы Томска. Томск, 2004.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 184. Оп. 3. Д. 3797.
6. Государственный Архив Омской области. Ф. 65. Оп. 1. Д. 5.
7. Государственный архив Томской области. Ф. 194. Оп. 6. Д. 139.
8. Вибе П.П. Здание судебных установлений // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М. : Отечество, 1994. С. 88–90.

Bogdanova Olga. V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ol-pr2002@mail.ru

THE SIBERIAN PERIOD OF ARCHITECT F.A. CHERNOMORCHENKO'S CAREER

Keywords: Siberian period; career; architect; Fyodor Andreevich Chernomorchenko; Samara; Omsk; Tomsk.

In this article the author reviews the work of Russian architect Fyodor Andreevich Chernomorchenko with particular attention paid to his Siberian period. F.A. Chernomorchenko was born into an Orthodox bourgeois family in Melitopol county of Tauride province. After finishing the Melitopol Realschule he enrolled at the Institute of Civil Engineers in September 1891. He graduated from the institute in 1896 with the title of a civil engineer. There are two periods in F.A. Chernomorchenko's career: the first, from 1896 to 1911, was in the European part of Russia, and the second, from 1911 to 1923, was in Siberia. F.A. Chernomorchenko worked mainly in Sevastopol and Samara during the first period of his career, and in Tomsk and Omsk during the second. His commissions in Samara included the commercial school building, the I.M. Pleshanov Hospital, the military hospital, and the barracks for the Hussars of the Alexandria Regiment and an artillery battalion. The greatest number of buildings was erected by the architect on the main street of the city, Sobornaya Street. In Omsk, F.A. Chernomorchenko designed several important structures such as the Commercial School and the Gryaznov House, and erected buildings based on other architects' designs such as the House of Court Regulations and the Agricultural College. F.A. Chernomorchenko did not design buildings of such scale in Tomsk, but his activity was associated with occupying responsible positions of the architect of Siberia's most significant educational campuses, the first Imperial University in Siberia and the Technological Institute. The architect's work was in Eclectic and Neoclassical styles, but his leaning towards the classical heritage is more evident. In case of some classical buildings he was the author of the project, while he implemented the ideas of other architects in other commissions such as the House of Court Regulations and the Commercial School in Omsk, and the University Library in Tomsk. F.A. Chernomorchenko also adopted and applied new Art Nouveau elements, which manifested in the exteriors of the Gryaznov House and the Omsk Agricultural College. All above-mentioned buildings contributed to the central part of respective cities while being erected with respect to the existing urban development situation. Latest technology and materials were used during the construction of buildings. F.A. Chernomorchenko's projects were intended for different purposes, as there are educational, administrative, cultural and private buildings. The architect introduced new styles in each project, and these styles were also new to the architecture of a West Siberian city. F.A. Chernomorchenko's work in Omsk and Tomsk, as well as in Samara, is noted for its individuality, adherence to the classical heritage, and deep knowledge of constructions and town planning.

REFERENCES

1. Bogdanova, O.V. (2007) Grazhdanskie inzheneriy – stroiteli Tomskogo universiteta [Civil engineers-builders of Tomsk University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 303. pp. 55–60.

2. Bogdanova, O.V. (2006) Tvorchestvo grazhdanskikh inzhenerov v Omske [Creativity of civil engineers in Omsk]. *Proektirovanie i stroitel'stvo v Sibiri*. 2(32). pp. 37–42.
3. Devyat'yarova, I.G. (1993) Kratkie svedeniya ob inzhenerakh i arkhitektorakh, rabotavshikh v Omske ili proektirovavshikh dlya goroda v XVIII – pervoy chetverti XX vv. [Brief information about engineers and architects who worked in Omsk or designed for the city in the 18th – first quarter of the 20th centuries]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 2. pp. 113–115.
4. Zalesov, V.G. (2004) *Arkhitektory Tomska* [The Tomsk Architects]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering.
5. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA St. Peterburg). Fund 184. List 3. File 3797.
6. The State Archive of Omsk Region (GAOo). Fund 65. List 1. File 5.
7. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 194. List 6. File 139.
8. Vibe, P.P. (1994) Zdanie sudebnykh ustanovleniy [The building of judicial institutions]. In: Vibe, P.P., Mikheev, A.P. & Pugacheva, N.M. *Omskiy istoriko-kraevedcheskiy slovar'* [The Omsk Historical and Ethnographic Dictionary]. Moscow: Otechestvo. pp. 88–90.

УДК 37; 94(47)
DOI: 10.17223/19988613/52/12

Е.В. Бодрова, В.В. Калинов

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛИВШИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОТСТАВАНИЕ СССР НАКАНУНЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

На основе исследования основных направлений и результатов государственной научно-технической политики СССР, изучения опубликованных и неопубликованных документов и материалов в статье формулируется вывод о том, что к началу 1980-х гг. потенциал дальнейшего развития научно-технического комплекса страны на прежней основе по основным параметрам оказался исчерпанным. Наблюдался кризис сложившейся системы управления и экономической науки. СССР имел мощный промышленный, сырьевой и научный потенциал, но оптимальная стратегия развития не была разработана, не были созданы условия для новой стадии модернизации.

Ключевые слова: модернизация; научно-техническая политика; технологическое отставание.

На новом этапе российской модернизации и критической значимости для России технологического рывка, полагаем, важным и актуальным переосмысление причин технологического отставания, торможения модернизационных процессов накануне перестройки; определение степени влияния этого торможения на усиление экономического кризиса и центробежных тенденций. Начавшуюся в 1985 г. перестройку мы рассматриваем как одну из неудавшихся попыток очередного этапа российской модернизации. В ряду основных причин неуспеха – отсутствие достойных осуществления этой исторической задачи лидеров страны, не понимавших ни сути определяющих тогда тенденций развития мирового сообщества, ни специфики российской модели модернизации, ни значимости научно обоснованной, точной и последовательно реализуемой государственной научно-технической политики (ГНТП).

Анализ эволюции ГНТП СССР в 1970–1980-е гг. был осуществлен в ряде исследований [1–3]. Если авторы советского периода историографии в основном сосредоточивались на фиксации достижений науки и техники [4, 5], то в публикациях, вышедших в свет после распада СССР, содержащиеся в них выводы относительно эффективности ГНТП СССР, подчас, диаметрально противоположны [6–8].

Исследование различных концептуальных подходов, оценок и характеристик интересующих нас событий, обострившиеся дискуссии о необходимости точного выбора стратегии дальнейшего развития России в настоящее время, изучение неопубликованных документов оказались для нас определяющими. Изучение нами ранее отдельных аспектов проблемы разработки и реализации государственной научно-технической политики на разных этапах отечественной истории [9–11], введение в научный оборот значительного массива архивных документов позволяют подтвердить вывод, в настоящее время мало кем из серьезных исследователей оспариваемый, о том, что после Великой Отечественной войны, в 1950–1980-е гг.,

СССР ценой огромных усилий сумел восстановить и развить мощный промышленный и научно-технический потенциал, сформировать научные школы мирового уровня, одну из лучших в мире систем высшего технического образования. Одновременно приходится отрицать заключения ряда авторов о наличии в то время единой государственной научно-технической политики, национальной инновационной системы, нуждающихся в настоящее время лишь в трансформации и адаптации к рыночным условиям [12. С. 11–12; 13].

Изученные нами документы со всей очевидностью доказывают, что интеграционным процессам, созданию инновационной системы в национальном масштабе в то время препятствовали: ведомственный подход, предполагающий, прежде всего, развитие отраслевой науки; порочность плановой системы с ее жесткой регламентацией и централизмом, ориентацией, прежде всего, на объемы выпускаемой продукции, а не на массовый спрос и внедрение новой техники. До середины 1970-х гг. развитие СССР в условиях НТР, в целом, шло в русле общемировых тенденций, имея главной целью сохранение военно-стратегического паритета и преодоление отставания по ряду отраслей от наиболее передовых государств, прежде всего от США. Однако стратегически важными признавались традиционные, а не наукоемкие отрасли промышленности. Курс на преимущественное обновление фондов и реконструкцию, ставка на приоритетное совершенствование машиностроения, металлургии, ряда других отраслей в определенном смысле затормозил модернизацию хозяйственного механизма. Такой вариант одновременно предопределил отставание по основным качественным показателям развития, обусловил нарастание кризисных явлений, означал игнорирование позитивного отечественного и зарубежного опыта. Не удалось в полной мере сократить долю ручного труда. Замедлились и темпы роста валового продукта, и производительности труда, и среднегодовые темпы роста национального дохода. Возникновение технологической и экономической стагнации обуславливалось невосприимчивостью

экономики к нововведениям. Стала формироваться зависимость страны от мировых цен на нефть и газ.

Функционирующая тогда модель производства (заводы, для которых характерно стремление к полному циклу внутри предприятия, причем каждый из специализированных цехов был загружен на 5–10%) с организационно-технической точки зрения была неэффективной.

Растущее технологическое отставание не могло не настораживать ни власть, ни научное сообщество. Несомненно, Ю.В. Андропов прекрасно разбирался в ситуации: в 1982 г. под его руководством работала строго засекреченная группа при Межведомственном совете по изучению опыта социалистических стран – членов СЭВ и, в частности, различных вариантов перехода к рынку. В результате была разработана модель перехода к экономике смешанного типа, с курсом на акционирование, частную собственность, либерализацию цен [14. С. 8–9]. Академиком АН СССР Т.И. Заславской осенью 1982 г. было предложено отказаться от административных методов управления и использовать «стимулы, учитывающие экономические и социальные потребности работников и направляющие их интересы в нужную нашему обществу сторону» [15. С. 175].

В 1980-х гг. в стране развернулась дискуссия об эффективности хозяйственных мероприятий. В частности, была опубликована книга директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Ю.В. Яременко «Структурные изменения в социалистической экономике», в которой формулировался весьма тревожный вывод о неизбежности кризиса при продолжении использования высоких технологий исключительно для производства вооружений и одновременном форсировании экономического роста. Ведомства, ранее являющиеся составляющими единого государственного организма, в 60-е и 70-е гг., утверждал автор, превратились в автономные, преследующие собственные цели и пожиравшие ресурсы страны структуры. Ю.В. Яременко настаивал на радикальной смене экономического курса, предлагая централизованно и поэтапно осуществить конверсию оборонного комплекса. Поэтапным и длительным предлагался и переход к рынку. Процесс экономического роста представлялся ему не как наращивание объемов производства, но подъем экономики по ступеням технологического уровня при сохранении государственного регулирования [16].

В первой половине 1980-х гг. курс на обновление форм и методов научно-технической политики был закреплён целым рядом постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР [17. С. 442–451, 461]. Но Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве» от 18 августа 1983 г. и решения Пленума ЦК КПСС (декабрь 1983 г.) не стали ожидаемыми, рубежными. Руководство страны так и не предложило новых конкретных механизмов активизации инновационных процессов.

За первое пятилетие 80-х гг. были увеличены расходы на науку с 11,7 млрд руб. в 1970 г. до 22,3 – в

1980 г. и 28,6 млрд руб. – в 1985 г. [18. С. 13]. Впрочем, в середине 80-х гг. около 80% всех средств, выделявшихся на советскую науку, в той или иной степени были связаны с решением задач ВПК [19. С. 113–128]. Принятые властью решения носили консервативный характер, ориентировали на развитие, прежде всего, отраслевой науки, основной целью научно-технической политики определялось ресурсосбережение [20. С. 41, 143]. Анализ партийных документов позволяет говорить о том, что региональный аспект научно-технической политики лишь подразумевался и виделся только в контексте исключительно производственных задач, доминировал отраслевой подход, интересы регионов ставились в зависимость от интересов развития ведущих отраслей хозяйства.

Академией наук СССР, Государственным комитетом по науке и технике и Госстроем СССР была разработана комплексная программа научно-технического прогресса СССР, рассчитанная на 20-летнюю перспективу [21. С. 98–99], изданная в 1983 г. для служебного пользования [22]. Однако документ не отличался комплексностью, не учитывались ни опыт международного научного сотрудничества с точки зрения ресурсного обеспечения, ни экологические аспекты развития различных регионов. Разделы Программы были мало взаимосвязаны, для полного ее осуществления потребовалось бы кардинальное изменение работы существующего в тот период производственного аппарата.

Решения об ускорении научно-технического прогресса и повышении интенсификации производства так и не были реализованы. В 1982 г. рост производительности труда оказался на 1/3 ниже, чем в среднем в 1966–1967 гг., среднегодовой прирост ВВП в 1975–1985 гг. составлял половину его прироста в 1960–1975 гг. [23. С. 332]. В экспорте страны резко снизилась доля машин и оборудования: с 21,5% в 1970 г. до 13,9% в 1985 г. И, наоборот, росла доля топлива и энергии – до 53,7% в 1985 г. [24. С. 164]. Наблюдался процесс снижения темпов внедрения научных разработок в производство, технического переоснащения. Нередко научно-технические разработки велись и внедрялись в течение 10 лет и более [25].

Весьма перспективным и многообещающим нововведением должна была стать сформировавшаяся к началу 80-х гг. система научно-производственных объединений [26]. Только в машиностроительном комплексе в состав научно-производственных объединений было включено более 80% НИИ и опытно-конструкторских организаций [27. С. 156]. Но часто объединения создавались механически, а входившие в них предприятия и организации, сохраняя хозяйственную самостоятельность, продолжали решать разноплановые задачи [28. С. 53].

В начале 1980-х гг. предпринимались попытки активизировать движение изобретателей и рационализаторов. По предложению Госкомизобретений Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ от

28 декабря 1981 г. «Об установлении почетного звания «Заслуженный изобретатель СССР»» [29]. Им были удостоены С.Н. Федоров, Б.Е. Потон, Л.Н. Кошкин, Л.И. Данилов. В январе 1985 г. было присвоено около 2 тыс. званий «Заслуженный изобретатель республики» и около 5,5 тыс. – «Заслуженный рационализатор республики» [30. Л. 7].

В первой половине 1980-х гг. появились и новые формы общественной научно-технической деятельности: советы новаторов; общественные конструкторские и технологические бюро, помогающие изобретателям разрабатывать их предложения; общественные бюро экономического анализа, оценивающие экономическую эффективность изобретений и рационализаторских предложений. Большое развитие получили различные формы коллективного творчества молодежи. В стране действовало более 15 тыс. комплексных творческих молодежных коллективов. В них трудились около 120 тыс. молодых специалистов, рабочих, студентов. Практика деятельности этих коллективов показала, что цикл «исследование–производство» сокращался подобным образом в 1,5–2 раза. Стали традиционными проводимые на предприятиях конкурсы на звание «Лучший молодой рационализатор, изобретатель», «Твое первое рациональное предложение», научно-практические конференции, школы молодых рационализаторов, выставки НТТМ и многие другие мероприятия. Различными формами научно-технического творчества было охвачено более 8 млн детей и подростков, в 506 вузах действовали студенческие научные объединения, которые ежегодно выполняли работ на сумму более 51 млн руб. [Там же. Л. 141].

Эти мероприятия обеспечили достижение определенных, пусть и не столь масштабных, как ожидалось, результатов. В эти годы больше чем в 8 раз вырос объем торговли лицензиями с организациями социалистических стран, была создана Международная система патентной информации на основе разработки и внедрения новых проектных решений. Примерами в сфере изобретения и внедрения новейшей техники стали Ивановское станкостроительное производственное объединение им. 50-летия СССР, Рижское производственное объединение «ВЭФ», Ленинградское производственное объединение «ЛМЗ», «ЛОМО», «Электросила», производственное объединение «Уралмаш», Институт электросварки им. Е.О. Патона АН УССР. Под руководством академика Л.Ф. Верещагина сотрудникам Института физики высоких давлений удалось синтезировать сверхтвердый кристалл – эльбор. Инструмент, оснащенный таким кристаллом, обладал высокой стойкостью, обеспечивал высокую точность обработки, значительно повышал производительность труда. В Львовском политехническом институте были созданы новые установки для обработки деталей виброабразивным методом. Новая установка позволяла не только резко увеличить производительность технологического процесса, но и давала изделия с упрочненной поверхностью [30. Л. 2–3].

Большой интерес для промышленности представляла и установка для непрерывной разливки алюминиевых сплавов с формированием слитка в электромагнитном поле. Эта установка была защищена 10 авторскими свидетельствами, на право ее производства было продано 11 лицензий в США, Японию, Францию, Швецию, Швейцарию, ГДР, ВНР, ЧССР [30. Л. 3].

Специалистами промышленного объединения «Транспрогресс» на базе более 100 отечественных изобретений были созданы высокоэффективные системы трубопроводного пневмоконтейнерного транспорта, предназначенного для перевозки различных сыпучих грузов (известняка, грунта, гравия, бытового мусора) на короткие расстояния. Себестоимость перевозок по сравнению с автомобильным транспортом снижалась примерно в 2 раза. На основе разработок ВНИИСМИ – головной организации по разработке массовых средств малой механизации традиционных ручных операций в промышленности и строительстве – было создано и освоено в серийном производстве 44 типоразмера вибробезопасных ручных машин, что являлось беспрецедентным в мировой практике [Там же. Л. 4].

Сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института источников тока создали 40 изобретений, относящихся к цилиндрическим источникам тока марганцево-цинковой системы с щелочным электролитом. Трудоемкость изготовления новых источников тока оказалась в 1,5–2 раза меньше, чем используемых в производстве. Лицензии были проданы в Испанию, Югославию и другие страны.

Всесоюзным научно-исследовательским институтом по переработке нефти были разработаны составы и способы получения моторных масел для автомобильной промышленности, которые заменили импортные масла. Экономия от использования изобретения составляла 12 млн руб. [Там же. Л. 5–6].

Применение при обработке металлов резанием систем автоматического управления технологическим процессом, разработанных Московским станкоинструментальным институтом, позволяло увеличить точность обработки в 1,5 раза, производительность – на 25–50%, стойкость инструмента – в 1,5–2 раза. Работа была защищена 28 авторскими свидетельствами, коллективу – присуждена Ленинская премия. Во ВНИИ авиационных материалов был найден способ изготовления монокристалльных лопаток для газовых турбин. Ползучесть металла таких лопаток была снижена в 3–4 раза. Способ был запатентован в США, Бельгии, Швеции и других странах [Там же. Л. 6].

Ряд разработок, основанных на советских изобретениях, получил всемирное признание. В первой половине 80-х гг. золотыми медалями Всемирной организации интеллектуальной собственности были награждены: главный конструктор комбайна для уборки сахарного тростника Г.Н. Елкин, профессор Х.А. Саркисов – за создание вакцины для лечения дерматомикоза у животных, В.И. Лебедев – за разработку в области непрерывной разливки стали [Там же. Л. 7].

Далеко не полный перечень достижений впечатляет. О масштабах работы по активизации инновационных процессов свидетельствуют и документы Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР), основанного еще в 1932 г. По состоянию на январь 1988 г., в Обществе состояли более 118 тыс. предприятий, более 14 млн изобретателей и рационализаторов. За счет рационализаторских предложений обеспечивалось в среднем 30–35% общего роста производительности труда, 50–60% экономии материальных и сырьевых и около 80% топливно-энергетических ресурсов [30. Л. 7].

О, казалось бы, весьма оптимистичных показателях свидетельствуют и данные Всесоюзного научно-исследовательского института государственной патентной экспертизы, куда поступала ежегодно примерно тысяча заявок на открытие [Там же. Л. 104].

С 1957 г., когда был создан Государственный реестр открытий СССР, до начала 80-х гг. в него было занесено 300 фундаментальных, дотоле не известных закономерностей природы. Одним из последних на начало 80-х гг. открытий в области физики элементарных частиц явилось обнаружение на Серпуховском ускорителе еще одного новичка в семье ядерных частиц – мезонов, так называемого h -мезона, чье существование было предсказано.

Именная золотая медаль Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) была присуждена видному советскому ученому в области ветеринарии А. Саркисову. Вместе с коллегами он открыл свойство некоторых клеток паразитических грибов, являющихся возбудителями трихофитии (стригущего лишая), создавать пожизненный иммунитет против этой тяжелой болезни у многих животных. Открытие совершило переворот в ветеринарии.

Однако при наличии целого ряда открытий, изобретений и достижений в создании промышленных образцов техники и технологии, превышающих по технико-экономическим показателям мировой уровень, в основной массе продолжали осваиваться объекты техники и технологии, явно уступающие лучшим мировым образцам. В Государственном плане экономического и социального развития СССР и других планах более половины объектов новой техники и технологии не содержали изобретений. Не произошло существенных изменений и в сроках, и в масштабах использования вновь создаваемых изобретений. По-прежнему доля впервые используемых изобретений от числа регистрируемых не превышала 30%. Из них более 90% использовались только на одном предприятии. Кратность использования изобретений за пятилетний промежуток времени в среднем составляла 1,3 раза. Заметно сократилось в XI пятилетке количество изобретений и промышленных образцов, принятых для зарубежного патентования. В 1981–1985 гг. резко снизилось количество изобретений, предлагаемых министерствами и ведомствами для зарубежного патентования в целях охраны предполагаемого экспорта [31. Л. 25].

Председатель Государственного комитета по изобретениям и открытиям И.С. Наяшков в январе 1985 г., отчитываясь о деятельности Комитета в XI пятилетке, вынужден был признать наличие весьма серьезных проблем: отсутствие правовой охраны математического обеспечения ЭВМ и изобретений в области биотехнологий; существенные недочеты при раскрытии существа изобретения его автором до подачи заявки на охрану изобретения. Трудности наблюдались и с повышением эффективности патентования изобретений по процедуре Договора о международной кооперации, и с широким применением на практике подготовленных в рамках ВОИС рекомендаций о совместной изобретательской деятельности стран с различными экономическими системами [30. Л. 15, 19]. В отчете была определена задача «решительного устранения» имеющегося организационного и методического разрыва в планировании использования изобретений и НИОКР, направленных на создание высокоэффективной и конкурентоспособной техники [Там же. Л. 96]. С этой целью объединялись существующие патентные отделы и отделы по изобретательству и рационализаторству в единые подразделения патентно-лицензионной, изобретательской и рационализаторской работы [Там же. Л. 97].

К числу достоинств научно-технической политики этого периода и одновременно ее недостатков возможно отнести систему научно-технических планов. Задания по освоению новой техники в планах действительно присутствовали. Но жесткая регламентация и централизм, не учитывающие региональные интересы, стали факторами торможения. Анализ статистических данных показывает, что ситуация лишь ухудшалась: в XI пятилетке удельный вес заданий по освоению новой техники и технологии в планах на 1981–1986 гг. постоянно сокращался [32. Л. 4].

Вывод об автономизации ведомств, блокирующих нововведения, подтверждается и практикой составления ими планов. Работа по отбору изобретений и подготовке предложений по их использованию была поставлена таким образом, чтобы предложения о внедрении тех или иных проектов от Госкомизобретений в министерства и ведомства поступали за 1,5 года до срока формирования плана. Согласно отчетам, этим Комитетом за период с 1980 по 1984 г. было подготовлено около 4,5 тыс. конкретных предложений для включения в планы 1982–1986 гг., но оказались включенными лишь 20% из них [Там же. Л. 3].

В целом за период 1981–1985 гг. произошло снижение среднегодовых темпов роста использования изобретений в народном хозяйстве. Динамика и темпы роста этого показателя по стране за XI пятилетку были незначительными и составили всего 0,8%. В 1985 г. в заданиях Государственного плана экономического и социального развития СССР было предусмотрено использование всего 2 366 изобретений, а удельный вес заданий с использованием изобретений составил 27% против 35% в 1980 г. [Там же].

Статистика регистрации изобретений в Госреестре за 1980–1984 гг. также продемонстрировала снижение: если в 1980 г. было внесено в реестр 110 тыс. изобретений, то в 1984 г. – 79,5 тыс., т.е. сокращение составило 30% [30. Л. 35]. Тревожили и эти показатели, и качество экспертизы: из 8 признанных Госкомизобретений в 1975 г. изобретений им же в 1978 г. 4 было аннулировано [Там же. Л. 36]. Одним из самых серьезных сигналов явилось снижение как в абсолютном, так и в относительном выражении объема экономического эффекта от использования призванных быть высокоэффективными изобретений (100 тыс. руб. и более). В 1984 г. он составил 1670,3 млн руб. против 1 711 млн руб. в 1983 г. Также снизилось и количество фактов их использования: с 4 624 в 1983 г. до 4 524 в 1984 г. [Там же. Л. 95].

За годы XI пятилетки было зарегистрировано 34 открытия, имеющих прикладное значение. Они стали основой для 324 изобретений, но практическую реализацию в промышленности нашли лишь 84 из них [32. Л. 3].

Проводимые Госкомизобретений контрольные проверки ряда технических объектов показали, что 38% объектов по технико-экономическим показателям уступали зарубежным аналогам, 32% объектов не обладали патентной чистотой в отношении промышленно развитых стран [31. Л. 13]. Результаты контроля за обеспечением патентной чистоты 27 тыс. экспонатов 19 международных выставок, организуемых в СССР, и 24 684 экспонатов и 104 выставок, проводимых за рубежом в XI пятилетке, сделали невозможным участие по патентно-правовым соображениям 849 экспонатов (в X пятилетке – 460 экспонатов) [Там же].

В период 1981–1985 гг. было прекращена охрана за границей 4 963 изобретений, из них 68% по причине отсутствия коммерческой реализации за рубежом. Многие объекты техники с использованием патентуемых изобретений внедрялись медленно, в связи с чем старели, теряли свою конкурентоспособность и не находили спроса на рынке. Из общего количества изобретений, патентуемых за границей, на 1 января 1986 г. было внедрено только 59,3% [Там же. Л. 14].

Одной из самых серьезных проблем оставалась правовая защита изобретений. В решениях VI съезда ВОИР (май 1983 г.) весьма активно обсуждались эти вопросы. В частности, дискутировалась (не один год) необходимость издания Закона об изобретательстве в СССР, были внесены дополнения в действующее Положение об открытиях, изобретательстве и рационализаторских предложениях с целью совершенствования системы выплаты вознаграждений [30. Л. 99]. Но проблема формирования правовой базы и эффективной патентной системы в СССР до конца его существования оставалась нерешенной.

Настораживало состояние дел и в отраслевой науке. С одной стороны, с 1950 по 1990 г. рост численности научно-технического сообщества в 1,8 раз превысил рост общей численности научных работников в целом [33. С. 28]. Сеть отраслевых НИИ значительно разрослась: если, по данным ЦСУ, в 1966–1976 гг. только 4–

5% предприятий имели подразделения, ведущие научно-технические разработки [34. С. 124–130], то, по одним данным, количество научно-технических подразделений в промышленности к началу 1981 г. составляло 86 тыс., а число работников заводского сектора науки превысило 1,6 млн человек [35. С. 97]. По другим данным, за период с 1980 по 1985 г. количество научно-технических подразделений выросло с 2 478 до 2 607, филиалов и отделений – с 530 до 564 [18. С. 4]. Но в большинстве своем эти структуры не имели научных школ, достойной экспериментальной базы и, соответственно, результативности [36. С. 60; 37; 38. Л. 34].

В январе 1985 г. Председатель Госкомизобретений И.С. Наяшков, выступая на пресс-конференции, говорил в основном о достижениях ГНТП: «В СССР каждые семь минут рождается новое техническое решение – изобретение. Только за три года XI пятилетки экономический эффект от использования в народном хозяйстве новых технических решений составил около 8 млрд рублей. Активно развивается торговля советскими лицензиями. Фирмы более чем 40 стран, из которых половина является промышленно развитыми, воспользовались правом выпускать продукцию по лицензиям, приобретенным в СССР. Все шире практикуется патентование за рубежом новых технических достижений СССР. Советские изобретения патентуются в 60 странах» [30. Л. 1].

Однако уже в мае 1985 г. его заявления отличались гораздо большей критичностью и масштабностью перестроечных планов: «Необходим переход к принципиально новым технологическим системам, дающим наивысшую эффективность, к перевооружению всех отраслей на основе современных достижений науки и техники, преодоление технологического отставания от развитых капиталистических стран. Упрямые факты говорят сами за себя: если по объему производства СССР приближается в целом к США, то по производительности труда мы отстаем в 2,5 раза. На единицу произведенного национального дохода мы расходует в 2 раза больше металла, в 1,3 топлива, значительно больше сырья. По параметрам и качеству многих видов продукции СССР пока существенно уступает лучшим аналогам. Причем за 10 лет разрыв в отставании практически не сократился, а кое-где и возрос. Анализ динамики активности и эффективности использования изобретений в стране и в отдельных отраслях народного хозяйства показывает, что прошедшие четыре года X пятилетки характеризовались значительным снижением темпов роста количества впервые используемых в стране изобретений... Особо значительное снижение активности использования изобретений за четыре года текущей пятилетки по сравнению с прошедшей пятилеткой имеет место в Минприборе, Минхимпроме и Минэнерго» [Там же. Л. 113]. В качестве одной из причин И.С. Наяшков называл «пассивную позицию министерств – потребителей техники»: «Нередко они предпочитают получать то, что дают, вместо того, что нужно. Заявка на новую технику часто отвергается, так

как она не изготавливается. А не изготавливается, поскольку нет заявок» [30. Л. 145].

Таким образом, радикальных изменений в государственной научно-технической политике в первой половине 1980-х гг. так и не произошло. Эффективность вложений была невелика. В стране ежегодно регистрировалось около 200 тыс. научных исследований, выдавалось почти 80 тыс. авторских свидетельств за изобретения, а внедрялось в производство не более 25 тыс., из них 12 тыс. – всего на одном или двух предприятиях [38. С. 9].

Разрабатываемые в 70–80-е гг. программы по реализации ГНТП в единую систему не сложились, часть из них носила декларативный характер. По мнению В.А. Кулика, предпринимаемые Ю.В. Андроповым попытки по преодолению нарастающих кризисных явлений были желанием соединить то, что соединить в принципе было невозможно, а именно политику, базирующуюся на новых идеях и доктринах, и уже зарекомендовавшие свою полную неэффективность методы ее реализации [39. С. 46]. Исследователь правомерно утверждает, что экономическая система, перестав реагировать на требования НТР, не воспринимала нововведения, не обеспечивала интеграцию науки и производства, формировалась сырьевая зависимость страны [40. С. 46]. В 1979 и в 1980 г. была проведена оценка технического уровня около 20 тыс. машин и оборудования, выпускаемых машиностроением, которая показала, что треть нуждалась в снятии с производства [Там же. С. 389].

Наблюдался поэтапный, поуровневый кризис сложившейся системы управления и экономической науки, продемонстрировавших неспособность обеспечить переход страны на новый виток технологического развития. Изменения, которые наблюдались в 1983–1984 гг., были достигнуты за счет мер организационно-политического, внеэкономического характера. Создание научно-производственных объединений и межотраслевых научно-технических комплексов, обеспечивших в целом неплохую динамику промышленного внедрения разработок, рост численности отраслевых НИИ, формирование территориально-отраслевых программ и фондов научно-технического развития не могли обеспечить технологического прорыва. Более того, снижался удельный вес завершенных научно-исследовательских тем: с 9,1% в 1980 г. до 5,9% в 1986 г. Особенно тревожно выглядело положение с внедрением изобретений и открытий. Доля внедренных разработок по новой технике с изобретениями оставалась незначительной. Сложившаяся в экономике ситуация порождала девальвацию инженерного труда: инженер-

но-технические кадры использовались зачастую нерационально, эффективность труда специалистов в промышленности снизилась на 30–35% [41. С. 23].

Институционализация системы управления научно-техническим комплексом способствовала развитию науки и техники в русле заданного экономического курса, но центр тяжести в управлении оставался смещенным на отраслевой уровень. Напрашивался вывод о необходимости планирования науки по конечной эффективности, а не израсходованным средствам. Проблема заключалась не в объемах финансирования научной деятельности, а в способах реализации этих капиталовложений.

Одним из серьезнейших просчетов в ходе разработки и реализации государственной промышленной и научно-технической политики явилась недооценка значимости высоких технологий. Между тем информационные технологии в ведущих странах стали катализатором экономического роста и составляющей технологического рывка. Состояние дел именно в этой сфере стало одним из серьезнейших симптомов торможения модернизационных процессов в СССР [11. С. 189–201].

Очевидно, что для изменения ситуации требовались кардинальные перемены, связанные с интенсификацией научной деятельности, развитием новых отраслей научного знания, расширением взаимодействия науки с производством и решением реальных экономических задач, внедрением открытий и изобретений в промышленном секторе. Кроме того, государственной промышленной и научно-технической политике не хватало системности, ее эффективность была также ограничена несовершенствами текущей организационно-управленческой работы. Сдерживающими факторами являлись слабая техническая и информационная обеспеченность работы научных подразделений предприятий, остаточное финансирование гражданской науки. Основное противоречие было обусловлено и несоответствием в целом правильных политических установок и реальных организационных и материально-технических возможностей для их реализации в условиях надвигающегося всестороннего кризиса административной системы.

СССР имел мощный промышленный, сырьевой и научный потенциал, одну из лучших в мире систем образования. Но в 1980-е гг. оптимальная стратегия не была разработана, на общегосударственном уровне эффективной координации добиться не удалось, вместо принятия крупных радикальных мер принимались частные, подчас, декларативные, не предусматривающие реальных стимулов для выпуска новой техники и технологии, технического обновления производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова А.З. Деятельность КПСС по осуществлению единой научно-технической политики: проблемы историографии. Кишинев, 1989. 139 с.
2. Голеусова Л.П. Научно-техническая политика КПСС: Некоторые итоги и проблемы исследований. М., 1987. 156 с.
3. Папьян З.Т. КПСС и главные направления научно-технической политики на современном этапе. Ереван, 1977. 199 с.
4. Душкова Н.А. Путь к прогрессу: иллюзии и реальность (Советская и англо-американская литература о научно-технической политике в СССР в 60–80-е гг.). Воронеж, 1993. 226 с.
5. Nove A. Das sowjetische Wirtschaftssysteme. Baden-Baden, 1980.

6. Степанов В.Р. НТР: государственная политика и регион (на материалах индустриального развития республик Волго-Вятского экономического региона в 50–80-е годы). Казань, 2004. 423 с.
7. Водичев Е.Г. Путь на восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири (сер. 50-х – 60-е гг.). Новосибирск, 1994. 203 с.
8. Машковская Т.О. Государственная политика СССР и Российской Федерации в сфере науки и научно-технического прогресса (1955–1997 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999. 52 с.
9. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В., Калинова К.В., Сергеев С.В. Государственная научно-техническая политика в модернизационной стратегии России. М., 2013. 672 с.
10. Калинов В.В. Государственная научно-техническая политика (1985–2011 гг.). М.: Изд-во МГУ, 2011. 456 с.
11. Бодрова Е.В., Кашкин Е.В. Технологическое отставание как фактор распада СССР // Российский технологический журнал. Т. 5, № 3. С. 189–201.
12. Велихов Е.П., Бетелин В.Б., Кушниренко А.Г. Промышленность, инновации, образование и наука в России. М.: РАН, 2009. С. 11–12.
13. Пелих А.Л. Политика Советского государства по организации и развитию научных исследований (1917–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 396 с.
14. Корягина Т.И. Худший из вариантов перестройки // Наш современник. 1992. № 3. С. 8–9.
15. Геллер М. Утопия у власти. М., 1995. 499 с.
16. Яременко Ю.В. Экономический беседы // Сайт С. Белановского. URL: <http://www.sbelan.ru/content>
17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1986. Т. 14. С. 442–451, 461.
18. Наука и технический прогресс в СССР. М., 1987. С. 13.
19. Опенкин Л.А. И.В. Сталин: последний прогноз будущего (Из истории написания работы «Экономические проблемы социализма в СССР») // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 113–128.
20. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1982. С. 41, 143.
21. Научно-технический прогресс: словарь. М., 1987. 336 с.
22. СССР 1983 и 2005 годов глазами Академии наук и Госплана. URL: [http://statehistory.ru/4724/SSSR-1983-i-2005-godov-glazami-Akademii-nauk-i-Gosplana/](http://statehistory.ru/4724/SSSR-1983-i-2005-godov-glazami-Akademii-nauk-i-Gosplana/http://statehistory.ru/4724/SSSR-1983-i-2005-godov-glazami-Akademii-nauk-i-Gosplana/)
23. Кудров В.М. Россия и мир: Экономика России в мировом контексте. СПб.: Алетея; М.: ГУ ВШЭ, 2010. 575 с.
24. Гайдар Е. Аномалии экономического роста. М., 1997. 228 с.
25. Макаренко Е.И. Социально-исторические аспекты проведения научно-технической политики и подготовка технических кадров: Российский опыт XX века. М.: МАДИ, 2008. 272 с.
26. Таксир К.И. Научно-производственные объединения. М., 1977. 160 с.
27. Наука в экономической структуре народного хозяйства. М., 1990. 192 с.
28. Кутырев А.В. Научно-техническая политика в СССР: механизм трансформации на московском территориальном уровне. 1976–1991: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 207 с.
29. URL: https://www.lawmix.ru/docs_cccp/4345
30. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 373. Оп. 1. Д. 4044.
31. РГАЭ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 4048.
32. РГАЭ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 4258.
33. Бурганова Т.А. Научно-техническое сообщество в условиях трансформации Российского социума. Казань, 2007. 104 с.
34. Организационные формы связи науки с производством в промышленности / под ред. М.А. Гусакова. Л., 1980. 152 с.
35. Покровский В.А. Ускорение НТП: организация и методы. М., 1983. 216 с.
36. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1986. Т. 2. 320 с.
37. Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 4. Оп. 220. Д. 915.
38. Ефимов К.А., Селин И.И., Троицкий Е.Е. Экономические проблемы научно-технического прогресса. М., 1986. 176 с.
39. Кулик В.А. Государственная научно-техническая политика СССР в 1980–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 198 с.
40. Аксенов Ю.С. Механизм торможения и революционная перестройка // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989. 452 с.
41. Зуев В.М., Полилова О.П. Использование специалистов в СССР и в зарубежных странах: сб. науч. тр. / НИИ пробл. высш. шк.; ред-кол. В.М. Зуев (отв. ред.) и др. М.: НИИВШ, 1990. С. 18–25.

Bodrova Elena V. Moscow Technological University (Moscow, Russia). E-mail: kafedra-i@yandex.ru

Kalinov Vyacheslav V. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University) (Moscow, Russia). E-mail: kafedra-i@yandex.ru

THE FACTORS THAT DETERMINED THE TECHNOLOGICAL BACKWARDNESS OF THE USSR ON THE EVE OF "PERESTROIKA"

Keywords: modernization; science and technology policy; technological gap.

The aim of this publication is to study the evolution of the national R&D policy in the late Soviet period of Russian history and to identify the factors that determined the worsening technological backwardness of the country by the beginning of the 1980s. The sources of the research were, first of all, the archival materials stored in the funds of the State Archive of the Russian Federation (GARF) and the Russian State Archive of Economics (RSAE). These in our opinion allow us to review with greater objectivity and reliability the achievements and miscalculations of the authorities in the scientific and technical sphere, assess the actual state of the country's scientific and technical complex, as well as the ability of the real sector to modernize the industry. The author concludes that by the early 1980s, the potential for further development of the country's scientific and technical complex on the basis of the basic parameters was exhausted. The existing model of production from the organizational and technical point of view was inefficient. Integration processes as well as the creation of an innovative system on the national scale at that time were hampered by: a departmental approach, which presupposes, above all, the development of sectoral science and hampers the development and implementation of cross-sectoral projects; the vicious planned system with its rigid regulation and centralism, orientation primarily on the volumes of output, rather than on mass demand and the introduction of new technology. The main emphasis was on the mass application of the already accumulated scientific and technical experience, on some insignificant reorganizations. Perspective domestic achievements for years were not mastered by industry. One of the serious failures of the authorities was inattention to the development of high technologies in the civil sector, the trend to borrow outdated foreign models. There was a crisis of the existing system of management and economic science, which demonstrated a lack of understanding of the essence of the main trends in the development of the world community, the specifics of the Russian model of modernization, the significance of scientifically grounded, accurate and consistently implemented state scientific and technical policy. In general, they were unable to ensure the transition of the country with a powerful raw material, scientific, technical and industrial potential to a new round of technological development that did not create the conditions for a new stage of modernization. This later became one of the factors that determined the development of the economic crisis and centrifugal tendencies.

REFERENCES

1. Volkova, A.Z. (1989) *Deyatel'nost' KPSS po osushchestvleniyu edinoi nauchno-tekhnicheskoy politiki: problemy istoriografii* [The CPSU activities to implement a unified scientific and technical policy: the problems of historiography]. Chişinău: Ştiinţa.
2. Goleusova, L.P. (1987) *Nauchno-tekhnicheskaya politika KPSS: Nekotorye itoga i problemy issledovaniy* [The CPSU scientific and technical policy: Some results and problems of research]. Moscow: Mysl'.
3. Papyan, Z.T. (1977) *KPSS i glavnye napravleniya nauchno-tekhnicheskoy politiki na sovremennom etape* [The CPSU and the main directions of scientific and technical policy at the present stage]. Yerevan: [s.n.].
4. Dushkova, N.A. (1993) *Put' k progressu: illyuzii i real'nost'* (Sovetskaya i anglo-amerikanskaya literatura o nauchno-tekhnicheskoy politike v SSSR v 60-80-e gg.) [The path to progress: illusions and reality (Soviet and Anglo-American literature on scientific and technical policy in the USSR in the 1960-1980s)]. Voronezh: [s.n.].
5. Nove, A. (1983) *Das sowjetische Wirtschaftssystem* [Soviet economic system]. Baden-Baden: [s.n.].
6. Stepanov, V.R. (2004) *NTR: gosudarstvennaya politika i region (na materialakh industrial'nogo razvitiya respublik Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo regiona v 50-80-e gody)* [STR: state policy and region (a case study of industrial development in the Volga-Vyatka economic region in the 1950-1980s)]. Kazan: Kazan State University.
7. Vodichev, E.G. (1994) *Put' na vostok: formirovaniye i razvitiye nauchnogo potentsiala Sibiri (ser. 50-kh – 60-e gg.)* [The way to the east: the formation and development of the scientific potential of Siberia (mid 1950s - 1960s)]. Novosibirsk: Ekor.
8. Mashkovskaya, T.O. (1999) *Gosudarstvennaya politika SSSR i Rossiyskoy Federatsii v sfere nauki i nauchno-tekhnicheskogo progressa (1955–1997 gg.)* [The state policy of the USSR and the Russian Federation in scientific and technological progress (1955–1997)]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
9. Bodrova, E.V., Gusarova, M.N., Kalinov, V.V., Kalinova, K.V. & Sergeev, S.V. (2013) *Gosudarstvennaya nauchno-tekhnicheskaya politika v modernizatsionnoy strategii Rossii* [State scientific and technical policy in the modernisation strategy of Russia]. Moscow: Moscow State University.
10. Kalinov, V.V. (2011) *Gosudarstvennaya nauchno-tekhnicheskaya politika (1985-2011 gg.)* [State scientific and technical policy (1985-2011)]. Moscow: Moscow State University.
11. Bodrova, E.V. & Kashkin, E.V. (2017) Tekhnologicheskoe otstavaniye v kak faktor raspada SSSR [Technological lag in as a factor of the collapse of the USSR]. *Rossiyskiy tekhnologicheskii zhurnal – Russian Technological Journal*. 5(3). pp. 189–201.
12. Velikhov, E.P., Betelin, V.B. & Kushnirenko, A.G. (2009) *Promyshlennost', innovatsii, obrazovanie i nauka v Rossii* [Industry, innovation, education and science in Russia]. Moscow: RAS. pp. 11–12.
13. Pelikh, A.L. (2007) *Politika Sovetskogo gosudarstva po organizatsii i razvitiyu nauchnykh issledovaniy (1917-1991 gg.)* [The Soviet policy on the organisation and development of scientific research (1917–1991)]. History Dr. Diss. Moscow.
14. Koryagina, T.I. (1992) *Khudshiy iz variantov perestroiki* [The worst of the Perestroika variants]. *Nash sovremennik*. 3. pp. 8–9.
15. Geller, M. (1995) *Utopiya u vlasti* [Utopia in power]. Moscow: MIK.
16. Yaremenko, Yu.V. (n.d.) *Ekonomicheskiy besedy* [Economic conversations]. [Online] Available from: <http://www.sbelan.ru/content>.
17. Egorov, A.G. & Bogolyubova, K.M. (eds) (1986) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898-1986)* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. Vol. 14. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 442–451.
18. USSR AS. (1987) *Nauka i tekhnicheskii progress v SSSR* [Science and technological progress in the USSR]. Moscow: Nauka.
19. Openkin, L.A. (1991) I.V. Stalin: posledniy prognoz budushchego (Iz istorii napisaniya raboty "Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR") [I.V. Stalin: the last forecast of the future (From the history of the work "Economic Problems of Socialism in the USSR")]. *Voprosy istorii KPSS*. 7. pp. 113–128.
20. CPSU. (1982) *Materialy XXVI s"ezda KPSS* [Proceedings of the 26th Congress of the CPSU]. Moscow: Politizdat.
21. Frolov, I. & Petrov, V. (1987) *Nauchno-tekhnicheskii progress: Slovar'* [Scientific and Technological Progress: A Dictionary]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
22. USSR AS. (n.d.) *SSSR 1983 i 2005 godov glazami Akademii nauk i Gosplana* [The USSR in 1983 and 2005 through the eyes of the Academy of Sciences and Gosplan]. [Online] Available from: <http://statehistory.ru/4724/SSSR-1983-i-2005-godov-glazami-Akademii-nauk-i-Gosplana/>.
23. Kudrov, V.M. (2010) *Rossiya i mir: Ekonomika Rossii v mirovom kontekste* [Russia and the World: The Economy of Russia in a Global Context]. St. Petersburg: Aleteyya; Moscow: HSE.
24. Gaydar, E. (1997) *Anomalii ekonomicheskogo rosta* [Anomalies of economic growth]. Moscow: Evraziya.
25. Makarenko, E.I. (2008) *Sotsial'no-istoricheskie aspekty provedeniya nauchno-tekhnicheskoy politiki i podgotovka tekhnicheskikh kadrov: Rossiyskiy opyt XX veka* [The socio-historical aspects of scientific and technical policy and training of technical personnel: Russian experience of the twentieth century]. Moscow: MADI.
26. Taksir, K.I. (1977) *Nauchno-proizvodstvennye ob"edineniya* [Scientific and production associations]. Moscow: Nauka.
27. Anon. (1990) *Nauka v ekonomicheskoy strukture narodnogo khozyaystva* [Science in the national economy]. Moscow: [s.n.].
28. Kutylev, A.V. (2007) *Nauchno-tekhnicheskaya politika v SSSR: mekhanizm transformatsii na moskovskom territorial'nom urovne. 1976–1991* [The USSR scientific and technical policy: the mechanism of transformation at the Moscow territorial level. 1976–1991]. History Cand. Diss. Moscow.
29. USSR. (1981) *Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 28.12.1981 n 6277-x ob ustanovlenii pochetnogo zvaniya "Zasluzhennyy Izobretatel' SSSR"* [Decree n 6277-x of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of December 28, 1941, On the Establishment of the USSR Honoured Inventor Title]. [Online] Available from: https://www.lawmix.ru/docs_cccp/4345.
30. The Russian State Archive of Economics (RSAE). Fund 373. List 1. File 4044.
31. The Russian State Archive of Economics (RSAE). Fund 373. List1. File 4048.
32. The Russian State Archive of Economics (RSAE). Fund 373. List 1. File 4258.
33. Burganova, T.A. (2007) *Nauchno-tekhnicheskoe soobshchestvo v usloviyakh transformatsii Rossiyskogo sotsiuma* [Scientific and technical community under the transformation of the Russian society]. Kazan: Kazan State Economic University.
34. Gusakov, M.A. (1980) *Organizatsionnye formy svyazi nauki s proizvodstvom v promyshlennosti* [Organizational forms of communication between science and industry in industry]. Leningrad: Nauka.
35. Pokrovskiy, B.A. (1983) *Uskoreniye NTP: organizatsiya i metody* [Acceleration of NTP: organization and methods]. Moscow: Ekonomika.
36. CPSU. (1986) *XXVII s"ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [The 27th Congress of the CPSU]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
37. Central Archive of the Socio-Political History of Moscow (TsAOPIIM). Fund 4. List 220. File 915.
38. Efimov, K.A., Selin, I.I. & Troitskiy, E.E. (1986) *Ekonomicheskie problemy nauchno-tekhnicheskogo progressa* [Economic problems of scientific and technological progress]. Moscow: Ekonomika.
39. Kulik, V.A. (2010) *Gosudarstvennaya nauchno-tekhnicheskaya politika SSSR v 1980-1991 gg.* [The USSR state scientific and technical policy in 1980–1991]. History Cand. Diss. Moscow.
40. Aksenov, Yu.S. (1989) *Mekhanizm tormozheniya i revolyutsionnaya perestroika* [The mechanism of inhibition and revolutionary restructuring]. In: Kinkulkin, A.T. (ed.) *Stranitsy istorii sovetskogo obshchestva. Fakty, problemy, lyudi* [Pages of the history of Soviet society. Facts, problems, people]. Moscow: Politizdat.
41. Zuev, V.M., Polilova, O.P. et al. (eds) (1990) *Ispol'zovanie spetsialistov v SSSR i v zarubezhnykh stranakh* [The use of specialists in the USSR and in foreign countries]. Moscow: NIIVSh. pp. 18–25.

УДК 378.1

DOI: 10.17223/19988613/52/13

**Л.В. Дериглазова, А.А. Балякин, А.М. Погорельская, И.Е. Полтарыхина, А.Д. Шабалина,
Д.О. Катаман, Д.Д. Трифонова, Д.В. Шведов, Н.В. Лескина, А.М. Михайлов,
М. Озубекова, О.Ю. Смоленчук, Н.Е. Чугунова**

УНИВЕРСИТЕТ БУДУЩЕГО: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ВУЗА

В статье отражены результаты работы участников Международной летней школы «Высшее образование и академическая мобильность молодежи в современных интеграционных процессах», прошедшей в Томском государственном университете 2–5 июля 2017 г. В ней представлен анализ трех направлений деятельности вуза, играющих ключевую роль в его модернизации в соответствии с требованиями времени, а также даны рекомендации по повышению эффективности работы вуза в указанных направлениях.

Ключевые слова: университет; рынок труда; академическая мобильность; мировое образовательное пространство.

Сегодня в связи с ускорением темпов жизни и обмена информацией, а также технологического прогресса в целом, люди как никогда чувствуют необходимость не просто получения образования, позволяющего адекватно реагировать на изменения в мире, но и постоянного обновления своих знаний и навыков. Несмотря на доступность и обилие источников информации, человеку важно уметь получать ее, обрабатывать и грамотно использовать для достижения поставленных целей. Важнейшим транслятором таких умений был и остается Университет. Высшее образование выступает не только источником знаний, но и формирует культуру и личность человека, влияет на его мировоззрение, открывая ему новые горизонты, развивая навыки и умения для успешной карьеры и жизни. Университет становится той средой, без которой невозможен рост человека, как интеллектуальный, так и личностный.

В России сегодня активно обсуждают современное состояние системы высшего образования и осмысливают мировой опыт. Наряду с дискуссиями о путях реформирования высшего образования, выстраивания образования в течение всей жизни, соответствия высшего образования запросам общества и рынка труда относительно мало внимания уделяется интеграции самой системы высшего образования. Сегодня мир не только объединяется под натиском глобализации, но и делится на региональные экономические группировки, поэтому вопрос об интеграции высшего образования в рамках региональных экономических объединений является актуальным.

2–5 июля на базе Томского государственного университета прошла Международная летняя школа «Высшее образование и академическая мобильность молодежи в современных интеграционных процессах». Студенты, аспиранты и молодые ученые из вузов Бишкека, Екатеринбурга, Иркутска, Кемерово, Москвы, Новосибирска, Омска, Томска и Ханты-Мансийска приняли участие в коллективном проекте по созданию модели Университета будущего. Учитывая сложность работы,

было решено сосредоточиться на анализе трех направлений: 1) соответствие компетенций выпускников университетов запросам рынка труда; 2) международная академическая мобильность; 3) интеграция университета в мировое образовательное пространство.

Ежедневно участники школы посещали лекции и мастер-классы российских и зарубежных экспертов, посвященные образовательной мобильности, изменениям в области высшего образования и отдельным аспектам влияния международной интеграции на высшее образование. В рамках проектной деятельности участники школы вели работу в группах, выявляя проблемы, с которыми сталкиваются университеты в трех соответствующих сферах, и предлагали свои идеи по решению проблем. Результаты проектной работы обсуждались с экспертами, принявшими участие в школе, среди которых можно отметить таких специалистов, как Артём Балякин, начальник отдела научно-технических программ и проектов Управления научно-аналитической информации, НИЦ «Курчатовский институт» (г. Москва); Айгерим Оспанова, заведующая кафедрой регионоведения Евразийского национального университета (г. Астана, Казахстан); Лариса Дериглазова, руководитель Центра превосходства им. Жана Монне, профессор Томского государственного университета (ТГУ), Сергей Мирошников, доцент ТГУ, и Сергей Юн, доцент ТГУ и руководитель магистерской программы «Евразийские исследования».

После завершения летней школы участники групп доработали тексты, стараясь учесть советы и замечания, прозвучавшие на презентации итогов проектной работы. Оценивая результаты Международной летней школы, участники одобрили формат работы в проектных группах, отмечая практическую направленность, удобство и эффективность общения в группах, а также возможности получения конструктивных отзывов от экспертов. Кроме того, участники отметили удобство программы летней школы, сочетающей разные формы обучения; высокое качество общения с экспертами

летней школы; актуальность поднятых вопросов, а также предоставленные возможности для поиска новых контактов и обогащения своих знаний и навыков.

Ниже мы приводим тексты, в которых участники летней школы выразили свое видение Университета будущего и способы достижения этой цели. Редакция проектов была подготовлена при участии Артёма Александровича Балякина, канд. физ.-мат. наук, начальника отдела научно-технических программ и проектов Управления научно-аналитической информации НИЦ «Курчатовский институт»; Анастасии Михайловны Погорельской, к.и.н., научного сотрудника Центра исследования международных организаций и сетевых структур (ЦИМОСС) Томского государственного университета; и Ларисы Валериевны Дериглазовой, д-ра ист. наук, профессора Томского государственного университета и руководителя «Центр превосходства им. Жана Монне».

Подготовка летней школы и данной публикации проходила в рамках реализации проекта Центр превосходства им. Жана Монне: фокус на молодежь (грант № 2015-0860/071-001).

1. Проблема соответствия квалификации выпускников запросам рынка труда. Между университетами и рынком труда существует тесная взаимосвязь: высшая школа готовит для рынка квалифицированные кадры, способные выполнять сложные задачи и занимать руководящие должности. Рынок одновременно контролирует качество образования, «отсеивая» неконкурентоспособных соискателей, и постоянно ставит перед университетом новые задачи, связанные с количеством кадров по определенным направлениям подготовки, появлением новых специальностей, эволюцией технологий производства и т.д. В связи с этим ниже выделены несколько ключевых проблем соответствия компетенций выпускников требованиям работодателей, а также предложены пути их решения в виде рекомендаций.

В данное время *взаимодействие высших учебных заведений и рынка труда* в России невелико и малоэффективно. Работодатели отмечают несоответствие квалификаций выпускников запросам рынка. Тем не менее с изменением требований к работнику в российских вузах начинают появляться и развиваться междисциплинарные направления подготовки. Однако современная высшая школа не имеет возможности адекватно и своевременно реагировать на подобные вызовы – введение каждой новой специальности занимает 3–5 лет, в то время как многие очевидно устаревшие направления подготовки продолжают набор, снабжая рынок неконкурентоспособными кадрами, практически обреченными на безработицу. Это связано, прежде всего, с *недостаточной академической свободой университета*, который вынужден согласовывать планы развития и тратить годы на прохождение программ и стандартов через проверку различными бюрократическими структурами.

Работодатель в системе высшего образования представлен ограниченно – это целевые места и производ-

ственная практика в отдельных учебных заведениях, прежде всего технических. В целом же выпускники не готовы немедленно продуктивно включиться в рабочий процесс, нуждаясь в дополнительной подготовке, структурировании или кураторстве более опытных коллег. С этим связана *низкая заинтересованность работодателей в найме соискателей без опыта работы*, вне зависимости от того, какому университету принадлежит диплом.

Отдельной проблемой университета является *некачественная профориентационная работа*. Сегодня задача вуза состоит не только в презентации образовательных программ, что также является важным направлением работы – многие отмечают сложность доступа к информации о количестве набора, вступительных испытаниях, содержании образовательных программ; но и в прояснении абитуриентам, их родителям и даже работодателям что такое Болонский процесс, к которому присоединилась Россия в 2003 г. Сейчас мы находимся в рамках переходного периода: с одной стороны, образование и в перспективе рынок труда становятся более открытыми, интегрированными в мировую систему; с другой – в связи с отменой специалитета и введением новых ступеней, принятых вне российской образовательной традиции, в обществе бытует мнение о неполноценности образования в рамках бакалавриата. Нередко продолжения образования в рамках магистратуры требует и работодатель из государственного сектора. Таким образом, теряется ценность высшего образования, магистры как прикладных, так и академических направлений не ориентированы на преподавание и науку.

Также в связи со *слабым взаимодействием рынка труда и университета, отсутствием статистической работы и прогнозирования*, вуз не может предоставить абитуриенту информацию о востребованности тех или иных направлений подготовки сегодня и через 5–10 лет.

Решением может стать *создание аналитических центров* на базе университетов, что позволит взаимодействовать с биржей труда, анализировать ситуацию на рынке, выявлять недостаток или избыток конкретных специалистов, прогнозировать спрос на годы вперед. Также на базе центров возможна организация встреч с предпринимателями и представителями власти для интенсификации их участия в формировании структуры рынка рабочей силы.

На основе работы таких центров могут быть созданы мобильные приложения / базы данных, включающие информацию обо всех направлениях подготовки, реализуемых в регионе. Порой абитуриент не в состоянии сделать выбор, проанализировать свои возможности и интересы в соответствии с предложениями вузов или не имеет информации о тех или иных специальностях, которые могут быть представлены в вузах соседнего города. Данное приложение, по нашему мнению, должно представлять собой базу данных, в которой отбор можно провести по таким критериям, как сфера

интересов, требуемых предметов и баллов ЕГЭ, финансовых возможностей, географических предпочтений. Важно, чтобы подобное приложение могло предоставить информацию о всех подходящих направлениях подготовки и оценку востребованности таких специалистов по регионам страны. Кроме того, в качестве справочных материалов оно может содержать информацию об особенностях высшего образования в рамках бакалавриата, а также прикладных и академических направлений магистратуры. Такая возможность может сыграть большую роль в принятии решения абитуриентами, выбирающими свой жизненный путь в 17–18 лет.

Еще одной формой взаимодействия рынка труда и высшей школы может стать создание объединенной комиссии из представителей университета и предприятий для разработки *совместных образовательных программ*. Совместные образовательные программы будут соответствовать потребностям работодателей и включать лекции, практические занятия от действующих специалистов, производственную практику. В будущем возможно совместное финансирование разработанных программ. Повысить заинтересованность работодателей в высшей школе и выпускниках может государство – существуют налоговые стимулы для физических и юридических лиц, занимающихся благотворительностью. Возможно введение подобной практики для предприятий, напрямую взаимодействующих с вузами, поскольку власть также заинтересована в экономической эффективности, низком уровне безработицы и социальной стабильности. В таком же ключе стоит продолжать поддерживать базовые кафедры, ведущие подготовку кадров по определенным направлениям в тесной связи с конкретным производством или институтом.

Достичь большей академической свободы вузы могут через развитие межвузовского сотрудничества. Прежде всего, оно предполагает *заключение двусторонних договоров* с целью реализации совместных образовательных программ. Университет часто не имеет возможности сам устанавливать содержание учебного плана – велико количество «общих» предметов, которые преподаются во всех университетах, реализующих конкретное направление подготовки. Однако деление данных предметов на блоки – модули – позволит преподавать конкретный материал отдельным лекторам из разных городов и образовательных учреждений в соответствии с тематикой их исследований. Это позволит преподавать материал равномерно и качественно, повысить уровень подготовки студентов. В целом университеты в состоянии обеспечить подобную мобильность и дать преподавателям возможность совершать рабочие поездки, однако сегодня это во многом происходит только в рамках европейских грантов.

Следующим шагом могут стать договоры по *программам обмена бакалаврами*. На сегодняшний день, говоря об академической мобильности, подразумевают трансграничные перемещения обучающихся, прежде

всего магистров и аспирантов, и преподавателей. Однако мобильность внутренняя – в рамках государства или крупного региона – не развита ни у студентов, ни у научных сотрудников. Обмен бакалаврами (1–2 семестра) по определенным направлениям позволит повысить эффективность подготовки, расширить практическую и исследовательскую базы, подготовить и мотивировать студентов для академической мобильности внутри и за пределами своего города / региона / страны.

Тем не менее, говоря о стремлении к соответствию компетенций выпускников вузов требованиям рынка труда, важно отметить, что сегодня в данном вопросе есть две стороны. С одной стороны, есть необходимость ориентации вуза на местных / региональных работодателей, с которыми можно постоянно непосредственно контактировать в целях их включения в учебный процесс и оценки выдвигаемых ими требований к работникам. С другой стороны, государство, отчасти ориентируясь на свои потребности в целом и на тенденции мирового рынка труда и высшего образования, устанавливает определенные общие требования к программам подготовки и получаемым студентами компетенциям. Задача успешного соответствия и запросам местного рынка как наиболее вероятного места трудоустройства выпускников, и требованиям государственных образовательных стандартов для вуза достаточно сложна.

Представленные здесь рекомендации могут быть использованы в разработке стратегий развития вуза, так как нами были рассмотрены некоторые «слабые» стороны системы высшего образования на сегодняшний день. Формирование качественной системы – достаточно длительный и сложный процесс, но внедрение в образовательный процесс активного участия работодателя сможет повысить привлекательность получения высшего образования с практической и научной точки зрения.

Способы содействия развитию академической мобильности со стороны вуза. С развитием процессов глобализации и интернационализации экономики остро встали вопросы подготовки специалистов нового уровня. Одним из направлений интернационализации высшего образования стала академическая мобильность. Мобильность студентов, преподавателей, научных сотрудников и административного персонала является одной из главных целей Болонского процесса, нацеленного на европейскую интеграцию в сфере высшего образования.

Согласно определению, данному в рекомендациях Комитета министров Совета Европы в 1996 г., «академическая мобильность – это перемещение кого-либо, имеющего отношение к образованию на определенный (обычно до года) период в иное образовательное учреждение (национальное или в другой стране) для обучения, преподавания или проведения исследований, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в родное учебное учреждение. Данное

понятие не связано с иммиграцией или длительным периодом обучения (работы) за рубежом» [1. С. 72]. Понятие академической мобильности включает поездки студентов и преподавателей в зарубежные вузы для обмена опытом, использования образовательных возможностей, не доступных в стране проживания, проведения исследований. Целями академической мобильности являются разнообразие знаний, привлечение студентов, обучающихся на платной основе, международный обмен знаниями, повышение качества обучения. Более того, мобильность студентов предполагает возможность частичного обучения в вузах-партнерах с последующим признанием времени обучения в зарубежном вузе и полученных кредитов – зачетных единиц.

Академическая мобильность реализуется в рамках международных программ Европейского союза, таких как Erasmus+, Horizon 2020 и национальных программ – DAAD, British Council др. Среди российских программ академической и образовательной мобильности можно отметить программу «Глобальное образование» и программы Министерства образования и науки РФ для привлечения ведущих ученых в российские образовательные и научные организации и интеграции российской науки в международное научно-техническое пространство. Академическая мобильность осуществляется на основе межгосударственных и межвузовских соглашений. Финансирование предоставляется вузами, фондами, правительствами государств посредством грантов и стипендий, а также путем самофинансирования, в том числе частичного софинансирования самими участниками международной академической мобильности.

Число студентов и преподавателей, участвующих в академической мобильности, растет с каждым годом. За последние 25 лет мобильность студентов увеличилась на 300% [2]. Страны Европы и США остаются основными поставщиками образовательных услуг, притягивающими студентов со всего мира [3].

Все активнее в этот процесс вовлекаются Россия и страны Евразийского региона. В целом в России по ряду причин официально не ведется статистика уезжающих за рубеж ученых и исследователей, однако по некоторым подсчетам, в 2003–2005 гг. за рубеж с целью научных контактов с коллегами выезжали 32,3 тыс. преподавателей государственных и муниципальных вузов (10,3% от общего числа преподавателей) [1. С. 72]. Говоря о входящей мобильности, число иностранных студентов, обучающихся в России, составило в 2015/16 учебном году 237,5 тыс. человек, или 5% от всего количества обучающихся в российских вузах [4]. Эта статистика не учитывает иностранцев, которые приезжали в Россию на краткосрочные курсы и научные мероприятия. «Мобильные» российские студенты составили примерно 1,2% от общего числа студентов российских вузов. При общей численности студентов вузов в 4 млн 766 тыс. человек только около 56 тыс. российских студентов участвовали в академической мобильности [5].

В начале 1990-х гг. пять центрально-азиатских государств – Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан – начали самостоятельный путь развития образовательных систем. В 2010 г. Казахстан присоединился к Болонскому процессу и активно принимает в нем участие. За счет выделенных из республиканского бюджета средств в 2012 г. выехали за рубеж 662 обучающихся; в 2013 – 746, в 2014 г. – 805 обучающихся. За последние 3 года общее количество людей, прошедших обучение в течение одного семестра за рубежом в рамках академической мобильности, составило 2 563 человека [6].

В дополнение к указанным программам и цифрам необходимо отметить, что к понятию академической мобильности относится и выезд за пределы своего вуза с целью участия в различных научно-образовательных мероприятиях – конференциях, семинарах, летних школах. Несмотря на то что данному виду академической мобильности зачастую уделяется весьма поверхностное внимание со стороны исследователей и статистических служб, такие краткосрочные знакомства с иной академической культурой имеют большое значение для развития знаний и навыков участников, а также налаживания профессиональных контактов. В пользу развития таких видов академической мобильности выступают несколько факторов: 1) участие в таких мероприятиях обычно не превышает двух недель и потому относительно дешево по сравнению с организацией стажировок на 1–2 семестра или получения степени за рубежом; 2) такая мобильность позволяет избежать отрыва от учебного процесса в своем вузе и не предполагает долгого адаптационного периода, необходимого при переезде в иной вуз / город / государство на семестр, два года или несколько лет. С развитием транспортных возможностей и расширением доступа к информации о мероприятиях в других вузах современные студенты, преподаватели и исследователи имеют большой выбор для участия в научно-образовательных мероприятиях за пределами своего университета.

Таким образом, академическая мобильность – неизбежный процесс, который является показателем соответствия высшего образования, получаемого в вузе, мировым образовательным трендам.

Препятствия для академической мобильности. Несмотря на объективные требования современного рынка и науки к развитию академической мобильности, существует целый ряд препятствий для ее реализации. Назовем некоторые из них.

Во-первых, университетские службы зачастую сталкиваются с отсутствием или низкой мотивацией у потенциальных участников академической мобильности. Причинами этого могут служить недостаточная информированность о научно-образовательных мероприятиях и существующих программах мобильности, а также о возможностях финансирования таких поездок. Важную роль в популяризации программ академической мобильности могут играть те, кто уже принимал

участие в таких программах. Многие российские и зарубежные фонды – Фулбрайт РФФИ, РНФ, РГНФ, Фонд Михаила Прохорова, Международный благотворительный фонд им. Д.С. Лихачёва, Фонд поддержки образования и науки, Благотворительный фонд В. Потанина – имеют свои сайты, которые знакомят потенциальных участников академической мобильности с конкурсами, периодически проводят вебинары, семинары и другие мероприятия, информирующие общественность об их деятельности, правилах заполнения и подачи заявок на конкретные гранты и программы.

Другой проблемой, препятствующей участию россиян в программах международной академической мобильности, является недостаточный уровень владения иностранным языком (чаще всего английским). Проблема языковых компетенций, конечно, закладывается еще в средней школе. Образуется некий «порочный круг»: зачастую устаревшие знания не мотивированного к преподаванию (в силу разных причин) учителя не закладывают должной базы и желания изучать язык у учеников. Соответственно, кое-как окончив школу и поступив в вуз, студент уже во многом не соответствует требованиям к знанию языка. А отсутствие желания изучать иностранные языки вкупе с недобросовестным преподаванием в силу размеров языковых групп, неудобного расписания, неподходящей аудитории без оборудования и т.п., приводят к тому, что решив куда-нибудь отправиться на семестр или год учебы, студент понимает, что просто не сможет выжить в иноязычной академической среде. Сотрудники вузов тоже, к сожалению, часто демонстрируют языковую некомпетентность: пожилые преподаватели отлично читают, но совсем не говорят по-английски, молодые еще не обладают достаточным багажом и показателями по своему направлению работы, чтобы претендовать на стажировки в ведущих университетах мира.

Вдобавок к трудностям со знанием иностранных языков, на сегодняшний день получение любого гранта, в том числе на проведение исследований за рубежом, предполагает планирование и реализацию целого проекта. Но далеко не все кандидаты обладают навыками проектной деятельности, не могут адекватно спланировать проведение исследования исходя из поставленных задач, сроков и требований к конечному результату. Кроме того, препятствием для академической мобильности российских ученых становится нехватка профессиональных контактов. Сегодня специалистам любого уровня необходимо поддерживать связи с коллегами из других вузов и исследовательских центров, поскольку во многом за счет личных связей распространяется информация о потенциальных проектах, грантах, стажировках. На этих же связях выстраиваются профессиональные коллективы, участвующие в разработке и реализации международных проектов. А для поддержания контактов необходимо уметь и постоянно пользоваться современными средствами связи, общаться в социальных сетях и т.п. Насколько желание и воз-

можности постоянного апгрейда своих навыков присутствуют у профессорско-преподавательского состава большинства вузов – этот вопрос остается открытым.

У студентов наблюдается отсутствие или нехватка элементарного умения учиться. Российская система образования еще во многом построена по образцу советской системы: основу учебного процесса составляют лекции, где преподаватель передает аудитории уже готовый материал. Студенты являются пассивными реципиентами информации: они по большей части не умеют искать необходимую информацию, обрабатывать ее и интерпретировать. Им это не понадобится ни во время лекций, ни во время экзамена, где нужно пересказать услышанное. Конечно, эта картина очень медленно начинает меняться, и учебный процесс в магистратуре, например, постепенно выстраивается по-другому – по образцу западного высшего образования. Тем не менее у основной массы российских студентов базовые навыки самостоятельного обучения, необходимые студенту зарубежного вуза, фактически находятся в зачаточном состоянии.

Конечно же, нельзя обвинять кандидатов на участие в научных мероприятиях и программах академической мобильности в абсолютной пассивности и некомпетентности. Развитию академической мобильности препятствует целый ряд факторов как внутри, так и за пределами университета. В частности, зачастую наблюдается почти полное отсутствие или, по крайней мере, некорректная работа системы информирования студентов и сотрудников о существующих возможностях для участия в академической мобильности. Например, на сайте университета трудно отыскать раздел, отвечающий на подобные запросы; ссылки на программы и гранты являются устаревшими; точные и понятные инструкции по подготовке и подаче заявок отсутствуют. В международном отделе вуза зачастую за это отвечают пара человек, которые физически не могут охватить весь контингент кандидатов, которые бы могли найтись в вузе. А учитывая, что информация о сроках приема заявок, грантовых возможностях, новых вакансиях в проектах постоянно обновляется, то всю эту информацию необходимо доводить до потенциального «потребителя» регулярно, а не раз в семестр. Таким образом, отсутствие должного своевременного информирования, как уже было указано выше, снижает мотивацию студентов и преподавателей к участию в академической мобильности.

По той же причине нехватки, а зачастую и некомпетентности университетских кадров, ответственных за обеспечение академической мобильности, в вузах наблюдается проблема адекватного и эффективного сопровождения кандидатов на участие в академической мобильности. В идеале каждый сотрудник и студент вуза должен обладать навыками по подготовке заявок на академическую мобильность. Для этого необходимо снабжать их навыками проектной деятельности, регулярно проводить занятия, тренинги, мастер-классы как

общеуниверситетского, так и факультетского, кафедрального уровня, где учитывалась бы специфика конкретной специальности или направления подготовки. Весьма эффективным может быть и привлечение к таким мероприятиям представителей фондов, реализующих программы поддержки академической мобильности. Тем не менее решение вопроса о том, как заставить такую систему функционировать, остается за каждым конкретным университетом.

Другой крайностью в университетской системе подготовки и реализации программ академической мобильности является ее забюрократизированность. Большинство международных программ академических обменов имеют электронные системы подачи и регистрации заявок. Но когда речь идет о софинансировании со стороны университета, то кандидат на участие в академической мобильности сталкивается с тем, что вуз готов вложить в его поездку на научно-образовательное мероприятие или стажировку только очень небольшой процент от общей суммы. Но самое важное, что для научно-образовательных мероприятий и краткосрочных стажировок выделение финансов университетов осуществляется фактически перед самым началом или же во время поездки. В дополнение к этому, студент или сотрудник вуза обязан собрать множество документов, подтверждающих потраченные им собственные средства на покупку билетов до места мероприятия или стажировки, актуальность и необходимость своей поездки до ее начала, а затем по завершении отчитаться перед несколькими инстанциями.

Существует и ряд препятствий для академической мобильности, не зависящих от конкретного университета. В частности, общим недостатком всех программ и фондов, работающих в сфере содействия академической мобильности, можно назвать стремление сократить собственные расходы за счет участников мобильности (это и требования к поиску софинансирования, и обязательный регистрационный взнос и т.п.), а также непрозрачность процесса принятия решения. Зачастую отказ в предоставлении гранта или зачисления на программу академической мобильности не разъясняется или ограничивается формальным заявлением о несоответствии требованиям. Обратная связь по каждой заявке не осуществляется. Это вполне обоснованно, если на программу подается несколько десятков заявок. Но таким образом кандидат может никогда не узнать, в чем же был недостаток его заявки, и продолжит делать те же ошибки в последующих попытках принять участие в программах академической мобильности. Конечно же, невозможно дать обратную связь по каждой заявке, но вполне реально устраивать периодически выездные семинары, краткосрочные курсы повышения квалификации, в которых лекторами выступали бы те эксперты, которые оценивают заявки по программам академической мобильности.

Препятствия для развития академической мобильности на двусторонней межуниверситетской основе

заключаются, в основном, в различиях учебных планов, форматов обучения, сроках подачи документов и т.д. Каждое такое соглашение между вузами о программах двойных дипломов или включенного образования требует кропотливой подготовительной работы для согласования условий взаимозачета, количества присуждаемых зачетных единиц, форматов и сроков проведения экзаменов и т.п. Конечно, со стороны кажется, что в Европе эти проблемы полностью решены и лишь недавно присоединившиеся к Болонскому процессу страны вроде России и Казахстана испытывают трудности с учебными планами и программами. Однако вполне естественно, что требования к освоению курса, подходы к обучению и качество предоставляемого образования в различных вузах все равно будут различаться. Поэтому для обеспечения академической мобильности на основе межвузовских соглашений необходима общая законодательная рамка, предоставляющая вузам относительную свободу в вопросах наполнения учебных программ и зачета соответствующих единиц.

На усмотрение каждого конкретного вуза остается и вопрос о том, каким образом оформлять и учитывать поездки и стажировки своих сотрудников – преподавателей и научных сотрудников, в вузы-партнеры. При краткосрочных поездках такой проблемы не возникает, но при желании и необходимости сотрудника уехать в другой вуз, в том числе зарубежный, на учебный год университету становится невыгодно содержать такого работника, в результате чего он чаще всего остается на период отъезда без содержания, даже несмотря на то, что ведет профессиональную деятельность. В европейских и американских вузах, где поощряется мобильность сотрудников, для таких целей предусмотрен так называемый оплачиваемый академический или творческий отпуск (*sabbatical*). В российских вузах ввиду ограниченности финансирования и в целом иного отношения к подобному времяпрепровождению такие примеры достаточно редки.

Предоставление вузам относительно широких прав по согласованию учебных программ и даже дополнительного финансирования, тем не менее, не решает проблему конкретного вуза по поиску партнеров, готовых участвовать в совместных программах академической мобильности. В частности, вузы, располагающиеся относительно высоко в международных рейтингах, на которые с введением программы 5-100 теперь ориентируются ведущие российские высшие учебные заведения, не желают связывать себя постоянными партнерскими отношениями с теми вузами, которые отстают далеко позади их самих. В России, например, провинциальному вузу трудно сотрудничать со многими столичными университетами в силу их ориентации исключительно на европейских и американских партнеров, вышестоящих в рейтингах. Конечно, виной этому может служить не только снобизм, но и нежелание «тянуть» вверх провинциального партнера за счет своих ресурсов и показателей. Это вполне прагматичный и

в определенной мере правильный с точки зрения конкретного вуза подход, но академической мобильности он не способствует.

Для развития академической мобильности внутри России, привлечения в страну иностранных студентов и преподавателей, а также налаживания эффективного сотрудничества с зарубежными вузами, необходимо принять целый ряд мер разного уровня: от находящихся в компетенции университета и до уровня местных, региональных и федеральных органов власти. Тем не менее ниже будут представлены рекомендации по развитию академической мобильности, которые кажутся нам вполне осуществимыми конкретным вузом и способными эффективно содействовать развитию академической мобильности.

Рекомендации по развитию академической мобильности:

1. Обеспечение доступности информации о возможностях участия в академической мобильности.

Принимая во внимание необходимость доведения до максимально широкого круга заинтересованных в академической мобильности лиц информации о доступных программах, грантах и иных формах поддержки, рекомендаций по их поиску в соответствии с интересами и потребностями потенциального участника, университету необходимо:

- Создать и своевременно обновлять информационные ресурсы, посвященные программам академической мобильности, а также существующим грантам, фондам и т.п., включая специализированный раздел на официальном сайте университета, информационные брошюры, информационные стенды и афиши.

- Сформировать перечень и наладить контакты с представителями существующих российских фондов и представительств зарубежных фондов и программ в России для обмена информацией и организацией совместных мероприятий по информированию студентов и сотрудников университета об актуальных возможностях академической мобильности.

- Сформировать предложение Министерству образования и науки Российской Федерации по созданию общероссийской базы данных программ академической мобильности на базе сайта Программы исходящей международной академической мобильности (<http://im.interphysica.su>), дополнив ее сведениями о доступных студентам и преподавателям российских университетов программах, грантах и иных формах поддержки академической мобильности независимо от организационно-правовой формы и местоположения организации, администрирующей соответствующие программы, гранты и иные формы поддержки. До принятия решения о формировании общероссийской базы данных и ее создания, университету следует сформировать собственный систематизированный перечень программ, грантов и иных форм поддержки академической мобильности, содержащий, по меньшей мере, следующие сведения: наименование программы; органи-

зация, администрирующая программу; адрес программы в сети Интернет; принимающая страна; принимающая организация, укрупненные группы профессий, специальностей и направлений подготовки, на которые распространяется действие соответствующей программы; категория участников (студенты, аспиранты, преподаватели, научные сотрудники и т.п.); требования к участникам; сроки объявления конкурса; сроки приема заявок; сроки объявления результатов.

- Сформировать план мероприятий, направленных на информирование студентов, преподавателей, научных сотрудников университета о существующих возможностях академической мобильности, и проводить их на регулярной основе, отдавая предпочтение формам, предполагающим личный контакт, в том числе предусмотреть:

- проведение встреч, семинаров и консультации о возможностях академической мобильности совместно с представителями российских фондов и российских представительств зарубежных фондов и программ;

- проведение встреч и консультаций студентов, преподавателей и сотрудников университета с участниками академической мобильности в прошлом;

- проведение семинаров для преподавателей и сотрудников университета, направленных на формирование навыков мотивирования студентов к участию в международной академической мобильности;

- проведение научными руководителями индивидуальных консультаций со студентами с целью информирования, ориентирования и мотивирования студентов для участия в академической мобильности;

- разработку и обязательное внедрение модуля, посвященного вопросам академической мобильности, в курсы по введению в специальность или аналогичные, предназначенные для студентов 1–2-х курсов бакалавриата и специалитета.

2. Обеспечение открытости и прозрачности отборочных процедур на уровне образовательной организации.

Придавая особое значение роли университета в мотивировании к участию в академической мобильности студентов и научно-педагогических кадров, в формировании понимания сути отборочных процедур, университету следует:

- Своевременно в открытом доступе, в том числе на официальном сайте, публиковать положения с комментариями и разъяснениями, а также результаты конкурсов на участие в академической мобильности, финансируемой за счет средств вуза.

- Предоставлять кандидатам на участие в академической мобильности обратную связь с разъяснениями причин отклонения заявки, рекомендациями по подготовке заявки в будущем.

- Собирать и обрабатывать отзывы и рекомендации, полученные от кандидатов, участников и экспертов, принимавших участие в отборочных процедурах на уровне образовательной организации, с целью совершенствования конкурсных процедур, их упрощения и сокращения излишних этапов отбора.

– Включить в заявки на программы академической мобильности, финансируемые за счет средств вуза, пункт о минимальной и максимальной запрашиваемой сумме для участия в академической мобильности, чтобы исключить случаи выделения кандидатам недостаточного финансирования, что может привести к срыву запланированной студентом или научно-педагогическим сотрудником поездки и его демотивации.

– Подготовить и опубликовать в открытом доступе, в том числе на официальном сайте вуза, четкие и понятные рекомендации по подготовке к академической мобильности, бланки отчетности по итогам участия и инструкции по их заполнению, с указанием ответственных сотрудников университета, которые могут оказать консультативную поддержку по возникающим вопросам.

3. *Создание условий для интеграции в международную образовательную среду.* Учитывая необходимость формирования у студентов и научно-педагогических кадров навыков и умений, необходимых для участия в академической мобильности, университету необходимо:

– Содействовать и материально / организационно поддерживать участие студентов, преподавателей и сотрудников университета в научно-образовательных мероприятиях в других вузах.

– Подготовить методические рекомендации для преподавателей по разработке и реализации курсов на иностранных языках, а также курсов с применением практико-ориентированных форм и методов обучения; на регулярной основе проводить открытые для участия и бесплатные для преподавателей курсы повышения квалификации, включая выездные интенсивные курсы и семинары, направленные на совершенствование языковых компетенций, навыков реализации проектов, навыков нетворкинга.

– На регулярной основе совершенствовать программы существующих учебных курсов с целью сокращения количества занятий, проводимых в лекционной форме, и увеличения занятий, проводимых с применением практико-ориентированных методов обучения и активного вовлечения обучающихся в образовательный процесс, в том числе семинаров, ролевых игр, проектных заданий и т.п.

– Создать необходимые организационные и финансовые условия для включения в программы учебных курсов занятий, проводимых приглашенными экспертами, зарубежными научно-педагогическими сотрудниками, в том числе разработать и внедрить программу входящей академической мобильности.

– Создать электронную платформу для размещения материалов курсов, включая обязательные и дополнительные источники информации, с целью обеспечения доступа студентов к данным материалам и возможности самостоятельного их изучения.

– Разработать механизм финансовой поддержки участников академической мобильности на основании договора безвозмездного пользования (договора ссуды) в случаях, связанных с невозможностью получения

студентами и научно-педагогическими сотрудниками средств, предназначенных для участия в программах академической мобильности, до их начала.

– Взаимодействовать с Министерством образования и науки Российской Федерации по вопросам решения проблем, возникающих в ходе сетевого межвузовского сотрудничества, обусловленных действующим законодательством с целью его либерализации.

Стратегия интеграции университета в мировое образовательное пространство. Представленная ниже концепция по интеграции вуза в мировое образовательное пространство включает в себя анализ сложностей в вопросах обеспечения интеграции университета в мировое образовательное пространство, а также предлагает некоторые решения данных проблем, возможные для исполнения заинтересованным в этом университетом.

Целью разработки подобной концепции является содействие развитию международного образовательного и научно-технического сотрудничества, а также международной интеграции в области высшего образования, исследований и технологического развития. Необходимость реализации такой концепции заключается в том, что важно не только повышать эффективность и степень интернационализации российского высшего образования и науки, но и подтверждать на мировой арене статус российской научно-образовательной сферы за счет взаимовыгодного международного взаимодействия.

Концепция исходит из представления о том, что интеграция в мировое образовательное пространство не означает европоцентристский подход к осуществлению образования, а практику комплексного взаимодействия в рамках образовательных программ различных стран и регионов мира. Сама же практика комплексного взаимодействия предполагает сбалансированный учет сложившихся партнерских отношений конкретного регионального вуза с вузами других стран и внешнеполитических приоритетов Российской Федерации, связанных с сотрудничеством по разным направлениям деятельности с различными группами стран.

Сложности обеспечения интеграции университетов России в мировое образовательное пространство:

1. *Неполное соответствие Болонской системе.* Несмотря на присоединение России к Болонскому процессу в 2003 г., на сегодняшний день представляется уместным говорить о неполном соответствии российской системы высшего образования Болонской системе.

Российская система высшего образования нуждается в оптимизации системы кредитов (зачетных единиц) для обеспечения их совместимости с системами кредитов, предусмотренных другими университетами в рамках Болонского процесса.

Языковой барьер также препятствует гармонизации образовательных систем. Языковой барьер означает коммуникационную проблему, обусловленную незнанием или ограниченным владением иностранным (в

первую очередь английским) языком и препятствующую получению необходимых знаний, умений и навыков письменной и устной коммуникации на иностранном языке, необходимых для интеграции в мировое образовательное пространство.

Профессорско-преподавательский состав нуждается в адаптации к новым образовательным стандартам, разработанным с учетом интеграции российской системы высшего образования в мировое образовательное пространство.

2. *Особенности академической культуры.* Общий вызов, связанный с текущим состоянием студенческой молодежи, характеризуется отсутствием мотивации и склонности к саморазвитию.

Плагат как форма поведения, связанная с неуважением авторских прав исследователей на публикуемые ими работы, проявляется в процессе «заимствования» фрагментов чужих исследовательских текстов без соответствующих ссылок на авторство или компиляции чужих авторских мыслей, идей, выводов.

Отсутствие опыта работы в команде, равно как и представлений о данном типе работы, означает непонимание возможностей включения в групповую практическую (проектную) работу в целях достижения намеченных целей, исходящих из потребностей как самой группы, так и входящих в неё членов.

3. *Институциональные вызовы.* Отсутствие конструктивного взаимодействия между вузом и государственными структурами, которые, будучи ориентированными на внешнеполитические приоритеты Российской Федерации, навязывают образовательным учреждениям в качестве приоритета сотрудничество с конкретными странами, что может противоречить системе устойчивых региональных связей и отношению вузов с другими странами.

Ограниченность ресурсов университета. Образовательная программа должна быть составлена с учетом потребностей абитуриентов и выпускников, желающих продолжить свое обучение в конкретном высшем учебном заведении, а не с учетом, например, обеспеченности кадрами из профессорско-преподавательского состава для ведения учебных дисциплин.

4. *Маркетинг.* С учетом того, что привлекательность высшего учебного заведения среди обучающейся молодежи зависит от созданного имиджа данного заведения, встает проблема реалистичности маркетинговой стратегии вуза. Это означает, что каждый университет должен формировать в среде абитуриентов адекватные ожидания о возможностях и характере получения соответствующего образования. Предоставляемые возможности также должны соответствовать не только изменяющимся потребностям молодежи, но и существующим тенденциям в образовательной среде.

Отсутствие инфраструктуры (наличия англоязычных программ и модулей для иностранных студентов) влияет как на вышеуказанные маркетинговые проблемы, так и на поддержание имиджа университета.

Рекомендации для интеграции университета в мировое образовательное пространство. Мы предлагаем три программы, которые помогут в реализации предложенной стратегии, под условными названиями: «Записки молодого аспиранта», «ТомDEM», «Сделай Этот Мир Своим Домом». Данные программы разработаны с учетом особенностей организации работы вуза.

1. *«Записки молодого аспиранта».* В рамках своей преподавательской практики аспиранты (а также магистранты некоторых направлений) проводят занятия для школьников 10–11-х классов и студентов первого года обучения. Учебный план и программу занятий молодые преподаватели разрабатывают самостоятельно. Рабочая программа включает следующие информационные блоки:

- Что такое университет? Для чего он функционирует?

- Что такое система степеней и для чего они нужны (чтобы школьник понял, какой уровень образования ему будет нужен)?

- Что такое наука? Научная этика и академическая культура (плагиат, авторское право).

- Научные публикации (для чего нужны, издания и их рейтинг).

- Личный опыт международной мобильности (для чего она нужна и существующие возможности в рамках университета для первокурсников).

- Поиск информации.

Также одной из мер является разработка так называемой Рабочей Тетради Студента. В ней будет подробно описываться, какие требования к студентам-абитуриентам должны предъявляться (объяснение балльной системы, системы экзаменов, семинаров – Students Guide), информация о программах, где могут принять участие студенты-первокурсники.

Рабочая программа может быть рассчитана на 2–12 учебных часов и не предполагать проведение контрольных мероприятий.

2. *«ТомDEM».* Программа студент–студенту. Данная программа подразумевает взаимное обучение иностранному языку, обеспечение взаимопроникновения культур и содействие адаптации иностранных студентов.

Целью программы должно стать повышение уровня знаний иностранного языка у всех участников, получение знаний о жизни и учебе в другой стране, налаживание профессиональных контактов.

Программа предполагает активную информационную составляющую (размещение информации на сайте) и ее продвижение через социальные сети (например, VKontakte, Facebook, Instagram, Twitter), а также активную работу преподавателей со студентами.

Для успешной реализации программы необходимо разработать систему поощрений. Российский студент, изъявивший желание участвовать в программе, получает поощрение в виде бонусов, например:

- приоритет для участия в международных программах обмена;

- скидку на размещение в общежитиях вуза;
- сертификат участника.

Для успешной реализации программы необходимо проведение различного рода тематических мероприятий, включая национальные недели, вечера и т.д.

Для успешной адаптации иностранных студентов необходимо изменить схему размещения иностранных студентов в общежитии: студенты одной национальности должны размещаться в разных частях общежития, желательно расселять их таким образом, чтобы русские студенты проживали с иностранными. Не приветствуется формирование так называемых диаспор и общин, препятствующих успешной интеграции в принимающую среду.

Для более эффективной реализации программы необходимо сотрудничество между департаментом международных связей, социальными службами университета, волонтерами, ресурсными центрами библиотек, администрацией кампуса.

Для более быстрого и безболезненного погружения в новую культурную среду для иностранных студентов и знакомства российских студентов с новой культурой, а также эффективной реализации программы адаптации, возможно обеспечить прикрепление волонтеров из числа студентов к новичкам в качестве «первых помощников» в новом городе. Они будут выполнять роль друга, знакомого с местными реалиями, которые бы могли познакомить новичков с городом и наладить быт. Общение может поддерживаться по телефону, электронной почте, в мессенджерах. К примеру, один раз в месяц «первый помощник» должен связываться со своим подопечным и узнавать, как у него дела. В случае форс-мажорных обстоятельств «первому помощнику» необходимо связываться с отделом по социальной адаптации и сопровождению иностранных студентов. Для российских студентов это не только возможность выучить новый иностранный язык, практиковать навыки общения, но также и возможность познакомиться с представителями других культур, стран и помочь им почувствовать себя как дома в новом городе.

Для развития связей с местным сообществом возможно привлечение волонтеров не только через Центр UNIVOL, но и местные молодежные организации (например, местные культурные клубы). Например, в Томске примером такой организации может служить Tomsk Buddy Building Club (<http://buddybuildingclub.ru/>), созданная на базе Томского политехнического университета и объединяющая иностранных студентов и волонтеров практически всех томских вузов: ТГУ, ТПУ, ТУСУРа, СибГМУ, ТГПУ, ТГАСУ.

3. *Программа «Сделай Этот Мир Своим Домом».* Программа подразумевает внедрение концепции «internationalization at home» в вузе. Она предполагает приобретение студентом международного опыта в род-

ном университете. Таким образом студент получает возможность приобщиться к результатам международной мобильности в своем университете. Программа фокусируется на том, чтобы все студенты получали преимущества международного опыта в сфере обеспечения высшего образования, а не только те, кто мобильны. Преимущества данной программы очевидны, к международному опыту таким образом подключаются все участники образовательного процесса. Интеграция в мировое образовательное пространство проходит более успешно.

Меры осуществления программы включают совершенствование учебных планов и образовательных программ (внедрение таких предметов, как мировая литература и международных кейсов, поскольку зачастую современные образовательные учреждения прививают студентам европоцентричную точку зрения, не рассматривая опыт неевропейских стран и цивилизаций); встречи с международными работодателями и экспертами; онлайн-встречи.

Для успешной реализации программы необходимо привлечение иностранных экспертов с учетом региональных и локальных особенностей университета. К примеру локальной особенностью Томского государственного университета может являться упор на местные культурные группы, национальные культурные центры, которые будут интересны специалистам по этнографии, истории Сибири и археологии.

Предлагается организация открытых лекций и выступлений иностранных ученых, приезжающих в вуз по существующим программам обмена и / или участвующим в совместных проектах с учеными вуза.

Активное привлечение грантов и финансовой поддержки со стороны бизнеса, ТНК, промышленных предприятий также может помочь решить проблему найма иностранных экспертов для чтения курса лекций. Необходимо привлекать к сотрудничеству предприятия и фонды различного рода, включая банки (Сбербанк, Газпромбанк и т.д.); международные консультативные компании, например KPMG, PwC (представители данных компаний ежегодно проводят встречи со студентами экономических специальностей, осуществляют наборы); фонды Прохорова, Потанина и др.; предприятия отраслевой промышленности; вузовские бизнес-инкубаторы. Особо важен выбор стратегических партнеров университета для дальнейшего сотрудничества с учетом научных интересов, истории сотрудничества и приоритетов развития города / региона / государства.

Таким образом, вышеизложенная Концепция предусматривает ряд инициатив («Записки молодого аспиранта», «ТомDEM», «Сделай Этот Мир Своим Домом») для создания Университета будущего и его успешной интеграции в мировое образовательное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чистохвалов В.Н., Филиппов В.М. Состояние, тенденции и проблемы академической мобильности в Европейском пространстве высшего образования : учеб. пособие. М. : РУДН, 2008. 162 с.

2. China Scholarship Council. Annual Report 2008. P. 7. URL: <http://www.csc.edu.cn/uploads/20090831162723653.pdf>
3. Global Flow of Tertiary-Level Students / UNESCO Institute for statistics. 2017. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>
4. Академическая мобильность иностранных студентов в России // Факты образования. Июль 2016. № 7. URL: <http://Stop100.ru/upload/iblock/750/fo7.pdf>
5. Россия в цифрах / Федеральная служба государственной статистики. 2016. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rusfig/rus16.pdf; Global Flow of Tertiary-Level Students/ UNESCO Institute for statistics, 2017. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>
6. Оспанова А.Н. Высшее образование и академическая мобильность в интеграционных проектах современности: ЕС и ЕАЭС. Астана, 2017.

Deriglazova Larisa V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dlarisa@inbox.ru
Balyakin Artyom A., SRC Kurchatov institut (Moscow, Russia) E-mail: Balyakin_AA@nrcki.ru
Pogorelskaya Anastasia M. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: lisbonne@rambler.ru
Poltarykhina Irina E. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: irina_poltarihina@mail.ru
Shabalina Alina D. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: shabalinaalina7@mail.ru
Kataman Dmitry O. Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: katamandmitry@gmail.com
Trifonova Daria D. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: daryatrfinv@gmail.com
Shvedov Denis V. Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia). E-mail: denis.shvedov@gmail.com
Leskina Natalia V. Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). E-mail: nathalieleskina@gmail.com
Mikhailov Alexei M. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: aleksieim@yandex.ru
Ozubekova Meerim. Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic Diplomatic Academy named after Kazi Dikambaev (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: m030709@gmail.com
Smilenchuk Olga Iu. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: smolenchuk@gmail.com
Chugunova Nadezhda E. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: nadya-chugunova38@yandex.ru

UNIVERSITY OF THE FUTURE: THE DEVELOPMENT STRATEGY

Keywords: university; labor market; academic mobility; world educational sphere.

The article presents a project “University of the Future: strategy for development” which was composed by the participants of the International summer school “Higher Education and Academic Mobility of Youth in Modern Integration Processes” held by Tomsk State University on July 2–5, 2017. The authors are lecturers, researchers and students from the universities of Bishkek, Moscow, Yekaterinburg, Irkutsk, Kemerovo, Novosibirsk, Omsk, Tomsk and Khanty-Mansiysk. Working small teams project’s participants elaborated strategy for university development that will help an university to meet challenges posed by globalization, internationalization of higher education and increasing competition in higher education institutions around the globe.

The article focuses on three dimensions of university activities: 1) matching the graduates' skills and competences with the labor market requirements; 2) ensuring international academic mobility; 3) integrating the university into the world educational sphere. The article includes both the analysis of current condition of higher education in Russia as well as the number of recommendations necessary for updating Russian higher education

For instance, to guarantee employment of most graduates the university has to match its educational programs to the needs of both local and international employers. Therefore, it is offered to expand the university autonomy; improve university vocational guidance; create universities' analytic centers aimed at labor market monitoring; involve employers in training; develop joint educational programs and students' exchanges. To develop academic mobility it may be advised to improve the system of informing students and researchers about the existing opportunities for academic mobility; to ensure transparency of candidates selection; to provide the infrastructure for familiarization with the world experience. To facilitate the integration of the university into the world educational sphere it may be recommended to involve PhD and Masters students in informing senior pupils and freshmen about the essence of higher education and academic mobility; to involve native speaking students in the adaptation of foreign students; to facilitate the arrival of foreign specialists to the university for the exchange of experience.

The project was reviewed by the lecturers of the International summer school. This publication and organization of the International summer school “Higher Education and Academic Mobility of Youth in Modern Integration Processes” were funded in the framework of the project Jean Monnet Center of Excellence: Focus on Youth at Tomsk State University (2015-0860/071-001).

REFERENCES

1. Chistokhvalov V.N., Filippov V.M. (2008) *Sostoyanie, tendentsii i problemy akademicheskoy mobilnosti v Evropeyskom prostranstve vysshego obrazovaniya: uchebnoye posopbie*. [State, trends and problems of academic mobility in the European higher education area: textbook] M: RUDN, 2008. 162 s.
2. (2008) *China Scholarship Council. Annual Report 2008*. P. 7. (Online) URL: <http://www.csc.edu.cn/uploads/20090831162723653.pdf>
3. (2017) *Global Flow of Tertiary-Level Students*/ UNESCO Institute for statistics, 2017. (Online) URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>
4. (2016) *Akademicheskaya mobilnost inostrannykh studentov v Rossii* [Academic mobility of foreign students in Russia] // *Fakty obrazovaniya*, № 7. Iyul 2016 g. Vysshaya shkola ekonomiki. (Online) URL: <http://Stop100.ru/upload/iblock/750/fo7.pdf>
5. (2017) *Possia v zifrah* [Russia in numbers]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rusfig/rus16.pdf; Global Flow of Tertiary-Level Students/ UNESCO Institute for statistics, 2017. (Online) URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>
6. Ospanova A.N. (2017) *Vysshee obrazovanie i akademicheskaya mobilnost v integratsionnykh proekтах sovremennosti: ES i EAES*. [Higher education and academic mobility in integration projects of our time: the EU and the EAEU]. Astana, 2017.

УДК 001.930(47)
DOI: 10.17223/19988613/52/14

А.А. Непомнящий

К ИСТОРИИ ПРОФЕССОРСКОЙ КОРПОРАЦИИ ТАВРИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: А.Н. ДЕРЕВИЦКИЙ

На основе неизвестных документов, выявленных автором в архивах Санкт-Петербурга, Киева, Одессы, а также бумаг ученого, переданных в 2016 г. в Музей истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, восстановлены неизвестные нюансы и перипетии жизненного пути крупного ученого – филолога-классика Алексея Николаевича Деревницкого (1859–1943), сыгравшего ключевую роль в становлении высшей школы в Крыму в 1918–1920 гг. А.Н. Деревницкий принадлежал к историко-литературному, культурно-историческому направлению в российской классической филологии.

Ключевые слова: А.Н. Деревницкий; классическая филология; Таврический университет; Восточное отделение; профессорская корпорация.

Жизненный путь крупного российского специалиста в области исторического крымоведения, древнегреческой литературы, искусствоведа-ориенталиста Алексея Николаевича Деревницкого (1859–1943) остается не до конца восстановленным. Именно он, стоявший у истоков создания первого высшего учебного заведения в Крыму – Таврического университета – взял на себя нелегкие обязанности первого декана историко-филологического факультета нового вуза. Наиболее обстоятельная из прижизненных биографий А.Н. Деревницкого, подготовленная филологом-классиком, историком Древнего Рима Иваном Вячеславовичем Нетушилом [1. С. 212–215], хронологически обрывается началом XX в. Отдельные сюжеты вклада профессора в развитие исторического крымоведения получили освещение только в последние годы [2. С. 199–105; 3. С. 54–62]. Разработки последних лет внесли новые дополнения в биографию ученого. Восполнить имеющиеся пробелы помогли документы архивов и музейных фондов Санкт-Петербурга, Одессы, Киева и Ялты. В августе 2016 г. состоялась передача личного архива и библиотеки ученого, которые с еще довоенного времени чудом сохранились в принадлежащем Деревницкому особняке в Ялте, недавно созданному Музею истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Уникальные источники впервые позволяют по-новому представить образ российского интеллигента в эпоху смены политической системы, восстановить условия деятельности ученой корпорации крымской профессуры 20–30-х гг. XX столетия.

О дате и месте рождения Деревницкого в научной литературе имеются разночтения. Ранее считалось, что Алексей Николаевич Деревницкий родился 9 (по другим данным – 12) марта 1859 г. [4. С. 44–48] в семье асессора Полтавского губернского правления [5]. Выявленные нами в фонде «Комиссия “Наука и ее работники в пределах СССР”» (1924–1930); Комиссия “Наука и научные работники СССР” (1930–1932)» Санкт-Петербургского филиала Архива РАН биографические документы, заполненные А.Н. Деревницким собствен-

норучно, оказались более информативными. Из анкеты узнаем, что ученый родился 8 марта 1859 г. в Харькове [6. Л. 58]. Важнейшим биографическим источником является подробная автобиография А.Н. Деревницкого (датирована 1927 г.) [Там же. Л. 59–60]. Детство будущего ученого прошло в Харькове и Белгороде, где он обучался в гимназиях. Курс среднего образования юноша окончил с золотой медалью. Став студентом историко-филологического факультета Харьковского университета, он избрал основной специальностью классическую филологию, а специализацией – греческую словесность. Среди учителей были известные ученые – В.К. Надлер и М.Н. Петров. Выдающиеся способности А.Н. Деревницкого проявились еще в студенческие годы. В 1883 г. руководство университета наградило его золотой медалью за творческую работу «Следы восточного влияния в религиозных представлениях греков».

В 1884 г. А.Н. Деревницкий окончил университет со степенью кандидата и был оставлен при этом вузе стипендиатом для двухгодичного приготовления к профессорскому званию по предмету греческой словесности. Его научным наставником стал ученый-энциклопедист Осип Иванович Пеховский (1815–1891), который, по воспоминаниям Деревницкого, «не был узким специалистом. Он отличался редкой любознательностью и широким энциклопедическим образованием. Начитанность его была огромной» [7. С. 215].

Еще до защиты магистерской диссертации по ходатайству декана историко-филологического факультета Харьковского университета В.К. Надлера Алексей Николаевич был назначен приват-доцентом Харьковского университета (утвержден 31 января 1887 г.). С осеннего семестра 1887 г. А.Н. Деревницкому было поручено чтение обязательных курсов по предметам классической философии, а также по вакантной в то время кафедре истории и теории искусств [8. С. 366–367].

Диссертацию на степень магистра «Гомерические гимны: анализ памятника в связи с историей его изучения» А.Н. Деревницкий защитил в Санкт-Петербургском

университете (утвержден 4 декабря 1889 г.). Степень доктора греческой словесности Алексей Николаевич получил от совета Харьковского университета 19 декабря 1891 г., за диссертацию «О начале историко-литературных занятий в древней Греции» [9. С. 344; 10. С. 251]. Уже в те годы в научной литературе творчество филолога оценивалось как «серьезные научные труды специалиста» [11. С. 406–416].

17 июня 1892 г. А.Н. Деревицкий был утвержден экстраординарным профессором Харьковского университета. Он читал там разнообразные лекционные курсы по истории греческой литературы, истории искусств и истории древних народов, которые постоянно собирали большие аудитории слушателей. Кроме того, профессор разработал и ряд специальных курсов по теории и истории искусства: «История христианского искусства», «История искусства древних народов», «История итальянской живописи XV–XVII веков». По своим научным взглядам А.Н. Деревицкий принадлежал к историко-литературному, культурно-историческому направлению в российской классической филологии. Он с интересом рассматривал вопросы этнических, философских и религиозных представлений в Древнем мире, историю античного и раннехристианского искусства и литературы.

В августе 1893 г. Алексея Николаевича в связи с его ходатайством переводят в Новороссийский университет, где он занял должность профессора по кафедре классической филологии. Как свидетельствуют достаточно хорошо сохранившиеся документы Новороссийского университета, ученый разработал и читал в Одессе цикл курсов по классической филологии «История римского периода греческой литературы», «Гомеровские гимны», «История греческого эпоса», «История древнегреческого театра», «Древнегреческие и византийские историко-литературные сочинения», «Греческие сценические древности», «История греческого романа» [12. Ф. 45. Оп. 8 (1894 г.). Д. 61]. Научно-литературная работа Деревицкого в Одессе продолжалась, но уже не в столь обширных размерах, как это было в харьковский период (1885–1893). Дело в том, что в Новороссийском университете центр тяжести его деятельности переместился на административную занятость. 25 ноября 1894 г. А.Н. Деревицкий был назначен деканом историко-филологического факультета Новороссийского университета [Там же. Д. 16], а в 1899 г. эти служебные обязанности были продлены [Там же (1899 г.). Д. 16]. Но все же в течение 1895–1896 гг. Алексей Николаевич совершил несколько научных поездок в крупнейшие европейские музеи и библиотеки, где работал с литературой по античному периоду Северного Причерноморья, разрабатывал курс лекций по истории искусства [Там же (1894 г.). Д. 26. Л. 39, 41–42, 84, 134, 212; Оп. 8 (1896 г.). Д. 26. Л. 187; 13. С. 100–103]. 14 декабря 1893 г. он стал действительным членом Одесского общества истории и древностей [12. Ф. 93. Оп. 1. Д. 121. Л. 19] – самого пред-

ставительного из существовавших на юге страны содружества краеведов. Естественным был все больше проявлявшийся в это время интерес ученого к древней истории Тавриды.

Достаточно активной была научная деятельность Деревицкого в Одесском обществе истории и древностей – наиболее представительном на юге страны научном собрании историков и археологов. На страницах «Записок» Общества постоянно публиковались научные сообщения Деревицкого, связанные с изучением античных древностей в Крыму. В исследовании «Несколько греческих статуэток из собрания Одесского общества истории и древностей и Ал.Ив. Нелидова» [14. С. 203–250] историк остановился, в частности, на датировке греческих статуэток, найденных при раскопках Пантикапея, из собраний известного коллекционера – посла Российской империи в Константинополе Алексея Ивановича Нелидова, инициатора создания там ставшего впоследствии знаменитым Русского археологического института. Работа вызвала живой интерес среди коллег А.Н. Деревицкого и получила их высокую оценку [15. С. 95–97]. В докладе «О раскопках г. Дирина в Чокрак-Мама и Куль-Тепе» ученый ознакомил членов Общества с информацией, переданной ему хранителем Мелек-Чесменского кургана в Керчи археологом Александром Александровичем Дириним (ум. 1940 г.), производившим исследования городов-колоний Боспорского царства [16. С. 46–51].

На протяжении десяти лет исследователь собирал материал для новогреческо-русского словаря, который был издан в Лейпциге в соавторстве с С. Пападимитриу [17]. Источником сбора фольклорных оборотов стали и греки Крыма. Издание получило заслуженно высокую награду современников, в частности Академии наук, и в 1908 г. было удостоено премии А.М. Кожевникова [18. Л. 1].

Реформационные новации Алексея Николаевича нашли поддержку в Министерстве народного просвещения. 1 апреля 1903 г. ученый занял пост ректора Новороссийского университета. Ректорство А.Н. Деревицкого пришлось на время революционного подъема в стране. Новый руководитель вуза ввязался в борьбу с революционно-демократическим движением в университете, что в условиях накала революционных настроений 1905 г. привело к его снятию с должности ректора. Дальнейшая карьера Алексея Николаевича складывалась по ведомству Министерства народного просвещения.

25 октября 1907 г. Деревицкий купил землю в Ялте. В тот же день на участке было начато строительство дома по проекту инженера Н.Г. Тарасова. Этот красивый особняк (дом № 15 по Загородной улице) сохранился, и именно в нем находятся библиотека и остатки архива историка. После февральских событий 1917 года в Петрограде Алексей Николаевич вышел в отставку и переехал в Ялту. В «Автобиографии» переезд в Крым отражен немногословно: «<...> по болезни вышел в отставку и поселился в мае 1917 г. на жи-

тельство в Крыму. В 1918 г., оправившись от болезни, принял участие в организации Крымского университета в качестве филиального отделения Киевского университета» [6. Л. 59 об.].

Нами выявлено прошение доктора греческой словесности Алексея Николаевича Деревницкого о приеме на работу в филиальное отделение Киевского университета в Ялте [19. Л. 14–15]. К прошению прилагались автобиография и список основных публикаций историка [Там же. Л. 17–18].

В октябре 1918 года был образован историко-филологический факультет Таврического университета, где имелось 16 штатных профессорских должностей. Первым его деканом был избран Алексей Николаевич, имевший солидный опыт административной работы на разных должностях. В течение 1918–1920 гг. историко-филологический являлся самым крупным факультетом Таврического университета. Число обучающихся там студентов составляло более половины всех учащихся в вузе. Алексей Николаевич читал здесь курсы по западно европейской литературе [20. С. 10], истории искусств [21. С. 11]. Хотя в Крыму и было сконцентрировано большое количество крупных ученых, далеко не все курсы были обеспечены преподавателями.

Одновременно с административной и преподавательской работой в Таврическом университете А.Н. Деревницкий выполнял обязанности председателя Крымского областного архивного управления по городу Красноармейску (так была переименована Ялта в революционные годы) [18. Д. 5261], а также осматривал книги и рукописи из частных имений Южного берега Крыма в ходе реквизиций. В этой должности он немало поспособствовал не только сохранению книжных раритетов в Центральной ялтинской библиотеке, но и для пополнения библиотеки Таврического университета [Там же. Д. 5062]. В «Автобиографии» Алексей Николаевич вспоминал: «В 1921 г., продолжая оставаться профессором Университета и в качестве председателя Библиотечного комитета, работал над созданием и организацией университетской Фундаментальной библиотеки, выполнял также целый ряд специальных поручений Крымнаркомпроса: был консультантом Ялтинской Центральной библиотеки, Членом Симферопольского Областного архива, представителем Областного архивного управления в г. Ялте, членом КрымОХРИСа, лектором при санаториях Ялтинского Райкуупра и др.» [6. Л. 59 об.].

Еще до переезда на постоянное жительство в Ялту Алексей Николаевич активно включился в работу старейшего и авторитетнейшего местного союза краеведов – Таврической ученой архивной комиссии. Важной его краеведческой публикацией является напечатанный на страницах «Известий» Комиссии некролог видному исследователю Крыма, профессору Университета Св. Владимира Юлиану Андреевичу Кулаковскому [22. С. 324–336]. На заседаниях Комиссии, кроме сообще-

ния о научной деятельности Ю.А. Кулаковского, А.Н. Деревницкий выступил с докладами, посвященными памяти известных ученых-крымоведов: Александра Львовича Бертье-Делагарда, в котором остановился на его участии в работе Одесского общества истории и древностей (22 марта 1920 г.), Эрнеста Романовича фон-Штерна (16 ноября 1924 г.), Алексея Ивановича Соболевского (7 июня 1929 г.).

Деканская служба А.Н. Деревницкого была прекращена в 1920 г. после окончательного установления советской власти в Крыму и решения Крымского обкома РКП(б) о закрытии историко-филологического факультета. Алексей Николаевич продолжал работу в вузе, который с января 1921 г. а именовался Крымским университетом, затем (с 1925-го) – Крымским педагогическим институтом им. тов. М.В. Фрунзе). Ученый читал искусствоведческие дисциплины на восточном факультете (на кафедре мусульманского искусства), преобразованном со временем в Отделение востоковедения педагогического факультета.

Сохранившаяся служебная переписка крымского вуза с московским руководством проливает свет на непростые перипетии трудоустройства А.Н. Деревницкого в университете после окончательного установления советской власти на полуострове и проведения массовых чисток профессорско-преподавательского состава вуза. Место профессора кафедры искусств Востока ему удалось получить не сразу. 20 июля 1922 г. в полученном из Москвы письме на имя ректора Крымского университета (копия была отослана декану восточного факультета) говорилось: «Отдел Социально-экономического Образования на основании отношения Секретариата Ак[адемического] центра № 889 сообщает, что Научно-Политическая Секция ГУС в Заседании 30 июня 1922 года постановила: Ходатайство Крымского Государственного Университета об утверждении А.Н. Деревницкого профессора Восточного факультета этого Университета по кафедре истории искусств Востока – отклонить, т.к. из представленных материалов не видно, что А.Н. Деревницкий является специалистом в области искусств Востока» [23. Д. 192. Л. 15].

В этой связи чрезвычайно интересна содержащаяся здесь записка крупного крымскотатарского ученого-лингвиста профессора восточного факультета Крымского университета Бекира Вагаповича Чобан-заде (1893–1937), датированная 6 октября 1922 г. и адресованная ректору Крымского университета Александру Александровичу Байкову (1870–1946). Целью ее написания было поддержать утверждение А.Н. Деревницкого на должность профессора кафедры искусств Востока восточного факультета. А.А. Байков переслал эту записку в Москву. Б.В. Чобан-заде звал: «Озабочиваясь в качестве представителя культурных интересов татарского населения Крыма наиболее серьезной постановкой преподавания на Восточном факультете Крымского Университета им. т. Фрунзе, я считаю необходимым просить о том, чтобы вопрос об утвержде-

нии А.Н. Деревницкого, избранного Восточным факультетом на кафедру истории мусульманского искусства, был вновь возбужден и разрешен в благоприятном смысле.

При этом я нахожу нужным сообщить для представления ГлавПрофОбру следующие соображения. Профессор Деревницкий является старым, опытным и заслуженным работником в области истории искусства вообще и восточного, особенно мусульманского искусства, в частности. Начиная с 1889 года, в течение нескольких лет, он занимал кафедру истории и теории искусства в Харьковском университете, работал по вопросам искусства за границей, между прочим, и в Константинополе, где в 1893 году занимался в Оттоманском музее и в Картинной галерее дворца Долма-Бахче под руководством известного знатока искусства Тамды-бея и его брата хранителя музея Тамиль-бея. Свои поездки на восток в Малую Азию, Константинополь и Грецию проф. Деревницкий возобновлял и после того неоднократно, а ныне он занимается мусульманской археологией Крыма, татарским орнаментом, древностями Бахчисарая и с 1918 г. читает лекции по истории Востока в Крымском университете. Ему принадлежит большое число печатных работ по искусству, из которых одна была издана в Берлине и премирована Русским Археологическим Обществом.

В последнее время профессор Деревницкий участвовал в создании Восточного музея в г. Ялте и прочел в нем более 40 лекций для посетителей этого музея, — татар, экскурсантов красноармейцев и курортных больных.

Принимая все это во внимание, а равно имея в виду тот научный авторитет и трезвое отношение к делу, которое снискали проф. Деревницкому, расположение и уважение всех местных культурных групп, я от имени Татуправления КрымНаркомпроса прошу Вас, тов. ректор, поддержать в Москве ходатайство об утверждении проф. Деревницкого по кафедре истории мусульманского искусства на Восточном факультете» [23. Д. 192. Л. 24–24 об.].

Упомянутый Б.В. Чобан-заде Восточный музей в Ялте стал с 1921 г. важной и не изученной до сих пор досконально составной научной деятельности профессора А.Н. Деревницкого. Приоритет при формировании экспозиции и комплектации фондов этого учреждения культуры отдавался письменным источникам и вещам эпохи Крымского ханства. Ялтинское собрание должно было освещать материальную культуру народов Востока, проживающих за пределами Крыма [24. Л. 107]. Уже в 1921 г. в Восточном музее были оформлены пять отделов: узбекский (бухарский), среднеазиатский, азербайджанский, персидский и арабский (куда включался и японско-китайский материал). Несмотря на то что крымско-татарская этнографическая экспозиция в виде «татарской комнаты» была открыта почти с самого начала функционирования музея, крымско-татарский отдел оформился и был официально заявлен в

отчете только с 1925 г. [24. Л. 89 об.]. А.Н. Деревницкий подробно консультировал первого заведующего музеем А. Хатипова. Профессор практически сам отбирал материалы для выставок и стационарной экспозиции из реквизированных материалов, завозимых из южнобережных имений семьи Романовых и сбежавшей знати.

Архивные документы «Коллекции материалов по музейному строительству», отложившиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея [Там же. Л. 88–102], содержат информацию о многочисленных просветительских лекциях для населения, которые читал А.Н. Деревницкий. Из 86 лекций, прочитанных в 1924 – первой половине 1925 г. сотрудниками Восточного музея, большую часть провел именно он: «Художественная форма и быт мусульман», «Искусство мусульман как продукт быта и социально-экономических условий жизни народа», «Быт крымских татар и их художественное творчество» [Там же. Л. 91–91 об.].

Согласно документам, с 16 июня 1922 г. А.Н. Деревницкий возглавил Библиотечный комитет Крымского университета. На этом посту Алексей Николаевич сменил профессора И.А. Линниченко [25. С. 212–215]. По воспоминаниям же самого Алексея Николаевича, он занимал это пост уже в 1921 г.

Содержательную характеристику научно-педагогической деятельности А.Н. Деревницкого в Крымском университете содержат материалы архивного фонда ГлавПрофОбра, отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации. В частности, в документах дела «Переписка с Крымским университетом об утверждении в должности преподавательского состава, отзывы о научных трудах, сведения о личном составе и ведомости учета тарифных единиц», датированного 1924 г., читаем: «В исполнение циркулярного распоряжения ГлавПрофОбра от 2-го ноября 1923-го года за № 29372 Президиум Педагогического Факультета Крымского Университета представляет ГлавПрофОбру список всех профессоров и преподавателей Факультета, достигших предельного возраста, и ходатайствует о разрешении всем перечисленным лицам продолжать свою научно-педагогическую деятельность в присвоенном им звании на дальнейшее время по следующим мотивам:

Профессор Алексей Николаевич Деревницкий <...>, будучи совершенно здоровым, в настоящее время читает по поручению Факультета четыре ответственных курса – Введение в изучение искусств в связи с их историей, Историю Первобытной культуры и древних культур, Историю Средневековой культуры, фольклор, в общем 12 часов в неделю, ведет практические занятия со студентами и продолжает лично научно-исследовательскую работу. В составе Факультета нет лица, которому по разносторонности знаний и серьезности исследовательского интереса можно было бы в случае увольнения профессора Деревницкого поручить ведение занятий по указанным выше предметам, которые, в случае выбытия профессора Деревницкого, не

могут быть обеспечены. Профессор А.Н. Деревницкий лично также желает продолжать работу в Университете» [23. Д. 303. Л. 173]. В «Автобиографии» А.Н. Деревницкий лаконично написал об этом периоде: «В 1922 г. постановлением Государственного Ученого совета от 14-го октября был утвержден в должности профессора истории искусств на Восточном факультете Крымского Университета и в том же году (предложением от 2 сентября № 4850) был утвержден Коллегией Крымнаркомпроса членом Художественного комитета Академического совета Кр[ымского] Н[ародного] К[омиссариата] П[росвещения], а в 1923 г. распоряжением ГлавПрофОбра (от 10 декабря за № 31598) был утвержден в должности профессора кафедры истории искусств Крымского Института Специальных Культур с оставлением в должности профессора Крымского университета и состоял в ней до перемещения Института в Краснодар; в 1924 г. (18 марта) постановлением Одесской Археологической Комиссии краеведения при Всеукраинской Академии наук избран действительным членом этой комиссии» [6. Л. 59 об].

Алексей Николаевич дважды – в 1925 и 1926 г. – обращался в виде написания служебных записок к проблеме отсутствия в вузе учебного пособия по истории искусства и непосредственно по мусульманскому искусству и необходимости его подготовки, требовал предоставить ему командировку для ознакомления с «новой литературой» в библиотеках и музеях Западной Европы [26].

В 20-х гг. XX в. А.Н. Деревницкий был активным участником широко развернувшегося в Крыму краеведческого движения. Он являлся действительным членом Таврического общества истории, археологии и этнографии – приемника Таврической ученой архивной комиссии. В сентябре 1926 г. Алексей Николаевич представлял эту краеведческую организацию и одновременно Крымский пединститут на Всесоюзной археологической конференции в Керчи и выступил там с обширным докладом об археологических исследованиях Пантикапея [Там же].

В 1927 г. крымоведа вошел в состав организационной комиссии по подготовке Второй конференции археологов СССР в Херсонесе, посвященной столетию начала раскопок на месте древнего Херсонеса. Этот научный симпозиум стал знаменательной вехой в истории изучения Крыма. На него съехались ведущие отечественные крымоведы. Под редакцией А.Н. Деревницкого, К.Э. Гриневича и Н.Л. Эрнста вышел сборник тезисов научных докладов конференции (Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. 10–13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок). Алексей Николаевич выступил там с докладом «Херсонесские коропасть» [Там же. С. 36–39]. Последняя из выявленных публикаций А.Н. Деревницкого – его воспоминания «По университетским городам Голландии» – была опубликована в сборнике, изданном Крымским педагогическим институтом

им. М.В. Фрунзе совместно с Ассоциацией крымских научных обществ в честь профессора-зоолога Валерияна Викторовича Лункевича [27. С. 135–146].

Имевший огромный опыт административной и учебно-педагогической работы профессор не стоял в стороне от общественной жизни института. О его авторитете и влиянии среди коллег свидетельствует эпизод противостояния профессорской корпорации института партийно-номенклатурным кадрам. А.Н. Деревницкий, как и большая часть его коллег, однозначно негативно воспринял назначение в 1927 г. ректором Крымского педагогического института им. тов. М.В. Фрунзе ассистента С.Т. Бобрышева, читавшего в вузе историю ВКП(б). В конце 1927 г. на перевыборах ректора и проректора по учебной части профессора, организованная А.Н. Деревницким, оказала дерзкое сопротивление кандидатурам, предложенным обкомом партии. Показательно, что в составленной Крымским обкомом ВКП(б) справке «Профессура и преподавательский состав Крымского педагогического института» А.Н. Деревницкий охарактеризован как «политический вдохновитель, организатор и вождь антисоветских элементов здешней профессуры», а бывший до этого проректором по учебной части А.К. Сынопалов – как «его ставленник, верный приказчик и авантюрист» [28. С. 75]. Конечно, небольшой группе профессоров не удалось переломить ситуацию в институте. Тогда директором института был избран преподаватель социологии и педагогики, известный краевед и деятель народного образования Г.П. Вейсберг [29. С. 5; 30. С. 97]. А.К. Сынопалова, не без помощи обкома партии, убрали из института, и он искал работу в Москве. «С его отъездом из Симферополя, – говорилось в справке обкома партии, – атмосфера в пединституте значительно разрядилась, А.Н. Деревницкий и тот совсем утих, и в настоящее время работа в институте вошла в нормальную колею» [28. С. 75].

К сожалению, А.Н. Деревницкого не обошла горькая участь большей части представителей досоветской академической школы. В мае 1934 г. обком партии принял постановление, в котором ставилась задача «провести систематические разоблачения извращений и враждебных выступлений преподавателей Крымского пединститута, протаскивающих до самых последних дней чуждую идеологию» [30. С. 49]. Среди таких ученых одной из первых значилась фамилия А.Н. Деревницкого. Интересную информацию об этом периоде его жизни содержат письма Арсения Ивановича Маркевича к известному украинскому историку Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко (1884–1973). 25 июня 1934 г. А.И. Маркевич сообщал коллеге в Киев: «...настроения у нас здесь в последнее время гадкие из-за отвратительной травли старых профессоров педагогического института Лукьяненко Алексея Митрофановича и Деревницкого. Деревницкий хлопочет об усиленной пенсии и остается на жительство здесь, бросая преподавание. Теперь, кто только может, уходит из Крыма...» [31. Л. 22 об.].

После ухода А.Н. Деревницкого из пединститута он некоторое время проживал в Ялте. Уже достаточно пожилой профессор покинул Ялту в конце 30-х и переехал к дочери Ольге в Москву. Жизнь ученого оборвалась в 1943 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нетушил И.В. Деревницкий Алексей Николаевич // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / под ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалея. Харьков, 1908. Отд. 2: Биографический словарь профессоров и преподавателей. С. 212–215.
2. Непомнящий А.А. Забутый подвижник освітянського краєзнавства: Олексій Деревницький // Краєзнавство. 2011. № 3. С. 99–105.
3. Непомнящий А.А. А.Н. Деревницкий: неизвестные страницы биографии // Университети=Universitates. 2013. № 4. С. 54–62.
4. Избаш Т.О. Деревницкий Олексій Миколайович // Професори Одеського (Новоросійського) університету: біографічний словник. 2-е вид. : у 4 т. Одеса : Астропринт, 2005. Т. 1 : Ректори. С. 44–48.
5. Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (ИРЛИ РАН). Ф. 377. Оп. 7. Д. 1092.
6. Санкт-Петербургский филиал Архива (РАН СПФ АРАН). Ф. 155. Оп. 2. Д. 217.
7. Деревницкий А. О. И. Пеховский: некролог // Филологическое обозрение. 1891. Т. 1, № 2. С. 212–215.
8. Русская интеллигенция: автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгера: аннотированный указатель / под ред. В.А. Мыслякова : в 2 т. СПб. : Наука, 2001. Т. 1. 640 с.
9. Историческая хроника // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1892. Т. 4. С. 344.
10. Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років / гол. ред. В.С. Бакіров. Харків : Фоліо, 2004. 750 с.
11. Зеленогорский Ф. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 4, отд. 2. С. 406–416. Рец. на кн.: Деревницкий А.Н. О начале историко-литературных занятий в Древней Греции. Харьков, 1891. 226, 5 с.
12. Государственный архив Одесской области. Ф. 42. Оп. 35. Д. 353, 1745; Ф. 45. Оп. 8 (1894 г.). Д. 16, 26, 61; Оп. 8 (1899 г.). Д. 16. Оп. 8 (1901 г.). Д. 26; Ф. 93. Оп. 1. Д. 121; Ф. 153. Оп. 1. Д. 291.
13. Формулярный список о службе профессора Алексея Николаевича Деревницкого // Крымский архив. Симферополь, 2000. № 6. С. 100–103.
14. Деревницкий А. Несколько греческих статуэток из собраний Одесского общества истории и древностей и Ал.Ив. Нелидова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1895. Т. 18. С. 203–250.
15. Аппельрот В.Г. [Рецензия] // Филологическое обозрение. М., 1895. Т. 9, отд. 2. С. 95–97. Рец. на: Деревницкий А. Несколько статуэток из собраний Одесского общества истории и древностей и Ал.Ив. Нелидова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1895. Т. 18. С. 203–250.
16. Деревницкий А. О раскопках г. Дирина в Чокрак-Мама и Куль-Тепе // Записки Одесского общества истории и древностей. 1896. Т. 19, отд. 3. С. 46–51.
17. Деревницкий А., Пападимитриу С. Карманный словарь новогреческого и русского языков. Лейпциг, 1905. Ч. 1: Русско-греческая. XXII, 424 с.
18. Ялтинский историко-литературный музей, фонды. Кп. 39598. Д. 5060, 5261.
19. Государственный архив города Киева. Ф. 16. Оп. 479. Д. 87.
20. Крымский педагогический институт имени М.Ф. Фрунзе, 1918–1928 / Крымский пед. ин-т; отв. ред. Г.П. Вейсберг. Симферополь, 1928. 71 с.
21. Маркевич А.И. Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета // Известия Таврического университета. 1919. Кн. 1. С. 11–42.
22. Деревницкий А.Н. Ю.А. Кулаковский: некролог // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1920. № 57. С. 324–336.
23. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-1565. Оп. 3. Д. 192, 303.
24. Государственный исторический музей, отдел письменных источников. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1008. Л. 107.
25. Деревницкий А.Н., Марков В.М. Отчет о состоянии и деятельности библиотеки Крымского университета с 10 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. / подг., вступ. ст. В.В. Лавров, В.В. Бобков // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: История. 2005. Т. 18 (57), № 1. С. 212–215.
26. Музей истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, фонды. Деревницкий А. В Предметную комиссию при Отделении востоковедения. Без даты; Деревницкий А. В Совет Отделения востоковедения. Без даты; Сыновалов А. Деревницкому А.Н. 1926; Деревницкий А.Н. – редактору газеты «Всесоюзная здравница». Без даты.
27. Деревницкий А.Н. По университетским городам Голландии: из воспоминаний // Валериану Викторовичу Лункевичу : сб., посвященный сорокалетию его научно-литературной деятельности, 1890–1930. Симферополь, 1930. С. 135–146.
28. Дементьев Н.Е., Непомнящий А.А. Крымский государственный педагогический институт в 1925–1941 годах // История Таврического университета / под ред. Н.В. Баргова. Киев : Либідь, 2003. С. 74–92.
29. Научные работники Крыма : справочник / сост. А.А. Танатар. Симферополь, 1927. 12 с.
30. Урсу Д.П. Професори Таврійського університету (1918–1941): біографічні нариси. Симферополь, 2005. 108 с.
31. Государственный архив-музей литературы и искусства Украины. Ф. 542. Оп. 1. Д. 193.

Nepomnyashchy Andrey A. V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia). E-mail: dr.aan@mail.ru

FROM THE HISTORY OF PROFESSOR'S CORPORATION IN TAURIDA UNIVERSITY: A.N. DEREVITSKIY

Keywords: A.N. Derevitskiy; classical philology; Taurida University; Eastern Division; corporation of professors.

Biographical studies are of great importance for historical science. In the case of local history, they allow to reveal not only the research trends that are typical of the epoch, but also the social structure of scientific communities and social relationships between researchers. The subject matter of this study is a biography of great scientist - philologist-classic Derevitskiy Alexei Nikolaevich (1859-1943). He made important contributions to the development of higher education in the Crimea in 1918-1920. In this research we used extensive body of bibliographic and archival source, which were founded in archives of St. Petersburg, Kiev, and Odessa. Interesting materials for the study were submitted to the Museum of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University history in 2016.

A.N. Derevitskiy belonged to the historical and literary, cultural and historical trend in Russian classical philology. He studied Greek history and philology, problems of ethnic, philosophical and religious ideas in the ancient world, the history of ancient and early Christian art and literature. Scientist held important positions in the Ministry of Education – he was the rector of the Novorossisk University. During the Revolution of 1905, he was appointed a trustee of the Kazan educational district, after 6 years, he was appointed a trustee of the Kiev educational district. He was a fighter against the revolutionary-democratic movements. A.N. Derevitskiy retired in 1917 and moved to the Crimea. In Crimea, the scientist worked as a professor at Pedagogical Institute until 1934. This study is important for recovery of history of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. A. N. Derevitskiy was at the forefront of creating unique collections of the Eastern Museum in Yalta. Scientist saved from destruction and export abroad unique items that have become museum items.

REFERENCES

1. Netushil, I.V. (1908) Derevitskiy Aleksey Nikolaevich [Derevitsky Alexey Nikolaevich]. In: Khalansky, M.G. & Bagaley, D.I. (eds) *Istoriko-filologicheskiy fakul'tet Khar'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya (1805–1905)* [Historical-Philological Faculty of the Kharkov University for the first hundred years of its existence (1805–1905)]. Kharkov: Adolf Darre. pp. 212–215.
2. Nepomnyashchiy, A.A. (2011) Zabutyi podvizhnik osvityans'kogo kraeznavstva: Oleksiy Derevits'kiy [Forgotten ascetic of educational lore studies]. *Kraeznavstvo*. 3. pp. 99–105.
3. Nepomnyashchiy, A.A. (2013) A. N. Derevitskiy: neizvestnye stranitsy biografii [A.N. Derevitsky: the unknown pages of the biography]. *Universiteti – Universitas*. 4. pp. 54–62.
4. Izbash, T.O. (2005) Derevits'kiy Oleksiy Mikolayovich [Derevitsky Olexiy Mikolajovich]. In: Smintin, V.A. (ed.) *Profesori Odes'kogo (Novorosiys'kogo) universitetu: biografichniy slovník* [Professors of Odessa (New Russia) University: A Biographic Dictionary]. 2nd ed. Vol. 1. Odessa: Astroprint. pp. 44–48.
5. Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (IRLI RAS). Fund 377. List 7. File 1092.
6. St. Petersburg Branch of the Archive (RAS SPF ARAN). Fund 155. List 2. File 217.
7. Derevitskiy, A.O. (1891) I. Pekhovskiy: nekrolog [I. Pehovsky: Obituary]. *Filologicheskoe obozrenie*. 1(2). pp. 212–215.
8. Myslyakov, V.A. (ed.) (2001) *Russkaya intelligentsiya: avtobiografii i biobibliograficheskie dokumenty v sobranii S.A. Vengerova: annotirovanny ukazatel'* [Russian intelligentsia: autobiographies and biobibliographical documents in the collection of SA Vengerov: An Annotated Index]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
9. Anon. (1892) *Istoricheskaya khronika* [Historical Chronicle]. In: Kareev, N.I. (ed.) *Istoricheskoe obozrenie: sbornik Istoricheskogo obshchestva pri imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete* [Historical Review: A Collection of the Historical Society at the Imperial St. Petersburg University]. Vol. 4. St. Petersburg: St. Petersburg Imperial University.
10. Bakirov, V.S. (2004) *Kharkivskiy natsional'niy universitet im. V.N. Karazina za 200 rokiv* [V.N. Karazin Kharkiv National University for 200 years]. Kharkiv: Folio.
11. Zelenogorskiy, F. (1892) Rets. na kn.: Derevitskiy A. N. O nachale istoriko-literaturnykh zanyatiy v drevney Gretsii. Khar'kov, 1891 [REview on the book: Derevitskiy A.N. About the beginning of historical and literary studies in ancient Greece. Kharkov, 1891]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 4(2). pp. 406–416.
12. The State Archives of the Odessa Region (GAOO). Fund 42. List 35. File 353, 1745.
13. Anon. (2000) Formulyarnyy spisok o sluzhbe professora Alekseya Nikolaevicha Derevitskogo [A formulary list of the service of Professor Alexei Nikolaevich Derevitsky]. *Krymskiy arkhiv*. 6. pp. 100–103.
14. Derevitskiy, A. (1895) Neskol'ko grecheskikh statuetok iz sobranii Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey i Al.Iv. Nelidova [Several Greek figurines from the collections of the Odessa Society of History and Antiquities and Al. I. Nelidov]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 18. pp. 203–250.
15. Appelrot, V.G. (1895) Rets. na: Derevitskiy A. Neskol'ko statuetok iz sobranii Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey i Al. Iv. Nelidova [REview: Derevitsky A. Several figurines from the collections of the Odessa Society of History and Antiquities and Al. I. Nelidov]. *Filologicheskoe obozrenie*. 9(2). pp. 95–97.
16. Derevitskiy, A. (1896) O raskopkakh g. Dirina v Chokrak-Mama i Kul'-Tepe [About excavations of Dirin in Chokrak-Mama and Kul'-Tepe]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 19(3). pp. 46–51.
17. Derevitskiy, A. & Papadimitriu, S. (1905) *Karmannyi slovar' novogrecheskogo i russkogo Yazykov* [Pocket Dictionary of Modern Greek and Russian]. Leipzig: [s.n.].
18. Yalta Historical and Literary Museum. Fund Kp. 39598. File 5060, 5261.
19. State Archives of the City of Kiev (GAK). Fund 16. List 479. File 87.
20. Veysberg, G.P. (1928) *Krymskiy pedagogicheskiy institut imeni M. F. Frunze, 1918–1928* [M.F. Frunze Crimean Pedagogical Institute, 1918–1928]. Simferopol: Crimean Pedagogical Institute.
21. Markevich, A.I. (1919) Kratkiy istoricheskiy ocherk vozniknoveniya Tavricheskogo universiteta [A Brief Historical Outline of the Origin of the Taurida University]. *Izvestiya Tavricheskogo universiteta*. 1. pp. 11–42.
22. Derevitskiy, A.N. (1920) Yu.A. Kulakovskiy: nekrolog [Yu.A. Kulakovsky: Obituary]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 57. pp. 324–336.
23. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund A-1565. List 3. File 192, 303.
24. The State Historical Museum (GIM), Department of Written Sources. Fund 54. List 1. File 1008.
25. Derevitskiy, A.N. & Markov, V.M. (2005) Otchet o sostoyanii i deyatelnosti biblioteki Krymskogo universiteta s 10 oktyabrya 1921 g. po 1 oktyabrya 1922 g. [Report on the state and activity of the Crimean University library from October 10, 1921 to October 1, 1922]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: Istoriya*. 18(57). pp. 212–215.
26. Museum of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. (n.d.) Funds: Derevitsky A. The Subject Commission at the Department of Oriental Studies.
27. Derevitskiy, A.N. (1930) Po universitetskimi gorodam Gollandii: iz vospominaniy [On the University cities of Holland: From memories]. In: Weisberg, G.P. et al. (eds) *Valerianu Viktorovichu Lunkevichu* [To Valerian Viktorovich Lunkevich]. Simferopol: M.F. Frunze Crimean Pedagogical Institute. pp. 135–146.
28. Dementiev, N.E. & Nepomnyashchiy, A.A. (2003) Krymskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut v 1925–1941 godakh [Crimean State Pedagogical Institute in 1925–1941]. In: Bagrov, N.V. (ed.) *Istoriya Tavricheskogo universiteta* [History of the Taurida University]. Kyiv: Libid'. pp. 74–92.
29. Tanatar, A.A. (1927) *Nauchnye rabotniki Kryma* [Crimean Scholars]. Simferopol: [s.n.].
30. Ursu, D.P. (2005) *Profesori Tavriys'kogo universitetu (1918–1941): biografichni narisi* [Professors of the Tavrida University (1918–1941)]. Simferopol: [s.n.].
31. The State Archive-Museum of Literature and Art of Ukraine. Fund 542. List 1. File 193.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 94 (571)

DOI: 10.17223/19988613/52/15

А.К. Идиатуллин

«СВЯЩЕННЫЕ» ОБЪЕКТЫ ТАТАР И БАШКИР СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания по теме «Локусы социально-культурных ландшафтов в территориальных социально-экономических системах (на примере полиэтнического Среднего Поволжья)» (задание № 31.8018.2017/БЧ).

На основе данных архивных источников, опросов татар и башкир в регионах Среднего Поволжья и Приуралья, анализа современных исследований выявлены некоторые священные объекты, а также показана их этническая и региональная специфика. По мнению автора, места поклонений или малых паломничеств в пределах Среднего Поволжья и Приуралья можно условно разделить на две группы: места захоронения суфиев и объекты, связанные с Булгарским государством. Автор считает, что поклонение святым местам в основном бытует у татар Среднего Поволжья, в меньшей степени – у башкир. В современных условиях священные места становятся атрибутами не только религиозного сознания, но и этнотерриториальной идентификации, что является следствием общей плюрализации духовной культуры.

Ключевые слова: священные объекты; татары; башкиры; святые места.

Объекты, почитаемые как священные, играют чрезвычайно важную роль в религиозной и этнической идентичности татар и башкир. Сочетая в себе в равной степени признаки как материальной, так и духовной культур, они нередко концентрируют ключевые смыслы, общенациональные ценности, что позволяет им играть роль своеобразных духовных ориентиров для данных народов. Цель статьи – выявление «священных» объектов татар и башкир, а также анализ современных этнотерриториальных различий, связанных с практикой их почитания по данным опросов.

Использование понятия «священные объекты» кажется нам более уместным в контексте современных религиозных и шире – духовных практик татар и башкир, так как в условиях мировоззренческого плюрализма XXI в., вызванного диалектическим процессом глобализации-индивидуализации [1. С. 146–147], любые традиционные подходы к анализу объектов поклонения выглядят чрезмерно узкими. В частности, понятие «святых» мест, которое следует считать каноническим в изучении объектов поклонения в среде татар и башкир, и связанное прежде всего с ишанизмом [2–4], не учитывает возможность возникновения новых сакральных объектов, которые никак не связаны ни с суфизмом, ни даже с исламом.

Тем не менее именно «святые» места являются краеугольным камнем объектов поклонения татар и башкир в изучаемом регионе. Нам представляется, что места поклонений или малых паломничеств в пределах Среднего Поволжья и Приуралья можно условно разделить на две группы:

1) собственно места захоронения суфиев (ишанов) или воспринимаемые татарами и башкирами в качестве таковых; 2) «святые» места, не связанные с деятельно-

стью суфиев напрямую и, как правило, обязанные своим происхождением Булгарской цивилизации (г. Булгар, г. Биляр, надгробные памятники времён Волжской Булгарии).

В пределах Ульяновской области первый вид поклонения наиболее наглядно представлен на территории с. Новые Зимницы Старокулаткинского района. Данное обстоятельство связано с тем, что в этом селе испокон веков жили ишаны [5. Ф. 37. Оп. 1. Д. 45. Л. 34]. Их влияние сохранялось даже в конце 20-х гг. XX в. – не самое благоприятный период для отправления религиозных культов. Так, в сведениях РКВКП(б) Старокулаткинского района отмечалось, что «благодаря отсутствию акушеров и медицинских работников вообще, в районе процветает и развивается знахарство и увеличивается доход ишана» [Там же. Л. 98]. Среди действий иштана отмечается шаманский обрядовый элемент – эшкрю. Говорится также о том, что посещающие иштана татары целуют ему подметки и башмак. Именно его влиянием объяснялось многочисленное присутствие женщин (200 человек) в день 8 марта в мечети, а не на коммунистическом собрании, где их было значительно меньше (33 человека) [Там же. Д. 25. Л. 126; Д. 26. Л. 153–154].

Интересно, что влияние суфизма сохранялось в Новых Зимницах вплоть до 60-х гг. XX в. Так, уполномоченный по делам религиозных культов отмечал, что на поклонение к могиле иштана приезжало много паломников из Куйбышевской, Пензенской, Саратовской областей, а также из ряда районов Ульяновской области. В 1956 г. количество паломников не уменьшилось, а несколько увеличилось. Основной приток паломников происходил летом. Часть паломников приезжала на автомобилях, другая часть независимо от расстояния

приходила пешком. Причём некоторые, идущие пешком, несли с собой камни и возлагали их на могилу ишана якобы для того, чтобы принесённый им камень был свидетелем на том свете, что данный верующий был на могиле ишана [5. Ф. 8. Оп. 15. Д. 128. Л. 18]. Кроме того, в документах о состоянии и деятельности зарегистрированных общин верующих мусульман по Ульяновской области содержатся сведения о том, что в 1960 г. была попытка верующих с. Новые Зимницы построить мавзолей на кладбище, где находится могила ишана [Там же. Оп. 20. Д. 147. Л. 14]. Годом ранее была попытка верующих мусульман (из других сёл Ульяновской области) попасть на эту могилу (10 человек). Однако после запрета на проведение подобных поклонений, по словам уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Ульяновском облисполкоме, подобных попыток не было. Верующие мусульмане с. Новые Зимницы, по словам уполномоченного, также перестали ходить на могилу. Однако в 1959–1960 гг. произошли события, подтвердившие устойчивость почитание могилы в среде татар. На вторую ночь после того, как новозимницкий сельский совет повесил замок на дверь ограды могилы с тем, чтобы никто не заходил в эту ограду, замок был кем-то вырван и унесён. Подобные действия повторились минимум дважды. Даже в 1980 г. могилу ишана продолжали посещать в летнее время не только местные татары, но и верующие Неверкинского района Пензенской области и Николаевского района Ульяновской области.

В Куйбышевской области в пос. Благодаровке к могиле муллы В. Сабирова, где была установлена каменная плита с надписью из молитвы и слова «Шайш» на арабском языке и самовольно построен мавзолей со встроенным стеклом, также стекались паломники, и не только местные, но и из Астраханской, Пензенской и Ульяновской областей, Башкирской и Татарской республик, Казахстана, Узбекистана; в с. Алькино привлекал к себе верующих водный источник «Святая вода», «Ключик» («зям-зям»), «которая славилась не хуже, чем в Мекке». На территории Пензенского региона было известно об одном мусульманском «святом месте» – могильнике в Головинщенском районе, где был похоронен мулла – ишан. Здесь систематически собирались верующие не только из соседних селений, но и других городов, читали молитвы, совершали жертвоприношения. Однако основное количество «святых» мест мусульманского культа Среднего Поволжья в советский период было сосредоточено в Татарской АССР (всего 16) [6].

Начало XXI в. ознаменовалось возрождением такого рода паломничеств в Среднем Поволжье и Приуралье. Так, с 2005 г. в с. Новые Зимницы ежегодно проводятся Хансаваровские чтения, связанные с памятью суфийского шейха Хабибуллы Хансаварова, который похоронен здесь. Эти мероприятия начали проводиться с 200-летнего юбилея шейха (1805–1897). Одним из программных мероприятий чтений является посещение

зиярата (могилы) Хабибуллы ишана. В 2008 г., по подсчетам организаторов, могилу святого посетили 6 тыс. человек. При посещении могилы татарстанской делегацией чтение Корана и дуа по поручению муфтия Гусмана хазрата совершил Ильдус хазрат Фаизов [3]. Отмечен интерес мусульманской общественности к возрождению суфийских традиций и связанных с ними паломничеств и в Татарстане. Так, 17 августа 2013 г. в мечети Анас г. Чистополя прошли чтения имени известного шейха тариката Накшбандия-халидия Мухаммадзакира хазрата Камалова (1818–1893 гг.) [7]. 4 июня 2013 г. в Москве состоялся круглый стол на тему «Традиции суфизма в исламе: история и современность», организованный Духовным управлением мусульман г. Москвы и Центрального региона «Московский Муфтият» ЦДУМ России и приуроченный к 180-летию со дня рождения известного религиозного деятеля и просветителя Зайнуллы Расулева. На мероприятии от Татарстана присутствовали заместитель муфтия республики Нияз хазрат Сабиров, ректор Российского исламского университета, доктор политических наук, профессор Рафик Мухаметшин, директор Буинского медресе Рашид Маликов [8].

Ежегодно весной или в начале лета татары Чувашской Республики организуют поездки в места, связанные с суфийской традицией. Это не только посещение г. Болгара, но и места зияратов на территории Чувашии, которых насчитывается более тридцати. Одним из таких мест является кладбище XVII в. на территории д. Новое Буяново Шемуршинского района Чувашии [9]. Татары называют это место «Яна Торын зираты», а жители этой самой деревни – чувашаи именуют «Мишер масаре», т.е. мишарское кладбище. Издревле, когда в стране случались засухи, мусульмане с округа собирались на этом кладбище и просили у Аллаха дождя. Духовное управление мусульман Чувашской Республики организует зиярат – посещение могил предков. Аксакалы и абыстай с. Шыгырдан, д. Татарские Сугуты, Кзыл Камыш, Асаново и имамы собираются, чтобы почтить память, а Муфтият Чувашии организует «Корбан ашы» – обед в честь данного торжества.

Вот как описывает ход этого мероприятия журналист: «На этом мероприятии многие участники не первый раз. Аксакалы вспоминают, как в детстве с бабушками они пешком приходили сюда и неделями жили у знакомых чувашей. Бабушки целыми днями читали Коран, молились. Есть что вспомнить и чувашам. Хотя они просто наблюдатели, но все знают и понимают сакральность происходящего. “В советские годы здесь хотели сделать колхозный огород. Человек, который на тракторе спихивал эту землю – сгорел с трактором”, – вспоминает одна из жительниц деревни. “Тогда забор был ветхим, дети, не понимая святость этой земли, играли там, потом начали болеть. Никто ничего не мог сделать. Только муллы, читая свои молитвы, исцелили”, – говорит другая. “Вот с города внуки приехали, их тоже привела, чтоб с детства знали про это место”, – говорит третья» [Там же].

На территории кладбища стоят два надмогильных камня. Председатель Духовного управления мусульман Чувашской Республики Мансур хазрат Хайбуллов рассказывает историю камней. «В те времена такие памятники ставились только людям определенных сословий: мурзам – дворянам или великим суфиям», – говорит хазрат [9]. Действительно, есть много легенд, что здесь захоронены авлии – святые люди. Мансур хазрат, выступая, объясняет, что собрались тут не молятся этим могилам. Памятники эти вместе с территорией считаются объектом культурного наследия Чувашской Республики. Это древнее кладбище силами мусульман и местных жителей огорожено металлическим забором, устроено место для моления.

В Башкортостане также весьма активно происходит возрождение интереса к суфийской традиции. Например, в 2011 г. в Миякинском районе Республики Башкортостан у горы Нарыстау, близ с. Ильчигулово, установили мемориал сподвижникам пророка Мухаммада (сахабам) Зубаиру бин Заиту и Абдуррахману бин Зубаиру. Мемориальный комплекс, представляющий собой стелу с именами сахабов и юрту с тремя полумесяцами, установлен по инициативе мусульман Башкортостана. Почтить память святых прибыли тысячи мусульман не только из Башкирии, но из других регионов России, Таджикистана, Узбекистана. Согласно преданиям, сахабы похоронены на вершине горы Нарыстау, а вытекающая из её подножия вода считается целебной. Сам факт того, что здесь тысячелетие назад жили сподвижники Мухаммеда, неразрывно связан с именем Османа Нури Топбаша – исламского богослова, главы суфийского тариката Накшбандия, который и фиксирует имена сподвижников, живших здесь [10].

В Учалинском районе Башкортостана широко известно имя мусульманского деятеля Зайнуллы ишана. В 2009 г. здесь еще построена грандиозная мечеть, названная в его честь. Фольклорный праздник «Салават Йыйыны», состоявшийся впервые в 2010 г. около горы Торатау близ Ишимбая, объединил национальные по сути мероприятия с религиозными представлениями о священной для башкир горы, среди которых также заметны суфийские мотивы. Надо отметить, что в башкирской традиции понятие аулия (святий), которое среди татар по большей части ассоциируется со святыми людьми, приобрело более широкое значение. В частности, под ним понимаются святые горы и источники [11].

Среди башкир Самарской области также сохранилось почитание могил святых. Сами могилы именуются ими аулия-зыйарат. Несколько таких могил находятся около д. Утекаево. Со слов жителей данной деревни, односельчане выбрали место для кладбища, но святой сказал, чтобы на этом месте никого не хоронили – через много лет здесь построят дорогу. Люди не послушались святого, и тогда тот попросил, чтобы его после смерти похоронили в другом месте. Действительно, через много лет это место была проведена дорога, и кладбище не сохранилось [12. С. 140].

Проведённые в 2016 г. исследования также подтверждают наш тезис о живучести суфийской традиции поклонения татар и башкир малым святым местам. В общей татаро-башкирской выборке 14,23% респондентов ответили, что совершали паломничество к так называемым святым местам. Среди татар Поволжского федерального округа (ПФО) таковых оказалось 15,52%, а среди башкир – только 9,09%. Иными словами, скорее всего суфийская традиция малых паломничеств в большей степени характерна для татар, чем для башкир. Это же подтверждает региональный анализ. Так, наибольшая доля посещений малых святых мест наблюдается среди татар Чувашии, Самарской и Ульяновской областей, Татарстана, Башкирии. Доля, совершавших малые паломничества среди башкир Башкортостана одна из самых низких – 8,4%.

Высокая доля совершавших малые паломничества среди татар Чувашии, Самарской и Ульяновской области, а также Татарстана объясняется тем, что именно эти территории испытали на себе наибольшее влияние Волжской Булгарии, объекты которой также пользуются высоким уровнем религиозной значимости среди татар данного региона.

Итак, среди второй разновидности «святых мест» у татар наибольшей популярностью пользуется Булгарское городище. Здесь уцелели палаты, мавзолеи и минареты XIII–XV вв. – уникальные памятники архитектуры и истории Волжско-Камской Булгарии, являющиеся исламскими святынями и национальными святынями татарского и отчасти башкирского народов. Однако, по мнению части татар, сакральное значение некоторых памятников Булгара утеряно, так как волею судеб они стали православными храмами (Восточный мавзолей в XVIII в. был освящен как церковь Святого Николая). Поэтому мусульмане совершают молитву (по большей части намаз) рядом с древним кладбищем Булгарского городища. У башкир традиционно сходное сакральное значение выполняют расположенные в центре современного Башкортостана мавзолеи Тура-хана, Хусейнбека и «Малый кэшэн» [13].

Показательно, что в 1990-е гг. среди татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья не было единства в вопросе правомерности почитания Булгар как исламского объекта. Например, Талгат Таджуддин в своём письме от 28 мая 1996 г. к Президенту Республике Татарстан М.Ш. Шаймиеву просил оказать содействие в проведении торжеств по случаю принятия ислама в древних Булгарах. В то время как Духовное управление мусульман Татарстана в данном вопросе заняло противоположную позицию, объявив, что эти торжества «нечто новое, не присущее исламу, это ширк (многобожие), поэтому участвующие в этом нарушают мусульманские каноны» и, приняв постановление, что поездка в г. Булгары в определённое время и с исламской точки зрения ширк, поэтому участвовать в этих мероприятиях нельзя [14. С. 89].

Конечно, противостояние вокруг почитания Булгар как продолжение традиции очевидно суфийского тол-

ка – это во многом следствие борьбы между двумя исламскими духовными управлениями за влияние на верующих и политические элиты. Но сам факт того, что именно Булгары стали объектом дискуссий среди мусульман региона, следует считать также проявлением неоднозначности традиции «поклонений» среди татар Среднего Поволжья и Приуралья.

Надо сказать, что среди умеренных мусульман практически не встаёт вопрос о почитании аулия. Существенный вклад «святых» в исламизацию Среднего Поволжья и Приуралья – факт для большинства суннитов ханафитского мазхаба. При этом все опрошенные высказываются против поклонения могилам.

Из интервью: «К Аллаху посредник может быть аулия. К этому нормально отношусь. Почитание могил и поклонение могилам – это разные вещи. В исламе поклонения могилам нет. Некоторые поклоняются могилам, я знаю такие вещи, я видел в Туркестане. Может быть, и в Башкирии такое есть. А такого массового я не знаю. Почитание могил есть. Читайте ясын усопшим, в Коране есть. Есть те, которые считают не надо почитать усопших. Они противоречат исламу» (башкир, имам, г. Уфа).

«Я слышала, что суфии есть, но сама не сталкивалась. Если я правильно понимаю, суфии – те, кто придерживаются ханафитского мазхаба, у них есть святые, через которых они обращаются к Аллаху. Мне интересно, но не принимаю» (татарка, г. Ульяновск, верующая, 22 года).

«На кладбищах достигшие высокого уровня святые, мусульманские личности были похоронены. Видела фотографии. Там молились. Либо они у святых просили или для святых у Аллаха молились. Есть обычаи из традиций у татар, которые не совсем исламские. Молится, не молится. Тут разногласия. Эти говорят так, эти говорят по-другому. Мне понравилось такое мнение: “Если видишь: человек молится – ты сначала спроси, кому молится”» (татарка, г. Ульяновск, верующая, 26 лет).

Анализ анкетных данных показывает, что среди татар и башкир в качестве священных мест фигурируют не столько суфийские, сколько общемусульманские объекты. Например, татарскими респондентами Ульяновской области в 2014 г. в качестве почитаемых народом памятных и священных мест названы объекты мусульманского поклонения: мечети и Мекка (табл. 1).

Таблица 1
Объекты, места и памятники, почитаемые татарами Ульяновской области как священные (2014 г.)

Название объекта	Количество упоминаний
Мечети	11
Мекка	7
Булгары	6
Иерусалим; Казань	По 1

Источник. Материалы анкетирования, собранные методом «снежного кома» в рамках внутривузовского гранта Программы стратегического развития университета 2014 г. на тему «Духовная культура народов Среднего Поволжья». Выборка татарских респондентов составила 41 человек.

Анализ анкет, собранных в 2016 г. среди башкир и татар других субъектов ПФО, а также выявил эту закономерность (табл. 2–7). Например, у башкир ПФО и сопредельных территорий в качестве священных объектов фигурируют мечети и Мекка (табл. 2).

Таблица 2
Объекты, места и памятники, почитаемые башкирами ПФО и сопредельных территорий как священные

Название объекта	Количество упоминаний
Мечеть / мечети / обычные мечети; Памятник Салавату Юлаеву национальный герой Салават Юлаев / памятник герою башкирского народа Салавату Юлаеву; Шульган-Таш / пещера Шульган-Таш	По 88
Торатау	7
Памятники; Аркаим	По 6
Мавзолей Хусейнбека / Кешене Хусейнбека / кешене / Хусейн-бек; Мекка; Иремель	По 4
Гора-Нарыстау; Горы Урал / Урал-батыр; Ляля-тюльпан; Аулия; Могила Мужаур Хазрат / Мужавир Хазрат; Аликаев камень, Аликаева гора	По 3
Болгар / булгар; Мавзолей Тура-хана; Гора Ауштау	По 2

Источник. Данные интернет-анкетирования 2016 г., проведённого автором в 14 субъектах ПФО, а также в Челябинской, Астраханской, Московской, Тюменской областях, Ханты-Мансийском автономном округе, Москве и Санкт-Петербурге. Выборка башкир составила 111 респондентов.

Таблица 3
Объекты, места и памятники, почитаемые татарами Татарстана как священные

Название объекта	Количество упоминаний
Мечеть / мечети / обычные мечети	34
Болгар / булгар / великий булгар / городище булгар / древний город Булгар / историческое наследие мусульман Болгар	23
Кул Шариф	9
Билар / Биларск, святой ключ в Биялрах / святой источник в Биларске / Волжской Булгарии Билар; Сююмбике / башня Сююмбике	По 5
Мекка / священные места только в Мекке; Хадж	4
Храм; Благовещенский собор Казанского кремля; Троице-Сергиевский монастырь; Кремль; Святой источник; Святой колодец	По 3
Казанский кремль; Казань; Кладбища / татарские кладбища	2

Источник. Данные интернет-анкетирования 2016 г., проведённого автором в 14 субъектах ПФО. Выборка татар Татарстана составила 156 респондентов.

Таблица 4
Объекты, места и памятники, почитаемые татарами Ульяновской области как священные (2016 г.)

Название объекта	Количество упоминаний
Мечеть / мечети / обычные мечети	40
Мекка / священный город Мекка	19
Болгар / Булгар	15
Кул-Шариф	9
Кладбища, татарские кладбища	5
Кааба / Кааба в Мекке	3
Почитание могил; Казань	По 2

Источник. Данные интернет-анкетирования 2016 г., проведённого автором в 14 субъектах ПФО. Выборка татар Ульяновской области составила 144 респондента.

Таблица 5
Объекты, места и памятники, почитаемые татарами
Пензенской области как священные

Название объекта	Количество упоминаний
Мечеть / мечети / обычные мечети	12
Мекка / священный город Мекка	6
Кааба / Кааба в Мекке	2

Источник. Данные опроса татар Пензенской области (58 респондентов), собранные автором с помощью почтового метода в 2016 г.

Таблица 6
Объекты, места и памятники, почитаемые
татарами Чувашии как священные

Название объекта	Количество упоминаний
Болгар	41
Мечеть/мечети/обычные мечети	3
Кул-Шариф	2

Источник. Данные опроса татар Республики Чувашия (58 респондентов), собранные автором с помощью почтового метода в 2016 г.

Таблица 7
Объекты, места и памятники, почитаемые татарами
Самарской области как священные

Название объекта	Количество упоминаний
Мечеть / мечети / обычные мечети	9
Булгар	6
Кул-Шариф	3
Могилы родственников; Памятники; Родник; Памятник посвященный солдатам; Биляр; Святой ключ	По 2

Источник. Данные опроса татар Самарской области (44 респондентов), собранные автором с помощью почтового метода в 2016 г.

Высокие позиции данные объекты занимают и среди татар Пензенской и Ульяновской областей и Татарстана (табл. 3–5). А вот среди татар Чувашии и Самарской области данная тенденция выражена чуть меньше. В их ответах из мусульманских объектов фигурируют только мечети, Мекка и Медина отсутствуют (табл. 6, 7).

Интересно, что в анкетах татар и башкир в общем фигурируют разные объекты поклонения, имеющие ярко

выраженную территориальную и этническую специфику. Например, среди татар – это Булгары, Биляр, расположенная в Казани мечеть Кул-Шариф, а у башкир – памятник Салавату Юлаеву, Шульган-Таш, кешене.

В этом смысле «священные» места действительно играют роль этнотерриториальных маркеров и не ограничиваются одной только суфийской традицией. Последнее особенно очевидно при рассмотрении объектов, почитаемых в качестве священных у татар Татарстана. Так, среди них выделяются христианские объекты, что само по себе вполне объяснимо наличием этноконфессиональной группы кряшен, однако в контексте нашей проблемы несколько оттеняет проблему «священных» мест.

В том же ключе стоит рассматривать и наличие в списке священных объектов башкир памятника Салавату Юлаеву. Возведённый в советский, во многих отношениях атеистический период в честь деятеля «народной войны», кстати сказать, исповедовавшего ислам, памятник всё же вряд ли можно считать символом исламского мировоззрения. Думается, что почитание его следует объяснять прямым следствием расширения области «священного», а с другой общей плюрализацией массового сознания татар и башкир, где религия, при всей важности, не является единственным компонентом мировоззрения изученных народов.

Таким образом, исследование показало, что «священные» объекты татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья, истоки почитания которых общепринято связаны с исламской, и особенно с суфийской, традицией, в современных условиях меняют своё содержание, становясь атрибутами не только религиозного сознания, но и этнотерриториальной идентификации, а также общей плюрализации духовной культуры народов России в XXI в.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В основу статьи легли данные трёх опросов. Во-первых, это данные интернет-анкетирования 2016 г., проведённого автором в 14 субъектах Приволжского Федерального округа, а также в Челябинской, Астраханской, Московской, Тюменской областях, Ханты-Мансийском автономном округе, Москве и Санкт-Петербурге. Всего в опросе приняли участие 629 респондентов (458 татар, 111 башкир, 46 русских, 1 украинец, 13 представителей других этносов). Большинство респондентов из татар и башкир (538, или 94,55% от всех опрошенных татар и башкир) проживают в ПФО, 31 – татары и башкиры из других регионов РФ. Во-вторых, это данные опросов татар Республики Чувашия (58 респондентов), Республики Мордовия (42 респондента), Самарской (44 респондента) и Пензенской (58 респондентов) областей, собранные автором с помощью почтового метода в 2016 г. Наконец, в работе также использовались для сопоставления и сравнения материалы анкетирования, собранные методом «снежного кома» в рамках внутривизовского гранта Программы стратегического развития университета 2014 г. на тему «Духовная культура народов Среднего Поволжья» (всего 302 анкеты представителей русской, татарской, чувашской, мордовской национальностей). Выборка татарских респондентов составила 41 человек.

ЛИТЕРАТУРА

- Новожилова И.С. Глобализация в сфере сознания и новые религиозно-духовные поиски европейцев // Актуальные вопросы Европы. 2000. № 4. С. 138–169.
- Гусева Ю.Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение / под ред. О.Н. Сениюткиной; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. М.: ИД «Медина», 2013. 214 с.
- Идиатуллин А.К. Духовная культура татар-мишарей Ульяновской области (в контексте проблемы религиозного синкретизма). Ульяновск: УлГТУ, 2010. 178 с.
- Юнусова А.Б. Мобилизационный архаизм: новые тенденции в традиционной религиозной практике поклонения башкирских мусульман // Известия Уфимского научного центра РАН. 2015. № 3. С. 106–115.
- Государственный архив новейшей истории Ульяновской области.
- Королева Л.А. Предотвращение паломничества мусульман Среднего Поволжья к «святым местам» (1950–1970 гг.). URL: <http://www.aspirans.com>, свободный (дата обращения: 12.11.2010).
- В Чистополе прошли чтения имени шейха накшбандийского тариката Мухаммеда Чистави // Духовное управление Республики Татарстан. URL: <http://www.dumrt.ru/news>, свободный (дата обращения: 19.08.2013).
- Представители ДУМ РТ приняли участие в круглом столе // Общероссийское информационное агентство мусульман. URL: <http://www.info-islam.ru/publ>, свободный (дата обращения: 06.06.2013).

9. Хайруллин А. На берегу маленькой реки // Мусульмане Чувашии. URL: <http://www.islam21.ru/tormish>, свободный (дата обращения: 24.06.2014).
10. В Миякинском районе установили мемориал сподвижникам пророка Мухаммеда // Башинформ. URL: <http://www.bashinform.ru/m>, свободный (дата обращения: 17.06.2011).
11. Насыров И. Священные родники, горы, пещеры Башкирии // Путешествие по Башкирии. URL: <http://www.pobashkirii.ru/tormish>, свободный (дата обращения: 24.06.2014).
12. Кржижевский М.В. Башкиры Самарской области: расселение, численность, особенности материальной и духовной культуры : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 168 с.
13. Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев», или Региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 95–119.
14. Мухаметгалиева С.Х. Ислам в современном социально-культурном развитии Татарстана : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. 204 с.

Idiatullov Azam K. Ulyanovsk State Pedagogical University (Russia, Ulyanovsk). E-mail: AzKoldiat@yandex.ru

"SACRED" OBJECTS OF TATARS AND BASHKIRS OF THE MIDDLE VOLGA AND URAL REGIONS

Keywords: sacred objects; Tatars; Bashkirs; Holy places.

The purpose of this article is to identify the "sacred" objects of Tatars and Bashkirs, as well as analysis of contemporary ethno-territorial differences related to the practice of their worship in the polls. The author performed a number of tasks. For example, the author has identified the Holy places in the middle Volga and the Urals in the Soviet period. Another task was the study and preservation of Holy places and places of worship, the current understanding of the Tatars and Bashkirs. As the methods of research the author used questionnaires, analysis of archival material and contemporary publications on the issue, comparative ethnographic and geographic research methods. The author have chosen the evolution of the phenomenon of "sacred" place in the Tatar and Bashkir society, which is manifested in its extension, pluralization and modernization, as the main problem for the article. Source the study is based on data from three surveys conducted by the author in the period from 2014 to 2016 years in different regions of the Middle Volga and Ural regions, as well as personal materials and sources on the Internet. In the study, the author came to several conclusions. According to the author the places of worship or small pilgrimages within the Middle Volga region and the Urals the possible known degree of convention should be divided into 2 main types. First is the burial place of the Sufi. Second are objects related to the Bulgarian government. Pilgrimage of Tatars and Bashkirs to the Holy places was recorded in the Soviet period and is often suppressed by public authorities of the USSR. However, the beginning of the XXI century was marked by the revival of interest to them in Tatar and Bashkir environment. However, among the Muslims have not yet developed definite points of view on the possibility of the worship of the "Holy places". Not among the Tatars and Bashkirs of the Middle Volga and Ural regions of unity on the question of the lawfulness of the veneration of the Bulgars, as the Islamic facility. Analysis of questionnaire data shows that among the Tatars and Bashkirs as sacred places are not so Sufi, how many Muslim objects. For example, the Tatar respondents Ulyanovsk region, Penza region and Tatarstan as revered by the people memorable and sacred places called Muslim objects of worship: mosques and Mecca. Interestingly, in the survey of Tatars and Bashkirs in General appear different objects of worship, having a distinct territorial and ethnic specificities. "Sacred" places play the role of ethno-territorial markers and are not confined to the Sufi tradition. Found among respondents and sacred places of the Christian and even secular sense. The veneration of the monument to Salavat Yulaev Bashkirs should be explained as a direct consequence of the expansion of the field of "sacred". The author also considers that the pilgrimage to the Holy places there from the Tatars of the Middle Volga region, to a lesser extent Bashkirs. This fact can be explained by the influence on the spiritual culture of the Tatars of the Middle Volga monuments of Volga Bulgaria, whose territory mostly encompassed this region. Finally, the author believes that in modern conditions of sacred places of Tatars and Bashkirs have become attributes of not only religious consciousness but also ethno-territorial identification, which is a consequence of a General pluralization of spiritual culture Russia.

REFERENCES

1. Novozhenova, I.S. (2000) Globalizatsiya v sfere soznaniya i novye religiozno-dukhovnye poiski evropeytssev [Globalisation in the consciousness and new religious-spiritual searches of Europeans]. *Aktual'nye voprosy Evropy*. 4. pp. 138–169.
2. Guseva, Yu.N. (2013) *Ishanizm kak sufiyskaya traditsiya Sredney Volgi v XX veke: formy, smysly, znachenie* [Echosisms as Sufi tradition of the Middle Volga in the 20th century: forms, meanings, meaning]. Moscow: Medina.
3. Idiatullov, A.K. (2010) *Dukhovnaya kul'tura tatar-misharey Ulyanovskoy oblasti (v kontekste problemy religioznogo sinkretizma)* [The spiritual culture of the Mishar Tatars in Ulyanovsk region (in the context of religious syncretism)]. Ulyanovsk : Ulyanovsk State Technical University.
4. Yunusova, A.B. (2015) Mobilising the past: recent trends in the traditional worship practice of Bashkir Muslims. *Izvestiya ufimskogo nauchnogo tsentra RAN – Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre*. 3. pp. 106–115. (In Russian).
5. State Archive of the Newest History of the Ulyanovsk Region.
6. Koroleva, L.A. (n.d.) *Predotvrashchenie palomnichestva musul'man Srednego Povolzh'ya k "svyatym mestam" (1950–1970 gg.)* [Prevention of Middle Volga Muslim pilgrimage to the "holy places" (1950–1970)]. [Online] Available from: <http://www.aspirans.com>. (Accessed: 12th November 2010).
7. The Spiritual Directorate of the Republic of Tatarstan. (2013) *V Chistopole proshli chteniya imeni sheykha nakshbandiyskogo tarikata Mukhammedzaki Chistavi* [Chistopol holds the Readings named after Sheikh Naqshbandi Tariqua Muhammad Zakir al-Chistavi]. [Online] Available from: <http://www.dumrt.ru/news>. (Accessed: 19th August 2013).
8. The Spiritual Directorate of the Republic of Tatarstan. (n.d.) *Predstaviteli DUMRT prinyali uchastie na kruglom stole* [Representatives of the State Duma of the Republic of Tatarstan participated in the roundtable]. [Online] Available from: <http://www.info-islam.ru/publ>. (Accessed: 6th June 2013).
9. Khayrullin, A. (2014) *Na beregu malen'koy reki* [On the bank of a small river]. [Online] Available from: <http://www.islam21.ru/tormish>, svobodnyy (Accessed: 24.06.2014).
10. Rakhmatullin, T. (2011) *V Miyakinskom rayone ustanovili memorial spodvizhnikam proroka Mukhammeda* [A memorial for the associates of Prophet Muhammad erected in the Miyakin district]. [Online] Available from: <http://www.bashinform.ru/m>. (Accessed: 17th June 2011).
11. Nasyrov, I. (n.d.) *Svyashchenmye rodniki, gory, peshchery Bashkirii* [Sacred springs, mountains, caves of Bashkortostan]. [Online] Available from: <http://www.pobashkirii.ru/tormish>. (Accessed: 24th June 2014).
12. Krzhizhevskiy, M.V. (2000) *Bashkiry Samarskoy oblasti: rasselenie, chislennost', osobennosti material'noy i dukhovnoy kul'tury* [Bashkirs of Samara region: resettlement, number, peculiarities of material and spiritual culture]. History Cand. Diss. Ufa.
13. Garustovich, G.N. (2014) The "theory of mausoleums" or the regional features of spiritual memorial architecture of the Golden Horde era in the Ural-Volga region (historical and ethnographical aspects of the problem). *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 2(4). pp. 95–119. (In Russian).
14. Mukhametgaliyeva, S.Kh. (1999) *Islam v sovremennom sotsial'no-kul'turnom razvitiy Tatarstana* [Islam in modern socio-cultural development of Tatarstan]. History Cand. Diss. Kazan.

И.В. Нам, А.А. Рассказчикова

МИГРАНТЫ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ГОРОДЕ (ОТНОШЕНИЕ ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА)

Статья подготовлена в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018) Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Представлены результаты изучения общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции в Томской области. Исследование было проведено летом-осенью 2014 г. В ходе первых двух этапов были опрошены 400 респондентов, третий этап был направлен на изучение экспертного мнения (опрошены 100 человек). Опрос показал, что тема миграции является достаточно актуальной и важной для жителей Томска. При этом значительное число опрошенных (особенно экспертов) поддерживают идею создания в Томске специальных центров адаптации для мигрантов. Авторы делают вывод, что среди томичей преобладает относительно спокойное отношение к привлечению труда иностранных работников, и они не видят угрозы для себя со стороны трудовой миграции.

Ключевые слова: мигранты; принимающее общество; Томск.

При выработке миграционной политики государству приходится лавировать между соображениями экономической и демографической целесообразности, с одной стороны, и антимигрантскими настроениями в обществе – с другой. Сегодня и в области научных исследований, и в массовых настроениях, и в СМИ, и в понимании проблем миграции чиновниками и политиками сформировалось общее «проблемное поле», ключевой составляющей которого является оценка возможностей и рисков, связанных с трансграничной миграцией, которая базируется «на конфликтном единстве двух подходов – **безопасности и развития**» [1. С. 83].

Сторонники идеи развития полагают, что без привлечения иностранных работников невозможно развитие экономики России, поэтому миграционная политика должна строиться на всемерном привлечении мигрантов, их легализации и мерах по их социальной, экономической и культурной интеграции в принимающее общество. Приверженцы идеи безопасности видят в мигрантах источник опасности для сохранения стабильности принимающего общества, причину неизбежных и разрушительных этнических конфликтов. Следствием такого понимания являются призывы запретить приток новых мигрантов и вытеснить тех, кто уже «понаехал». Поэтому так важно изучать отношение принимающего общества к растущей миграции и мигрантам, выявлять соотношение между сторонниками идеи развития и приверженцами идеи безопасности.

Экономическое и демографическое положение в каждом регионе различается, поэтому необходимо изучать отношение принимающего общества к трудовой миграции как в столицах, так и в провинции, в мегаполисах и в небольших городах, в крупных промышленных центрах и в сельской местности [2. С. 10]. В этой связи интерес представляет изучение отношения принимающего общества к мигрантам в университетских городах, куда, наряду с трудовыми мигрантами, приезжают для получения высшего образования «учебные»

мигранты из ближнего и дальнего зарубежья. Сравнительно небольшой по численности населения областной сибирский город Томск входит в число ведущих центров страны по концентрации научно-образовательного потенциала, а сфера науки и образования является для города одной из градообразующих отраслей. По числу студентов на 10 тыс. населения Томск занимает третье место в России (после Москвы и Санкт-Петербурга)¹ и является безусловным лидером в Сибирском федеральном округе (СФО): 829 человек на 10 тыс. населения (Новосибирская область – 621, Омская – 547 и далее – по нисходящей) [3. С. 6]. Каждый восьмой житель города – студент. В томских вузах учатся студенты из 70 регионов России и 58 стран ближнего и дальнего зарубежья. Граждане иностранных государств составляют 18,9% среди студентов очной формы обучения [4].

С 2005 г. в Томской области отмечается устойчивый миграционный прирост, сравнимый по масштабам с наиболее развитыми субъектами Российской Федерации, такими как Санкт-Петербург, Москва, Татарстан, Пермь. По миграционному приросту на душу населения Томская область занимает 2-е место среди регионов СФО [5. С. 17]. Эта тенденция сохранилась и в 2014 г. – область снова заняла второе место по миграционному приросту (360 человек) после Новосибирской области. В 2000-е гг. значительную долю «входящих» миграционных потоков в регион образуют трудовые мигранты (в основном выходцы из Узбекистана, Киргизии, Таджикистана). В 2014 г. региональное УФМС поставило на учет на 9,5% больше мигрантов, чем в прошлом году, из них 85% – это граждане ближнего зарубежья. Среди высококвалифицированных специалистов, получивших разрешение на работу, граждане Индии, Италии, Израиля, Германии, Кореи и других стран. На 17% увеличилось количество иностранцев, получивших разрешение на временное проживание и вид на жительство [6]. Наряду с легальной,

существует и нелегальная миграция. Сохраняющийся миграционный прирост позволяет компенсировать естественную убыль населения в регионе и обеспечить рост численности городского населения, вызывая одновременно рост антимигрантских настроений в обществе.

С целью изучения общественного мнения о проблеме миграции и межкультурной интеграции в регионе летом-осенью 2014 г. был проведен опрос жителей Томска в рамках исследования Сети этномониторинга и ИЭА РАН². В ходе первых двух этапов были опрошены 400 респондентов. Из них в повседневной жизни с иностранными трудовыми мигрантами общается примерно треть респондентов (26,5% опрошенных на первом этапе и 35% на втором). На третьем этапе опрос был направлен на изучение экспертного мнения. Были опрошены 100 экспертов из числа специалистов, которые по роду своих профессиональных, научных или общественных занятий связаны с решением проблем занятости, миграции и урегулирования межнациональных отношений в Томске. Среди опрошенных 13,0% напрямую занимаются решением практических вопросов, связанных с миграцией; 11,0% консультируют по теме миграции и межкультурной интеграции в регионе; 75,0% сталкиваются с проблемой мигрантов, хотя основная деятельность иная. Сюда же можно отнести «другие ответы»: *«сталкиваюсь на уровне профессиональной деятельности в качестве декана и имею научный интерес как исследователь»*; *«сталкиваюсь по роду профессиональной деятельности (взаимодействие с национально-культурными объединениями)»*; *«преподаю учебные курсы, связанные с проблемой миграции в современной Европе; обучаю магистрантов, приехавших в Томск из Таджикистана»* и т.п.³

Опрос показал, что тема миграции для Томской области актуальна и важна, на что указали 63,0% экспертов; 23,0% считают эту тему не совсем важной и 9,0% отрицательно ответили на данный вопрос. Другие ответы являются, в сущности, вариантами ответов на предшествующие вопросы: *«тема должна быть важной для того, чтобы не стать актуальной и болезненной»*; *«скорее важна»*; третий – *«для нашего региона скорее не очень актуальна, злободневна», «не критична»*. В ответе на вопрос о том, что следует учитывать в первую очередь, говоря о миграции, – **проблему недостатка либо избытка рабочих рук, или реакцию местных жителей, или что-то другое**, мнения разделились поровну: 37,0% экспертов полагают, что следует больше внимания уделять проблеме трудовых ресурсов; 35,0% считают, что важна, прежде всего, реакция местного населения на миграцию. Среди других мнений (24,0%) отметим указание, во-первых, на необходимость учитывать *«все в комплексе – и нехватку дешевой рабочей силы, и реакцию местных жителей, и неподготовленность семей мигрантов к российским условиям жизни»*, а также *«региональную особенность, специфику рынка труда (в каких сферах работают мигранты, каков процент их и динамика), настроения*

так называемого “принимающего сообщества” (динамика этих настроений, какие факторы влияют на нее)», *«уровень профессионализма мигрантов, уровень их подготовки»*, *«недостаток доступного для мигрантов жилья, а также недостаточный уровень образования в родном регионе, по этой причине многие студенты учатся в других регионах»*; во-вторых, на правовые аспекты регулирования трудовой миграции: *«важна системная работа по устранению пробелов и разночтений в нормативно-правовых актах, регламентирующих вопросы миграции»*, *«внимание к соблюдению трудового законодательства со стороны мигрантов»* и *«действия в этой сфере местной власти»*; в-третьих, на необходимость уделять должное внимание *«регулярному освещению (например, в СМИ) миграционной ситуации в регионе для местного населения»*, учитывая, что СМИ, *«показывая лишь преступления и правонарушения, связанные с мигрантами, создают негативный образ мигранта. Населению необходимо разъяснять, что труд мигрантов выгоден экономике региона. Помимо минусов, они должны видеть и большие плюсы и относиться к мигрантам спокойно и толерантно, то есть цивилизованно»*; в-четвертых, на необходимость *«больше внимания уделять проблемам языковой, культурной, социальной и экономической адаптации и интеграции мигрантов»*, *«преодолению языкового и культурного барьера между мигрантами и местным населением»*.

Одна из задач исследования заключалась в выяснении мнений томичей относительно вопроса о том, составляют ли трудовые мигранты конкуренцию местным жителям на рынке труда. Опрос показал, что половина томичей (46% по первой анкете и 50% по второй) полагают, что приезжие из других регионов России и других государств **не** отнимают рабочие места у местного населения⁴. В то же время значительная часть опрошенных (36,0 и 39,3%) придерживаются противоположного мнения. Причем потенциальную конкуренцию со стороны мигрантов сильнее ощущают женщины – 41% из них считают, что мигранты отнимают рабочие места у местных жителей.

На выявление отношения населения к использованию труда иностранных работников в экономике области были направлены также вопросы, ранжированные по сферам занятости. При ответе на вопрос о том, если в данном регионе будут активно нанимать иностранных трудовых мигрантов для малоквалифицированного труда в жилищное хозяйство, половина респондентов, опрошенных на первом этапе, как мужчины, так и женщины, одинаково (50,5%) заявили, что отнесутся к этому нейтрально. Отрицательно и положительно высказались в ответе на этот вопрос равное число респондентов – 21%. Второй этап опроса показал немного иные результаты – почти половина опрошенных (49,5%) оценила со знаком плюс привлечение мигрантов к малоквалифицированному труду в ЖКХ, треть (29,9%) отнеслись к этому нейтрально и 18,7% – отри-

кательно. При этом доля мужчин, не поддерживающих привлечение мигрантов к такого рода деятельности, оказалась заметно выше, чем женщин (22,7% против 15,4% соответственно). В целом же более 70% жителей Томска не имеют ничего против использования труда иностранных работников в сферах занятости, непри-влекательных для местных жителей.

Противоположным оказался расклад мнений на вопрос о возможности привлечения мигрантов к работе в качестве младшего медицинского персонала и охранников школ. Примерно половина респондентов, опрошенных на первом этапе, заявили, что отнесутся к этому отрицательно – 47,5 и 51% соответственно; треть – нейтрально (33,0 и 32,5%), положительно ответила существенно меньшая часть (13,5 и 8,5%). Причем в ответе на вопрос об отношении к привлечению иностранцев к работе в качестве охранников выявились гендерные расхождения – 11% мужчин ответили на этот вопрос положительно, в то время как среди женщин таковых оказалось только 6,4%. Вероятно, здесь сказалось то, что мужчины лучше, чем женщины, осведомлены о характере работы охранника. В ответах на анкету второго этапа выявилась та же тенденция – отрицательно отнеслись к привлечению мигрантов в качестве младшего медицинского персонала 43,9%, к труду охранников – 60,7% респондентов. Доли ответивших положительно составили соответственно 27,1 и 21%, нейтрально 20,1 и 11,2% (таблица). Высокая доля отрицательных мнений объясняется недоверием населения к мигрантам, как «чужим», в таких важных вопросах, как личное здоровье и безопасность детей. Приведем комментарий интервьюера: *«Вызывает отторжение и опасение, что это все же люди другой национальности, и вызывает беспокойство их отношение к детям. В медицине же есть стереотип, что качество услуг и так очень низкое, с привлечением мигрантов оно совсем окажется на ноле. И второй стереотип, что они могут намеренно пытаться причинить вред пациентам...»*.

Распределение ответов на вопрос: «Если в вашем регионе иностранных трудовых мигрантов будут активно нанимать для работы в качестве охранников школ, детских садов, то как вы к этому отнесётесь – положительно, отрицательно, нейтрально?», %

Вариант ответа	Анкета 1 (1-й этап)		Анкета 2 (2-й этап)	
	Младший медицинский персонал	Охранники	Младший медицинский персонал	Охранники
Положительно	13,5	8,5	27,1	21,0
Отрицательно	47,5	51,5	43,9	60,7
Нейтрально	33,0	32,5	20,1	11,2
Затруднились с ответом	6,0	8,2	8,9	7,0

В целом складывается впечатление, что среди жителей Томска присутствует нейтральное отношение к привлечению труда иностранных работников в рас-

сматриваемые сферы занятости, и они не видят угрозы для себя со стороны трудовой миграции.

Вместе с тем опрос показал, что томичи видят со стороны мигрантов определенные риски и угрозы в связи с растущей трудовой миграцией и выступают за ее ограничение. Ответы на вопрос о том, из каких государств необходимо ограничить приезд людей, распределились следующим образом: Китай – 54,5%, Таджикистан – 50%, Азербайджан – 49,5%, Узбекистан – 47,5%, Грузия – 44%, Киргизия – 41%, Южная Осетия и Армения (по 40,5%) и далее по нисходящей – Абхазия, Молдавия, Балтийские страны, Украина, Казахстан, Белоруссия. Лидируют именно те государства, откуда в Томск приезжает больше всего трудовых мигрантов – Узбекистан, Киргизия, Таджикистан⁵.

Широко распространен аргумент сторонников ограничения миграции – мигранты осложняют криминогенную ситуацию. Между тем результаты опроса на первом этапе показали, что мнения относительно того, что иностранные трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители, разделились практически на равные трети: 38% не согласны с этим утверждением, 29% подтверждают данное мнение, 33% затруднились ответить. Опрос второго этапа показал, что в повышенную криминогенность мигрантов верят 31,3% респондентов; 41,6% не считают, что трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители; 27,1% затрудняются ответить. При этом почти половина мужчин (46,4%) уверены, что мигранты совершают преступления чаще. Отвечая на этот вопрос, женщины разделились на три почти равные доли (31,6% согласны, что мигранты более криминогенны, 37,6% не согласны, 30,8% затруднились ответить)⁶. Таким образом, судя по результатам опросов, существующий стереотип о повышенной криминальности мигрантской среды не разделяется большинством опрошенных. Эти результаты подтверждаются данными официальной статистики, которые свидетельствуют, что преступления, совершённые иностранцами, не оказывают существенного влияния на криминогенную обстановку в регионе⁷.

Важным индикатором отношения населения к трудовым мигрантам является вопрос о возможности участия населения в направленных против них пикетах. Томичи в целом не готовы поддерживать пикеты и акции против иностранных трудовых мигрантов – об этом заявили более половины опрошенных на первом этапе – 64%. Только 9% респондентов ответили, что они могли бы принять участие в таких мероприятиях. Опрос второго этапа также показал, что большинство респондентов (72%) не намерены участвовать в такого рода акциях, и лишь 14% заявили о готовности поддерживать их. Потенциальных участников пикетов больше всего среди опрошенных в возрасте от 18 до 29 лет (17,9%), а также среди лиц со средним специальным (19,7%) и неоконченным средним образованием (20%). Шесть респондентов, выразивших особое мнение, не исключают своего участия в антимигрантских

акциях: «смотря какие мигранты» или «если будет причина» и т.п.⁸

Основная задача исследования заключалась в выявлении общественного мнения по вопросу о создании в регионе специальных миграционных центров, предоставляющих мигрантам необходимые услуги, связанные с поиском работы и жилья, с оформлением документов. Идея создания такого рода учреждения обсуждается в Томске давно. По мнению лидеров мигрантских общин, это даст «возможность организации единого “окна”, где новоприбывшие мигранты смогут ознакомиться со всей информацией, связанной с проблемами регистрации, возможностями легального трудоустройства. Нуждающиеся смогут получить и правовую поддержку, а в случае возникновения конфликтных ситуаций центр будет защищать их права. При этом осуществление учета мигрантов, ищущих работу, а также предприятий, нуждающихся в рабочей силе, позволит скоординировать их действия. В таком центре помогут правильно составить трудовой договор или предоставят юриста. Центр сможет организовать взаимодействие с государственными структурами тех стран, откуда прибывают мигранты, а также проводить мероприятия информационного и организационного характера. При этом центр будет координировать свои действия с национально-культурными организациями области, ведь последние также заинтересованы в защите прав своих соплеменников» [7. С. 23]. Эта тема постоянно поднимается на «круглых столах», обсуждающих проблемы трудовой миграции, в Общественном совете при УФМС Томской области. Экспертные опросы также регулярно фиксируют неизменную важность открытия для мигрантов адаптационных центров: руководитель киргизской автономии (2011 г.): «В первую очередь я создал бы центры адаптации для мигрантов, то есть построил что-то вроде общежитий для того, чтобы мигрант мог быстрее освоиться, в течение трех дней мог зарегистрироваться по месту пребывания именно в этом общежитии. Мог бы пройти курсы русского языка, чтобы ему все объяснили, что он должен делать, чего ему нельзя делать, ознакомили с элементарными законами РФ».

Исследование показало, что более половины опрошенных (55,6%) безоговорочно поддерживают идею предоставления трудовым мигрантам социальных услуг в специальных центрах. Среди потенциальных направлений их деятельности наибольшую поддержку вызывают те, что связаны с обеспечением для мигрантов возможности трудоустройства, повышением их квалификации и обучением русскому языку. Признается также важность роли национально-культурных ор-

ганизаций в деле предупреждения межэтнических конфликтов и регулирования возникающих этноконфликтных ситуаций. Мнение населения не расходится с мнением экспертов, большинство которых (74,0%) также поддержали эту идею. Часть экспертов считает, что «подобные центры должны быть в каждом регионе». Другие полагают, что такие центры необходимы, «но они должны быть на самоокупаемости с минимальным бюджетным ресурсом. И, главное, там должна быть функция контроля за межнациональной напряженностью, конфликтная служба, медиаторы. Эта часть должна быть бюджетной или грантовой».

Распределение экспертного мнения по вопросу о функциях специальных миграционных центров выглядит следующим образом: предоставление юридических услуг указали 89,0% опрошенных; обучение мигрантов – 85,0%; трудоустройство мигрантов – 83,0%; почти в равной степени повышение квалификации и библиотечные и информационные услуги – 72,0 и 71,0%; предоставление временного жилья – 68,0%; организация досуга мигрантов – 60%; оказание медицинских услуг – 58,0%; услуги детям – 55,0%.

Создание специальных миграционных центров в регионе, где будут оказывать мигрантам юридическую помощь, помощь в трудоустройстве, проводить обучение русскому языку, знакомить с культурой народов России, рассматривается экспертами как необходимое условие успешной социальной и культурной адаптации иностранных трудовых мигрантов. По мнению экспертов, такие центры будут способствовать выстраиванию диалога «местное население – миграционные сообщества».

Такой центр может рассматриваться не только как институт адаптации трудовых мигрантов, но и как структура, способствующая обеспечению социальной устроенности всего населения города. Положительное отношение к возможности всеобщего пользования услугами центра, включая те из них, что предполагают совместный культурный и спортивный досуг, свидетельствует об отсутствии непреодолимого отчуждения между мигрантами и населением.

В целом исследование миграционной ситуации и общественного мнения жителей «сибирских Афин» – университетского города Томска, о проблемах миграции и межкультурной интеграции показало, что среди его жителей превалирует относительно спокойное отношение к привлечению труда иностранных работников, и они не видят угрозы для себя со стороны трудовой миграции. Можно констатировать доминирование в настроениях местного населения и в экспертных суждениях восприятия трудовых мигрантов как необходимых для развития региона работников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Томске действуют 6 государственных университетов (классический, политехнический, медицинский, архитектурно-строительный, педагогический, систем управления и радиоэлектроники), 3 негосударственных института, 6 филиалов иногородних образовательных организаций высшего образования.

² Исследование проводилось по методике Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) и Института этнологии и антропологии РАН.

³ Здесь и далее курсивом выделены слова опрошенных, зафиксированных в процессе опроса.

⁴ Для сравнения заметим, что массовый опрос жителей Томска (900 человек), проведенный в мае 2014 г., дал еще более впечатляющую картину: подавляющее большинство опрошенных – 87% – не считают трудовых мигрантов конкурентами за рабочие места.

⁵ В 2014 г. на миграционный учет были поставлены 29 477 граждан Узбекистана, 12 921 гражданин Казахстана, 5 789 граждан Кыргызстана, 2 978 граждан Азербайджана, 2 382 гражданина Армении, 5 526 граждан Украины.

⁶ Заметим, что эти данные коррелируют с результатами майского массового опроса 2014 г., которые показывают, что треть респондентов (36%) считает, что с наплывом мигрантов преступность возрастает.

⁷ По данным Информационного центра УМВД, иностранными гражданами в 2014 г. совершены 153 преступления, что составляет лишь 0,7% от общего массива преступлений, зарегистрированных на территории области всеми правоохранительными органами.

⁸ Отметим, что эти результаты коррелируют с итогами опроса 2013 г., где 70% опрошенных ответили, что они не поддержали бы акции против возведения какого-либо религиозного сооружения только потому, что эта религия им чужда; а 72,5% не поддержали бы акции против той или иной национальности. При столкновении групп людей разной национальности, когда причина конфликта респонденту не известна, только 9,5% встали бы на сторону какой-то определенной национальности; 76,5% опрошенных заявили, что они не стали бы поддерживать надписи или изображения против какой-то национальности, а 80,5% – против какой-то религии. Хотя процент опрошенных, поддерживающих пикеты, невелик, все же он указывает на присутствие радикальных настроений в обществе, что в условиях политической и социальной нестабильности может быть чревато возникновением межэтнических конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дятлов В.И. Проблемы безопасности и развития для России (многообразие и конфликт групп интересов в принимающем обществе) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 83–84.
2. Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
3. Интеллектуальный потенциал Томской области. Аналитическая записка. Томск, 2010.
4. Высшее образование. Официальный интернет-портал Администрации Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/Visshee-obrazovanie> (дата обращения: 25.01.2017).
5. Барышева Г.А., Черданцева И.В. Миграционные процессы в период инновационных преобразований в экономике региона // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 16–20.
6. Количество мигрантов в Томской области выросло на 9,5% за 2014 г. Региональное информационное агентство РИА-Томск. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20150219/migranty-tomsk-rost-2014-god> (дата обращения: 25.01.2017).
7. Абдуманапов Р. Трудовая миграция // Территория согласия. Томск, 2005. № 2 (7). С. 23.

Nam Irida V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: namirina@bk.ru;

Rasskazchikova Albina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dream91.07@gmail.com

MIGRANTS IN THE UNIVERSITY CITY (THE ATTITUDE OF THE HOST SOCIETY)*

Keywords: migrants; host society; Tomsk.

The work is carried out under the project “Man in a Changing World. Issues of Identity and Social Adaptation: Past and Present” (Russian Government Grant № 14.B25.31.0009)

The study of migration processes is becoming more and more urgent every year. Currently, two approaches have been formulated to the assessment of opportunities and risks connected with transborder migration, which are security and development. Supporters of the idea of development believe that without engaging foreign workers, the development of Russian economy is impossible and therefore Russian migration policy should be as open and attractive as possible. Adherents of the idea of security, on the other hand, see migrants as a source of danger for maintaining the stability of the host society, and are heavily standing for a ban on influx of new migrants and for ousting those who have already “come in”. That is why it is of great importance to study the attitude of the host society to the increasing migration and migrants, to reveal the correlation between supporters of the idea of development and the adherents of the idea of security.

Since the economic and demographic situation in each region of Russia differs, it is necessary to study the attitude of the host society to labor migration not only in capitals and large megacities, but also in the provinces, small towns and rural areas. In that regard, it is of interest to study the attitude of the host society to migrants in university cities, where, along with the labor migrants, “educational” migrants from former Soviet Republics and non-CIS states come for higher education. As an object of the research, the authors of the article chose the city of Tomsk as one of the leading centers of Russia in the consolidation of scientific and educational potential. In order to study public opinion on the subjects of migration and intercultural integration in the region, a survey of Tomsk residents was carried out in the summer and autumn 2014 in the framework of the research of the Network for Ethnological Monitoring and Early Warning of Conflicts (EAWARN) and the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. During the first two stages, 400 respondents were interviewed; at the third stage the survey was aimed at studying expert opinion (100 people were interviewed).

The authors came to the following conclusions: the majority of Tomsk residents do not see a threat from labor migrant for themselves and are neutral about engaging foreign workers to the sector of employment related to low-skilled labor. Most respondents do not share the existing stereotype of the increased criminal nature of the migrant environment. The majority of Tomsk resident, including experts, unconditionally supported the idea of creating special centers for migrants that will provide migrants with necessary services related with the job and accommodation search, completion of documents. Such centers are considered as a necessary condition for the successful adaptation of foreign workers. In general, we can state the dominance in public mood and experts’ opinion of the perception of labor migrants as necessary workers for the development of the Tomsk region.

REFERENCES

1. Dyatlov, V.I. (2014) Problemy bezopasnosti i razvitiya dlya Rossii (mnogoobrazie i konflikt grupp interesov v prinyimayushchem obshchestve) [Problems of security and development for Russia (diversity and conflict of interest groups in the host society)]. In: Funk, D.A. et al. (eds) *Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya*

- [Human in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and Modernity: Methodology and Research]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 83–84.
2. Abashin, S.N. (2012) Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian migration: practices, local communities, transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 3–13.
 3. Tomsk Region. (2010) *Intellektual'nyy potentsial Tomskoy oblasti. Analiticheskaya zapiska* [Intellectual potential of Tomsk Region. An analytic note]. Tomsk: [s.n.].
 4. Tomsk Region Administration. (2015) *Vysshee obrazovanie* [Higher education]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/Visshee-obrazovanie>. (Accessed: 25th January 2017).
 5. Barysheva, G.A. & Cherdantseva, I.V. (2012) Migratory processes during the innovative reformation in regional economics. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 321(6). pp. 16–20. (In Russian).
 6. RIA-Tomsk. (2015) *Kolichestvo migrantov v Tomskoy oblasti vyroslo na 9,5% za 2014 g.* [The number of migrants in the Tomsk region has increased by 9.5% over 2014]. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20150219/migranty-tomsk-rost-2014-god>. (Accessed: 25th January 2017).
 7. Abdumanapov, R. (2005) Trudovaya migratsiya [Labour migration]. *Territoriya soglasiya*. 2(7). pp. 23.

Н.А. Тучкова

**СЕЛЬКУПСКИЙ ФОЛЬКЛОР О ФОРМИРОВАНИИ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП СЕЛЬКУПОВ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДА АРЕАЛЬНОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ**

Представлены результаты анализа соотношения ареалов распространения сюжетов и мотивов селькупского фольклора с данными по формированию диалектно-локальных групп селькупов. Было выявлено, что селькупы верхне-, среднечетской группы явились носителями фольклорных мотивов, ставших «связующими звеньями» как для сюжетного набора селькупского «севера», так и сюжетно-мотивных фондов других ареалов селькупского «юга». Центральный диалектный ареал (чумылкупы), напротив, демонстрирует высокую степень изолированности своего фольклорного фонда, что ставит вопрос о поиске исторических причин данного явления.

Ключевые слова: селькупы центральные, южные, северные; селькупский фольклор; сюжеты и мотивы; ареалы распространения.

Для проведения корреляции этноисторических реконструкций историков и лингвистов относительно селькупского этногенеза с данными селькупского фольклора автором были произведены систематизация выявленных образцов селькупского фольклорного нарратива и его анализ.

В ходе исследования, прежде всего, было установлено, что в фольклоре селькупов **южных** и **центральных** диалектно-локальных групп отсутствуют сюжеты с прямым указанием об их миграции в пределы занимаемой ими территории (например, о путях перемещения их предков с какой-либо иной земли в Среднее Приобье) или, напротив, воспевание (акцентирование / прямое упоминание) о глубоком укоренении (давнем / изначальном / исконном) проживании их на данной территории. Напротив, у **северных** селькупов присутствуют тексты, где говорится об их приходе на землю народа *кэлек-тамдыр* (так селькупы называли энцев и ненцев) и об их противоборстве с ним, что точно согласуется и с письменными историческими источниками, и с данными устной истории – полевыми (не фольклорными) записями этнографов.

При исследовании вопроса распространения фольклорных сюжетов и мотивов в ареалах расселения локальных групп селькупов автором был применен метод, который можно охарактеризовать как вариант «ареального метода», разрабатываемого Ю.Е. Берёзкиным [1–3], нацеленный на выявление ареалов распространения фольклорных мотивов в разных этнических фольклорных традициях¹. Однако мной был применен свой (авторский) вариант ареального метода: выявление ареалов распространения фольклорных сюжетов и мотивов исключительно на внутриаэтноэтническом уровне и сравнение конфигураций выявленных ареалов с ареалами расселения локальных групп селькупов.

Для исследования вопроса распространения фольклорных сюжетов внутри локальных групп селькупов был произведен отбор репрезентативных текстов: и, прежде всего, выявлен круг сюжетов, имеющих макси-

мально широкое распространение у селькупов (такими были признаны тексты с героем Итя). При этом были произведены классификация данных сюжетов (сюжеты сравнивались между собой) и их маркировка. Первоначально маркёры выглядели в виде знакопиктограмм (каждой сказке с характерным сюжетом был присвоен свой знак)²; впоследствии знаки были заменены буквенно-цифровой маркировкой – С-1, С-2 и т.д. (см. Приложение). На основе проведенной работы был составлен «Указатель сюжетов с героем Итя» [6]. Данная подготовительная работа была нацелена на выявление ареалов распространения фольклорных сюжетов и соотношение их с ареалами расселения диалектно-локальных групп селькупов.

В результате проведенного анализа ареалов распространения **Итя**-сюжетов по различным диалектно-локальным зонам расселения селькупов была выявлена картина значительной локальной раздробленности фольклорного наследия селькупов. Причем выявляется не просто «северный», «центральный» и «южный», а еще более детальная (дробная) картина, и при этом достаточно отчетливо обрисовывается замкнутость выявляемых ареалов фольклорных фондов.

Поскольку есть сюжет (из сюжетов с героем Итя), имеющий всеселькупское распространение (С-1), то этот факт, безусловно, говорит о наличии общего этапа в формировании селькупов всех групп. Но если южный и северный диалектные ареалы сближаются именно сюжетным соответствием (т.е. целой цепочкой мотивов), то центральный диалектный ареал имеет только один общий мотив – попадание героя в липкую ловушку Людоеда. Такой же мотив есть и в фольклоре энцев и нганасан (см. тексты с героем Дяйку). Об этом фрагменте (мотиве) можно говорить как о «наследстве» сразу несколькими самодийским этносам с прасамодийского уровня. Фактически фольклор центрального диалектного ареала (чумылкупов) отстоит от общих сюжетных линий селькупского фольклора почти так же отдаленно, как и другие группы северо-восточных самодийцев (энцев и нганасан).

Общая близость фольклорного фонда селькупов выглядит незначительной на фоне того, как ярко виден результат языковой и фольклорной дивергенции: можно говорить о существовании пяти четко выраженных фольклорных ареалов – среднетазовском, туруханском, верхне-, среднекетском (сюссыкумском), среднеобском (иванкинском / шёшкупском) и тымско-васюганском (чумылкупском). Стоит учитывать также еще один – «крайнеюжный» – фольклорный ареал, о котором у нас просто мало данных; однако фольклорные материалы Н.П. Григоровского позволяют не исключать данный фонд из анализа и работать с ним вполне полноценно.

Фольклорный материал явственно подчеркивает, прежде всего, самостоятельность (изолированность) и самобытность чумылкупов в плане не только их культурного формирования, но и этнического (с собственным этнонимом, идентичностью, исторической судьбой, включая миграционные пути). Также достаточно изолированными (и поэтому самобытными) выглядят «северные» субареалы – среднетазовский и туруханский: их фольклор также в целом слабо соприкасается сюжетами с фольклором жителей Приобья. При этом чумылкупы имеют один общий «Итя-сюжет» с тазовской группой (С-7 «бабушкины уроки»), говорящий о том, что они, несомненно, принимали участие в их формировании (возможно, на начальной стадии).

Остальные диалектно-локальные ареалы в области фольклора «по-соседски» соприкасаются друг с другом как мотивами, так и целыми сюжетными линиями. Наибольшие связи с другими фольклорными фондами имеет верхне-, среднекетский фольклорный ареал.

В целом «треугольник» Кеть – Турухан – Средний Таз выражен намного более отчетливо, чем линия Тым – Сердний Таз. Отсутствие сюжетов с героем Итя в верховьях Таза и на Верхней Тольке (а ведь именно эта территория, включая бассейн Ваха, находится в наиболее близком географическом отношении к селькупскому «югу» – бассейну Тыма) только усиливает впечатление, что культурные (фольклорные) контакты более интенсивно шли иным путем – по линии Верхняя Кеть – Средний Таз.

Однако особенно отчетливо выявляется другой «треугольник»: Кеть – Средняя Обь (Ив.) – Турухан. Достаточно много фольклорных сходжений между текстами с Кети и из Иванкино; при этом отдельные контекстные детали, имеющиеся, например, в текстах с царём Кольцак / Кольгоссе (особенно детали, касающиеся города Кольгоссе) напрямую сближают Среднюю Обь (Ив.) и Турухан. Можно предположить, что с Кети был исход носителей мотивов и сказочных деталей как на север (Турухан, Баиха), так и на Обь (в район между верхним и средним устьями Кети).

У среднеобского (шёшкупского) ареала есть еще одна особенность: он достаточно заметно переплетает-

ся сюжетами и этнографическими деталями с одной из подгрупп чумылкупов, а именно с парабельско-нарымской группой, что объяснимо особой территориальной близостью этих локусов.

Также важно отметить в плане этногенеза селькупов, что если в языковом отношении среднеобской (иванкинский) диалект как-то показывает свою двойственность, и есть лингвисты (например, Х. Катц [7]), которые его относили к нарымскому диалекту (к центральному диалектному ареалу), то фольклорные данные убедительно говорят о том, что «иванкинцы» были «из общего гнезда» с селькупами Верхней Кети. Между их фондами не просто «много общего», а отчетливо видно, что у них был общий фольклорный пласт, который впоследствии стал наполняться новыми деталями, впитанными, с одной стороны, с севера – из васюганско-тымского ареала, с другой – с селькупского «крайнего» юга – с Чаи и Сондорова.

Таким образом, применение ареального метода к распространению фольклорных сюжетов и мотивов на внутриэтническом уровне позволило получить ряд ценных выводов, важных для реконструкции этногенетических процессов у селькупов.

Прежде всего, данные о распространении фольклорных сюжетов показывают, что чумылкупы обитали в Приобье достаточно автономно от сюссыкумов. Вывод о значительной изолированности (обособленности) в целом фольклорного (сюжетно-мотивного) фонда селькупов центрального диалектно-локального ареала относительно южного и северного диалектно-локальных ареалов ставит проблему выявления исторических причин сложившейся ситуации. Обские шёшкупы, по данным селькупского фольклора, – это выделившаяся часть от кетских сюссыкумов. Они, в отличие от чумылкупов, напротив, активно контактировали со всеми своими соседями по Оби – «верховскими» и «низовскими» осятками.

Данные о фольклоре «верхнеобских» или «крайне южных» селькупов говорят о том, что они, как и шёшкупы, тесно связаны сюжетно-мотивными «узлами» с сюссыкумами р. Кети. К. Доннер называл Верхнюю Кеть Карелией Самоедов [8. С. 148]. Наш анализ подтверждает особый статус данного ареала как хранилища не просто «собственного» самобытного фольклорного фонда (в этом смысле верхнекетский ареал не более и не менее уникален / самобытен, чем среднетазовский, иванкинский или туруханский). Уникальность данного региона состоит в том, что именно там сосредоточен сгусток мотивов, являющихся «связующими звеньями» как для сюжетного набора селькупского «севера», так и сюжетных фондов других ареалов селькупского «юга». Данный вывод вполне может являться аргументом в пользу того, что расселение селькупоговорящего (сюссыкумского) населения в Приобье шло через Кеть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ База данных, созданная Ю.Е. Берёзкиным, под названием «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» размещена на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.

² Впервые идея разместить маркёры сказок на карте была осуществлена автором в 2004 г. при подготовке иллюстративного материала к докладу на конференции в г. Сегеде; впоследствии карта с нанесёнными на неё знаками – маркёрами сюжетов – была опубликована в статье «Эпос об Итте» у южных селькупов» (2005) [4]; перепубликована в статье «Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А.И. Кузьминой» (2013) [5]. В дальнейшем идея совершенствовалась, и на данный момент имеются таблица (см. Приложение) с перечнем промаркированных сюжетов и сюжетных групп и с указанием ареалов расселения селькупов, а также карта с буквенно-цифровой маркировкой.

Сокращения: С – Сюжет; СГ – Сюжетная группа; В – Вариант.

ЛИТЕРАТУРА

- Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб. : Наука, 2013. 319 с.
- Берёзкин Ю.Е. Сибирский фольклор и происхождение на-дене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 1 (61). С. 122–134.
- Берёзкин Ю.Е. Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 21–32.
- Тучкова Н.А. «Эпос об Итте» у южных селькупов // Mikola-konferencia 2004. Szeged, 2005. S. 95–111.
- Тучкова Н.А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А.И. Кузьминой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 2 (130). С. 205–208.
- Тучкова Н.А. Указатель сюжетов с героем Итя: опыт классификации // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1.
- Katz H. Selkupische Quellen. Ein Lesebuch / Studia Uralica, 2. Wien, 1979. 231 s.
- Доннер К. Самоедский эпос // Земля верхнететская. Томск, 1997. С. 145–162.

Приложение

Распространение Итя-сюжетов по диалектно-локальным группам селькупов

Северный диалектный ареал			
Сюжетный состав среднетазовского локального ареала			
Сюжетная группа	Номер сюжета		Текст №
СГ_1	С-1, В-1	«Ича попадает в ловушку Людоеда, затем варит его дочерей». Такой же сюжет был записан на верхнетазовском говоре в пос. Толька	1, 2, 3, 4 (+ 3 неопубл.) ¹
СГ_1	С-4	«Невеста без ушей»	35
СГ_2	С-7	«Бабушка съела караса (Бабушка шутит: Ича, вставай, медведь идёт!)»	30, 31 (+1 неопубл.)
СГ_4	С-10	«Шантаж будущего тестя»	38, 39
СГ_4	С-11	«Сватовство к богатому ненцу»	40, 41, 42
СГ_5	С-13	«Чей забор?» / «Чья земля?»	29
СГ_6	С-18	«Человек в семье Великанов»	55
СГ_7	С-19 (В2)	«Герой борется с Лозами из проруби»	54
СГ_7	С-20	«Борьба Ичи с Кон Мытыка»	48
Сюжетный состав баишенского локального ареала			
Район туруханского говора			
Сюжетная группа	Номер сюжета		Текст №
СГ_1	С-1, В-3	«Ича попадает в ловушку-расщелину; догоняет Лоз-ира в шкуре ястреба-мышелова»	13, 37
СГ_2	С-6	«Бабушка – даритель волшебных предметов»	27(1), 28
СГ_7	С-19, В-3	«Ича борется с необычным противником (с Иеретями)»	27(2)
СГ_5	С-12	«Ича наказывает за жадность»	56, 57, 58
Район баишенского говора баишенского диалекта (Ганя Мантаков)			
Сюжетная группа	Номер сюжета		Текст №
СГ_1	С-2 В-2	«Мальчик попадает в живот людоеда» («Один дома»)	17
СГ_7	С-20	«Борьба Ичи с Кон Мытыка»	49
Южный диалектный ареал			
Сюжетный состав кетского локального ареала			
Район верхне-, среднететского говора			
Сюжетная группа	Номер сюжета		Текст №
СГ_1:	С-1, В-2	«Ича (не слушает бабушкиного предупреждения) попадает в ловушку Людоеда, затем варит в котле его дочерей»	5, 6, 11
СГ_1	С-1, В-3	«Итя добывает для Людоеда двух лебедей с пепельным горлом, из уха одного лебедя достает невесту с серебряными ресницами (в тексте есть мотивы-эпизоды с бабушкиным предупреждением об опасности (косоглазые караси-утки), с ловушкой-дразнилкой и эпизод с попаданием рук Ити в расщелину)»	ДоАл:5 ²
	С-2, В-1	«Итя попадает в живот Людоеда, но с помощью ножа выходит наружу»	15
	С-2, В-2	«Мальчик попадает в живот людоеда («Один дома»)	21
	С-3, В-2	«Итя заставляет Людоеда снять его железную шубу, народ Ити убивает Людоеда»	60-3
СГ_3:	С-9	«Итя с женой борется с Людоедом и сестрой Ити»	36
СГ_5:	С-12, В-2	«Старик наказывает за жадность»	59
СГ_6:	С-14	«Итя в гостях у Старика-Массу, который дал ему творящую шерсть»	50, 51

	C-16	«Итя и семейство Лесного духа»	60-1
	C-17	«Итя помогает Птице и Рыбе»	60-2
СГ 7:	C-19	«Итя добывает огромную Рыбу-Мать»	52, 53
СГ 8:	C-21	«Итя со спутниками гонит лося на небо»	46
<i>Район нижнекетского говора – 0 ед.</i>			
<i>Район верхнеобского (сондоровского) говора</i>			
Сюжетная группа	Номер сюжета		Текст №
СГ_1	C-1, В-2	«Ича (не слушает бабушкиного предупреждения) попадает в ловушку Людоеда, затем варит в котле его дочерей»	8
Сюжетный состав чаинского локального ареала			
Сюжетная группа	Номер сюжета		Текст №
СГ_1:	C-2, В-1	«Итя попадает в живот Людоеда, но с помощью ножа выходит наружу»	14
СГ_6:	C-15, В-1	«Итя в гостях у Бога, просит отменить голод у татар»	32
Сюжетный состав среднеобского (иванкинского) локального ареала			
Сюжетная группа	Номер сюжета		Текст №
СГ_1:	C-1, В-2	«Ича (не слушает бабушкиного предупреждения) попадает в ловушку Людоеда, затем варит его дочерей»	9, 10
	C-1, В-4	«Итя поймал Пёнеге в клейкую ловушку»	44
	C-2, В-2	«Мальчик попадает в живот людоеда («Один дома»)	18, 19, 20, 22
	C-3, В-1	«Итя заставляет Людоеда снять его железную шубу, народ Ити убивает Людоеда»	23, 61
СГ 2:	C-5	«Бабушка учит Итю быть храбрым»	25
СГ 3:	C-8	«Итя находит невесту у людоеда; совместный побег»	34
СГ 6:	C-15, В-2	«Итя в гостях у Бога, просит отменить холод»	33
СГ 8:	C-21	«Итя со спутниками – Кана и Кольгосе – гонит лося»	45
	C-22	«Итя, Кана и Кольгосе»	КП:1,2
Центральный диалектный ареал			
Сюжетный состав тымского локального ареала			
Сюжетная группа	Номер сюжета		Текст №
СГ_1:	C-1, В-2	«Итя попадает в ловушку людоеда, потом убивает Людоеда (и его жену)»	7; ДоАл:2.2 Ураев1 (неопубл.)
	C-2, В-1	«Итя попадает в живот Людоеда и с помощью ножа выходит наружу»	ДоАл:1
	C-1, В-4	«Итя приклеивает Пёнеге к лодке»	47
СГ 2:	C-5	«Бабушка учит Итю быть храбрым»	26
	C-7	«Бабушка в шутку пугает Итю: «Медведь идёт!»	ДоАл2,3,4
СГ 8:	C-21	«Итя гонит лося со спутниками»	47
Сюжетный состав васюганского локального ареала			
Сюжетная группа	Номер сюжета		Текст №
СГ_1:	C-1, В-4	«Итя приклеивает Пёнеге к лодке»	43
	C-2, В-1	«Итя попадает в живот людоеда»	16
СГ_2:	C-5	«Бабушка учит Итю быть храбрым»	24
Сюжетный состав нарымского локального ареала			
<i>Район ласкинского говора</i>			
Сюжетная группа	Номер сюжета		Текст №
СГ 1:	C-1, В-2-Г	Мотив-сюжет «Иджа приклеивается к липкой ловушке»	12

Район парабельского говора 0 ед.

¹ Атрибутивную информацию о неопубликованных текстах см. в Указателе сюжетов к Итя-текстам в графе «Неопубликованные» [6].

² Неопубликованный текст из записей К. Доннера (Я. Аллатало).

[illegible]

In examining the problem, the author used a method that can be described as a variant of the “areal method” developed by Yu. Berezkin. With the help of this method the areas of the distribution of the folklore motifs in different ethnic folklore traditions are revealed. However, the article presents the author's version of the areal method: the identification of areas of the distribution of the folklore plots and motives is based exclusively at the intra-ethnic level and the comparison of the configurations of the revealed areas with the areas of the settlement of the local groups of Selkups. Thus, to study the distribution of the folklore plots within local groups of Selkups, the author produces a selection of the representative texts, and, above all, identifies the range of the plots that have the widest distribution among

Selkups (these are the texts about the hero Itya). Therefore the classification of these plots based on the intercomparison study, and their marking was made.

In analyzing the existence of five clearly cut folklore areals was revealed – Middle Taz areal, Turukhansk areal, Upper-/Middle-Ket areal (Süssykum), Middle Ob (Ivankino / Shöshkup) areal and Tym-Vasjugan (Chumylkup) areal. This fact clearly demonstrates the result of deep linguistic and folklore divergence. In addition, according to the data obtained by the author in the course of the study, it is possible to conclude that the Selkup people of the Upper-/Middle-Ket areal are considered to use the motifs which are regarded as the «connecting links» as well as for the the Northern and Southern areal Selkup plot funds. «Upper Ob» or «Highly Southern» Selkup people, as well as Shöshkup people, are closely connected by the plot and motif «ties» with the Shöshkup people of the river Ket. This could be an argument in favor of the resettlement of the Selkup speaking (Süssykum) population on the river Ob through Ket. On the contrary, the Central dialectal areal (Chumylkup) shows high degree of the isolation of its folklore, which raises the question about the historical reasons of this phenomenon.

Thus, the areal method in the study of the spread of the folklore plots and motifs at intra-ethnic level has allowed the author to obtain a number of valuable findings that are important for the reconstruction of ethnogenetic processes among the Selkups.

REFERENCES

1. Berezkin, Yu.E. (2013) *Afrika, migratsii, mifologiya. Arealy rasprostraneniya fol'klornykh motivov v istoricheskoy perspektive* [Africa, migration, mythology. The area of folklore motifs in historical perspective]. St. Petersburg: Nauka.
2. Berezkin, Yu.E. (2015) Siberian Folklore and the Na-Dené Origins. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 1(61). pp. 122–134. (In Russian).
3. Berezkin, Yu.E. (2016) Rezul'taty obrabotki dannykh o raspredelenii fol'klorno-mifologicheskikh motivov v Severnoy Azii (yuzhnoaziatskie i amerikanskies svyazi) [Results of computing the data on the areal distribution of the folkloric and mythological motifs in Northern Asia (South Asian and American links)]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*. 2(31). pp. 21–32.
4. Tuchkova, N.A. (2004) “Epos ob Itte” u yuzhnykh sel'kupov [The Itya Epic in Southern Selkups]. In: *Mikola-konferencia*. Szeged. pp. 95–111.
5. Tuchkova, N.A. (2013) Folklore texts of Itya in A.I. Kuzmina's archive. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2(130). pp. 205–208. (In Russian).
6. Tuchkova, N.A. (2018) Index of plots with the hero Itya: the experience of classification. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*. 1. pp. 57–76. (In Russian). DOI: 10.17223/181370
7. Katz, H. (1979) *Selkupische Quellen* [The Selkup Sources]. Vienna: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs.
8. Donner, K. (1997) Samoyedskii epos. [The Samoyed Epic] In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya Verkhneketskaya* [Verkhneketsky Land]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 145–162.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94 (470) «18»
DOI: 10.17223/19988613/52/18

В.П. Бойко

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ П.Д. БОБОРЫКИНА

Анализируется эволюция социально-психологического облика русского купечества, сделанная отечественными и зарубежными историками и социологами и отраженная в творчестве П.Д. Боборыкина, и сопоставляется с некоторыми реальными характеристиками купечества в документах и научной литературе. Отмечается, что облик купечества представляет собой совокупность бытовых, психологических и социальных черт и отражает процесс эволюции российского общества в сторону буржуазного типа развития.

Ключевые слова: Россия; история; купечество; предпринимательство; П.Д. Боборыкин.

Одним из достойных объектов исследования социально-психологического облика различных социальных групп является, на наш взгляд, купечество. Его значение определяется не только видной ролью, которое играло купечество в хозяйственной и общественной жизни общества, но и соединением консервативных и прогрессивных черт своего облика, их эволюцию и трансформацию под влиянием внешних и внутренних обстоятельств. Купечество являлось составной частью национальной и региональных элит, внесло значительный вклад в формирование общественного сознания и чувства культурной идентичности русского народа. Структура исследования социальной психологии русского купечества включает в себя систему материальных и духовных потребностей и интересов, а также совокупность социальных и ценностных ориентаций.

Выдающиеся теоретики экономической мысли К. Маркс, М. Вебер, В. Зомбарт видели всю сущность капитализма в сознательном стремлении предпринимателей к прибыли. Только у Маркса это было врожденное чувство, естественная потребность, которые толкали предпринимателей на подвиги, открытия и преступления; у Вебера это было следствием проявления чувства новых религий, так называемой протестантской этики или «капиталистическим духом»; Зомбарт наметил пути перехода к капитализму в традиционном (феодальном) обществе, когда между хозяином (купцом) и его приказчиками складываются отношения, требующие личной преданности своему патрону и беспрекословного послушания во всех его делах и прихотях [1]. В русской жизни со времен Екатерины II усиливаются позиции обывателя, который стремится к строительству цивилизации в ее материальных проявлениях. Это были слои общества, заинтересованные в накоплении капиталов, увеличении собственности, как личной, так и общественной. Доминантой такой культуры было и остается накопление, которое касается определенной

части населения с ясно выраженными предпринимательскими наклонностями, где стяжание является не грехом, а добродетелью [2. С. 208].

Иную позицию в этом вопросе занимает американский политолог Р. Пайпс, который с позиций евразийской теории доказывает, что российское самодержавие не признавало за своими подданными права на собственность и предпринимательскую инициативу, и в результате Россия упустила шанс создать буржуазию в период мануфактур и свободной конкуренции. В купечестве, по мнению Р. Пайпса, мы находим мало капиталистической этики с ее упором на честность, предприимчивость и бережливость. Русская коммерция, по его мнению, «тяготела к натуральному товарообмену и обогащению через сомнительные с точки зрения нравственности методы» [3. С. 271]. Известный российский исследователь купечества М.В. Брянецев имеет на этот счет другое мнение. По его словам, комплекс основных купеческих ценностей формировался вокруг доминирующего желания как сохранить и приумножить свою собственность в виде недвижимости, капиталов и других средств хозяйственного господства. Отсюда жесткость и деспотизм глав семей, как мужчин, так и женщин, в отношении домочадцев и подчиненных, неприязнительность в быту, нежелание повышать свой культурный уровень и другие консервативные черты. Русское купечество стояло на перепутье, так как выступало связующим звеном между прошлым и будущим. В культурном плане оно совмещало в себе нормы и ценности традиционной русской культуры, и в то же время тянулось к дворянской (западной) культуре [4. С. 7].

На наш взгляд, роль купечества с середины XVIII в. в социально-экономической жизни страны возрастала, и складывался тип купца-предпринимателя, носителя раннебуржуазных признаков. Формировалось и соответствующее отношение к этому купцу у его сограждан: люди, которые занимались торговлей и другими

видами предпринимательства, не вызывали симпатий в народной среде, так как их деятельность не соответствовала психологическим и нравственным установкам широких слоев населения. «Русский человек легко дает, легко и берет. Нигде собственность не находится в таком шатком положении и не подлежит таким частым колебаниям, как в России. Простой русский человек не имеет большого пристрастия к собственности, он равнодушно теряет то, что нажил, в надежде завтра нажиться опять», — писал один немецкий путешественник в 1870 г. [5. С. 55]. Такое же наблюдение позднее сделал выдающийся русский философ Н.А. Бердяев: «Русский народ никогда не был буржуазным, он никогда не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и ценностям» [6. С. 119].

Вследствие этого, до конца XIX в. большинство купеческих фирм и отдельных капиталов возвышалось и падало в течение двух-трех поколений из-за частых банкротств, неблагоприятных условий предпринимательства и расточительства потомков разбогатевших купцов. Это отмечено многими исследователями, как на общероссийском [7. С. 122], так и на местном уровне [8].

Тем не менее в отдельных регионах, прежде всего в культурных центрах страны, возникло просвещенное купечество, которое много сделало для хозяйственного и культурного развития России. Деятельность братьев Третьяковых, Бахрушиных, И.Д. Сытина, К.Т. Солдатенкова, С.И. Мамонтова, представителей семей Боткиных, Щукиных, Морозовых рассмотрены в известной книге А.Н. Боханова [9]. Основательный анализ благотворительности московских купцов сделала в своей монографии и ряде статей Г.Н. Ульянова [10]. Высокий уровень исследовательской культуры продемонстрировали авторы многих диссертаций по истории московского купечества, где были раскрыты малоизученные стороны его социально-психологического облика. К ним относятся, прежде всего, работы О.Е. Ниловой [11] и О.В. Фоминой [12]. Базировались они как на новых, впервые введенных в научный оборот источниках, так и на исследованиях научных предшественников. Среди них выделяется монография А.Н. Аксенова, посвященная историко-генеалогическому изучению московского купечества. В книге выясняются происхождение, судьбы отдельных купцов, семейные связи купеческих фамилий, их торгово-промышленная деятельность, причины устойчивости купеческих родов и их падения [13]. Промежуточные итоги развития русского предпринимательства сделаны в коллективной двухтомной монографии «История предпринимательства в России», где большое внимание уделено социокультурному облику русского купечества, его благотворительности и духовным ценностям, функционированию купеческой семьи и преемственности купеческих капиталов.

В целом выводы, которые сделаны коллективом достаточно известных и авторитетных авторов моногра-

фии, дают убедительную картину развития торгово-промышленного дела в стране и в целом положительную роль купечества в этом процессе. Отрицательная характеристика предпринимателей как представителей эксплуататорских классов, подлежащих уничтожению в процессе классовой борьбы, была преодолена [14. С. 442–444]. Такие выводы подтверждены в капитальной монографии В.Б. Перхавко «История русского купечества», в которой летопись жизни и дел торгового сословия неотделима от истории страны в целом и от истории отдельных ее регионов в частности [15]. Здесь прослежена история купечества от момента зарождения, когда у многих воинов на одном бедре висел меч, а на другом весы для взвешивания драгоценных металлов, до полной отмены купеческого звания в декрете ВЦИК от 11 ноября 1917 г. Отныне в документах нельзя было именоваться купцами, а последовавшая за этим национализация банков и внешней торговли, конфискация фабрик и заводов, торговых заведений и жилых помещений стали экономическим крахом для торгово-предпринимательского класса России. Только в эмиграции еще теплилось предпринимательство, с теплотой вспоминали русское купечество, появилась литература, во многом объяснявшая и оправдывающая коммерческую деятельность русских людей. Наиболее известной из них стала книга воспоминаний П.А. Бурыйш-кина «Москва купеческая», впервые изданная в Нью-Йорке в 1954 г. [16]. Автор приводит родословные 25 крупнейших купеческих фамилий Москвы, увлекательно и со знанием дела рассказывает о жизни русского купечества от Средневековья до 1917 г., показывает благотворительную деятельность купечества. Книга Бурыйш-кина написана не только как воспоминания, но и является своеобразным и обстоятельным исследованием истории купечества с привлечением разнообразных источников, в том числе и художественной литературы. Именно в литературе конца 90-х гг. XIX в. явно прослеживается процесс размытия купеческого сословия, которое в новых исторических условиях приобретает иной облик. На передний план выходят не прежние купцы-коммерсанты и кредиторы-ростовщики, но купцы-промышленники и банкиры, выходцы из крестьянской и дворянской среды. Это купцы типа Лопахина из чеховского «Вишневого сада» или Палтусова из романа «Китай-город» П.Д. Боборыкина. Вот о творчестве этого писателя, который много писал о русском, преимущественно московском купечестве и поговорим в данной статье подробнее.

Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) родился в обеспеченной помещичьей семье и получил разностороннее и блестящее образование: сначала на юридическом факультете Казанского университета, затем на химическом и медицинском факультетах Дерптского университета. По мнению современников, Боборыкин был одним из культурных людей своей эпохи, свободно владел европейскими языками, располагал обширными познаниями в философии, естествознании, поли-

тических науках, изобразительном и театральном искусстве. Все это позволило ему стать видным деятелем второй половины XIX в., «хранителем традиций дворянской просвещенности либерально-западнической ориентации» [17. С. 108]. Главная идея его произведений, посвященных социально-экономической тематике, — это вера в социальную эволюцию, которая приведет к сращиванию традиционной дворянской культуры с энергией русского купечества и просвещенных администраторов. Эти мысли прослеживаются в самых известных его романах «Дельцы» (1873), «Китай-город» (1882) и «Василий Тёркин» (1892), где выведены явно идеализированные главные герои эпохи капитализма — просвещенные, политически мыслящие купцы, деятельность которых, к сожалению автора, не дает положительного результата.

Творчество П.Д. Боборыкина не было обойдено вниманием современной ему критики, и оценки были самые противоречивые. Например, известный своим злословием критик В.П. Буренин, о котором в писательской среде складывались легенды и рождались эпиграммы, остро ненавидел все, что исходило от либерального журнала «Отечественные записки», в том числе и от его активного сотрудника Боборыкина. Буренин его творчество называл «пошлой болтовней из “распивочной” прессы», их обиженное литературное самолюбие называл «самолюбием мелких кружковых гениев», их ум — сознанием «либеральных лилипутов на пьедестале, по крайней мере, в два вершка вышиною» [18. С. 268]. Сам П.Д. Боборыкин, по мнению Буренина, в деле беллетристики и критики «обнаруживает обыкновенно художественной и мыслительной амуниции на грош, а амбиции, по крайней мере, на полтинник, коли не на целый рубль» [Там же. С. 271]. Тем не менее Боборыкин, по мнению Буренина, «с молодых ног был приверженцем литературы, он ради ее интересов пожертвовал даже свои достоинства, довольно значительным: тысяч, говорят, пятьдесят потратил на издание журнала “Библиотека для чтения”, наследственные вотчины расточил» [Там же. С. 273]. Романы и повести Боборыкина, по словам критика, полезны и памяты читателям «по жизненному содержанию, по своевременному уловлению почтенным романистом образов и веяний российского прогресса. Несмотря на некоторую поверхностность отношения ко всему вообще и в том числе к делу воспроизведения современной действительности, г. Боборыкин, однако же, усвоил себе довольно основательно, внешнюю технику этого дела, он очень разносторонне образован, он всё знает...» [Там же. С. 276].

Благожелательную и развернутую характеристику творчества П.Д. Боборыкина дал в свое время известный критик и историк литературы Д. Овсянико-Куликовский, назвавший его «признанным и большим художником наблюдателем и бытописателем» [19. С. 268]. По мнению критика, Боборыкин «строгий и последовательный реалист в искусстве: быть реалистом

в искусстве, значит отправляться не от идеи, а от факта и осмотрительно переходить от видимости вещей к скрытому в них смыслу, от конкретных явлений к обобщающей их идее, от внешнего человека к внутреннему» [19. С. 269]. Такая характеристика творчества П.Д. Боборыкина подтверждает значимость его произведений как ценных исторических источников по тому или иному периоду российской истории, в том числе и по социально-экономическому развитию страны в пореформенное время.

Положительная характеристика отдельных произведений Боборыкина сохранилась и в советском литературоведении, благодаря которым, например, его наиболее удачный роман «Китай-город» переиздавался несколько раз огромными даже для того времени тиражами. Капитальная многотомная «История русской литературы» отнесла Боборыкина к типичным представителям либерального лагеря русской общественной мысли, которые группировались вокруг журнала «Вестник Европы». Журнал был основан в 1866 г. профессором истории М. Стасюлевичем и на его страницах выступали Н. Костомаров, С. Соловьев и другие видные историки. И.С. Тургенев в журнале Стасюлевича выступил с романом «Новь» и другими произведениями последних лет жизни, И.А. Гончаров в 1869 г. поместил свой роман «Обрыв», а Г. Данилевский — романы «Девятый вал» и «Мирович». В этом ряду не затерялись и романы Боборыкина «Полжизни» и «Китай-город», раскрывавшие малоизвестные стороны российской жизни [20. С. 40]. Известный советский критик С. Чупринин отмечает сильные и слабые стороны творчества П.Д. Боборыкина. В его произведениях «по освещенной авансцене проходят десятки, если не сотни действующих лиц, причем появление всякого нового персонажа непременно сопровождается его портретной характеристикой, а в большинстве случаев и обстоятельно изложенной предысторией... Пространные описания, длиннейшие вводные эпизоды, обширные характеристики и авторские сентенции не оставляют практически места для действия. Человек, превратившись из главного объекта художественного исследования в одно из средств социологического проникновения в среду, как бы теряется в этой среде, погребается под ворохом подробностей, деталей “вещного мира”, частных ситуаций» [21. С. 14–15]. Однако для современного читателя, который смотрит в прошлое через полуторавесковую призму времени, эти детали интересны и полезны для реалистичного восприятия прошлого.

Достоинства и недостатки писателя Боборыкина особенно ярко проявились в его романах 70–90-х гг. XIX в., исследовавших бурный процесс развития капитализма в России. В них Боборыкин выступает не только как самозабвенный певец русского капитализма, но проявляет сочувствие к его жертвам. Во многом это навеяно романами французского писателя Э. Золя, творчество которого Боборыкин широко пропагандировал в русской печати на всем протяжении своей дол-

гой 60-летней литературной карьеры. Под влиянием Э. Золя, братьев Гонкуров, других французских писателей натуралистической школы, у Боборыкина сложилась «вера в социальную эволюцию, движимую реформами и “малыми делами”, в перспективу сращивания традиций дворянской культуры с энергией нового русского купечества, деловых кругов, просвещенных администраторов и разночинных интеллигентов» [17. С. 109].

Характерен в этом отношении роман «Дельцы», повествующий об охватившей русское общество акционерной горячке, которая захватила не только дельцов из купечества, но интеллигентных людей. Главные действующие лица романа – отставной офицер и недоучившийся студент, с головой окунувшись в мир бизнеса, и там встретили воротил своего дела. Один из них, штатский генерал, действительный статский советник Борис Павлович Саломатов, который после Крымской войны проявил себя в полной мере: «Как законник, излагающий бойко всякое дело и устно, и письменно, выхлопывал он все, что нужно в административных сферах; как человек со связями, он зарекомендовывал предприятие везде, где нужно, и в свете, и у денежных людей» [22. С. 71]. В результате он составил бы себе огромное состояние, если бы львиная доля его доходов не уходила на чрезмерную роскошь – кутила преобладал в нем над всем остальным. Как сказала о нем его любовница, «ведь кажется барин, и в чинах, и с тузами водится, а безобразник, что твой купеческий самодур» [Там же. С. 85]. Именно она, купеческая дочь Авдотья Степановна, дает генералу и дельцу мудрые советы в его коммерческой деятельности, в его рискованной игре на бирже и в учреждении новых акционерных предприятий. Примечательна и внешность Саломатова, в которой фотографически отразился портрет одного из современников Боборыкина: «Биржевик был похож на купчину, бреющего бороду. Большая курчава голова, вся красная и лоснящаяся, прикреплена была посредством бычачьей шеи к огромному туловищу. Брюхо свое он должен был уже носить как чемодан, придерживая обеими руками. Но эта ноша как-то не мешала ему двигаться и даже выказывать юркость. Карие глазки выглядывали из-под его ожирелых покровов лица и живо перебегали от предмета к предмету» [Там же. С. 57]. Стоит ли говорить, что меркантильные интересы дельцов касались всего того, с чем они соприкасались, в том числе и в отношениях с женщинами. Автор романа вслед за своей героиней восклицает: «Разве они могут быть влюблены! Жадность одна к женщине, вот и вся их любовь» [Там же. С. 116]. Попадая в этот мир дельцов, интеллигентные люди, главные герои повествования, оказываются не приспособленными к данной среде. Они ведут бесконечные разговоры, связанные с их интеллигентскими переживаниями, и единственное дело, на которое они решаются, это афера с шантажом Саломатова. Уязвленная отставкой куртизанка привлекает на свою сторону любовника, отставного офицера и

известного в своих кругах публициста из недоучившихся студентов, и начинает извлекать из своих знаний о темных делишках денежных воротил и крупных адвокатов собственную выгоду. На коммерцию это не походило и дело не выгорело, так как новоявленные дельцы походили на овец, составивших заговор против волков. Мужчины оказались слабыми, неспособными поддержать спекуляции влюбленной в одного из них куртизанки, и вывод романиста Боборыкина однозначен – не барское это дело заниматься коммерцией.

Наиболее значительным творением Боборыкина является самый известный его роман «Китай-город». Главный герой романа Андрей Палтусов, отставной офицер, участник Балканского похода русской армии в Русско-турецкой войне, пытается войти в деловой мир и создать собственное дело. Эта мысль возникает у него при взгляде на небрежное отношение москвичей к деньгам, когда огромные суммы доверяются неграмотным и немытым мальчишкам для сдачи их в контору. «В такой стране не нажиться? ... Да надо быть кретином!» – восклицает он, когда за десять минут перед ним проплыли сотни тысяч рублей. Все данные, для того чтобы стать успешным дельцом, у него были: образование, жизненный опыт, незаурядный ум, энергия. Вот как романист описывает его внешность: «Голова его небольшая, круглая, выпуклая в боках, с крутым лбом, сидела на туловище чрезвычайно свободно, поворачивалась часто и легко... Нос утолщался книзу. Посередине его был желобок, делавший его шире и некрасивее. Светло-карие глаза смотрели возбужденно. В них видна и юркость, и сознание здоровья и силы, и склонность все осмотреть, взвесить и ценить, в то время как легкие складки вдоль носа и приподнятые уголки рта улыбались снисходительно, а при случае и вкрадчиво» [23. С. 11].

Способствовала обогащению и деловая горячка, которая возникла в 80-х гг. XIX в. Русская текстильная промышленность после Русско-турецкой войны испытывала подъем: старые предприятия развивались и модернизировались, возникало немало и новых фирм. Все это требовало координации, финансирования и управления, и в Москве, центре легкой и пищевой промышленности, возник деловой центр, своеобразный московский Сити. Занял он центр столицы, квартал, примыкавший к Красной площади и Кремлю. На трех его улицах, Никольской, Ильинке и Варварке, в Теплых рядах и на Чижевском подворье были сосредоточены почти все фабричные конторы и амбары оптовых предприятий. Боборыкин мастерски и дотошно описывает оживление и пестроту жизни в этом районе, где господствует купечество и делаются состояния. Более того, купцы проникли и в университет, находившийся вблизи Китай-города на Моховой улице, где магистерскую диссертацию защищает купеческий сын, отец которого «торговал рыбой или “пунцовым” товаром каким-нибудь, а сынок пишет монографию о средневековых цехах или об учении Гуго Гроция» [Там же. С. 57]. Как показано в ро-

мане Боборыкина, не только деловая жизнь руководит-ся купцами, они не только хозяйничают в городском управлении, но пробираются и в науку, и в искусство. Все это не нравится автору романа, который поставил задачу через своего главного героя, дворянина Палту-сова, проникнуть и покорить этот мир. Как отмечал мемуарист П.А. Бурышкин, «это ему нужно не только для заработка, но и для противопоставления себя, дво-рянина, торжествующему по всем линиям купцу. Для выполнения своей миссии, он входит в общение со мно-гими представителями и представительницами купече-ской Москвы. Он имеет большой успех, особенно у женщин, но миссия явно не удастся, так как он попада-ет в тюрьму «за растрату вверенного ему имущества. Впрочем, все кончатся благополучно – он женится на богатой купчихе» [16. С. 59].

Попутно Боборыкин рисует образы других купцов, блестяще рассказывает о важных с его точки зрения событиях московской жизни – бенефис знаменитой артистки в Малом театре, концерт в Благородном со-брании, купеческий бал. Перед читателем проходит череда лиц купеческого происхождения, где встреча-ются как персонажи ранних пьес Островского, так чу-даки и оригиналы. Исключение составляет главная ге-роиня романа, сама управлявшая двумя фабриками – Анна Серафимовна Станицына. Она оттеснила от дел своего безвольного мужа и даже дала по его просьбе развод, что в купеческой среде было большой редко-стью. Свои дела на фабриках она вела отлично, устро-ила при них школу, не угождала «титulóванным да-мам-патронессам, ездила только в свое общество, да и то мало...» [23. С. 288]. Во многом реалистичность этого образа связана с тем, что он срисован с реально жившей тогда известной московской общественной деятельнице, владелице нескольких текстильных ма-нуфактур В.А. Морозовой, урожденной Хлудовой.

В поле зрения романиста попал и другой фабрикант, выведенный под именем Алексея Тимофеевича Взлом-цева. Типичный представитель делового московского мира, который происходил из староверов, но перешел в единоверчество, правда, без всякого упорства и фана-тизма, т.е. «позволял курить другим и сам курил, читал “светские” книжки, любил знакомство с господами, стоящими за старину, за “Россию-матушку” и едино-племенных братьев, о которых имел довольно смутное понятие... Жил он один, в большом, богато отделанном доме с парадными и “простыми” комнатами, без новых затей, так, как это делалось лет тридцать-сорок назад, когда отец его трепетал перед полицмейстером и даже приставу подносил сам бокал шампанского на подно-се» [Там же. С. 100–101]. Внешность у него была по-купчески благородной: «Высокий, чрезвычайно кра-сивый седой мужчина за шестьдесят лет, одетый “по-немецки” – в длинноватый темно-кофейный сюртук и белый галстук. Он носил окладистую бороду, белее волос на голове» [Там же. С. 101]. Другой, еще более патриархальный тип купца принадлежал Капитону Фе-

офилактовичу Краснопёрому, который «служил живым примером русской бойкости и изворотливости, кичился своим умом, умением говорить, – хотя говорил на обе-дах витиевато и шепеляво, – тем, что он видел и все знает, Европу изучил и России открыл новые пути бо-гатства, за что давно бы следовало ему поставить мо-нумент». Соответствовала его «кулацкой» натуре и внешность: «Лицо его так и выскочило из питейной лавочки, курносое, рябоватое, скулы выдавались, но рот хранил самодовольную, горделивую складку» [23. С. 105, 108]. Однако не только дворянство, но и купе-чество испытывало какое-то «оскудение», когда ком-мерческая бездарность мужа Анны Станицыной под-креплялась соответствующей внешностью: «Народ называет такое сложение “глыстой”. Узость плеч, при-поднятых и острых, вытянутая шея с кадыком, непо-мерная длина рук и ног делали его неприятным на взгляд по одной уже фигуре. Голова подходила к остальному складу: лоб, сдавленный с боков и сверху сжатый, заостренная макушка и выдающийся затылок, достаточно говорили о его мозговом устройстве... В лице сохранилась моложавость – и женоподобная и мальчишеская, что-то изношенное и недозрелое, раз-вратное и бесполое» [Там же. С. 52–53].

Одним словом, судя по изображенным П.Д. Бобо-рыкиным персонажам, писатель никак не подходил под распространенную в прессе и критике характеристику «певца московского купечества». Это заметил в свое время видный представитель купечества П.А. Бурыш-кин: «Трудно понять, как выведенные Боборыкиным персонажи могли руководить большими делами. Да и сам автор говорит о них тоном барского презрения» [16. С. 60]. Кроме «Китай-города» описание купече-ской Москвы у Боборыкина не раз повторяется, и в них купечество выступает уже более солидной и реально существующей силой, манера его изображения стано-вится более беспристрастной.

Примером купца нового типа стал Василий Тёркин в одноименном романе, написанном в 1892 г. Здесь выведен просвещенный, интересующийся литературой и наукой предприниматель, который сам, выйдя из народа, стремится развить в нем лучшие его черты и искренно заботится о сохранении родных угодий. Это касается прежде всего реки Волги, которая сильно об-мелела в конце XIX в. после хищнической вырубki лесов по ее берегам. Всему виной были пароходы, ко-торые работали тогда на дровах, заготовленных в бли-жайших к реке лесах. Прогресс требовал жертв, и леса Поволжья одними из первых попали в «черный спи-сок». Тем не менее молодой бизнесмен собирался бо-роться за полноводность реки, так как это было необ-ходимым условием его успешной коммерции. Автор романа с симпатией рисует его образ: «Смотрел он скорее богатым купцом, чем барином, а то так хозяи-ном парохода, инженером, фабрикантом, вообще дело-вым человеком, хорошо одевался и держал голову не-много назад, что делало его выше ростом... В крупных

чертах привлекательного крестьянского лица сидело сложное выражение. Глаза, с широким разрезом, совсем темные, уходили в толстоватые веки, брови легли правильной и густой дугой, нос утолщался книзу, а из-под усов глядел красный сочный рот с чувственной линией нижней губы» [24. С. 9].

Таким образом, хотя Боборыкин не оставил глубокого следа в русской литературе, в своих лучших произведениях он выступает как тонкий реалист и психолог. В каждом выведенном лице он стремится установить реальные черты, из которых складывается их облик. Тут и происхождение лица или группы лиц, которые несут признаки наследственности и традиций, черты более широкой классовой психологии, обстоятельства внешней жизни в виде полученного воспитания и образования. Как заметил цитированный ранее в нашей статье историк литературы Д. Овсяннико-Куликовский, «психология пола и возраста занимает видное место в романах и повестях Боборыкина, и многие фигуры, им созданные, бесспорно являются ценным документом для историка» [19. С. 369]. Что касается московского купечества, то Боборыкин глубоко и точно показал типы купцов нового поколения, пришедшего на смену типам купцов Островского, хотя «черты наследственности у них, навыки ставшие инстинктами, сквозят из под налета неглубокого просвещения, новых культурных начал, веяний “духа времени” – и эта амальгама истолкована исчерпывающим образом [Там же. С. 370].

В целом, характеризуя эволюцию социально-психологического облика русского, преимущественно московского купечества, важно отметить, что его

трактовка шла не поступательно и не менялась в хронологической последовательности, а целиком зависела от времени интерпретации и задач, стоявших перед исследователем и писателем. В качестве источника по реальному облику купечества нами взят облик, нарисованный писателем П.Д. Боборыкиным, который был скорее не художником, а натуралистом, описывающим наблюдаемые им образы не как живых людей, а как носителей тех или иных психологических черт и идей. Автор часто спешил запечатлеть то или иное явление в еще не выношенных образах, перегружал повествование огромным количеством второстепенных бытовых деталей, что снижало впечатление от нарисованной им вполне реалистичной картины. Такой метод менее заметен в обширных воспоминаниях Боборыкина, которые дают богатый материал для изучения эпохи, но, к сожалению, они посвящены его личным встречам с писателями, учеными, общественными деятелями и деятелями искусства [25. С. 22–23]. Сопоставляя образ русского купца в литературе и исторической науке, отметим, что ученые на протяжении полутора веков составили разнообразные по своему содержанию характеристики, от резко негативного до комплиментарного, тогда как в художественной литературе, в том числе в творчестве П.Д. Боборыкина, был задан тон изображения купечества как совокупности бытовых, психологических и социальных противоречий, и в этом их сила и долголетие. В конечном итоге современная историческая литература, посвященная купеческой теме, закономерно пришла к подобным наблюдениям и выводам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В.П. Теоретические аспекты истории предпринимательства // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2002. Вып. 4 (32). Сер: Гуманитарные науки. С. 61–65.
2. Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001.
3. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
4. Брянцев М.В. Культура Русского купечества. Воспитание и образование. Брянск, 1999.
5. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
7. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
8. Разгон В.Н. Горизонтальная мобильность как фактор формирования купечества на окраинных территориях Российской империи (на материалах Сибири XVIII – первой половины XIX вв.) // Современное историческое сибиреведение XVII начала XX вв. : сб. науч. тр., посв. 65-летию проф. В.А. Скубневского. СПб., 2010. Вып. 3. С. 13–35.
9. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты России. М. : Наука, 1989.
10. Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999.
11. Нилова О.Е. Московское купечество конца XVIII – первой половины XIX в. (социальные аспекты культуры) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
12. Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
13. Аксенов А.Н. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988.
14. История предпринимательства в России. Кн. 1: От Средневековья до середины XIX века. М. : РОССПЭН, 2000.
15. Перхавко В.Б. История русского купечества. М. : Вече, 2008.
16. Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. М. : Высш. шк., 1991.
17. Русские писатели. Биобиблиографический словарь : в 2 т. М. : Просвещение, 1990. Т. 1.
18. Буренин В.П. Г. Михайловский и г. Боборыкин // Критические опыты и заметки. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1884. С. 267–281.
19. Овсяннико-Куликовский Д. К пятидесятилетию литературной деятельности П.Д. Боборыкина // Вестник Европы. 1910. № 11. С. 368–372.
20. История русской литературы : в 4 т. Т. 3: Расцвет реализма. Л. : Наука, 1982.
21. Чупринин С. Труды и дни П.Д. Боборыкина // Боборыкин П.Д. Сочинения : в 3 т. М. : Худ. лит., 1993. Т. 1. С. 5–26.
22. Боборыкин П.Д. Дельцы. Роман : в 6 кн. // Сочинения : в 12 т. СПб. : Изд-во тов-ва М.О. Вольф, 1885. Т. VII.
23. Боборыкин П.Д. Китай-город // Сочинения : в 3 т. М. : Худ. лит., 1993. Т. 2. С. 7–420.
24. Боборыкин П.Д. Василий Тёркин // Сочинения : в 3 т. М. : Худ. лит., 1993. Т. 3. С. 7–502.
25. Боборыкин П.Д. Воспоминания : в 2 т. Т. 1: За полвека. М. : Худ. лит., 1965. 567 с.

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Buildings (Tomsk, Russia). E-mail: vpbojko@yandex.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE RUSSIAN MERCHANTS IN THE HISTORICAL LITERATURE AND IN THE WORKS OF WRITER P. D. BOBORYKIN ROUT

Keywords: Russia; history; merchants; Business; P.D. Boborykin.

The article is devoted to the history of the Russian merchant class, reflected in the work of Peter Boborykin and to the opinions of contemporary critics to Boborykin's novels. The main periods in the writer's work are identified and marked in the article: firstly, he followed the canons of the natural school in Russian literature, then became a westernizer and was a supporter of the liberal-democratic trend in Russian literature. This evolution was reflected in literary criticism, which is also examined and analyzed in our work. Boborykin's works of art, his memoirs, and critical articles about him in periodicals were used as the main sources. In addition, the author of the article studied many works of historians, sociologists and literary critics who showed and defined the features of Boborykin's creativity. His works allowed tracing the evolution of the socio-psychological image of the Russian merchants during almost four decades of the XIX century. The closest concept to convictions of the author of this article was one, proposed by the well-known historian of literature and critic D. Ovsyaniko-Kulikovsky, who believed that the merchant class was an inseparable part of the common people and brought many positive qualities that are undervalued in contemporary society. It concerns both the class as a whole and its individual representatives. His work was based on a deep knowledge and understanding of the way of life and activity of the merchant class. And only recently Boborykin's works have become known through many historical studies. Boborykin as a novelist showed the new features of new relationships in the Russian reality at the second half of the nineteenth century, which gave positive results. The article notes that Russian entrepreneurship and commerce in the post-reform period were covered by Boborykin in different ways. At first they were marked as rudimentary and primitive, but after 30 years certain changes had already been noted. There were showed some of the results of such development: the most of merchants had a good education, got interested in politics and culture, often traveled abroad, became the leading force in the economy of the country and even advocated for the ecological safety of its individual territories, primarily the Volga region, which is being remained relevant in our days.

REFERENCES

1. Boyko, V.P. (2002) Teoreticheskie aspekty istorii predprinimatel'stva [Theoretical aspects of the history of entrepreneurship]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4(32). pp. 61–65.
2. Khrenov, N.A. & Sokolov, K.B. (2001) *Khudozhestvennaya zhizn' imperatorskoy Rossii (subkul'tury, kartiny mira, mental'nost')* [The artistic life of imperial Russia (subcultures, world pictures, mentality)]. St. Petersburg: Aleteya.
3. Pipes, R. (1993) *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the old regime]. Translated from English by V. Kozlovsky. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
4. Bryantsev, M.V. (1999) *Kul'tura Russkogo kupechestva. Vospitanie i obrazovanie* [Culture of the Russian merchants. Education and education]. Bryansk: Kursiv.
5. Gaksthausen, A. (1870) *Issledovaniya vnutrennikh otnosheniy narodnoy zhizni i v osobennosti sel'skikh uchrezhdeniy v Rossii* [Studies of internal relations of people's life and in particular of rural institutions in Russia]. Moscow: [s.n.].
6. Berdyaev, N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka.
7. Mironov, B.N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the period of the empire (the 18th – early 20th centuries). Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
8. Razgon, V.N. (2010) *Gorizontal'naya mobil'nost' kak faktor formirovaniya kupechestva na okrainnykh territoriyakh Rossiyskoy imperii (na materialakh Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX vv.)* [Horizontal mobility as a factor in the formation of merchants in the marginal territories of the Russian Empire (a case study of Siberia in the 18th – the first half of the 19th centuries)]. In: Goncharov, Yu. M. (ed.) *Sovremennoe istoricheskoe sibirskoye issledovanie XVII nachala XX vv.* [Modern Historical Siberian studies of the 17th and early 20th Centuries]. Issue 3. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 13–35.
9. Bokhanov, A.N. (1989) *Kollektsionery i metsenaty Rossii* [Russian Collectors and Patrons]. Moscow: Nauka.
10. Ulyanova, G.N. (1999) *Blagotvoritel'nost' moskovskikh predprinimateley. 1860–1914* [Charity of Moscow businessmen. 1860–1914]. Moscow: Mosgorarkhiv.
11. Nilova, O.E. (1992) *Moskovskoe kupechestvo kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v. (sotsial'nye aspekty kul'tury)* [Moscow merchant of the late 18th – first half of the 19th centuries (social aspects of culture)]. History Cand. Diss. Moscow.
12. Fomina, O.V. (2003) *Imushchestvenno-demograficheskaya kharakteristika moskovskoy kupecheskoy sem'i posledney treti XVIII veka* [Demographic characteristics of the Moscow merchant family of the last third of the 18th century]. History Cand. Diss. Moscow.
13. Aksenov, A.N. (1988) *Genealogiya moskovskogo kupechestva XVIII v. (Iz istorii formirovaniya russkoy burzhazii)* [Genealogy of the Moscow merchants of the 18th century. (On the Russian bourgeoisie formation)]. Moscow: Nauka.
14. Smetanin, S.I. et al. (2000) *Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [History of Russian Entrepreneurship]. Moscow: ROSSPEN.
15. Perkhavko, V.B. (2008) *Istoriya russkogo kupechestva* [History of the Russian Merchants]. Moscow: Veche.
16. Buryshkin, P.A. (1991) *Moskva kupecheskaya* [Moscow of Merchants]. Moscow: Vysshaya shkola.
17. Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar'. V 2 t.* [Russian Writers. A Bibliographic Dictionary. In 2 vols]. Moscow: Prosveshchenie.
18. Burenin, V.P. (1884) *Kriticheskie opyty i zametki* [Critical Experiments and Notes]. St. Petersburg: A.S. Suvorin. pp. 267–281.
19. Ovsyaniko-Kulikovsky, D. (1910) K pyatidesyatiletuyu literaturnoy deyatel'nosti P.D. Boborykina [To the fiftieth anniversary of P.D. Boborykin's literary activity]. *Vestnik Evropy*. 11. pp. 368–372.
20. Priyma, F.Ya. & Prutskov, N.I. (eds) (1982) *Istoriya russkoy literatury* [The History of Russian Literature]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
21. Chuprinin, S. (1993) *Trudy i dni P.D. Boborykina* [Works and days of P.D. Boborykin]. In: Boborykin, P.D. (1993) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–26.
22. Boborykin, P.D. (1885) *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. St. Petersburg: M.O. Wolf.
23. Boborykin, P.D. (1993a) *Sochineniya* [Works]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 7–420.
24. Boborykin, P.D. (1993a) *Sochineniya* [Works]. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 7–502.
25. Boborykin, P.D. (1965) *Vospominaniya. V 2 t.* [Memories. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

УДК 94(47).083+303.732(091)
DOI: 10.17223/19988613/52/19

А.В. Луценко

К. МАРКС И А. БОГДАНОВ О РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Проводится сопоставление взглядов К. Маркса и А.А. Богданова на возможность и перспективы осуществления революции в Российской империи, с одной стороны, и реального хода событий, завершившихся Февральской революцией 1917 г. и Гражданской войной, с другой стороны. Делается вывод о сугубо диагностическом, а не политико-пропагандистском характере теоретических выкладок Маркса и Богданова, констатируется совпадение выводов ученых с последующими историческими событиями, что характеризует эффективность как марксистской, так и богдановской методологии исследования.

Ключевые слова: марксизм; капиталистическая формация; революция; Российская империя; крестьянская община.

В истории человечества известно немало попыток заглянуть за грань времени, чтобы разобраться в прошлом, предугадать в настоящем черты будущего и увереннее подготовиться к предстоящей жизни. Именно этому стремлению во многом обязана своим появлением на свет историческая наука – наука о причинах великих событий Прошлого, которую древние римляне называли «учительницей жизни». Но чем старше становилось человечество, тем яснее оно осознавало, что история сама по себе не позволяет избежать ошибок в будущем, поскольку анализ и реконструкция событий предшествующих эпох осуществлялись лишь по нескольким сторонам жизни общества, которые представлялись исследователю наиболее значимыми. Так, если для средневековых летописцев важнее всего были деяния государей, то для историков-гегельянцев XIX столетия эти же события были всего лишь одной из стадий саморазвития Мирового Духа, а для марксистов приоритетным объектом исследования становятся вопросы экономического развития общества, распределения в нем прав собственности на средства производства, а также проблема борьбы классов.

Таким образом, любая историческая теория по большому счету представляет собой упрощенную модель конкретного состояния действительности и остается адекватной лишь до тех пор, пока действительность остается неизменной. Наиболее отчетливый пример этого буквально перед глазами: современная западная цивилизация, еще совсем недавно признаваемая «ядром капиталистического мира», со второй половины XX столетия стала представлять собой одну из заглавок истории.

При этом бросаются в глаза противоречивые изменения в характере мировой цивилизации, явно не вписывающиеся ни в одну, даже марксистскую, методологию анализа капиталистического общества, вследствие чего в современном научном мире возник своего рода «методологический вакуум», препятствующий рациональному осмыслению происходящих явлений и, соответственно, выработке стратегии не только научного исследования, но и прежде всего практической деятельности, лишь во взаимодействии с которой наука

приобретает реальное значение. В России эти обстоятельства осложнились еще и яростным неприятием политизированной общественностью той идеологической составляющей советского периода, которая была основана на теории марксизма.

Все это вместе взятое к моменту вступления цивилизации в «однополярный мир» привело к тому, что наука, больше не имевшая, по сложившемуся мнению, оснований использовать методологию классического марксизма и переживавшая «методологический кризис», только и могла приблизительно обрисовать наиболее существенные для современного общества тенденции развития, но была бессильна дать четко определенный ответ, каким должен быть выход из тупика, когда эскалация всех видов социального противостояния прямо угрожала распадом существующей системы отношений. Носители политических доктрин, озабоченные состоянием общества, обычно игнорировали связь между осуществлением задуманных проектов и подготовленностью масс к переменам, что вело к непредвиденным последствиям. Мировоззренческая неадекватность была присуща и большинству российских политиков, даже вполне здравомыслящих и позитивно настроенных: к середине XX в. они несмело констатировали, что марксизм в его предельно догматической версии со ставкой на революционную борьбу как единственный способ разрешения всех социальных конфликтов отжил свой век, особенно в условиях изменения структуры общества, когда классы утратили ряд известных признаков, приобретая взамен новые. Оглядываясь на «процветающий Запад», оппозиция открыто повела активную агитацию за новую жизнь и стала требовать смены общественного строя.

Однако на деле страну «перестроили» в полном соответствии с постулатами отвергнутой «предельно идеологизированной» теории путем бескомпромиссного переворота. Пришедшие к власти новые вожди не уставали повторять, что революция, которую они совершили, была *бескровной*, а значит, всеми принимаемой без протеста, раз защищать свергаемый строй оказалось некому. С этими заявлениями можно было бы согласиться, если бы в них не таилось лукавство:

в России все революции, включая Октябрьскую, были бескровными, кровавыми были только народные бунты. Если обратиться к истории, то российский народ всегда «безмолвствовал» при смене властной верхушки и ее политического курса, руководствуясь правилом «Поживем – увидим», а сообща бунтовать и заливать кровью «ненавистных сатрапов» поднимался, когда политика властвующих начинала радикально противоречить жизненным тенденциям подавляющего большинства населения, разрушая существующую систему общественных отношений. В этом случае бунт представлялся единственной формой коллективной самозащиты.

Кроме того, реформаторы, отказываясь от идеологии, предопределявшей усвоенные народом огромной страны стереотипы мышления и образа жизни, не учли, что, пока в мире существует капиталистическая система отношений, выбранная политиками в качестве приоритетной для развития «перестроенного» общества, будет существовать и потребность в объективном исследовании ее потенциальных возможностей. Пытливая мысль может найти немало подсказок в фундаментальном труде Маркса о формационных признаках капитализма, а также в исследовательских трудах других его последователей, которые продолжили аналитическую работу по изучению фаз развития капиталистической цивилизации. Отказаться от их научного опыта – непозволительная роскошь, поскольку трансформация отношений в современном мире совершается с большими потерями для людей, стран и всего человечества.

В связи с этим для эффективной реализации позитивных проектов требуется новая методология исследования общественно-политических процессов, которая сочетала бы четкость анализа, в высшей степени характерную для марксизма, с открытостью новым фактам и идеям. Только при таком исследовательском подходе вниманию и пониманию людей становится доступной объективная реальность, а не набор унаследованных от прошлого идеологических мифов, с помощью которых осуществляется манипуляция сознанием общества, но которые на самом деле не имеют к реальности никакого отношения.

Наиболее влиятельным в современной политике представляется миф о марксистских философско-идеологических истоках русской революции, искажавший до неузнаваемости научное суждение Маркса. В «Капитале», взятом за теоретическую основу программы российских социал-демократов, рассматривалась тема исторической перспективы **западноевропейского** капиталистического производства, которая со временем сведется к тому, что «оно само» создаст «элементы нового экономического строя <...>, что капиталистическая собственность, в основе которой уже фактически лежит коллективная форма производства, не может не превратиться в собственность общественную» [1. С. 120]. В основополагающем труде Маркса *не говорится о принципиальной неотвратимости революции в*

качестве обязательного способа устранения эксплуататорского строя. Даже в «Манифесте Коммунистической партии» авторы теории марксизма писали о «преодолении» (Aufhebung в немецком оригинале) частной собственности [2. С. 39], в то время как в переводе Г.В. Плеханова эта часть «Манифеста» передается словами с иным смыслом: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: *уничтожение частной собственности*» [3. С. 441]. В русском языке «преодолеть» («одолеть») означает «пересилить», «справиться», но не «уничтожить» («истребить») [4. С. 366, 473]. Сам переход прибавочного продукта из рук капиталиста в общественную собственность виделся теоретику как процесс исторически пролонгированный, если только усиленно развивающаяся «капиталистическая горячка» не подтолкнёт революционное движение пролетариата Европы к насильственному переделу собственности. Здесь недопустима подмена понятий: самопроизвольный процесс и процесс спровоцированный, обусловленный внешним воздействием, – это далеко не одно и то же.

Что касается революционного свержения монархического строя в России, то Маркс на этот счет **имел особое мнение**, которое сложилось благодаря «специальным изысканиям». Здесь полезно отметить, что ни один из политических лидеров ни в XIX, ни в XX в. не взялся за тот титанический труд, который добровольно взвалил на свои плечи немецкий исследователь Карл Маркс, прежде чем вынести собственный вердикт относительно будущего огромной крестьянской империи на востоке Европы. **Предварительно выучив русский язык, он на протяжении последних восьми лет жизни целенаправленно исследовал экономические и исторические условия России по первоисточникам.** Казалось бы, для получения представлений достаточно было ознакомиться с сообщениями о состоянии финансов и сельского хозяйства страны, составленными Н.Ф. Данилевским, русским экономистом, тем более, что эти сообщения базировались на сопоставлении официальной статистики и земских сведений. Но Маркс хотел иметь объемное представление о хозяйственной структуре страны, поэтому параллельно проанализировал выводы IV выпуска «Военно-статистического сборника», изданного русским Генеральным штабом, проштудировал 10 томов «Трудов податной комиссии» и «Свод отзывов губернских присутствий по крестьянским делам». Он с большим вниманием отнесся к монографиям и научным исследованиям видных русских экономистов XIX в. В процессе разработки указанной тематики Маркс обращался также к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, «Историческим монографиям и исследованиям» Н.И. Костомарова, произведениям Н.Г. Чернышевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Подробно, делая пометки и выписки, Маркс исследовал труды ученых – В.И. Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», А.А. Исаева «Артели в России», В.П. Воронцова

«Судьба капитализма в России», А.И. Скребицкого «Крестьянское дело и царствование Александра II», А.А. Головачева «Десять лет реформы 1861–1871», Ю.Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», Ф.П. Еленева-Скалдина «В захолустье и столице», А. Гакстаузена «Сельское устройство России», И.И. Патлаевского «Денежный рынок в России от 1700 до 1762», Н.А. Каблукова «Очерк хозяйства частных землевладельцев», М.М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» [5].

Словом, Маркс всесторонне изучил проблемную тему России. Литературы о ее социально-экономическом положении у Маркса было много: он эти книги выделил особо, назвав «*Russishes in my bookshelf*» («Русское на моей книжной полке») [Там же]. Не удовлетворившись изучением книг с это полки, он уточнял полученную информацию во время личных встреч с П.Л. Лавровым, Н.Ф. Даниэльсоном, М.М. Ковалевским, Н.И. Утиным, Л. Гартманом, Н.А. Морозовым, К. Гиршем и другими, вел активную переписку со многими из них, в том числе с В.В. Берви-Флеровским, который отбывал ссылку в сибирском Томске и книгу которого «Положение рабочего класса в России» немецкий ученый высоко оценил, сопоставив ее с исследованием Энгельса об участии английского пролетариата [6]. Осмысление двухтомного труда А.И. Васильчикова «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах», равно как и всех перечисленных выше работ, шло через сопоставление с данными западноевропейских ученых. Анализ исследований Г.П. Маурера, Г. Хансена, Ф. Демелича, О. Утешновича, Ст. Янчини, Дж. Мани, Дж. Фира, У. Карлтона, Г. Мейна, Ф. Карденаса, Л. Кремаза, посвященных изучению земледельческой общины в странах Европы и в Индии, потребовал расширения знаний по всемирной истории, и Маркс для получения информации о роли крестьянской общины в истории народов всего европейского континента, о причинах и условиях уничтожения ее в ходе разложения феодализма воспользовался фактическим материалом, какой нашел в 18-томной «Всемирной истории» Шлоссера, в «Истории России» Келли, в «Истории России и Петра Великого» Сегюра, в работах Ботта, Коббета и других известных западноевропейских историков [5]. Результатом изучения и сравнительного анализа событий общеевропейского масштаба за период с I в. до н.э. по XVII в. н.э. было появление четырех тетрадей «Хронологических выписок» Маркса объемом около 105 печатных листов (т.е. около 1 900 книжных страниц) [Там же], и только смерть помешала ученому превратить эти заметки в целостное исследование, – возможно, сопоставимое по масштабу с «Капиталом».

Вывод Маркса на основе изученных материалов оказался полной неожиданностью для русской интеллигентной оппозиции, сражавшейся против монархического строя и связанной с ним «дряхлой» крестьян-

ской общины: автор «Капитала» был убежден, что «западный прецедент» не имеет смысла для сообществ *с другими типами цивилизационного развития*. Что касается российской общины, то она, по мнению К. Маркса, являлась «точкой опоры социального возрождения России» [7. С. 412; 8. С. 251], и в набросках ответа на письмо В.И. Засулич он объяснял почему. При этом немецкий исследователь настойчиво предупреждал русских «поклонников капиталистического строя», что грабительская фискальная политика самодержавия гарантированно приведет земледельческую Россию к невиданной по масштабу социальной катастрофе – коренному слому привычного уклада жизни подавляющего большинства населения. Дело в том, что об отмене крепостного права в империи царь-«освободитель» Александр II торжественно объявил всему миру в 1861 г., оставив, правда, крестьянское население на положении юридических «полуперсон», лишенных средств к существованию, поскольку земледельцы были превращены в особое временно-обязанное сословие *вплоть до 1932 г.* – и выкуп за это назначили неподъемный. По официальным данным, опубликованным в XXII томе «Трудов податной комиссии» (1873), бывшие крепостные отдавали в казну государства в общей сложности **198,25%** от уровня своего сельскохозяйственного дохода [9. С. 434]. Необходимо особо отметить: от такой «грабильки» и других напастей, добавленных позднее, русская деревня вот уже полтора столетия медленно умирает и, впав в состояние стойкой фрустрации почти сразу после 1861 г., по сей день не может прийти в норму, спиваясь, глупея, теряя трудовые навыки и веками нарабатанные национальные традиции.

Маркс считал, что в той гуманитарной катастрофе, какая после крестьянской реформы 1861 г. постигла 85% российского населения (а в империи было ровно столько земледельцев), повинно не только самодержавное правительство. Вину за случившееся с крестьянством в России, по мысли ученого, должно было взять на себя образованное «русское общество, так долго жившее на счет сельской общины» [7. С. 414]. Земледельческое население по собственному разумению воспринимало его как ярмо на шее. В сознании крестьян интеллигентная элита, ставшая кастой «господ», отождествлялась с правительственными са-трапами и чиновниками-бюрократами, несмотря на сочувственное отношение к крестьянам во времена «хождения в народ», прозывалась внутри общины «за-хребетниками», – шумными, кичливыми, праздными, всем недовольными, все осуждавшими, но ни на что реально не способными. И хотя часть интеллигенции, относившая себя к числу противников монархии, в 1861 г. победно ликовала, считая «отмену рабства» в России собственной заслугой, в действительности она мало что из случившегося поняла.

Отпраздновав триумф, оппозиция была разочарована плачевными итогами реформы и обвинила в бед-

ственном положении крестьянства... самих крестьян, поскольку для интеллигенции всегда важно было ответить на вопрос «Кто виноват?» На страницах российской печати и либерального, и демократического направления очень скоро стала утверждаться идея, что в стране на самом деле *не* «обескровливают и терзают общину», а просто адекватно оценивают ее «раны, как симптомы ее естественной и неоспоримой дряхлости, и уверяют, что она умирает естественной смертью, и что сократить ее агонию было бы добрым делом. Речь идет здесь, таким образом, уже не о проблеме, которую нужно разрешить, а просто-напросто о враге, которого нужно сокрушить <...>, нужна русская революция <...>, русское правительство и “новые столпы общества” делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе», – констатировал в 1884 г. состояние русской общественной мысли Карл Маркс в набросках ответа на письмо В.И. Засулич и сравнивал стремление ликвидировать общину с намерением «убить курицу, несущую золотые яйца» [7. С. 410], поскольку из изученных источников знал, что именно на деятельности общины базируется вся хозяйственная система Российской империи.

Таким образом, то, с чем обращался К. Маркс к русской оппозиции, *никак нельзя было назвать призывом к революции*, потому что немецкий исследователь считал: России необходима революция особого рода – та, что совершит переворот в умах касты «господ»! Суть этого переворота, по его мнению, состояла в уяснении того, что «русское общество <...> обязано авансировать ей (сельской общине, существующей “в национальном масштабе”». – А.Л.) первоначальные средства для <...> того, чтобы поставить общину в нормальное положение на ее *нынешней* основе» [Там же. С. 412]. Маркс эту свою позицию неоднократно излагал русским противникам монархического режима – и народникам, и либералам, и социал-демократам, и анархистам. Однако все они, по свидетельству самого автора «Капитала», «придерживаются <...> совершенно противоположных взглядов» [Там же]. Позже это несогласие с Марксом проявилось в том, что российские лидеры разных идеологических пристрастий, будто вступив в негласный сговор, утаили от политизированной широкой общественности, что на самом деле родоначальник марксизма *ни теоретически, ни практически не имел отношения к революции в России*. Он не только *не* призывал к перевороту, но напротив – активно предостерегал от этой непоправимой беды: по его мнению, ни революция европейского образца, ни западный путь развития не нужны России, потому что дело неминуемо обернется насильственным подчинением многомиллионного населения неумолимым законам капитализма с трагическим финалом – необратимой деградацией всей нации [1, 7].

Богданов наверняка *не знал* об этой точке зрения К. Маркса, но после Декабрьского восстания 1905 г. он тоже пришел к убеждению о стратегической несостоя-

тельности идеи революционного переворота. Отголоском этого вывода служит эпизод из «Красной звезды» (1908), где обсуждался вопрос, принесет ли реальную пользу крайний радикализм, если пожертвовать «полуварварской» системой общественных отношений, вместо которой, как предполагалось, «развернется <...> жизнь несравненно более гармоничная в ее непрерывном, беспредельном развитии» [10. С. 186]. Симпатии Богданова, судя по всему, оказались на стороне тех, кто считал, что «уничтожить, навеки истребить целый своеобразный тип <...> жизни, тип, которого потом мы никогда уже не сможем ни восстановить, ни заменить» [Там же], – это безответственный способ «подправить» историю вопреки естественному ходу ее развития. Коренной перелом жизни с целью устранения назревших общественных противоречий путем насильственной смены власти не поможет позитивно осуществить задуманные планы, а значит, не решит поставленную задачу, став поистине катастрофой для населения, не подготовленного к переменам, ибо «в столкновении двух миров <...> нет компромиссов» [Там же].

Средством к достижению позитивной преобразовательной цели являлась, по мнению Богданова, не разрушительная социальная катастрофа, а объединение разрозненных сил, не принесение в жертву одних ради победы других, а осознанное приближение эпохи, «когда впервые может осуществиться соединение двух великих линий жизни» [Там же]. Богданов был уверен, что из этого сочетания обязательно возникнет новое многообразие, та «высшая гармония», какая получается, когда люди заимствуют друг у друга все лучшие качества и вместе строят новую жизнь. Ученый без устали доказывал соратникам, что, даже если «мировая жизнь едина» [Там же], и для России назрела пора идти в ногу с развитыми странами, то это вовсе не означает, будто ради этого надо стереть с лица земли всех не похожих на избранный идеал – вместе с их историей, традициями и психологией, – только потому, что «они иные» [Там же. С. 187]. «Устраняя их, – писал А.А. Богданов в 1908 г., – мы их не заместим в мировом развитии, мы только механически заполним собою ту пустоту, которую создадим в царстве форм жизни» [Там же].

Однако то, что произошло в России в конце февраля 1917 г., явилось для многих неожиданностью, называемой в мемуарной литературе «бескровной революцией» – скорее всего потому, что при передаче власти не пролилась монаршая кровь, хотя трупов на мостовых Петрограда было немало. По мнению военного историка-эмигранта, автора 4-томной «Истории русской армии» А.А. Керсновского, для российских «общественников», борцов с монархическим строем «эти трупы были поистине подарком небес, трамплином для прыжка к заветной цели – власти во что бы то ни стало <...>. Важно было доконать заколебавшийся ненавистный режим, дорваться до власти и захватить все места для себя! Для этого надо было бунт превратить в рево-

люцию» [11. С. 258]. А бунт начался с большой крови: 27 февраля разгромили арсенал, расправлялись всюду с полицейскими, открыли двери из тюрем, сожгли окружной суд; 28 февраля в столице начались бои с защитниками монархии; 1 марта бунт из Петрограда перекинулся в Кронштадт, и его тоже залили кровью, подвергнув дикой расправе офицеров эскадры, в числе которых погиб адмирал Непенин и технические специалисты, обслуживавшие корабли Балтийского флота [Там же. С. 259–261]. Когда флотские экипажи еще продолжали резню, в Петрограде «общественники» предвкушали свое победное вхождение во власть: «надо было ковать железо, пока оно было горячо, использовать до конца внезапно предоставившуюся блестящую возможность <...>. Милюков говорил: “Комбинация из Алексея Николаевича и Михаила выгодна: один – больной ребенок, другой – совсем глупый человек”» [Там же. С. 261]. 9 марта 1917 г. царская семья была арестована.

Восемь месяцев Временное правительство усердно ломало то, что имело отношение к нормам жизни при царе. При этом все, на что была способна новая власть, которая объявляла себя либерально-демократической, подчинялось либо ненависти к самодержавию, либо страху прослыть «старорежимной»: и «...не было удара, которого эти люди не согласились бы нанести своей стране во имя этой ненависти и этого страха» [Там же. С. 267].

Действия Временного правительства, по признанию многих эмигрантов, покинувших Россию после октября 1917 г., свидетельствовали о том, что Октябрьской революции можно было избежать, будь во главе государства люди ответственного слова, а не хлесткой лозунговой фразы, люди дела, а не позы, люди анализа, а не авантюрных экспериментов. Но Великой России не повезло с властвующими: «...страной взялись управлять люди, до той поры не имевшие никакого понятия об устройстве государственного механизма. Пассажиры взялись управлять паровозом по самоучителю и начали с того, что уничтожили все тормоза. 5 марта Временное правительство одним росчерком пера упразднило всю русскую администрацию. Были отрезаны все губернаторы и вице-губернаторы. Возвращены все политические ссыльные и уголовные каторжники, упразднены полиция и корпус жандармов. Призваны в Россию все эмигранты-пораженцы, агенты неприятеля, и упразднена контрразведка. Объявлена свобода, и брошены в тюрьмы тысячи инакомыслящих “реакционеров”. Провозглашена “война до победного конца” и уничтожена дисциплина в армии» [Там же]. Последовавшие за этим Октябрьская революция и Гражданская война, а также массовые политические репрессии явились жесточайшим испытанием для всей нации.

Безусловно, трудно выстоять перед разрушительной силой подобной катастрофы. Но как бы ни пытались современники интерпретировать события вековой давности, нельзя забывать о рекомендациях двух ученых, к которым можно было прислушаться и во второй по-

ловине XIX в., и в начале XX столетия, чтобы найти оптимальный вариант решения сложнейших проблем, не ввергая собственный народ в пучину бедствий, не загоняя его в опасный тупик, откуда выхода могло и не быть. И Маркс, и Богданов не для теории, а для практического знания выполнили комплексную социально-экономическую и организационную диагностику состояния основной массы населения Российской империи. Проведенные исследования недвусмысленно показали, что страна ни в общественно-политическом, ни в культурно-мировоззренческом аспекте не была готова к радикальному переустройству. Более того, волюнтаристски насильственное вмешательство в жизненный уклад народа могло привести только к катастрофическим последствиям. События, начиная с первой четверти XX в., лишь подтвердили справедливость выводов двух выдающихся мыслителей.

На какие события в тот период следовало обратить особое внимание образованной интеллигенции, чтобы коллегиально выработать тактику и стратегию оздоровления больной экономики и перенапряженной социальной системы? Прежде всего, это касалось грабительской фискальной политики самодержавия, отмеченной Марксом. Эта проблема порождала необратимый процесс экономического упадка, хорошо заметный уже при взгляде на финансовую сторону дела: к 1909 г. государственный долг Российской империи составил 11 800 млн руб., и покрыть его не удавалось ни за счет винной монополии, ни за счет увеличения косвенных налогов. «Недоверие за границей к русским финансам дошло до того, что в биржевых кругах и в печати Франции поставлен на обсуждение вопрос о взятии русских финансов под международный англо-французский контроль: лишь под этим условием там считают возможным дать правительству новый громадный заем для общего исправления русских финансов, т.е. собственно для спасения прежних займов и процентов по ним от угрожающего рано или поздно банкротства» [12. С. 50]. Экономическая дезорганизация царской России закономерно завершилась вовлечением страны в войну за интересы кредиторов и введением в 1915 г. продовольственной разверстки; проводимые параллельно с этим массовые мобилизации крестьян в армию, реквизиции тяглового скота и продовольствия для военных нужд окончательно дестабилизировали общественно-политическую систему и вызвали кризис власти в феврале 1917 г. Оценивая постфактум эти события, очевидцы отмечали, что вина за революционные события «ложится, во-первых, на императорское правительство, не сумевшее ни предвидеть катастрофы, ни предотвратить ее, и это когда за долгие месяцы до февраля не то что люди, а сами камни петроградских мостовых кричали о готовившейся революции. Безмерна вина оппозиционной общественности, увидевшей в этом потрясении неповторимый случай прийти, наконец, к власти, захотевшей обратить несчастье Родины в средство для достижения своих узко-

эгоистических целей, в средство для насыщения своего чудовищного честолюбия. Обманутые общественностью военачальники сыграли роль позорную и жалкую <...>. Их непростительной ошибкой было то, что они слишком стали считать себя “общественными деятелями” и недостаточно помнили, что они – прежде всего – присягнувшие царю офицеры. <...> Эти три категории виновных – растерявшиеся сановники, предатели-политиканы и недостойные военачальники – не имеют оправдания. История вынесла им приговор, справедливый и беспощадный» [11. С. 326]. Этот вывод истори-

ка-белоземigrанта Антона Керсновского обобщал большой массив данных из мемуарных источников, оставленных непосредственными участниками февральских событий, а также сотрудников Временного правительства, чьи воспоминания впоследствии были опубликованы в эмигрантских исследовательских изданиях, наподобие «Архива русской революции». Тем показательнее, что все эти данные совпали с диагностическими выкладками Карла Маркса и тектологическими анализами Александра Богданова, выполненными *задолго до* событий 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных Записок» // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 116–121.
2. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. 480 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 4. С. 419–459.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 27-е изд. М.: Мир и Образование, 2013.
5. Даты жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1875 – май 1883) // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 597–626.
6. Бурмакин Э. Последний утопист // Сибирские Афины. Томск, 1990. № 1 (апрель). С. 8–9.
7. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 400–421.
8. Маркс К. Письмо В.И. Засулич // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 250–251.
9. Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 422–441.
10. Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 104–203.
11. Керсновский А.А. История русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1994. Т. 4. 368 с., ил.
12. Платформа группы «Вперед» [декабрь 1909 г.] // Неизвестный Богданов: в 3 кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. Кн. 2. С. 36–76.

Lutsenko Anton V. Seversk Technology Institute of National Research Nuclear University «MIFI». E-mail: antom9@rambler.ru

K. MARX AND A.A. BOGDANOV ABOUT REVOLUTION IN RUSSIA

Keywords: Marxism; capitalist formation; revolution; Russian Empire; peasants' community.

The direct purpose of this research is the analysis of K. Marx's and A.A. Bogdanov's views about principal opportunity and prospects of revolution in Russian Empire and the comparison of these scientists' theoretical conclusions with real course of the historical events which were finished with the February revolution of 1917 and the Civil war 1918–1921. Relevance of such purpose statement is defined by “methodological crisis” which characterizes a number of the influential directions of a modern scientific, social and political thought: supporters of these directions quite often base their researches not on real historic facts, but on ideological myths – first of all, on myth about Marxism as theoretical base of an aggressive and violent reorganization of social system. This article is analyzing works of K. Marx and A.A. Bogdanov (one of the most authoritative Russian Marxists at the beginning of 20th century). The analysis shows that theoretical positions of “Capital” were not political propaganda character, but especially diagnostic one, and they concerned exclusively *Western European* capitalist society. Marx in “Capital” spoke only about private property *overcoming*, assuming *evolution* of the western society from capitalism to socialism; the idea of private property *destruction by revolution* arose among the Russian Marxists because of the incorrect translation of Marx's words by G.V. Plekhanov.

Marx had *special opinion* about Russia. His opinion based on detailed studying of the Russian social, economic and political reality according to *primary sources*. From them the author of “Capital” made a conclusion that Russia is *essentially other civilization type*, which can not evolve to industrial society on the western patterns. Marx explained that westernization paradigm of social and economic development is unfit for Russia because the attempt to build capitalism due to peasantry expropriation can cause in Russian conditions only social explosion and political system destruction: radical pauperization of 90% of people is principally capable to cause only degradation of all nation. It was a reason why Marx rigidly criticized ideas of the Russian revolutionaries who thought that a peasants' community is one of the major obstacles to progressive transformations of Russia. Marx most negatively characterized actions of Russian Empire government which was interested in western-styled economic reform supported by taking **198.25%** of peasants' agricultural work income *from 1861 to 1932*. As an alternative of western experience non-critical copying Marx offered for Russia a strategy of peasants' community integration into industrial productivity relations' system without any destruction of peasants' social and economic cooperation traditional form. A.A. Bogdanov did not know with these Marx's conclusions but he came to almost similar ideas on the basis of his own analysis of the Russian reality of the beginning of the 20th century: Bogdanov thought that the maximum integration of the peasantry not only in social and political, but also in economic and cultural life of the country is strongly needed because it could provide increase in structural stability of the Russian society. Historical events of 1909–1917 showed that the actual isolation of 90% of people from participation in social and political life in combination with unbalanced economic policy and noncritical copying of foreign economic organization experience open a way to the total disaster destroying the state and society.

REFERENCES

1. Marx, K. (1961) *Sochineniya K. Marksa i F. Engel'sa* [Works by K. Marx and F. Engels]. 2nd ed. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. pp. 116–121.
2. Kagarlitskiy, B.Yu. (2005) *Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: not recommended for studying]. Moscow: Algoritm, Eksmo.
3. Marx, K. & Engels, F. (1956a) *Sochineniya K. Marksa i F. Engel'sa* [Works by K. Marx and F. Engels]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat. pp. 419–459.

4. Ozhegov, S.I. (2013) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 27th ed. Moscow: Mir i Obrazovanie.
5. Marx, K. & Engels, F. (1956b) *Sochineniya K.Marksa i F.Engel'sa* [Works by K. Marx and F. Engels]. 2nd ed. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. pp. 597–626.
6. Burmakin, E. (1990) Posledniy utopist [The last utopian]. *Sibirskie Afiny*. 1. pp. 8–9.
7. Marx, K. & Engels, F. (1956c) *Sochineniya K.Marksa i F.Engel'sa* [Works by K. Marx and F. Engels]. 2nd ed. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. pp. 400–421.
8. Marx, K. & Engels, F. (1956d) *Sochineniya K.Marksa i F.Engel'sa* [Works by K. Marx and F. Engels]. 2nd ed. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. pp. 250–251.
9. Marx, K. & Engels, F. (1956e) *Sochineniya K.Marksa i F.Engel'sa* [Works by K. Marx and F. Engels]. 2nd ed. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. pp. 422–441.
10. Bogdanov, A.A. (1990) *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* [Questions on Socialism: Works of Different Years]. Moscow: Politizdat. pp. 104–203.
11. Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii. V 4-kh t.* [History of the Russian army. In 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Golos.
12. Bordyugov, G.A. (ed.) (1995) *Neizvestnyy Bogdanov. V 3-kh knigakh* [Unknown Bogdanov. In 3 books]. Book 2. Moscow: AIRO-XX. pp. 36–76.

УДК 821.161.1–94:913(0)
DOI: 10.17223/19988613/52/20

Н.П. Матханова, Е.В. Комлева

КУПЕЦ Ф.И. ШЕМЕЛИН И ЕГО «ЖУРНАЛ»

Анализируется «Журнал» уроженца Тобольска, впоследствии московского купца Ф.И. Шемелина, о первом русском кругосветном плавании 1803–1806 гг. – один из немногих эго-документов, вышедший из среды российского купечества на рубеже XVIII–XIX вв. и позволяющий не только почерпнуть информацию о ходе экспедиции, но и в какой-то мере судить о картине мира просвещенного русского купца того времени. Приводятся биографические сведения об авторе. Раскрываются информационные возможности составленных им записок.

Ключевые слова: первое русское кругосветное плавание; мемуаристика; конфликт И.Ф. Крузенштерна и Н.П. Резанова; купечество; картина мира; философия Просвещения.

XVIII столетие ознаменовано формированием самосознания российского купечества, выработкой в значительной степени новых социокультурных установок, на которые начинало ориентироваться все больше представителей торгового мира. Воспитанным в православных традициях, наиболее склонным к рефлексии купцам важно было не просто удачно приобрести и сбыть товар, но и осмыслить свое место в обществе, негативно воспринимавшем не только ростовщичество, но и торговлю, ожидавшем всевозможных подвохов со стороны продавцов. Подобное отношение, с одной стороны, рождало необходимость опереться на некие основания для уверенности в правомерности своей деятельности. С другой стороны, все больше нарастало противостояние купцов с дворянством, относившемся к ним с высокомерием и пренебрежением. Не последнюю роль в происходивших процессах сыграли и идеи эпохи Просвещения, распространившиеся в царствование Екатерины II. Накапливавшиеся десятилетиями изменения привели к появлению на рубеже XVIII–XIX вв. предпринимателя нового типа – просвещенного купца, обладавшего целостным представлением о своем положении в обществе и о значении коммерции для развития государства.

Сохранилось не так уж много источников, позволяющих изучать взгляды, мысли и настроения русского купечества. Очень невелико количество эго-документов, исходивших от самих купцов, – и тем большее значение приобретает каждый такой источник. Один из них – «Журнал» уроженца Тобольска, сначала сибирского, а впоследствии московского купца 3-й гильдии, приказчика Российско-Американской компании (РАК) Федора Ивановича Шемелина, участвовавшего в кругосветном плавании 1803–1806 гг. Стремление историка уловить в мемуарном тексте скрытый замысел, второй и третий план, конструируемый более или менее осознанно собственный имидж, обычно не применяется к анализу купеческих сочинений. Но произведение Ф.И. Шемелина – исключение. Помимо многочисленных сюжетов, непосредственно связанных с путешествием, в нем нашла отражение и картина мира про-

свещенного русского купца начала XIX в. Не только преданность корпоративным интересам, но и осознание достоинства, как собственного, так и своей социальной группы (своего сословия), продиктовало линию поведения Ф.И. Шемелина и направленность его записок.

Прежде чем приступить к анализу текста «Журнала» Ф.И. Шемелина, приведем сведения об авторе, к сожалению, крайне скудные. Мы можем лишь строить догадки относительно его происхождения, воспитания и службы. Сам факт, что он был назначен руководством РАК приказчиком в первое русское кругосветное плавание, позволяет заключить, что Федор Иванович был неординарной личностью – активным, аккуратным, исполнительным, инициативным и обладающим достаточно широким кругозором человеком. Сам он характеризовал себя такими словами: «Я <...> впрочем человек сурьйозной» [1. Л. 22-а]. Присущая ему любознательность сквозит в описании бразильских плантаций, которые «усугубляли несказанно <...> любопытство» [Там же. Л. 69 об.].

Писатель и историк С.Н. Марков выявил из документов архива знаменитого рыбьеского купца Г.И. Шелихова, нынешнее местонахождение которых установить не удалось (А.И. Андреев считал, что они находились в коллекции Г.В. Юдина [2. С. 57]), некоторые сведения о биографии Ф.И. Шемелина. Как пишет Марков, уроженец Тобольска (тобольский самоучка), «он бывал и на Тихом океане, и на границах с Китаем» – в Кяхте [3. С. 64]. Н.Л. Коньков привел в подтверждение версии о тобольском происхождении Ф.И. Шемелина сведения о многочисленных представителях тобольского «казачьего рода Шемелиных» [4. С. 82].

Тобольск в XVIII в. мог по праву называться культурной столицей Сибири с давними образовательными традициями. В 1760–1770-х гг. – времени, на которое, вероятно, пришлось детские и юношеские годы Федора Ивановича, здесь действовали не только духовные образовательные учреждения, но и активно развивалось светское образование, находились крупные частные книжные собрания, насчитывающие сотни томов. Крупный центр транзитной торговли (в 1750 г. через

тобольскую таможенную пошлину прошли 208 купцов из 33 городов и торговых местечек России), Тобольск привлекал не только русских купцов, но и торговцев из Бухары, Джунгарии и Казахской орды. Местные же купцы регулярно посещали Кяхту, Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки [5. С. 44, 46]. По III ревизии (1763 г.) на купцов приходилось 31,1% от общей численности тобольских мужского пола (2 069 из 6 663 человек) [6. С. 392].

Вот в такой среде складывались характер и мировоззрение Ф.И. Шемелина. Скорее всего, он был выходцем не из купечества, а из числа тобольских посадских и родился примерно в 1750-х гг. (в 1805 г. окружающие оценивали его как старого человека [1. Л. 165], но в то же время ему давали очень ответственные поручения, т.е. он был еще полон сил). Не получив богатого наследства и с детства наблюдая за сутолокой крупного торгового города, а может быть, под влиянием рассказов о дальних поездках, Федор Иванович решил попробовать себя в коммерческой сфере. Как было принято и в XVIII, и в XIX в., главный путь к собственному капиталу для небогатого смышленного молодого человека лежал через службу приказчиком у уже состоявшихся дельцов – именно с приказчицкой лямки начинали многие известные впоследствии купцы. С.Н. Марков обнаружил письмо-«наставление» Г.И. Шелихова, из которого следует, что в августе 1786 г. Ф.И. Шемелин служил у него в Иркутске приказчиком. Ему следовало отправиться в Москву с разными товарами, главным образом пушминой, «снять хорошую лавку в игольном ряду и <...> продавать аляскинских бобров и сибирских соболей», а также выполнить ряд других поручений, в том числе пообщаться с дядей Григория Ивановича, раздобыть книги о жизни Петра Великого, учебники рудного дела и холсты для парусов на аляскинские галиоты [3. С. 57].

После смерти Г.И. Шелихова Ф.И. Шемелин продолжил служить в образованной в 1799 г. РАК, в которой остался даже тогда, когда смог наконец объявить собственный капитал и войти в 3-ю гильдию московского купечества. К слову сказать, по данным А.Н. Ермолаева, служащие РАК из числа купцов в начале XIX в. происходили главным образом из Иркутской губернии, из европейской же части страны их было очень мало [7. С. 123, 126]. По всей вероятности, руководство РАК ценило Шемелина – его исполнительность, расторопность, точность, честность, ведь служба в РАК требовала постоянных разъездов для контроля за доставкой товаров, перевозкой грузов и людей. Полученное воспитание и жизненный опыт сделали из него человека, которому были не чужды «учтивость и благопристойность» [1. Л. 8 об.], умение разбираться в людях, составлять разговор обходительно и выдержанно, но в то же время до конца придерживаться своей позиции [Там же. Л. 167].

В 1803 г. Ф.И. Шемелин получил приглашение отправиться в кругосветное плавание в качестве торгового представителя РАК. Помимо своих основных обя-

занностей он должен был подмечать все важное по коммерческой части, участвовать в сборе этнографических коллекций [3. С. 60]. По возвращении в Россию Ф.И. Шемелин продолжал числиться московским купцом, в 1809–1810 гг. служил правителем Иркутской конторы РАК [7. С. 586]. По разделяемому нами выводу Н.Л. Конькова, появление в газете «Русский инвалид» в 1823 г. работы Ф.И. Шемелина [8] доказывает, что в то время он был еще жив.

Итак, самым заметным эпизодом в жизни Ф.И. Шемелина стало участие в кругосветном плавании. Именно ему посвящены рассматриваемые путевые записки. Известны три их варианта: рукопись [1, 9], издание 1816–1818 гг. [10. Ч. 1, 2], газетная публикация 1822 г. [11].

Надо сказать, что история первого русского кругосветного путешествия не раз становилась предметом изучения [12–15], опубликовано немало документов, освещающих различные его аспекты, известны и широко используются путевые записки участников – моряков И.Ф. Крузенштерна, Ю.Ф. Лисянского, М.И. Ратманова, Е.Е. Левенштерна [16–19]. В меньшей степени привлекаются дневники посланника в Японию и представителя РАК Н.П. Резанова [20], приказчиков РАК Н.И. Коробицына [21] и Ф.И. Шемелина. В этих сочинениях немало общего. Логика изложения основана на хронологическом принципе, последовательно освещаются ход плавания, основные происшествия, посещавшиеся земли и их обитатели и т.д. Естественно, моряки уделяли больше внимания географическим и гидрологическим наблюдениям, они приводили сведения, важные для практического судовождения. Своя специфика имела и в записках коммерсантов Н.И. Коробицына и Ф.И. Шемелина. Сопоставление нескольких вариантов восприятия событий, происходивших во время плавания, позволяет не только представить историю путешествия в более полном виде, но и выявить источники возможности и значение записок Ф.И. Шемелина – как опубликованного, так и неопубликованного их вариантов.

Выдающийся историк и источниковед А.И. Андреев еще в 1943 г. впервые написал о существенном отличии рукописи записок Ф.И. Шемелина от первой публикации [2. С. 58]. Позже он указывал: «В печатном тексте исчезли многие подробности, имеющиеся в рукописном; эти опущенные, а в некоторых случаях значительно измененные места касаются главным образом И.Ф. Крузенштерна, капитана “Надежды”, и офицеров корабля, их отношений к Н.П. Резанову, русскому послу в Японию и начальнику всей экспедиции, находившемуся на “Надежде”. Резанов оказался в очень сложных отношениях с командным составом этого корабля. Они привели к безобразным сценам на корабле, когда, например, Резанов должен был прятаться у себя в каюте от офицеров “Надежды”, что столь красочно описывает Шемелин в рукописной редакции своего “Журнала”. В печатном тексте того же “Журнала” Шемелина все эти подробности отсутствуют, и о тогдаш-

них событиях на корабле “Надежда” известно лишь по указаниям других источников. Все порочащее И.Ф. Крузенштерна и офицеров из печатного текста было тщательно изъято» [22. С. 18–19]. Первая после этого указания Андреева и пока единственная попытка сопоставить рукописный и печатный тексты принадлежит Ю.А. Стоянову [23], но она относится лишь к описанию Камчатки. Кроме того, Ю.А. Стоянов, основываясь на статье С. Маркова, приводит сведения о биографии Ф.И. Шемелина. Ю.А. Стоянов справедливо указывает на более спокойный тон печатного текста и более критическое описание ситуации на Камчатке в рукописи, на то, что характеристика торговли и вообще положения на полуострове дается с позиций купца, с подчеркиванием значения коммерции и возможностей ее развития. Н.Л. Коньков ввел в научный оборот и перепечатал отрывки из еще одной работы Ф.И. Шемелина, опубликованной в 1823 г. в газете «Русский инвалид» [4. С. 83–86].

В той же газете в 1822 г. в десяти номерах, с большими перерывами (с февраля до октября), без подписи, с указанием «сообщено», печатались отрывки из уже вышедшего отдельным изданием «Журнала». Это был сокращенный вариант повествования о плавании из Камчатки в Японию и начала пребывания в ней, с 18 августа до 28 октября 1804 г., что примерно соответствует первой главе второй части основного сочинения. Публикация не была завершена [11]. Через год с небольшим в рубрике «Путешествия» появилось «Историческое известие о первом путешествии Россиян вокруг света», подписанное прозрачным криптонимом Ф. Ш. [8]. Вопреки предположению Н.Л. Конькова, это не воспоминания о первом кругосветном путешествии [4. С. 83] и не путевые записки. В авторском заглавии гораздо точнее определен жанр работы Шемелина. В ней изложены обоснование необходимости путешествия для РАК, история его подготовки и организации, роль компании, приведены сведения о финансовой стороне экспедиции и процитированы инструкции, данные ее руководителям. Сопоставление текстов с авторитетной современной публикацией показывает, что документы воспроизведены почти точно, с незначительными разночтениями. Важен отбор, осуществленный Ф.И. Шемелиным с очевидным замыслом. Он включил в свою статью отношение Н.П. Румянцева к Правлению РАК от 5 августа 1802 г. [8. № 31. С. 124; 24. С. 124], отрывки из инструкции Правления И.Ф. Крузенштерну от 29 мая 1803 г. [8. № 36. С. 143–144; 24. С. 54–55] и то дополнение к ней, в котором говорилось, что Резанов является «полным хозяйским лицом» [8. № 48. С. 192; 24. С. 60], а также 2-й пункт высочайше утвержденной инструкции Резанову [8. № 48. С. 192; 24. С. 75]. Это те самые документы, которыми Резанов и Шемелин обосновывали свою позицию в споре с Крузенштерном. О самом плавании сообщались лишь даты отплытия и возвращения, о доставке Компанией «китайских, в Кантоне купленных суперкарго Шеме-

линым товаров более, нежели на 200 000 руб.» [8. № 49. С. 196]. Ничего не говорится о самом плавании, его трудностях и неудачах, о взаимоотношениях и конфликтах участников. Вероятно, Шемелину не по своей воле пришлось отказаться от пассажей критического и обвинительного направления, которыми полна рукопись. Сначала они были смягчены в книжной публикации основного сочинения, теперь они совсем исчезли. И все же последние слова автора с очевидностью отражают его истинные мысли и настроения: «При всем успехе сей экспедиции нельзя не пожалеть о том, что начальник ее, г. Резанов, не мог возвратиться в С. Петербург ни морем, ни сухим путем. Расстроенное его здоровье при обратном из компанейских колоний чрез Сибирь возвращении повергло его в городе Красноярске в могилу. Правительство и Компания лишились чрез то многих нужных и полезных сведений, ничем теперь не вознаграждаемых» [Там же].

На первых же страницах основного сочинения Ф.И. Шемелин подчеркивает свою принадлежность к коммерсантам, справедливо считая, что именно знания в этой сфере дают ему преимущества как автору. Однако мемуарист не упоминает о том, что первоначально вместо него в состав экспедиции намечался другой приказчик компании – некто Карчагин [24. С. 55, 58].

Характерно, что, как и многие мемуаристы своего времени, и особенно своего круга, Ф.И. Шемелин стремился оправдать сам факт работы над записками: «При самом отправлении моем в путешествие, получил я от Главного правления компании предписания, по силе коих обязан в продолжение всего плавания нашего вести обстоятельный Журнал, дополняя оный разными любопытными замечаниями по разным предметам» [10. Ч. 1. С. II]. Подобное указание получил не только Ф.И. Шемелин: в инструкции министра коммерции Н.П. Румянцева, данной Н.П. Резанову, указывалось, что его подчиненные должны «сочинять» в пути журналы [24. С. 77]. В посвящении, предвещающем печатный текст «Журнала», Ф.И. Шемелин обращался к «высокопочтенным господам директорам» компании и указывал: «...составил я, сообразно предписаниям Вашим, Журнал всему путешествию, с разными моими замечаниями». По возвращении же «господин первенствующий директор» изъявил желание, чтобы «онный» был приготовлен к печати, чтобы «доставить тем любопытным соотечественникам случай усмотреть успехи россиян, в знаменитой сей экспедиции учиненные» [10. Ч. 1. С. II].

Из всех упомянутых выше вариантов наибольший интерес представляет, разумеется, первая по времени создания и наиболее полная версия «Журнала» – рукопись путевых записок Ф.И. Шемелина. Текст ее переписан разными почерками, очевидно писарскими, бумага голубая, с полями, на которых указаны даты, формата 21×33, две части в картонных переплетах, 184 и 151 л. с оборотами по архивной пагинации. В рукописи имеются две пагинации – справа на верхнем поле

архивная и еще одна внизу в центре листа. В первой части они нередко не совпадают (по второй пагинации в первой части 187 листов). Мы используем архивную, но, так как и в ней есть сбои, в нескольких случаях приходится применять буквенное обозначение некоторых листов (например, 111 и 111 а). Имеющиеся ошибки, может быть, следует отнести на счет неграмотности переписчиков, так как в рукописи нет следов авторской правки. В первой части излагаются события со времени отплытия из Кронштадта, т.е. с 26 июля 1803 г., до посещения Сандвичевых (Гавайских) островов, последняя запись датирована 29 мая 1804 г. [1]. Вторая часть посвящена пребыванию в Японии с 18 августа 1804 г. до 10 марта 1805 г. [9]. Таким образом, по сравнению с книгой, отсутствует описание пути к Камчатке и пребывания там, а также посещения Кантона.

Текст книги короче, помимо нежелательных сюжетов, сокращены многие подробности, он разделен на главы, в начале которых появились принятые в это время аннотации, сокращено заглавие. Книге предпосланы посвящение и предуведомление, отсутствующие в рукописи. В них указывается на историческое значение путешествия, «которое пребудет навсегда происшествием, знаменитым в летописях отечества нашего», на то, что оно было задумано в интересах РАК. Кратко обозначены задачи и содержание записок, «несовершенство» автора. Здесь же прямо указано, что, хотя «Журнал» создавался по предписанию Главного правления компании, он предназначен и читателю вообще [10. Ч. 1. С. II–III].

Создававшееся по заданию руководства РАК, по сути сочинение Шемелина стало в значительной мере не только официальным деловым журналом, а и личным дневником. Черты эго-документа в большей степени присущи рукописному тексту. Обычно купеческие дневники второй половины XVIII – первой половины XIX в. «отражают характерные черты формирующегося самосознания купечества, освоение нового комплекса идей и понятий <...> В этих сочинениях сильна традиционная религиозная тематика, широко присутствует семейно-бытовой аспект, отражаются монархические настроения» [25. С. 4]. В путевых записках Шемелина о семье вообще ничего не говорится, мы даже не узнаем, был ли его родственником упоминаемый им Николай Шемелин. В «Журнале» фиксируются и внешние события, и личные переживания и размышления. Эта черта дневников больше характерна для дворянства – более образованного и, в частности, в большей степени воспринявшего моду на сентиментализм.

В процессе «приготовления» к публикации в текст были внесены столь существенные изменения, что следует согласиться с мнением А.И. Андреева, назвавшего рукопись «первоначальной редакцией» [22. С. 19]. Переработка не сводилась к правке цензурного характера и была не первой – об этом упоминается, например, при описании стоянки у острова Св. Екатерины: «Я остался на несколько дней на корабле, во мнении за-

няться приготовлением бумаг, перепискою набело дорожного моего журнала» [1. Л. 65]. Несколько иначе этот же факт описан в книжном тексте: «В сие малое время я имел обязанность определить себя на переписку дорожного моего журнала, приготовить щеты о путевых расходах и о всех случаях, в пути с нами следовавших» [10. Ч. 1. С. 52].

В публикации остались следы подробного и эмоционального освещения много раз описанного в рукописи конфликта Н.П. Резанова с И.Ф. Крузенштерном и другими членами команды. Именно эти сведения чаще всего использовали исследователи, писавшие о знаменитом кругосветном плавании. Первым на это указал обнаруживший рукопись А.И. Андреев. Сопоставив аналогичные свидетельства других участников плавания – старшего офицера «Надежды» М.И. Ратманова, приказчика РАК Н.И. Коробицына, а также информацию из шканечного журнала «Невы», рапортов Н.И. Коробицына Н.П. Резанову и ордеров последнего, А.И. Андреев заметил, что «действительное положение дела на корабле “Надежда” и отношения Резанова и Крузенштерна правильно изображены в первоначальной редакции “Журнала” Шемелина» [22. С. 19]. Тот же вывод А.И. Андреев делает и при сравнении опубликованных им «Записок» Коробицына с «Кратким экстрактом с журнала корабля “Невы” приказчика Коробицына», отрывки из которого приводятся в примечаниях к публикации. «При окончательном редактировании “Записок” Коробицын сам или по требованию начальства <...> выкинул» те места, «которые могли вызвать неблагоприятные суждения о капитане Ю.Ф. Лисянском» [Там же. С. 17, 19].

Л.М. Свердлов посвятил истории конфликта специальную монографию. Основываясь на многочисленных источниках, в том числе впервые извлеченных из АВПРИ и других архивов, он делает вывод о том, что основными причинами разногласий стали противоречивость инструкций Александра I, претензии Н.П. Резанова на руководство экспедицией, разное понимание ее целей («Кругосветное плавание для Резанова было лишь необходимым средством доставки его персоны в Японию и Америку <...> Для Крузенштерна, наоборот, экспедиция была самоцелью, а торговые и дипломатические функции экспедиции – делом хотя и важным, но мало его касающимся» [26. С. 86]). Различие в подходах к задачам экспедиции можно увидеть и при сопоставлении воспоминаний Ф.И. Шемелина и И.Ф. Крузенштерна. Первый, в отличие от других мемуаристов, с самого начала, с предисловия к печатному тексту, подчеркивает, что «главным предметом сей экспедиции была только торговля Российско-Американской компании». Он мог при этом основываться на «Общей инструкции» Н.П. Румянцева Н.П. Резанову, утвержденной Александром I 10 июля 1803 г., в которой прямо указывалось: «...корабли “Надежда” и “Нева”, в Америку отправляемые, имеют главным предметом торговлю Российско-Американской компании» [24. С. 75].

Ф.И. Шемелин утверждает также, что и отправка посольства в Японию и к китайскому императору имела целью «способствовать пользам» Компании, чтобы получить право свободной торговли в Японии и открыть вход в Кантон для ее судов [10. Ч. 1. С. 1]. И.Ф. Крузенштерн же признает лишь, что «вся экспедиция, хотя и состояла из людей военных, однако была не совсем военною, но частью и коммерческою» [16. С. 26].

Убедительно выглядит и мнение Н.Н. Болховитинова, который считал, что поддержка И.Ф. Крузенштерна большинством морских офицеров объясняется тем, что «по давней морской традиции во время плавания капитан является практически полновластным хозяином судна и его слово – закон для экипажа и пассажиров» [27. С. 94]. Однако в вышеупомянутой «Общей инструкции» Н.П. Резанову специально выделялись слова, что «оба судна с офицерами и служителями, в службе компании находящимися, поручаются начальству вашему» [17. С. 95].

Ф.И. Шемелин осознавал неясность, нечеткость статуса двух руководителей: командира эскадры И.Ф. Крузенштерна и начальника экспедиции Н.П. Резанова. Разумеется, он не трактовал этот вопрос в таких выражениях, но передал свои возражения капитану: «...можете меня здесь только на корабле обидеть, но не в другом месте <...> ибо я, имев начальника в особе Его Превосходительства, не обязан кроме его повиноваться никому» [1. Л. 133 об. – 134]. Ф.И. Шемелин обвинял морских офицеров в интригах против Н.П. Резанова, в намерении «более и более его еще оскорблять, нарушать его покой и выводить из терпения» и даже в заговоре против него [Там же. Л. 130].

Хотя «существенные отличия» рукописи Ф.И. Шемелина от ее издания отнюдь не сводятся к характеристике взаимоотношений И.Ф. Крузенштерна и Н.П. Резанова, но, вероятно, именно эта тема привела к той заметной правке текста, которая коснулась и других освещенных в «Журнале» сюжетов. В рукописи есть и не вошедший в публикацию сюжет – о конкуренции Шемелина с Крузенштерном за приобретение у островитян экзотических предметов. Спор велся о том, на что именно следует выменивать – на топоры и ножи или на «кусочки железа» (разрезанные обручи от бочек). По словам Шемелина, Крузенштерн настаивал на том, чтобы беречь куски железа, чтобы на них выменивать провизию, а Шемелин доказывал, что ножи и топоры гораздо дороже – они стоят компании 70 коп. и 1 руб., а кусочек железа – «не больше одной денежки», да на них и не удалось купить ничего из провизии, кроме кокосов и бананов, а на топоры и ножи получили несколько свиней [Там же. Л. 133–134]. В публикации сказано лишь, что, поскольку «островитяне ни королю, ни блестящих пуговиц не уважали <...>, то и были принуждены платить им за все железными вещами, разной величины английскими складными ножами, бритвами, долотцами и другими слесарными инструментами» [10. Ч. 1. С. 117]. Кроме того, Шемелин счи-

тал себя вправе претендовать на некий приоритет, так как закупал экзотические вещи по приказанию Главного правления для Кунсткамеры, находившейся к тому же в ведении двора, т.е. как бы непосредственно для монарха («...Видел я, что за соперничеством на корабле не могу я успеть в собрании вещей, для кунсткамеры нужных» [1. Л. 131–131 об.]). Так же излагает причины и обстоятельства столкновения сам Резанов [27. С. 95–96].

По инструкции участники плавания должны были собирать «все естественные произведения, как земные, так и морские, одежду, воинское оружие, украшения, домашние уборы, рабочие и музыкальные орудия, и все употребляемое теми народами, у которых быть случится» для последующей отправки в «музей Его Императорского Величества» [24. С. 63]. И действительно, участники экспедиции пополнили Кунсткамеру в Санкт-Петербурге многочисленными экспонатами [Там же. С. 275]. Кроме того, сотрудники Государственного музея-заповедника «Павловск» установили, что в 1806 г. членами первого русского кругосветного плавания был привезен целый комплекс предметов для императорского двора из Китая. Они доказали, что в собрании Государственного Эрмитажа и ГМЗ «Павловск» оказались именно те вещи, которые назвал Ф.И. Шемелин в своих записках [28. С. 30]. Надо заметить, что атрибуции серьезно помогло приведенное в «Журнале» подробнейшее описание редких изделий.

В подлиннике записок Н.И. Коробицына сохранилось еще более откровенное обвинение: «...что же касается до вымену каких-либо редкостей или национальных вещей, коих сколько не было выменено на разные железные компанейские вещи, как то: железо, ножи и топоры, но все почти лучшие вещи присвоены капитаном Лисянским в собственность, а прочим для вымену оных никому, даже и мне, от него не было позволено <...> Для приласкания островитян, по требованию г-на Лисянского, отпущено мною для подарков 2 куска суздальской чешуйки, за которые также и островитяне дарили ево разными национальными вещами, которые по жадности ево, Лисянского, присвоены были также в собственность» [21. С. 170]. Ничего похожего, разумеется, нет в записках Лисянского, хотя и он описывает процесс вымена провизии.

В оправдание обвиненных приказчиками РАК капитанов укажем, что сотрудники музея в Павловске нашли среди китайских вещей, привезенных из Кантона, подарки не только от компании, но и от Крузенштерна и Лисянского, а также от участника экспедиции, находившегося в свите Резанова, М.К. Фридрици [28. С. 36, 38–39].

По словам Шемелина, конфликт между Резановым и Крузенштерном обострился именно из-за такой конкуренции. Резанов попытался заступиться за своего подчиненного – ведь он, как и Шемелин, представлял интересы РАК. Тогда «дерзновенный Крузенштерн... вышел из себя <...> кричал, что ему указывать здесь

некому, что он не хочет думать о Кунсткамере и Правлении, что он презирает и хочет плевать на такие прихоти», что он здесь начальник. Даже ссылка на государя не помогла, после чего «осторожный начальник, видя дерзость и буйство более и более возрастающими, удалился в свою каюту». Трудно не усмотреть в дальнейших словах Шемелина скрытого недовольства Резановым: «Все удивились чрезвычайной его умеренности. Кто бы другой, будучи с таковою властью, какую он имеет от монарха, мог стерпеть толико наглости?» [1. Л. 144].

Суть спора иначе представлена в записках моряков прежде всего И.Ф. Крузенштерна. Он писал, что выгоднее было «променивать <...> куски старых, пятидюймовых обручей, которых взято мною в Кронштадте для таких случаев довольно количество <...>. Они (обитатели Нукагивы. – *Авт.*) ценили такой железный кусок весьма дорого, но ножи и топоры были для них еще драгоценнее <...>. Узнав, что здесь мало свиней, велел я разгласить, что ножи и топоры промениваться будут только на них». Сам факт подробного описания капитаном условий вымена провизии на Нукагиве показывает, что этот инцидент на самом деле имел для него серьезное значение. О скандальном объяснении с Шемелиным Крузенштерн вспоминал в донесении Главному правлению РАК от 3 (15) июня 1805 г., т.е. по прошествии более месяца после столкновения. Шемелин, писал капитан, «делал мне возможные грубости, неоднократно отказываясь, что он до меня никакого дела не имеет и не хочет даже знать меня. <...> Признаюсь, что уже полтора года с ним почти слова не говорю» [16. С. 122].

Понятно, что Ф.И. Шемелин – не рядовой купец и вообще не просто купец, он – главный комиссионер РАК, совершенно особого государственно-коммерческого предприятия, уникального в отечественной истории дореформенной эпохи. И все же удивляет знание и самостоятельная интерпретация им идей Просвещения. Он пишет о «диких и не просвещенных, но любезных, кротких и гостеприимных» обитателях тропического острова Нукагива: «Я не желал бы в воздаяние за их ласки иметь им больше того просвещения, сколько они уже его имеют. Для их благополучия более не нужно той естественной простоты, которою они всегда бывают руководимы. Идеи мои в сем уединении были пространны; я размышлял о просвещении как о таком высоком предмете, которое делает человека самыми лучшими и любезнейшими в свете. Просвещение, – думал я, – есть враг всякой жестокости и высокомерия; любовь к Отечеству и благо общее есть собственные отношения его, просвещенного не мучит дух самолюбия, он не ищет другой славы, кроме верного исполнения, чем обязан Богу, Царю и ближнему; просвещенный не лицемер, не лстец, одна добродетель везде сопутствует ему, он любитель истины и верный исполнитель своего слова, за все благодарен, признателен и проч. Я был в восхищении, когда размышлял о

истинном человека просвещении; но сердце мое забилось, когда сообразил я о просвещенных нынешнего века, возможно ли, рассуждал я, чтобы сие священное наименование мое могло приписано быть лжи, заблуждению, сомнениям и проч.; я не хотел только рассуждать о пагубных следствиях, какие новая сия мудрость производит в обществе людей» [1. Л. 138–138 об.]. Его «Журнал», как и записки других участников плавания, содержит интересные заметки о быте, нравах, обычаях, облике, жилищах, одежде островитян.

Вместе с тем Ф.И. Шемелин с очевидным преувеличением акцентирует внимание читателя на своей недостаточной образованности, указывая на «незнание иностранных языков, и перо, никогда прежде не упражнявшееся в сочинениях» [10. Ч. 1. С. I]. На самом деле автор довольно начитан, имеет оригинальные представления о жизни, собственную систему ценностей. В «Журнале» упоминаются «описания мореплавателей» [1. Л. 182 об.] и путешественников [Там же. Л. 44], в частности записки Кука [Там же. Л. 155], Преву [Там же. Л. 35]; сравнение любвеобильных моряков с Адонисом [Там же. Л. 172] говорит о знании Шемелиным древнегреческих мифов. Сам слог записок указывает на близкое знакомство автора с беллетристикой: в тексте можно встретить красочные, с многочисленными эпитетами, описания природы и людей, в духе сентиментализма подробно передается эмоциональное состояние персонажей. Он читал «великолепные сочинения» «путешественников, которые, заражаясь предубеждениями древних», не разделяют веры «блаженных еллино-греков», но восприняли их представления о тропических островах, где жизнь исполнена «приятностями, воображение их превосходящими» [Там же. Л. 44]. Ф.И. Шемелин иронизирует над этим, подчеркивая несоответствие мифа и реальности.

О широте кругозора автора говорят такие высказывания: «Япония не Алжир и не Тунис, но государство благоустроенное, наблюдающее и любящее в высокой степени тишину» [10. Ч. 2. С. 158]. Или еще более впечатляющее, о невозможности для японцев борьбы за «вольность»: «...к таковым чрезвычайным предприятиям могут быть способны токмо одне утонченные умы <...> тут только легко производить возмущения, где уже народ с излишеством пользуется вольностью, а правительства или снисходительны или несколько ограничены <...>. Японцы еще не созрели, и к таковым мнениям не приготовлены, да им сия химера, может, никогда еще и в голову не приходила» [Там же. С. 184].

В тексте «Журнала» встречаются многочисленные, но яркие фрагменты с отвлеченными рассуждениями о смысле и назначении коммерции, явным образом сложившиеся под влиянием западноевропейской философии эпохи Просвещения и интересные тем, что в какой-то мере отражают мировоззрение не только самого автора, но и определенного (наиболее образованного) слоя русского купечества на рубеже XVIII–XIX вв. Поток переводной литературы, хлынувший в

Россию во второй половине XVIII в. (в том числе и практические руководства по организации бизнеса [29. С. 40–41]), не обошел стороной русских купцов, оказавшихся очень восприимчивыми к новым идеям. Характерные для Просвещения обращение к человеческой личности, призыв к свободе, построению рационального общества и, в значительной мере, обоснование новых моральных оснований предпринимательства (что было особенно важным для христианского общества), в частности, признание равновесия между личным и общественным интересами (в частности, принцип «симпатии» Д. Юма) – все это «способствовало формированию у купцов чувства собственного достоинства» [30. С. 24], убежденности в полезности и важности для государства и общества своей деятельности [31. С. 621–622]. По словам О.Е. Ниловой, в то время представители купечества «начинали осознавать и оценивать себя как субъектов практической и познавательной деятельности, в личностном отношении – осмысливать свои интересы и потребности, идеалы и мотивы поведения» [32. С. 191]. Эта тенденция отразилась и на развитии отечественной экономической мысли XVIII в. (еще в 1720-х гг. И.Т. Посошков уподоблял купечество воинству и писал, что «без купечества никакое, не токмо великое, но и малое царство стояти не может» [33. С. 274–275]). О укоренении на русской почве и широком распространении подобных взглядов в купеческой среде не только европейской части страны, но и самых отдаленных регионов, свидетельствуют выражение из официального письма на имя М.М. Сперанского известного иркутского и кяхтинского купца П.Т. Баснина, который в 1821 г. назвал купцов кланом «полезных Отечеству граждан» [34. Л. 3 об.].

В соответствии с духом времени высоко оценивал место купца в обществе и назначение коммерции и Ф.И. Шемелин. Отталкиваясь от характерной для философии Просвещения веры в то, что разум способен изменить общество, средство для этого изменения он видел в торговле, которая в наибольшей мере служит для достижения всеобщего благоденствия, распространения просвещения и процветания государства. Придавая исключительное значение коммерческой деятельности, можно даже сказать, считая ее движущей силой цивилизации, способной преобразовать жизнь людей в лучшую сторону и изменять окружающий мир, он писал: «Поеллику коммерция, споспешествуя к перемене прежней дикой жизни камчадалов, много спомоществовала и к улучшению их нравов, и впрочем таковое же действие над ними производит, как произвела уже над народами целого света» [10. Ч. 2. С. 285].

Несколько раз повторенная Ф.И. Шемелиным в своем «Журнале» мысль о том, что «свобода есть первое право торговли», «душа торговли» [Там же. С. 273] восходит к западноевропейским философским трудам XVIII в. в области экономики. Еще в самом конце XVII в. родоначальник политэкономии во Франции П. Буагильбер выдвинул положение, согласно которо-

му «эгоизм позволяет индивидам достичь богатства в условиях свободной конкуренции» [35. С. 353]. Позже за свободу торговли от опеки государства выступали представители таких экономических течений, как меркантилизм (Гурнэ, Эрбер, Верон де Форбонне) и с 1760-х гг. – физиократия (Кенэ, Мирабо, Тюрго, Дюпон де Немур, Бодо) [36. С. 65–66]. Именно физиократы «заложили основы экономического индивидуализма, отстаивали идею прогресса, согласно которой процветание общества зависит от соблюдения естественных законов» [35. С. 357]. Да и сам Вольтер – одна из центральных фигур Просвещения – высказывался за незыблемость английской формулы «liberty and property» («свобода и собственность») и заявлял, что «наибольшего процветания достигают те страны, где свобода позволяет крестьянам развивать земельную собственность и где отсутствуют какие-либо ограничения свободы внутренней и внешней торговли...» [36. С. 65–66]. Выражение «Свобода есть душа коммерции» можно встретить и у немецкого философа-мистика Карла Эккартсгаузена, сочинения которого пользовались большой популярностью в России и неоднократно издавались на русском языке на рубеже XVIII–XIX вв. [37. С. 312].

Необходимо указать и на такой источник, наверняка оказывавший большое влияние на формирование мировоззрения автора «Журнала», как российское законодательство, прокламировавшее некоторые тезисы западноевропейских экономических школ. В частности, сложившимися в рамках физиократических теорий представлениями о ведущей роли земледелия и необходимости введения полной свободы торговли были пронизаны законы первых лет правления Екатерины II. Впрочем, нельзя забывать и о том, что гораздо большей популярностью в России пользовался камерализм – пришедшее из немецких земель учение об управлении государством с учетом экономических процессов (Иоганн фон Юсти, Йозеф фон Зонненфельс), многие из положений которого развивали меркантилисты. Представители камерализма считали, что в экономической сфере частный интерес сливается с государственным и «благосклонно относились к патернализму и национализму – двум препятствиям на пути распространения идеологии свободного рынка» [35. С. 356].

Линию на предоставление свободы торговле позже продолжил Александр I, только в течение 1801 г. подписавший следующие указы: о снятии запрещения на вывоз из России разных продуктов и товаров, о снятии запрещения на вывоз товаров из чужих краев, об отмене запрещения на вывоз за границу хлеба и вина, об отпуске хлеба за границу, манифест о свободном отпуске российских произведений за границу [38. С. 584, 591, 597, 603, 621]. Встречающиеся в этих постановлениях формулировки указывают на мотивы законодателя: «Желая доставить коммерции свободное и беспрепятственное обращение...» [Там же. С. 584], «желая доставить верным подданным нашим все способы к

распространению торговли, яко важнейшего источника изобилия и богатства, как государственного, так и частного...» [38. С. 597]. Все это, становясь достоянием широких слоев общества, утверждало купцов во мнении о необходимости утверждения свободы коммерции и о личном внимании государя к развитию торговой сферы. Указом от 7 августа 1801 г. призывалось, среди прочего, делать «открытия и предположения к усовершенствованию <...> торговли», предлагать новые отрасли торговли, составлять об этом «сочинение, на твердом умозрении и опыте основанное» [Там же. С. 738]. Вероятно, под впечатлением от подобных призывов, «достохвальным подвигом» Ф.И. Шемелин называл «открытие новых источников богатства» [1. Л. 18 об.], высоко оценивал международную торговлю, позволяющую «выгоды от оной проистекающие утвердить между двух соседственных государств» [Там же. Л. 68 об.].

Помимо отвлеченных рассуждений о значении коммерции, Ф.И. Шемелин высказывает и множество мелких практических замечаний, которые позволяют увидеть, какими принципами руководствовался русский купец при ведении торговой деятельности. Например, он писал: «Дабы не быть обмануту ни от кого, надлежит лучше никому не верить, а паче остерегаться тех, которые стараются казаться других услужливее и учтивостью» [Там же. Л. 94]. В то же время нельзя пренебрегать новыми знакомствами, которые могут впоследствии оказать неоценимую услугу: «Как возможно, находясь в обществе людей, жить одному только для себя самого и не знать никакого хлебосольства? Сей приятной обязанности, которою только одной приобретается близкое и толь нужное в общежитии знакомство...» [Там же. Л. 88 об. – 90 об.]. Однако случается, что «и с добрым намерением утвержденные связи между людей часто разрушаются и не достигают цели своей, к которой стремятся, кольми паче такие, кои не имеют ничего благовидного и устроены только на развалинах отвлеченных и противных здравому рассудку идей...» [Там же. Л. 151].

Интересны рассуждения Ф.И. Шемелина, которые он приводит, наблюдая размах воровства среди жителей одного из посещенных в ходе путешествия островов: «Все сии обстоятельства ясное дают понятие о бедности живущих здесь, ибо изобилие и довольство не может гражданам подать причины к воровству, а женский пол поощрить к распутству и к такому еще, которому нет пределов, бедность и недостаток для жизни в самонужнейших вещах без сомнения одним есть началом к преступлениям такого рода» [Там же. Л. 43]. А вот еще одно наблюдение, показывающее приобретенное за долгую жизнь знание человеческой природы: «Излишнее желание иметь лучшую пред другими вещь произведет соперничество, а сие отнимет у всех способность рассуждать надлежащим образом...» [Там же. Л. 125 об.].

«Поспешность и слава» быть первым, «предупредив других», достигнуть «к своей мечте» [24. С. 141] – вот

своего рода купеческий девиз, сформулированный Ф.И. Шемелиным при критике Ю.Ф. Лисянского за страсть «к открытию новых земель и островов» и отклонение от намеченного маршрута [1. Л. 97 об.]. При этом, несомненно, что, как и большинство его современников различного социального происхождения, Ф.И. Шемелин был человеком глубоко верующим («милостию поддерживающей меня десницы Вышняго» [Там же. Л. 165 об.]), а основной задачей в жизни считал «жить и служить Отечеству» [Там же. Л. 153].

В текст также включены «заключения <...> о разных новых отраслях торговли, могущих быть весьма полезными для отечества нашего» [10. Ч. 1. С. III], а также описания торговли в местах остановки «Надежды» и встреченных в ходе путешествия иностранных купцов – представителей «прославившихся коммерческих народов» [1. Л. 53 об.].

Таким образом, «Журнал» московского купца Ф.И. Шемелина – многоплановый источник, освещающий события первого русского кругосветного плавания, содержащий богатый этнографический материал, а также позволяющий почерпнуть сведения о картине мира русского купечества рубежа XVIII–XIX вв. Сопоставление рукописного варианта «Журнала» с последующими публикациями свидетельствует о серьезном редактировании и переработке рукописи для печати: из текста исчезли многие подробности путешествия, в первую очередь относящиеся к характеристике командного состава экспедиции и происходивших внутри него конфликтов. Ф.И. Шемелин последовательно поддерживал Н.П. Резанова, которого считал своим непосредственным начальником, чьи распоряжения он должен был беспрекословно выполнять. Первоначальная рукопись содержит информацию о разнообразных, накладывавшихся друг на друга мотивах поведения участников путешествия. Большой интерес запискам придают вкрапленные в текст рассуждения на общие темы, в которых нашли отражение представления, характерные для западноевропейской философии эпохи Просвещения. В частности, присущие просветительской философии идеи преломились во взглядах автора на сам феномен коммерции, его значение для развития общества и государства, оценку места торговцев в социуме. Торговля преподносится как средство распространения просвещения, достижения общего блага и укрепления могущества страны. Столь высокое ее назначение, открывающее для народов новые горизонты, облагораживало сам род купеческой деятельности, приобретавший особую ценность и ставивший купцов на одну ступень с просветителями и миссионерами. Размышления о коммерции наряду с описанием торговли в разных частях света и нравов встреченных иностранных негоциантов делают «Журнал» Ф.И. Шемелина ценным источником и по экономической истории, однако, конечно, многие лишь обозначенные в данной статье сюжеты требуют дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Основное собрание рукописных книг (далее – ОР НБ. ОСПК). Ф. IV. Д. 59/1. Журнал 1803 года Российско-Американской компании, под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством пребывающей, приказчика Шемелина, со дня первоначального его вояжа по торговым отношениям оной Компании из Санкт-Петербурга в Японию и Китай, по снятии с якорей фрегатов Надежды и Невы с Кронштадтской рейды (1803–1804 гг.).
2. Андреев А.И. Материалы о Российско-Американской компании и ее деятелях (Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т. 75, вып. 5. С. 55–59.
3. Марков С. От Тобольска до Полинезии. Скитания Федора Шемелина во время первого русского плавания вокруг света // Омская область. 1940. № 1. С. 57–64.
4. Коньков Н.Л. Федор Иванович Шемелин // Исторический сборник. Тобольск : ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2011. С. 81–86.
5. Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Свердловск : Средне-Урал. книж. изд-во, 1969. 264 с.
6. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди / сост. В.А. Крещик. Новосибирск : Вен-Мер, 1995. 676 с.
7. Ермолаев А.Г. Российско-Американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово : ИНТ, 2013. 620 с.
8. [Шемелин Ф.И.]. Историческое известие о первом путешествии Россиян вокруг света // Русский инвалид. 1823. № 23 (29 янв.). С. 91–92; № 28 (3 февр.). С. 111–112; № 31 (7 февр.). С. 123–124; № 32 (8 февр.). С. 143–144; № 48 (27 февр.). С. 191–192; № 49 (28 февр.). С. 196.
9. ОР РНБ. ОСПК. Ф. IV. Д. 59/2. Продолжение Журнала Федора Шемелина. Часть 2 (1804–1805 гг.).
10. [Шемелин Ф.И.]. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненный под высочайшим его императорского величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером, московским купцом Федором Шемелиным. СПб., 1816–1818. Ч. 1, 2.
11. [Шемелин Ф.И.]. Орывок из Журнала первого путешествия Россиян вокруг земного шара, сочиненного главным комиссионером Российско-Американской компании, московским купцом Федором Шемелиным // Русский инвалид. 1822. № 53 (28 февр.). С. 209–212; № 56 (3 марта). С. 221–224; № 58 (5 марта). С. 232; № 67 (16 марта). С. 265–267; № 228 (28 сент.). С. 911–912; № 229 (29 сент.). С. 915–916; № 230 (30 сент.). С. 920; № 232 (3 окт.). С. 927–928; № 234 (5 окт.). С. 935–936.
12. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее. СПб., 1861–1863. Ч. 1, 2.
13. Сгибнев А.С. Резанов и Крузенштерн. Эпизод из первого кругосветного плавания русских // Древняя и Новая Россия. 1877. Т. 1, № 4. С. 385–392.
14. Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн. М. : Наука, 1974. 176 с.
15. Болховитинов Н.Н. Н.П. Резанов и первое русское кругосветное плавание 1803–1806 гг. // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 167–186.
16. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева» : в 3 ч. СПб. : Морская типография, 1809–1812. Ч. 1.
17. Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света. СПб. : Типография Ф. Дрехслера, 1812. Ч. 1, 2.
18. Ратманов М.И. «Чтобы лучше цену дать своему Отечеству»: Первая русская кругосветная экспедиция (1803–1806) в дневниках Макара Ратманова / сост. О.М. Федорова. СПб. : Крига, 2015. 568 с.
19. Левенштерн Е.Е. Вокруг света с Крузенштерном. Дневник лейтенанта «Надежды» (1803–1806) // Вокруг света с Крузенштерном / сост. А.В. Крузенштерн, О.М. Федорова. СПб. : Крига, 2005. 287 с.
20. [Резанов Н.П.]. Первое путешествие россиян около света, описанное Н. Резановым, чрезвычайным посланником ко Двору Японскому, и проч. // Отечественные записки. 1822. Ч. 10. № 25 (май). С. 194–219; Ч. 11. № 27 (июль). С. 90–98; Ч. 12. № 31 (ноябрь). С. 196–211; 1823. Ч. 14. № 36 (апр.). С. 25–37; Ч. 14. № 38 (июнь). С. 328–350; 1824. Ч. 20. № 54 (окт.). С. 131–163; Ч. 20. № 55 (ноябрь). С. 204–223; 1825. Ч. 23. № 64 (авг.). С. 173–188; Ч. 24. № 65 (сент.). С. 366–396; Ч. 24. № 66 (окт.). С. 73–96; Ч. 24. № 67 (ноябрь). С. 242–253.
21. Коробицын Н.И. Записки приказчика Российско-Американской компании Н.И. Коробицына. 1795–1807 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках. Обзор источников / под ред. А.И. Андреева. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1944. С. 118–170.
22. Андреев А.И. Предисловие // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках. Обзор источников и литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1944. С. 5–21.
23. Стоянов Ю.А. Камчатка в опубликованной и рукописной версиях «Журнала первого путешествия россиян вокруг земного шара» Ф.И. Шемелина // «О Камчатке: ее пределах и состоянии...» : материалы XXIX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский : Камчатская краевая науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова. Информ.-изд. центр, 2012. С. 230–233.
24. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1799–1815 : сб. док. М. : Наука, 1994. 278 с.
25. Семенова А.В., Аксенов А.И. Предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М. : РОССПЭН, 2007. С. 4–10.
26. Свердлов Л.М. О чем умолчал Крузенштерн. М. : Наука и жизнь, 2016. 192 с.
27. Болховитинов Н.Н. Н.П. Резанов и первое кругосветное плавание россиян // История Русской Америки. 1732–1867 : в 3 т. Т. 2: Деятельность Российско-Американской компании. 1799–1825. М., 1999. С. 84–114.
28. Баженова О.К., Меньшикова М.Л. Китайские резные изделия из царской коллекции начала XIX века // Кучумовские чтения. Сборник докладов научной конференции «Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций». СПб. : Павловск, 2014. С. 26–43.
29. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М. : Археографический центр, 1999. 384 с.
30. Семенова А.В. Менталитет купечества в период становления российского предпринимательства // Отечественная история. 1998. № 6. С. 21–24.
31. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. 660 с.
32. Нилова О.Е. Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX века. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М. : Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2002. 252 с.
33. Перхавко В.Б. История русского купечества. М. : Вече, 2008. 512 с.
34. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893. Прошения купца П.Т. Баснина генерал-губернатору Сибири М.М. Сперанскому о разорении его И.И. Ливенцовым и записки Баснина об умышленном объявлении Ливенцовым себя несостоятельным. Копии. (1820–1821).
35. Альбертоне М. Политическая экономия // Мир Просвещения. Исторический словарь. М. : Памятники исторической мысли, 2003. С. 351–358.
36. Диас Ф. Свобода // Мир Просвещения. Исторический словарь. М. : Памятники исторической мысли, 2003. С. 65–66.
37. Эккартсгаузен К. Беседы мудрого. М. : Рипол-Классик, 2009. 416 с.
38. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XXVI.

Matkhanova Nataliya P. Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: nmatkhanova@mail.ru

Komleva Evgeniya V. Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: feodal@history.nsc.ru

MERCHANT FEDOR I. SHEMELIN AND HIS JOURNAL

Keywords: the first Russian circumnavigation; memoirs; the conflict between Ivan F. Kruzenshtern and Nikolay P. Rezanov; merchantry; world outlook; the philosophy of the Enlightenment.

The article examines the Journal about the first Russian circumnavigation in 1803–1806 written by a native of Tobolsk, later the Moscow merchant and the chief commissioner of the Russian-American company Fedor I. Shemelin. It is one of a few ego-documents belonging to Russian merchantry of the late 18th – the early 19th century and allowing not only to get information about the expedition, but to some extent to judge about the world outlook of the educated Russian merchant of that time. The purpose of the study is to find out the circumstances of the creation of the Journal, to analyze the changes in the first variant of the text which appeared during its preparation for publication, to present the information capabilities of the considered source. Dispersed in the literature details of the biography of Fedor Shemelin along with some features mentioned by him characterize him as an inquisitive, well-read and well erudite person with a great life experience. The comparison of the original manuscript of the Journal with subsequent publications allows to suggest that in the process of preparation for publication the original text has undergone considerable processing. It mostly refers to the description of the conflict between the commander of a squadron Ivan F. Kruzenshtern and the head of the expedition Nikolay P. Rezanov. The key events of this conflict, which were in different ways described in the manuscript and its printed edition and which were also with different interpretation presented in the memories of other witnesses, have been revealed. Of great interest are interspersed in the text of the Journal ethnographic observations about life, morals, customs, appearance, dwellings, clothing of peoples met by the author during the journey and also about the trading methods used by foreign merchants. In the text under investigation one can also read some considerations about the appointment of commerce and the role of merchants in the development of society. Commerce is characterized as a mean to spread enlightenment and education, to obtain general prosperity and the strengthening of the country's power. Its so high destination opened new horizons to the people and ennobled the kind of merchant activity itself, which obtained a special value and put merchants on the same level as enlighteners and missionaries. Such thoughts point to the assimilation of some ideas of Western European philosophy of the age of Enlightenment by Russian merchants (at least by the certain part of them). The author also describes a lot of small practical details that allows one to see which principles were used by the Russian merchants in their commerce activities. All above mentioned makes the Journal of Fedor Shemelin a valuable source for historians, anthropologists and economists.

REFERENCES

1. Department of Manuscripts of the Russian National Library. (1803–1804) *Zhurnal 1803 goda Rossiysko-Amerikanskoy kompanii, pod Vysochayshim Ego Imperatorskogo Velichestva pokrovitel'stvom prebывayushchey, prikashchika Shemelina, so dnya pervonachal'nogo ego voyazha po torgovym otnosheniyam onoy Kompanii iz Sankt-Peterburga v Yaponiyu i Kitay, po snyatii s yakorey fregatov Nadezhdy i Nevy s Kronshtadtskoy reydy (1803–1804 gg.)* [The 1803 Journal of the Russian-American Company, under His Imperial Highness patronage of the residing, kept by Convoy Shamelin, from the day of his initial voyage on the commercial relations of this Company from St. Petersburg to Japan and China, on the removal of the frigates Nadezhda and Neva from the Kronstadt raid 1803–1804]. The Main Collection of Handwritten Books (OR NB. OSRK). Fund IV. File 59/1.
2. Andreev, A.I. (1943) *Materialy o Rossiysko-Amerikanskoy kompanii i ee deyatel'nykh (Rukopisnoye otdelenie Gosudarstvennoy Publichnoy biblioteki im. M.E. Saltykova-Shchedrina v Leningrade)* [Materials about the Russian-American Company and its figures (Manuscript Department of the State Saltykov-Shchedrin State Public Library in Leningrad)]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. 75(5). pp. 55–59.
3. Markov, S. (1940) *Ot Tobol'ska do Polinezii. Skitaniya Fedora Shemelina vo vremya pervogo russkogo plavaniya vokrug sveta* [From Tobolsk to Polynesia. The wanderings of Fedor Shemelin during the first Russian voyage around the world]. *Omskaya oblast'*. 1. pp. 57–64.
4. Konkov, N.L. (2011) Fedor Ivanovich Shemelin [Fedor Ivanovich Shemelin]. In: Konkov, N.L. et al. *Istoricheskiy sbornik* [Historical Collection]. Tobolsk: Tobolsk D.I. Mendeleyev State Social and Pedagogical Academy. pp. 81–86.
5. Kopylov, D.I. & Pribylskiy, Yu.P. (1969) *Tobol'sk* [Tobolsk]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoye izdatel'stvo.
6. Slotsov, P.A. (1995) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri. Stikhotvoreniya. Propovedi* [Siberian Historical Review. Poems. Sermons]. Novosibirsk: Ven-Mer.
7. Ermolaev, A.G. (2013) *Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1799–1871 gg.)* [The Russian-American Company in Siberia and the Far East (1799–1871)]. Kemerovo: INT.
8. [Shemelin, F.I.]. (1823) *Istoricheskoe izvestie o pervom puteshestvii Rossiyan vokrug sveta* [Historical news about the first trip Russians around the world]. *Russkiy invalid*. 23. pp. 91–92.
9. Department of Manuscripts of the Russian National Library. (n.d.) *Prodolzhenie Zhurnala Fedora Shemelina. Chast' 2. (1804–1805 gg.)* [Continuation of the Journal of Fedor Shemelin. Part 2. (1804–1805)]. The Main Collection of Handwritten Books (OR NB. OSRK). Fund IV. File 59/2.
10. [Shemelin, F.I.]. (1816–1818) *Zhurnal pervogo puteshestviya rossiyan vokrug zemnogo shara, sochinennoye pod vysochayshim ego imperatorskogo velichestva pokrovitel'stvom Rossiysko-Amerikanskoy kompanii glavnym komissionerom, moskovskim kuptsom Fedorom Shemelinym* [The journal of the first travel of Russians around the globe, compiled under the His Imperial Majesty's patronage of the Russian-American company by the chief commissioner, the Moscow merchant Fedor Shemelin]. St. Petersburg: [s.n.].
11. [Shemelin, F.I.]. (1822) *Otryvok iz Zhurnala pervogo puteshestviya Rossiyan vokrug zemnogo shara, sochinennoye glavnym komissionerom Rossiysko-Amerikanskoy kompanii, moskovskim kuptsom Fedorom Shemelinym* [An excerpt from the Journal of the First Journey Russians around the globe, compiled by the chief commissioner of the Russian-American Company, the Moscow merchant Fedor Shemelin]. *Russkiy invalid*. 53. pp. 209–212.
12. Tikhmenev, P.A. (1861–1863) *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiysko-Amerikanskoy kompanii i deystviy ee* [Historical overview of the formation of the Russian-American Company and its actions]. St. Petersburg: [s.n.].
13. Sgibnev, A.S. (1877) Rezanov i Kruzenshtern. Epizod iz pervogo krugosvetnogo plavaniya russkikh [Rezanov and Kruzenstern. Episode from the first round-the-world voyage of the Russians]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 1(4). pp. 385–392.
14. Pasetskiy, V.M. (1974) *Ivan Fedorovich Kruzenshtern* [Ivan Fedorovich Krusenstern]. Moscow: Nauka.
15. Bolkhovitinov, N.N. (1997) N.P. Rezanov i pervoe russkoe krugosvetnoye plavanie 1803–1806 gg. [N.P. Rezanov and the first Russian round-the-world voyage of 1803–1806]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 3. pp. 167–186.
16. Kruzenstern, I.F. (1809–1812) *Puteshestvie vokrug sveta v 1803, 1804, 1805 i 1806 godakh na korablyakh "Nadezhda" i "Neva"* [Travel around the world in 1803, 1804, 1805 and 1806 on the ships "Nadezhda" and "Neva"]. St. Petersburg: Morskaya tipografiya.
17. Lisyanskiy, Yu.F. (1812) *Puteshestvie vokrug sveta* [Traveling across the world]. St. Petersburg: F. Dreksler.
18. Ratmanov, M.I. (2015) *"Chitoby luchshe tsenu dat' svoemu Otechestvu": Pervaya russkaya krugosvetnaya ekspeditsiya (1803–1806) v dnevnikakh Makara Ratmanova* ["To give a better price to our Fatherland": The first Russian round-the-world expedition (1803–1806) in the diaries of Makar Ratmanov]. St. Petersburg: Kriga.
19. Levenstern, E.E. (2005) *Vokrug sveta s Kruzenshternom. Dnevnik leytenanta "Nadezhdy" (1803–1806)* [Around the world with Kruzenstern. Diary of the lieutenant of "Hope" (1803–1806)]. In: Kruzenstern, A.V. & Fedorov, O.M. (eds) *Vokrug sveta s Kruzenshternom* [Around the world with Krusenstern]. St. Petersburg: Kriga.

20. [Rezanov, N.P.]. (1822) *Pervoe puteshestvie rossiyan okolo sveta, opisannoe N. Rezanovym, chrezvychaynym poslannikom ko Dvoru Yaponskomu, i proch* [The first trip of Russians around the world, described by N. Rezanov, Extraordinary Envoy to the Court of Japan and so on]. *Otechestvennye zapiski*. 25. pp. 194–219.
21. Korobitsyn, N.I. (1944) *Zapiski prikazchika Rossiysko-Amerikanskoy kompanii N.I. Korobitsyna. 1795–1807 gg.* [Notes of the clerk of the Russian-American company N.I. Korobitsyn. 1795–1807]. In: Andreev, A.I. (ed.) *Russkie otkrytiya v Tikhom okeane i Severnoy Amerike v XVIII–XIX vekakh. Obzor istochnikov* [Russian discoveries in the Pacific and North America in the 18th – 19th centuries. A survey of sources]. Moscow-Leningrad: USSR AS. pp. 118–170.
22. Andreev, A.I. (1944) *Predislovie* [Foreword]. In: Andreev, A.I. (ed.) *Russkie otkrytiya v Tikhom okeane i Severnoy Amerike v XVIII–XIX vekakh. Obzor istochnikov* [Russian discoveries in the Pacific and North America in the 18th – 19th centuries. A survey of sources]. Moscow-Leningrad: USSR AS. pp. 5–21.
23. Stoyanov, Yu.A. (2012) [Kamchatka in the published and manuscript versions of “The Journal of the First Journey of Russians around the Globe” by F.I. Shemelina]. *O Kamchatke: ee predelakh i sostoyanii...* [On Kamchatka: its limits and state . . .]. Proc. of the 29th Krasheninnikov Readings. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchatka Territory Research Library. pp. 230–233.
24. Bolkhovitinov, N.N. (ed.) (1994) *Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya i izuchenie Tikhookeanskogo Severa. 1799–1815* [Russian-American company and the study of the Pacific North. 1799–1815]. Moscow: Nauka.
25. Semenova, A.V. & Aksenov, A.I. (2007) *Kupecheskie dnevniki i memuary kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Merchant diaries and memoirs of the late 18th - first half of the 19th centuries]. Moscow: ROSSPEN. pp. 4–10.
26. Sverdlov, L.M. (2016) *O chem umolchal Kruzenshtern* [What Kruzenstern omitted]. Moscow: Nauka i zhizn'.
27. Bolkhovitinov, N.N. (1999) N.P. Rezanov i pervoe krugosvetnoe plavanie rossiyan [N.P. Rezanov and the first round-the-world voyage of Russians]. In: Bolkhovitinov, N.N. (ed.) *Istoriya Russkoy Ameriki. 1732–1867: V 3 t.* [History of Russian America. 1732–1867: In 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 84–114.
28. Bazhenova, O.K. & Menshikova, M.L. (2014) *Kitayskie reznye izdeliya iz tsarskoy kollektsii nachala XIX veka* [Chinese carvings from the royal collection of the early XIX century]. In: Gafifullin, R.R. (ed.) *Atributsiya, istoriya i sud'ba predmetov iz imperatorskikh kollektsiy. Kuchumovskie chteniya* [Attribution, History and Fate of Objects from Imperial Collections. The Kuchumov Readings]. St. Petersburg: Pavlovsk. pp. 26–43.
29. Kozlova, N.V. (1999) *Rossiyskiy absolutizm i kupechestvo v XVIII veke (20-e – nachalo 60-kh godov)* [Russian absolutism and merchants in the 18th century (1720 - early 1760s)]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr.
30. Semenova, A.V. (1998) *Mentalitet kupechestva v period stanovleniya rossiyskogo predprinimatel'stva* [Merchant mentality in the period of the formation of Russian entrepreneurship]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 21–24.
31. Razgon, V.N. (1998) *Sibirskoe kupechestvo v XVIII – pervoy polovine XIX v. Regional'nyy aspekt predprinimatel'stva traditsionnogo tipa* [Siberian merchants in the 18th - first half of the 19th century. Regional aspect of traditional entrepreneurship]. Barnaul: Altai State University.
32. Nilova, O.E. (2002) *Moskovskoe kupechestvo kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX veka. Sotsial'nye aspekty mirovospriyatiya i samosoznaniya* [Moscow merchant of the end of the 18th – first quarter of the 19th centuries. Social aspects of the worldview and self-awareness]. Moscow: RAS.
33. Perkhavko, V.B. (2008) *Istoriya russkogo kupechestva* [History of Russian merchants]. Moscow: Veche.
34. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). *Prosheniya kuptsa P.T. Basnina general-gubernatoru Sibiri M.M. Speranskomu o razorenii ego I.I. Liventsovym i zapiski Basnina ob umyshlennom ob'yavlenii Liventsovym sebya nesostoyatel'nyim. Kopii. (1820–1821)* [The complaint from merchant P.T. Basnin to Governor-General of Siberia M.M. Speransky about his ruin caused by I.I. Liventsov, and Basnin's note on the deliberate declaration of Liventsov's insolvency. Copies (1820–1821)]. Fund 1571. List 1. File 2893.
35. Albertone, M. (2003) *Politicheskaya ekonomiya* [Political Economy]. In: Ferrone, V. & Roche, D. (eds) *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskiy slovar'* [The World of Enlightenment. A Historical Dictionary]. Translated from Italian by N.Yu. Plavinskaya. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. pp. 351–358.
36. Diaz, F. (2003) *Svoboda* [Freedom]. In: Ferrone, V. & Roche, D. (eds) *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskiy slovar'* [The World of Enlightenment. A Historical Dictionary]. Translated from Italian by N.Yu. Plavinskaya. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. pp. 65–66.
37. Ekkartsgauzen, K. (2009) *Besedy mudrogo* [Conversations of the Wise]. Moscow: Ripol-Klassik.
38. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZ RI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 26. St. Petersburg: [s.n.].

УДК 94(47+57)
DOI: 10.17223/19988613/52/21

А.Ю. Суслов

ЖУРНАЛ «СОЦИАЛИСТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР» (1927–1932) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00264а.

Анализируется журнал «Социалист-революционер», издававшийся эсерами-эмигрантами в Париже и Праге в 1927–1932 гг. Отмечается значение материалов журнала как исторического источника, прежде всего, по внутрипартийной жизни социалистов-революционеров в эмиграции, проблемам эволюции программно-теоретических построений партии, истории международного социалистического движения. Рассматривается информация из Советского Союза, публиковавшаяся в журнале.

Ключевые слова: социалисты-революционеры; периодическая печать; эмиграция; Заграничная Делегация; конфликт.

Изучение эмигрантской периодической печати 1920–1930-х гг. российских политических партий, в том числе социалистических, идет в последние десятилетия довольно активно. Исследуется и печать партии социалистов-революционеров, которая была в тот период довольно активна в своей издательской деятельности. Благодаря усилиям российских и зарубежных историков появились справочные издания [1, 2], обобщающие работы [3–9], труды, посвященные отдельным периодическим органам [10–15]. В первую очередь, что вполне объяснимо, рассматриваются наиболее известные эсеровские издания – журналы «Революционная Россия» (1920–1931), «Современные записки» (1920–1940), «Воля России» (1922–1932).

Однако среди эсеровских эмигрантских изданий есть несколько менее известных и не привлекавших внимания исследователей журналов, содержащих, однако, интересные, а зачастую и уникальные сведения. В их числе – журнал «Социалист-революционер» (1927–1932), который не подвергался специальному анализу в отечественной и зарубежной историографии, хотя упоминается в отдельных работах по истории эмигрантской печати. Причинами этого являются, очевидно, краткий срок существования издания и его распространение исключительно в партийной среде. В то же время в журнале был опубликован ряд ценных материалов, позволяющих уточнить отдельные сюжеты жизни и деятельности российской социалистической эмиграции второй половины 1920-х – начала 1930-х гг.

Так, известный исследователь русского зарубежья П.Н. Базанов отмечает, что «после конфликта в редакции «Революционной России», когда из нее вышли С.П. Постников и В.В. Сухомлин, вместо нее стал центральным органом журнал «Социалист-революционер». «Новый политический орган выходил под редакцией членов ЗД ПСР: С.П. Постникова, М.Л. Слонима, Е.А. Сталинского и В.В. Сухомлина – членов группы «Воля России». Второй номер «Социалиста-революционера» имел подзаголовок «только для членов редакции» и предназначался для сторонников группы «Воля России». В этом номере была изложена история

раскола ЗД ПСР и редакции центрального органа «Революционной России». Сотрудниками и постоянными авторами журнала кроме членов редакции были В.Г. Архангельский, Е.Е. Лазарев, О.С. Минор и др. «Социалист-революционер» в отличие от журнала «Воля России» стремился играть роль органа всех эсеровских партийных групп, кроме, конечно, сторонников В.М. Чернова» [5. С. 71–72]. Сведения о журнале содержатся в справочнике В.Б. Кудрявцева «Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья» [2. С. 828]. Однако в целом анализа содержания журнала в историографии предпринято не было. Нуждаются в уточнении и отдельные имеющиеся характеристики журнала, в частности, о его роли как «центрального органа» партии и стремлении «играть роль органа всех эсеровских партийных групп» в эмиграции.

Первый номер журнала вышел в октябре 1927 г., второй – только в октябре 1929 г., ровно через два года, несмотря на то, что редакция объявила о ежемесячном формате журнала. Наиболее успешным для издания был 1931 г., когда появилось три номера. Последний, шестой номер, вышел в апреле 1932 г. Номера состояли из 16–24 страниц. Цена отдельного номера – 3 франка. Материальные проблемы преследовали журнал постоянно – почти в каждом номере размещались просьбы о помощи. Редакция располагалась в Париже (rue de Ménillmontant, 32, где размещалась Франко-славянская типография, директором которой был эсер Л.В. Россель, и в 1927–1932 гг. одноименное издательство [1. С. 317] – там же была редакция журнала «Воля России»). Данная типография, согласно списку Главлита, относилась к числу «эсеровских», наряду с берлинскими «Скифами» и другими издательствами, «книжки которых, независимо от их содержания, не пропускаются в пределы СССР» [16. С. 5]. В Праге находился филиал редакции «Социалиста-революционера» (Uhelny trh, 1, штаб-квартира Заграничной Делегации ПСР).

Первый номер журнала открывала редакционная статья «Наши задачи». В ней отмечалось: «Приступая к изданию заграницей нового партийного периодического органа, мы идем на встречу давно уже ощущаемой

потребности. Ряд “удачных” полицейских операций и широко проводимая Г.П.У. система провокации дали возможность большевикам “ликвидировать” почти все нелегальные издания Центрального Бюро и областных Комитетов партии. Партийные организации на местах и в центре переживают новый кризис и вынуждены периодически перестраиваться под непрерывными полицейскими ударами. Партии нужен боевой политический орган, тесно связанный с жизнью, с пробуждающимся рабочим и крестьянским движением, дающий ответ на тактические и организационные вопросы, непрерывно возникающие в меняющейся обстановке.

Мы не считаем себя в праве при этих условиях откладывать далее создание органа, основная, главная цель которого – содействовать возрождению партии С. Р., восстановлению ее организаций, укреплению ее центров, возвращению ее на то место в политической жизни, какое принадлежит ей по праву, как партии, чья программа и в политической и экономической области более всего соответствует интересам пролетариата и трудового крестьянства» (1927. № 1).

Таким образом, журнал имел преимущественно партийную направленность и размещал материалы, касающиеся жизни и деятельности социалистов-революционеров в эмиграции. Это особенно заметно на содержании № 2 журнала (октябрь 1929 г.), почти целиком посвященного, как уже отмечалось, истории конфликта в Заграничной Делегации ПСР. Ценность материалов, опубликованных в этом номере, определяется тем, что были представлены обе точки зрения на причины и последствия раскола эсеровской эмиграции. С одной стороны, в статьях «История одного раскола» и «Выход группы Чернова из Заграничной Делегации ПСР» приводится позиция членов Заграничной Делегации ПСР В.В. Сухомлина, Е.А. Сталинского, М.Л. Слонима и С.П. Постникова. С другой стороны, публикуется (в переводе с французского) меморандум, с которым В.М. Чернов и его сторонники (Г.И. Шрейдер, Н.С. Русанов, В.Я. Гуревич) обратились в Исполком Социалистического Интернационала. По соображениям конспирации обе группы не раскрывали всей информации о конфликте, подлинные причины которого вызывают споры по сей день. В то же время это был единственный более-менее подробный опубликованный и доступный материал о расколе Заграничной Делегации ПСР.

Кроме темы раскола и критики группы В.М. Чернова (с которой издатели журнала фактически прервали отношения), почти в каждом номере «Социалист-революционера» помещались статьи и документы программного характера. Так, в № 5 был опубликован отчет В. Минахорьяна о теоретической конференции пражской группы ПСР, состоявшейся в 1931 г., с кратким изложением содержания основных докладов. Длительное время данный отчет был единственным печатным источником информации об этой уникальной конференции, где социалисты-революционеры в эмиграции единственный раз смогли более-менее развер-

нуто изложить свои программные взгляды на наиболее важные проблемы будущей России. И хотя данная конференция не является отражением позиции всех партийных группировок за границей (только пражской), ее материалы дают представление об эволюции социалистической мысли в эмиграции. В № 3 размещены тезисы Е. Сталинского «Ближайшие задачи ПСР», а также хроника деятельности пражской, харбинской и нью-йоркской групп партии социалистов-революционеров. В № 6 напечатана статья С. Постникова «Будущее русского социализма». Эти и другие материалы свидетельствуют о постоянном анализе, который предпринимали эсеры в эмиграции по поводу стратегии и тактики своей партии в будущей, постбольшевистской России. И хотя далеко не все эмигранты разделяли мнение о скором крахе советской власти, попытки прогнозирования роли эсеров при возвращении на Родину были довольно частыми.

Журнал касался различных аспектов международной жизни, в том числе международного социалистического движения. Помещалась информация о заседаниях Исполкома Международного Социалистического Интернационала, отчет о Венском конгрессе Интернационала и его резолюции (1927г. № 1; 1931. № 5). Публиковались статьи и обзоры об отдельных событиях («Франко-русская дружба и ликвидация англо-русского комитета», № 1; «Социализм и разоружение», № 4 – о созываемой Лигой Наций международной конференции по разоружению; «События на Дальнем Востоке», № 6 – о китайско-японском конфликте, позиции Лиги Наций и СССР).

Другим важным направлением журнала было освещение событий в Советском Союзе. Вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг. были как временем продолжения внутрипартийной борьбы в ВКП (б), так и эпохой «великого перелома», индустриализации советской промышленности и сплошной коллективизации сельского хозяйства. Размещались не только аналитические материалы (статья Е. Сталинского «Кризис ВКП» в № 1; В. Сухомлина «Диктатура и заговоры» в № 3; материалы В. Архангельского о коллективизации и Е. Сталинского об индустриализации и пятилетнем плане в № 4 и др.), но и письма из Советской России – Москвы, Ленинграда, Кавказа – с впечатлениями о повседневной жизни: о ценах, настроениях среди рабочих, молодежи, о Красной Армии и т.д. Любопытно письмо «Об “эсеровщине” и молодежи» (№ 1), где анонимный автор откровенно признается: «Наши организации находятся в худшем положении, чем это было перед революцией 1917 г. Провокация со стороны “бывших” эсеров и работы Г.П.У. сделали свое дело». И далее – «...сами по себе существующие эсеровские организации не представляют для большевиков такой опасности, которая бы их сколько-нибудь тревожила. Нет и местной с-р. литературы, хотя несколько лет тому назад большевикам очень приходилось с ней считаться». Подобная нелিপеприятная откровенность в партийном журнале делает честь издателям и подчеркивает подлинность письма.

Однако в целом таких писем немного, очевидно, что связи с СССР были у заграничных эсеров довольно слабы-

ми. Это подтвердил на II съезде Заграничных организаций ПСР (Париж, апрель – май 1928 г.) С.П. Постников, сообщивший, что после 1926 г. «связь с Россией была нарушена. В России произошел провал, серьезные работники были арестованы». На прямой вопрос Е.Ф. Роговского, есть ли сношения с Россией в настоящее время, ответил, что только «скорые, случайного характера» [17. Л. 5].

Наконец, стоит отметить интересную статью уже неоднократно упоминавшегося ветерана эсеровского движения и активного автора «Социалиста-революционера» С.П. Постникова (1883–1965), посвященную истории партии социалистов-революционеров (1931. № 3). В целом журнал не уделял особого внимания данной проблематике, как и остальные эсеровские издания в эмиграции. Постников не считал такую ситуацию правильной. Обращая внимание на большевистские трактовки истории революции (в частности, рецензируя сборник Архангельского Истпарта, посвященный крестьянскому движению Шенкурского уезда за 1905–1906 гг.), он отмечает: «Мне лично пришлось участвовать в этом движении и в частности проводить крестьянские съезды. Большевиков на съездах не бывало, а в уезде о них и не слыхали. Но по сборнику выходит совсем наоборот; большевики создали это движение и они руководили». Постников констатирует, что «в Советской России в настоящее время исключена какая-либо беспристрастная работа по истории революции. Если даже иногда удастся провести через цензуру книгу, то она немедленно конфискуется специальной комиссией, следящей за уже выпущенными книгами. Так было с книгой Е. Колосова “Сибирь при Колчаке”, с книгой Н. Быховского “Советы Крестьян-

ских Депутатов в 1917 г.” и другими». Вывод, к которому приходит автор статьи – «...если эсеровское поколение, участвовавшее в революционном движении, не выполнит своей обязанности в смысле разоблачения фальсификации, то впоследствии история нашего времени будет написана только на показаниях наших противников. Эта задача – пока целиком лежит на обязанности эмигрантских эсеров». К сожалению, попытки написать историю партии эсеров в эмиграции ни к чему не привели – помешали как материальные проблемы, так и организационные трудности.

Журнал «Социалист-революционер» не стал заметным явлением эмигрантской печати. Узкопартийная тематика, нерегулярность выхода, маленький тираж и всего шесть номеров за шесть лет не позволяли, конечно, конкурировать ему с такими эсеровскими журналами, как «Революционная Россия» или «Воля России». Не получилось у журнала стать центральным органом партии за границей, не удалось объединить и различные эсеровские группы, даже более-менее идеологически близкие. Круг авторов оставался стабильно небольшим на протяжении всего времени существования журнала – это социалисты-революционеры В.Г. Архангельский, Е.Е. Лазарев, В.С. Минахорян, С.П. Постников, М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин. Тем не менее сведения, опубликованные в журнале, позволяют существенно дополнить наши представления о различных аспектах деятельности партии социалистов-революционеров в эмиграции. В ряде случаев материалы «Социалиста-революционера» содержат информацию, не отраженную в других источниках. Это подчеркивает необходимость введения публикаций журнала в широкий научный оборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: энциклопедический справочник / сост., науч. ред. П.Н. Базанов. СПб.: Формат Т, 2005. 336 с.
2. Кудрявцев В.Б. Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья: 1918–1941: Журналистика. Литература, искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. М.: Русский путь, 2011. Ч. 1. 936 с.
3. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. Amsterdam: Stichting beheer IISG, 1989. 772 с.
4. Базанов П.Н. Издательская деятельность Заграничной делегации партии социалистов-революционеров: на материалах Бахметевского архива (США) и ГАРФ (Россия) // Политические партии России: прошлое и настоящее: материалы конф. СПб., 2005. С. 263–273.
5. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб.: СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. 432 с.
6. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: учеб. пособие / А.Ф. Бережной, Н.Л. Волковский, Л.П. Громова и др.; под ред. Г.В. Жиркова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. 320 с.
7. Сафонов И.А. Социалисты-революционеры в эмиграции // Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 107–117.
8. Федоров М.В. Эсеровская печать 1900–1928 гг.: учеб. пособие. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2005. 104 с.
9. White E. The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2010. 208 p.
10. Лбова Е.М. Издательская деятельность эсеров в 1919–1921 гг. в Париже (на примере периодического издания «Pour la Russie») // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 106–110.
11. Базанов П.Н. Журнал «Воля России» в Праге и русская философия // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, № 3. С. 211–217.
12. Протасова О.Л. Журнал «Современные записки» – выразитель взглядов российского демократического социализма в эмиграции // Альманах современной науки и образования. 2016. № 6 (108). С. 70–73.
13. Федоров М.В. Журнал «Революционная Россия» в 1920–1928 гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: сб. ст. СПб., 2000. С. 20–25.
14. Федоров М.В. Редакция журнала «Воля России» в 1922–1932 гг. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 21. С. 105–118.
15. Федоров М.В. Эсеровские газеты Ревеля. 1920–1921 гг. // История журналистики русского зарубежья XIX–XX веков: материалы конф. СПб., 1999. С. 46–49.
16. Михалев Н.М. Русская эмигрантская периодика как инструмент формирования мирового общественного мнения // Медиаскоп. 2009. № 3.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6108. Оп. 1. Д. 24.

Suslov Aleksei Yu. Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: plusha131333@yandex.ru

THE MAGAZINE "SOCIALIST REVOLUTIONARY" (1927–1932) AS A HISTORICAL SOURCE

Keywords: the socialists-revolutionaries; periodicals; emigration; Foreign delegation; conflict.

The aim of the article is the analysis of the magazine "Socialist-revolutionary", published by the socialist-revolutionaries in exile from 1927 till 1932, as a historical source. The main methodological principle is external and internal source criticism to identify its reliability and informative value as cultural phenomena specific time. In this regard, the objectives of this article were: general characteristics of publication activity of the socialist-revolutionaries in exile, the study of the history of creation and activity of the magazine "Socialist-revolutionary", consideration of its contents.

The party of socialists-revolutionaries led a fairly active publishing activities in exile. In Revel, Berlin, Paris, Prague various newspapers and magazines were issued – as a socio-political and literary-artistic content. First of all, these well-known magazines "Revolucionnaya Rossiya", "Sovremennye zapiski", "Volya Rossii". An extensive literature is devoted to these ones. At the same time, a number of journals, including the "Socialist-revolutionary" is little known by researchers and is not involved as a historical source for the study of the activities of the Russian socialist emigration of the 1920-ies – 1930-ies.

Data analysis on the establishment of the journal, its functioning, as well as the study of the content led to the following conclusions. Firstly, the magazine began its existence in October 1927 (the first issue), second number appeared in October 1929, exactly two years after, despite the fact that the editors announced a monthly magazine format. Persistent financial difficulties led to irregular publication of the journal and, eventually, to the cessation of its activities in 1932 (almost every issue had the calls for financial assistance through a special Fund). The editorial office was located in Paris (rue de Ménilmontant, 32, which housed the Franco-Slavic printing house). In Prague there was a branch of the editorial Board of "Socialist-revolutionary" (the headquarters of the Foreign Delegation of the PSR). A regular author were V. Arkhangel'skiy, E.E. Lazarev, V.S. Minahorjan, S.P. Postnikov, M.L. Slonim, E.A. Stalinsky, V. Sukhomlin. Secondly, the main topics of the magazine were reduced to coverage of events of inner life. Considerable attention was paid to division and conflict in the foreign delegation of the PSR and the subsequent attempts to establish party unity, the SR activities of local party organizations, the strategy and tactics of the foreign SR-s. The only in the emigrant press report about theoretical conference of the Prague group of the party of socialists-revolutionaries of 1931 was published. The events in the Soviet Union (several anonymous letters), the situation in the international socialist movement, current issues of international politics were covered. Little attention was paid to the problems of the history of the party.

Thirdly, the magazine "Socialist-revolutionary" became a significant phenomenon of the emigrant press. Partisan themes, the irregularity of output, low mintage and only six issues in six years did not allow, of course, to compete with such revolutionary magazines like "Revolucionnaya Rossiya" or "Volya Rossii". The magazine did not manage to become the central authority of the party abroad, failed to unite the various revolutionary groups. However, the information published in the journal serve to complement our understanding of various aspects of the activities of the party of socialist revolutionaries in exile.

REFERENCES

1. Bazanov, P.N. (2005) *Izdatel'stva i izdatel'skie organizatsii russkoy emigratsii 1917 – 2003 gg.: entsiklopedicheskiy spravochnik* [Publishing houses and publishing organisations of the Russian emigration of 1917–2003: An Encyclopaedic Reference Book]. St. Petersburg: Format T.
2. Kudryavtsev, V.B. (2011) *Periodicheskie i neproizvodimskie kolektivnye izdaniya russkogo zarubezh'ya: 1918 – 1941: Zhurnalistika. Literatura, iskusstvo. Gumanitarnye nauki. Pedagogika. Religiya. Voennaya i kazach'ya pechat': Opyt rasshirenogo spravochnika: v 2 ch.* [Periodical and non-periodical editions of the Russian diaspora: 1918–1941: Journalism. Literature, art. Humanitarian sciences. Pedagogy. Religion. Military and Cosack Seal: The experience of the extended reference book: at 2]. Moscow: Russkiy put'.
3. Jansen, M. (ed.) (1989) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov posle oktyabr'skogo perevorota 1917 goda: Dokumenty iz arkhiva P.S.-R.* [Party of Socialist-Revolutionaries after the October Revolution of 1917: Documents from the archives of P.S.-R.]. Amsterdam: Stichting beheer IISG.
4. Bazanov, P.N. (2005) *Izdatel'skaya deyatel'nost' Zagranichnoy delegatsii partii sotsialistov-revolutsionerov: na materialakh Bakhmetevskogo arkhiva (SShA) i GARF (Rossiya)* [Publishing activities of the foreign delegation of the Socialist-Revolutionary Party: on the materials of the Bakhmetev Archives (USA) and GARF (Russia)]. In: Khodyakov, M. (ed.) *Politicheskie partii Rossii: proshloe i nastoyashchee* [Political Parties of Russia: Past and Present]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 263–273.
5. Bazanov, P.N. (2004) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917 – 1988 gg.)* [Publishing activities of Russian emigrants' political organisations (1917–1988)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts.
6. Zhirkov, G.V. (ed.) (2003) *Zhurnalistika russkogo zarubezh'ya XIX – XX vekov* [Russian Emigrant Journalism in the 19th – 20th centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Safonov, I.A. (2009) *Sotsialisty-revolutsionery v emigratsii* [Socialist-Revolutionaries in the Emigration]. In: Zhuravlev, V.V. (ed.) *Obshchestvennaya mysl' Russkogo zarubezh'ya* [Public Thought of the Russian Emigrant]. Moscow: ROSSPEN. pp.107–117.
8. Fedorov, M.V. (2005) *Eserovskaya pechat' 1900–1928 gg.* [The Social Revolutionaries' press in 1900–1928]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. White, E. (2010) *The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
10. Lbova, E.M. (2014) *Izdatel'skaya deyatel'nost' eserov v 1919–1921 gg. v Parizhe (na primere periodicheskogo izdaniya "Pour la Russie")* [Publishing activities of Social Revolutionaries in Paris in 1919–1921 (a case study of "Pour la Russie")]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 4. pp. 106–110.
11. Bazanov, P.N. (2016) *Zhurnal "Volya Rossii" v Prage i russkaya filosofiya* [Magazine "Volya Rossii" in Prague and Russian philosophy]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 17(3). pp.211–217.
12. Protasova, O.L. (2016) *Zhurnal "Sovremennye zapiski" – vyrazitel' vzglyadov rossiyskogo demokratcheskogo sotsializma v emigratsii* [Magazine "Sovremennye zapiski" as a spokesman for Russian democratic socialism in emigration]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 6(108). pp. 70–73.
13. Fedorov, M.V. (2000) *Zhurnal "Revolutsionnaya Rossiya" v 1920–1928 gg.* [Journal "Revolutsionnaya Rossiya" in 1920–1928]. In: Chernyaev, Yu. (ed.) *Zarubezhnaya Rossiya. 1917 – 1939 gg.* [Russia Abroad. 1917–1939]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom. pp.20–25.
14. Fedorov, M.V. (2015) *Redaktsiya zhurnala "Volya Rossii" v 1922–1932 gg.* [The editorial board of the journal "Volya Rossii" in 1922–1932]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 21. pp. 105–118.
15. Fedorov, M.V. (1999) *Eserovskie gazety Revelya. 1920 – 1921 gg.* [Revolutionary newspapers of Revel. 1920–1921]. In: *Istoriya zhurnalistiki russkogo zarubezh'ya. XIX – XX vekov* [History of Russian Emigrant Journalism. The 19th – 20th centuries]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 46–49.
16. Mikhalev, N.M. (2009) *Russkaya emigrantskaya periodika kak instrument formirovaniya mirovogo obshchestvennogo mneniya* [Russian emigrant periodicals as an instrument for the formation of world public opinion]. *Mediascope*. 3.
17. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-6108. List 1. File 24.

УДК 94(570)
DOI: 10.17223/19988613/52/22

В.Н. Уйманов

ДОЛЬШЕ ВСЕГО ЖИВЕТ ПАМЯТЬ... (К 25-ЛЕТИЮ ВЫХОДА КНИГИ ПАМЯТИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ «БОЛЬ ЛЮДСКАЯ»)

Начавшийся в конце 1980-х гг. новый этап реабилитации жертв политических репрессий в СССР в 1920-х – начале 1950-х гг. привел к зарождению и развитию такого явления, как увековечение памяти жертв репрессий в форме издания Книг Памяти. Инициаторами выступили сотрудники Управления КГБ СССР по Томской области, выпустившие в 1991 г. первый том такой книги «Боль людская». В 2016 г. из печати вышло новое издание Книги Памяти, переработанное и дополненное новыми сведениями о репрессированных, ранее неизвестными документами и материалами, раскрывающими механизм репрессий в регионе, характеризующими обстановку тех лет.

Ключевые слова: политические репрессии; реабилитация; Книги Памяти.

17 мая 2017 г. в Научной библиотеке Томского государственного университета состоялась презентация второго издания Книги Памяти репрессированных жителей Томской области [1]. Книга представляет собой пофамильный список граждан, незаконно репрессированных по политическим мотивам в 1920-е – начале 1950-х гг. на территории Томской области. Все сведения приведены на основе материалов архивно-следственных дел, хранящихся в архивах управлений ФСБ и МВД России по Томской области, в фондах Госархива Томской области, что позволит родственникам и исследователям облегчить поиск дополнительной информации в отношении репрессированных.

В приложениях к каждому тому публикуются материалы, характеризующие обстановку тех лет, освещающие различные аспекты политики Советского государства по развертыванию массовых необоснованных репрессий в стране, реакцию на происходившее непосредственных участников событий. В заключительном томе опубликованы документы, связанные с проводившимися в Советском Союзе кампаниями по реабилитации жертв репрессий. Многие из представленных документов вводятся в научный оборот впервые.

В презентации Книги Памяти приняли участие представители общественности, профессорско-преподавательский состав и студенты университета, сотрудники архивных подразделений, в том числе правоохранительных органов. Высокую оценку вышедшей Книге дали депутаты Законодательного собрания Томской области Л.Э. Глок и Л.Ф. Пичурин, профессора Томского университета В.П. Зиновьев, Л.А. Чиндина и Ю.В. Куперт, заведующий музеем истории политических репрессий В.А. Ханевич, активный участник городского Совета ветеранов Н.Б. Морокова и др.

Общий вывод всех выступлений – Книга действительно необходима не только родным и близким репрессированных, но и всем, кому небезразлична судьба нашей страны. Книга имеет и огромное воспитательное значение, особенно для будущих поколений, являясь одновременно напоминанием и предостережением

всем нам, что нельзя превращаться в «Иванов, родства не помнящих». Нельзя допустить возвращения подобного, даже в малой степени.

Участникам презентации также было представлено 3-е издание монографии «Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.)» [2]. Переработанной и дополненной издание – аналитическое исследование по вопросам политики Советского государства по уничтожению политических противников режима и механизму репрессий (нарушение процессуальных норм, фальсификация материалов, методы следствия и т.д.). В монографии приводятся статистические данные, полученные в результате обработки сведений, приведенных в Книге Памяти «Боль людская». Публикация второго издания книги «Боль людская» еще раз подтвердила слова академика Д.С. Лихачева о том, что память активна. Она не оставляет человека равнодушным, бездейственным. Она владеет умом и сердцем человека. Память противостоит уничтожающей силе времени [3].

Прошло более четверти века с выхода первого тома первого издания Книги Памяти. Выход книги, без преувеличения, стал событием. Впервые (тогда еще в СССР) был официально опубликован многотысячный список жертв массовых политических репрессий в одном из регионов страны, приведены документы, раскрывавшие механизм фальсификации следственных дел.

Идея подготовки и выпуска Книги Памяти репрессированных жителей Томской области выкристаллизовалась из возникших трудностей по опубликованию списков реабилитированных. На рубеже 1980–1990-х гг. такие списки периодически печатались в газете «Красное знамя». Они вызвали неподдельный интерес у жителей области. Стали появляться (и не только в «Красном знамени») отзывы и воспоминания, выросло число обращений жителей, всякий раз содержащих вопрос: когда публикации будут продолжены и опубликуют ли сведения об их родных и близких? Выборки из списков перепечатывались в городских и районных газетах, в

вузовских и заводских многотиражках. Такая форма увековечения памяти оказалась наиболее востребованной у репрессированных и их родственников, поскольку печатное слово традиционно вызывало большее доверие и часто почиталось более многих официальных документов, в частности у сельского населения. В одном из писем констатировалось: «До публикации меня считали, а иногда и обзывали сыном “врага народа”, после публикации в газете о реабилитации отца отношение односельчан ко мне заметно изменилось» и т.п. Однако обнародование списков на страницах газет, ограниченных объемами, могло затянуться на долгие годы.

Идея выпуска Книги Памяти принадлежала начальнику архивного подразделения УКГБ СССР по Томской области Ю.А. Петрухину. После получения поддержки у заместителя начальника Управления А.В. Машкова началась обработка архивных дел. С первых же шагов пришлось столкнуться с немалыми трудностями, не было опыта, каких-либо методик и рекомендаций, а главное – представления об объеме предстоявшей работы. Не было и понимания о перечне сведений, которые надлежало собрать о каждом репрессированном. В итоге приняли решение публиковать установочные данные (Ф.И.О., год и место рождения), места жительства и работы, занимаемую должность, год ареста и дальнейшую судьбу (осуждение, освобождение, смерть и др.). Отказались от упоминания пунктов ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР (в редакции 1926 г.), поскольку на первых порах внимание было обращено на архивно-следственные дела репрессированных по этой статье, так как дела на осужденных в 1920-е гг. до выхода указанного Уголовного кодекса не попадали под действие Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов». Этот пробел был устранен после подписания Указа Президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов».

Предложенное название «Боль людская» споров не вызвало, в нашем понимании оно четко отражало боль и трагедию происшедшего.

О выходе первого тома Книги Памяти было проинформировано руководство КГБ РСФСР, а в конце октября 1991 г. она была представлена сотрудникам центрального аппарата ведомства, где получила высокую оценку. Приказом по Агентству федеральной безопасности (новое на тот период времени название органов госбезопасности) № 13 от 4 ноября 1991 г. было утверждено решение о необходимости распространения инициативы томичей с обязательством всех территориальных органов госбезопасности организовать работу по подготовке и изданию Книг Памяти жертв политических репрессий в своих регионах. И такая работа была развернута в большинстве управлений органов госбезопасности страны. К сожалению, в целом ряде

субъектов этот приказ выполнен не был. По данным общества «Мемориал» на декабрь 2016 г., в Брянской и Вологодской областях, в Дагестане и Карачаево-Черкесии к работе над Книгой вообще не приступали. В Бурятии, Калининградской и Челябинской областях лишь начата подготовка, в Приморье, Вологодской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской областях, Чувашии, Кабардино-Балкарии и на Камчатке подготовлены первые тома, но не издаются из-за отсутствия финансирования [4]. Кроме того, нет и единого подхода при обработке архивных материалов для опубликования, т.е. присутствует элемент избирательности категорий репрессированных. Но вину в неисполнении приказа Агентства федеральной безопасности должны разделить и органы власти этих субъектов, не проявившие четкой гражданской позиции и осознания важности и необходимости работы в вопросе увековечения памяти своих репрессированных земляков.

Большой интерес выход Книги вызвал у общественности. В Управление посыпались письма и обращения от оставшихся в живых репрессированных и родственников погибших в лагерях или умерших в последующие годы, от общественных организаций, из других городов и населенных пунктов страны, а затем из ближнего и дальнего зарубежья. Интерес из зарубежья вырос после ее демонстрации в апреле 1992 г. на международной конференции историко-просветительского общества «Мемориал» в пос. Репино (Ленинградская область).

Позицию общественности во многом отразила статья профессора Томского госуниверситета М.Е. Плотноковой, посвященная выходу книги, опубликованная в декабре 1991 г. в газете «Красное знамя». Оценив содержание Книги и представленные в ней материалы, она сделала вывод, точно отразивший значение и важность такой работы: «Книга “Боль людская” очень нужна нам, сегодняшним, переживающим тоже не самые легкие дни в жизни нашего государства. Она необходима для восстановления исторической памяти, без чего невозможно создать истинно демократическое общество, в котором бы не оставалось и самых малых условий для повторения трагического прошлого. Она необходима родственникам всех безвинно погибших: ведь для многих из них судьба их близких оставалась неизвестной».

Книга эта необходима и историкам. И не только для восстановления полной правды о масштабах репрессий, осуществленных тоталитарным сталинским режимом, но и для более глубокого понимания наиболее болезненных... вопросов: как мы, великий народ, могли терпеть это, как объяснить психологическое состояние общества, мирившегося с безумной политикой тоталитарного уничтожения его членов, почему доноительство (а ведь многие подвергались арестам по доносу своих сограждан) приняло огромные масштабы, как все это вместе повлияло на нравственность КПСС и всего нашего народа и почему до сих пор находится

немало людей, мечтающих о возврате сталинских порядков...» [5].

К 1999 г. были изданы еще 4 тома. Сложнее всего далась работа над заключительным томом, подготовка которого продолжалась в течение 5 лет. На протяжении всех лет для работы с архивными делами привлекались сотрудники Управления в составе штатных рабочих групп. Этому благородному делу отдавались выходные и праздничные дни. Мне никогда не приходилось встречаться с негативным отношением к этой работе со стороны коллег, хотя отдельные представители «общественности» позволяли себе обвинять нас в аморальности нашей работы.

Участие в выпуске томского мартиролога воспринималось всеми участниками как долг и обязанность, восстановление справедливости по отношению к тем, кто попал в жернова репрессий. Тем более, что одновременно с репрессированными страданиям подверглись их родные и близкие, получившие на долгие годы ярлык ЧСИР – «член семьи изменника Родины», «сын (дочь) врага народа» и под. Более того, подготовка материалов к публикации – тяжелейшая работа, в первую очередь, с моральной стороны, когда приходилось погружаться в материалы следственных дел и переживать те трагические события, которые выпали на долю жертв необоснованных репрессий. Надо учитывать, что никто из сотрудников не знал, да и вряд ли мог представлять так рельефно и конкретно масштабы произошедшего в период сталинизма, а у некоторых, как выяснилось, в числе жертв репрессий оказались родственники, имена отдельных из них вошли в нашу Книгу.

Оценкой этого тяжелейшего труда были многочисленные письма со словами благодарности и признательности за восстановление «добрых имен» и увековечение памяти жертв необоснованных массовых репрессий в СССР.

За четверть века Книга «Боль людская» превратилась в документальный источник, к которому обращаются сотрудники архивов и музеев, преподаватели и студенты вузов, писатели и журналисты, представители общественных организаций, все, кому небезразлична история нашей страны и нашей «Малой Родины». Кроме поименных списков в ней представлены документы, характеризующие обстановку тех лет, раскрывающие механизм фальсификации уголовных дел и арсенал средств и методов, с помощью которых добивался «нужный» результат, образцы отдельных следственных документов, материалы служебной переписки, статистические данные.

«Боль людская» стала тем родничком, из которого вырастает большая река Памяти. К настоящему времени Книги Памяти изданы в абсолютном большинстве субъектов России. Они разнятся по формату, содержанию, тиражам, составу участников их подготовки, но все выполняют главную задачу – восстанавливают историческую правду, как бы она не была страшна. Сот-

ни тысяч россиян, благодаря этим Книгам, узнали правду о судьбах близких и дорогих им людей, а кто-то смог найти и места их упокоения. Государство, на мой взгляд, пусть и в такой форме, но признало вину за содеянное.

После выхода в 1999 г. заключительного пятого тома, казалось, что поставленная задача выполнена и можно ставить точку. Однако в соответствии с юридической формулировкой – «в связи с вновь открывшимися основаниями» – вновь пришлось вернуться к данной теме. В последующие годы сотрудниками Томской областной прокуратуры в фондах Госархива Томской области и Информационного центра УМВД по Томской области были выявлены дела, по которым были реабилитированы еще почти 400 человек. Также были реабилитированы несколько сот человек из числа тех, кто ранее был включен в Книгу Памяти, но официального (документально оформленного) решения о признании их жертвами репрессий принято не было. Однако следует заметить, что отдельные из ранее включенных в Книгу решением органов прокуратуры (уже в 2000-е гг.) были признаны осужденными обоснованно, реабилитации не подлежали.

Проведенная «ревизия» позволила уточнить опубликованные сведения, устранить неточности и технические ошибки, допущенные при работе над первым изданием, упорядочить списки. Были внесены и структурные изменения. Каждый из трех томов заканчивается тематическими приложениями: в первом томе – это документы, имевшие отношение к развертыванию и проведению репрессий, во втором – материалы, освещающие различные аспекты репрессивной политики, в третьем – документы, связанные с кампаниями по реабилитации жертв репрессий, статистическими данными.

В настоящем издании содержится информация в отношении 20 991 человек, репрессированных по политическим мотивам в период с декабря 1919 г. (времени освобождения Томска от колчаковцев) до начала 1950-х гг. В 1920-е гг., до введения в действие УК РСФСР (в редакции 1926 г.), к ответственности были привлечены 1 472 человека. По 58-й ст. УК были репрессированы 19 304 человека, еще 95 были осуждены по ст. 82 УК («Побег»). Как «члены семей изменников Родины» к ссылке на 5 лет были осуждены 106 человек. Дополнительно в Книгу включены 14 человек, осужденных в 1960-е – начале 1970-х гг. по ст. 70 УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда»), так как все они реабилитированы.

Каждые трое из четверых ныне реабилитированных обвинялись в проведении «контрреволюционной пропаганды и агитации» (позднее «антисоветской агитации»), т.е. по ст. 58-10 УК (14 601 человек, или 69,55%), обвинение в «организационной деятельности» (ст. 58-11 УК) было предъявлено 13 586 (64,71%).

Каждый второй из числа репрессированных (9 832 человека, или 46,83%) готовился к «вооруженному восстанию против Советской власти»), каждый пятый был «террористом» (ст. 58-8 УК), каждый ше-

стой – «диверсантом» (ст. 58-9 УК), каждый седьмой – «шпионом» (ст. 58-6 УК) и т.д.

Среди репрессированных нашлись 3 человека, подерживавших связь с иностранным государством (либо его представителями и т.п.), находившимся в состоянии войны с СССР и т.п. (ст. 58-3 УК), а также 35 агентов секретных служб периода царского либо белогвардейского режимов (ст. 58-13 УК) [5].

«Букет» обвинений иногда состоял из 5 и более пунктов ст. 58 УК. Это было особенно характерно для 1937–1938 гг. и во многом зависело от изобретательности и фантазии следователя, ведшего дело. Так, член сфабрикованной контрреволюционной «Польской организации Войсковой» И.С. Сильванович был обвинен по ст. 58-2-6-7-8-9-10-11, т.е. он обвинялся как шпион, вредитель, террорист, диверсант, антисоветчик и т.п. [6; 7. С. 68].

В жернова репрессий попали представители 60 национальностей, причем не только из числа проживавших в Советском Союзе, но и многих стран, даже не отнесенных официально к потенциальным противникам СССР. Среди осужденных были финны (86 человек), корейцы (81), китайцы (74), чехи (40), австрийцы (34), румыны и венгры (по 25), болгары (19), сербы (8), турки (5), монголы, хорваты, черногорцы, шведы и японцы (по 2), англичанин, итальянец, норвежец, француз и др., а также 3 уроженца США, указавших в анкетах иную национальную принадлежность.

Больше всего от репрессий пострадали представители следующих национальностей (таблица).

Данные о наиболее пострадавших от репрессий национальностях на территории современной Томской области (конец 1919 – начало 1950-х гг.)*

Национальность	Количество репрессированных, чел.	% от общего числа репрессированных	Из них расстреляно, чел.	% расстрелянных к числу лиц данной национальности	% расстрелянных к общему числу репрессированных
Русские	14 263	67,95	6 623	46,43	31,55
Поляки	1 507	7,18	1 204	79,89	5,74
Украинцы	1 159	5,52	662	57,11	3,15
Немцы	750	3,57	421	56,13	2,00
Белорусы	638	3,04	394	61,76	1,88
Латыши	564	2,68	363	64,36	1,73
Евреи	479	2,28	196	40,92	0,93
Эстонцы	295	1,40	184	62,37	0,88
Татары	204	0,97	120	58,82	0,57
Литовцы	186	0,88	66	35,48	0,31

* Составлена по результатам обработки базы данных репрессированных жителей Томской области.

Среди репрессированных были 5 человек, родившихся еще в первой половине XIX в., в частности С.М. Сибиряков [1. С. 8; 8], 1843 г.р., арестованный в 1933 г., т.е. в 90-летнем возрасте; 89-летний крестьянин из Кривошеинского р-на Г.И. Клясюк [1. С. 8; 9] (также

уроженец 1943 г.), осужденный в 1934 г. к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Самым молодым репрессированным оказался 13-летний пятиклассник В. Екимов [7. С. 145–146; 10], арестованный в 1944 г. за участие в молодежной контрреволюционной организации «Голубая гвардия», «действовавшей» в одном из районов Томской области.

По социальному составу в числе реабилитированных 7 134 крестьянина (33,98% от общего числа реабилитированных), 5 401 служащий (25,73%), 5 006 рабочих (23,84%), 716 военнослужащих (3,11%) и т.д. Еще у 1 108 человек (5,28%) род занятий определен не был. При этом из числа крестьян расстрелу подверглись 3 356 человек (47,12%), из служащих – 3 458 (64,01%), рабочих – 2 687 (12,80%).

Высшее и незаконченное высшее образование имели 1 369 человек (6,52%), среднее, среднее специальное и неполное среднее – 3 672 (17,49%), начальное – 14 310 (68,17%). Только у 1 641 человека в анкете было указано, что они неграмотные.

ВМН – расстрелу – подверглись 48,88% репрессированных жителей области. В числе расстрелянных 248 женщин из 1 192 подвергшихся репрессиям (20,80% от общего числа женщин и 1,18% от общего числа репрессированных). У мужчин, по подсчетам автора, были расстреляны 10 593 (50,46%) человека.

Проведенный анализ собранных сведений однозначно свидетельствует, что репрессиям подверглась наиболее дееспособная часть населения страны.

Государству потребовались долгие годы, чтобы «признать вину» за совершенные по отношению к своему народу произвол и беззаконие. Но и здесь была разыграна политическая карта, когда организаторы репрессий переложили вину за содеянное преимущественно на исполнителей. Начав в середине 1950-х гг. процесс реабилитации, партийно-советское руководство СССР на протяжении нескольких десятков лет так и не завершило эту важнейшую для миллионов граждан миссию, превратив её в очередную вялотекущую цикличную политическую кампанию. Если в 1954–1960 гг. в Западной Сибири (Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская и Томская области) были реабилитированы 80 148 человек, то в 1960-х – только 13 914, а в 1970-х – лишь 709 человек. В Томской области в эти годы были реабилитированы соответственно 9013, 2 692 и 57 человек [2. С. 615]. Новый импульс процессу реабилитации был предан после выхода Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г., что позволило в названных субъектах только в 1989 г. реабилитировать более 21 тыс. человек. Сегодня можно утверждать, что процесс реабилитации жертв политических репрессий в большинстве субъектов страны близок к завершению. Пересмотр архивно-следственных дел, хранившихся или хранящихся в архивах Управлений ФСБ, практически завершен. Но нельзя не учитывать опыт работы сотрудников прокуратуры Томской области, когда в фондах областного архива и

в ИЦ УМВД области были выявлены сотни дел на лиц, осужденных по политическим мотивам, но не реабилитированных. Подобные дела выявлены в архивах и других субъектов страны, никто их пересмотром не занимается. Довести эту работу до логического завершения – наш общий долг и обязанность перед будущими поколениями.

В настоящее время тема массовых репрессий в СССР перестала быть «горячей», каковой она была в конце 1980–1990-х гг. Связано это и с уходом из жизни большинства участников и свидетелей событий тех лет, и с изменением социально-экономической и политической системы, и с попытками искажения истории нашей страны. Однако если на государственном уровне эта тема отошла на второй план, то у значительного числа россиян – нет. Свидетельство этому – события в Бакcharском районе, где недавно установлен Поклонный крест в память об участниках Чаинского восстания спецпереселенцев 1931 г. По решению конференции ветеранской организации был установлен «Камень скорби» жертвам политических репрессий в с. Подгорное. Администрация Колпашевского района совместно с районными депутатами и привлечением общественности провели конкурс на эскиз памятника жертвам репрессий, организовали работу по выпуску Книги Памяти своих репрессированных земляков.

В завершение хотелось бы назвать тех, кто внес наибольший вклад в работу по реабилитации необоснованно репрессированных на территории Томской области. К сожалению, кто-то из них уже умер, многие поменяли места жительства и работу либо находятся на заслуженном отдыхе. Это сотрудники Управления ФСБ

РФ по Томской области А.В. Анопоченко, Ю.А. Бычков, В.В. Волков, А.Д. Захаров, В.Д. Волошин, А.В. Вошинин, Г.П. Кузнецова, А.В. Машков, А.В. Небера, С.А. Осокин, Г.Н. Паньков, Г.Н. Перемитин, Ю.А. Петрухин, Г.К. Поротова, С.Н. Потапов, С.И. Пуртов, А.Ю. Рогаленко, А.Ф. Селиванов, В.А. Соболев, В.М. Станкин, С.К. Тищенко, Л.В. Цыганкова, В.В. Червинский, С.В. Черепанов, В.П. Шороховецкий и др.

Значительный вклад в работу по реабилитации жертв репрессий внесли работники областной прокуратуры В.Д. Буров, В.Д. Бушманов, А.К. Волков, А.В. Ермолаев, А.М. Никулин, Ю.К. Сухоплюев, Х.У. Пономарев и сотрудники военной прокуратуры Сибирского военного округа А.В. Воевода, В.В. Жданов и В.П. Слученко.

Всем им сердечная благодарность и добрая память за бескорыстное служение делу, за понимание важности и необходимости работы по восстановлению исторической правды, за возвращение из небытия имен наших земляков.

Слова благодарности хотелось бы выразить и тем, кто принял участие в работе над новым изданием, – докторам исторических наук, профессорам Томского государственного университета В.П. Зиновьеву и Н.С. Ларькову, директору Госархива Томской области А.Г. Караваевой, заместителю директора ОГКУ «Центр документации новейшей истории Томской области» Л.Н. Приль, сотрудникам архивного подразделения Управления ФСБ РФ по Томской области, а также коллективу издательства Томского университета (директор – В.С. Сумарокова), подготовивших выпуск обоих изданий Книги Памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боль людская: Книга Памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг. : в 3 т. 2-е изд., доп. и перераб. / сост. В.Н. Уйманов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016.
2. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). 3-е изд., доп. и перераб. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2016. 736 с.
3. Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 2004. 654 с.
4. Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://www.lists.memo.ru/>
5. Красное знамя. 1991. 10 декабря.
6. Архив Управления федеральной службы безопасности (УФСБ) РФ по Томской области. Д. П-2656.
7. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995.
8. Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-5690.
9. Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11119.
10. Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-6582.

Uymanov Valeriy N. Tomsk region administration (Tomsk, Russia). E-mail: uimanov@tomsk.gov.ru

THE LONGEST LIVING MEMORY... (FOR THE 25TH ANNIVERSARY OF THE RELEASE OF THE BOOK THE MEMORY OF THE REPPRESSED RESIDENTS OF THE TOMSK REGION "THE PAIN HUMAN")

Keywords: political repressions; rehabilitation; Memorial books.

One of the most terrifying pages in the Soviet state history was the mass unfounded repressions of the population without social, national or confessional differences. Those repressions concerned the majority of the local nations lived in the USSR.

There was no precise program of repression victims' exoneration over the decades, only individual campaigns. The government returned to this subject repeatedly, but it was not ready to find a comprehensive solution. Exoneration activation used to be initiated by the Soviet party leaders and usually was related to some events. Only in late 1980s, the rehabilitation process became an organized planned activity. It was a result of acceptance of the whole range standard legal instruments for the purpose to reopen archive cases. It provided to reopen the tens of thousands archive investigatory records and to obtain the justice in relation to victims of lawlessness and illegality.

Rehabilitation means either to perpetuate the memory of those, who were injured innocently. The creation of the first in the USSR Memorial Book of victims of political repressions in Tomsk Region "Bol Lyudskaya" (Human Pain) is one of the forms of such rehabilitation. It was written by Tomsk branch of KGB department officers. The first tome was published in 1991, the final fifth tome – in 1999. There was issued a special order of security services, which recommended publishing memorial books in all regions of the country. The

author was participated in the process of preparation and printing the book. He understood its importance as prevention of non-admission the same in the future. After a quarter of the century after first edition publishing the new edition of the memorial book was developed. It was caused by revealing of several hundreds of purged people during the research, those people cases were saved in other archives. In addition, some parts of materials that were published in first edition of the Book needed to be specified, and the appendixes system should be completed.

On the basis of published personal data materials analysis and on the documents that were supplemented in appendixes to every tomes of the Book the author was able to get the correct information for further thematic studying of the repression campaigns results and the rehabilitation campaigns in the country. Such factors of persecuted people as nationality, social position, educational background, sex, age were determined there. In addition, the punishment and adjudgment systems transformations, the differences in incrimination cases and other aspects of repressive policy were studied.

In the author's opinion, the memorial books publishing became a successful form of perpetuation the memory of political repressions victims. Moreover, such name lists enable to avoid arbitrary interpretation of the numbers of victims and determine the real scale of the repressions that took place in the Soviet state history. But it should be noted that the work of perpetuation the names of the purged people is far from its completion.

REFERENCES

1. Uymanov, V.N. (2016) *Bol' lyudskaya: Kniga Pamyati zhitel'ey Tomskoy oblasti, repressirovannykh v 1920-kh – nachale 1950-kh gg.: v 3 t.* [Human pain: Memory Book of the residents of Tomsk region repressed in the 1920s – early 1950s: in 3 vols]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.
2. Uymanov, V.N. (2016) *Likvidatsiya i rehabilitatsiya: Politicheskie repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919 – 1941 g.)* [Elimination and Rehabilitation: Political Repression in West Siberia in the System of Bolshevik Power (the late 1919 – 1941)]. 3rd ed. Tomsk: Tomsk State University.
3. Likhachev, D.S. (2004) *Razdum'ya o Rossii* [Thinking about Russia]. St. Petersburg: Logos.
4. Lists.memo.ru. (n.d.) *Zherty politicheskogo terrora v SSSR* [Victims of Political Terror in the USSR]. [Online] Available from: <http://www.lists.memo.ru/>.
5. *Krasnoe znamya*. (1991). 10th December.
6. The Archive of the Office of the Federal Security Service (FSB) of the Russian Federation for the Tomsk Region. File P-2656
7. Uymanov, V.N. (1995) *Repressii. Kak eto bylo... (Zapadnaya Sibir' v kontse 20-kh – nachale 50-kh godov)* [Repression. As it was . . . (West Siberia in the late 1920s – early 1950s)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. The Archive of the Office of the Federal Security Service (FSB) of the Russian Federation for the Tomsk Region. File P-5690.
9. The Archive of the Office of the Federal Security Service (FSB) of the Russian Federation for the Tomsk Region. File P-11119.
10. The Archive of the Office of the Federal Security Service (FSB) of the Russian Federation for the Tomsk Region. File P-6582.

УДК 94(37).05
DOI: 10.17223/19988613/52/23

Р.М. Фролов

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Р. БАУМАНОМ ОТСТРАНЕНИЯ КОНСУЛА Л. КОРНЕЛИЯ ЦИННЫ ОТ ДОЛЖНОСТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В 87 г. до н.э.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-31-01205.

Анализируется предложенная Р. Бауманом развернутая интерпретация отстранения римского консула Л. Корнелия Цинны от должностных обязанностей в 87 г. до н.э. С точки зрения Баумана, Цинна был лишен власти по решению сената, который объявил консула врагом государства (*hostis publicus*). В статьях 1966 и 1968 гг. Бауман исходит из того, что фактическое лишение гражданских прав в результате этого акта (часто он обозначается в исследовательской литературе термином *hostis-Erklärung*) автоматически привело и к потере Цинной магистратского положения. Однако в работе 1973 г. Бауман аргументирует тезис о том, что против консула была направлена особая расширенная *hostis-Erklärung*, которая напрямую лишала его должности. Одновременно с этим исследователь отмечает, что акт сената имел пробулевтический характер, т.е. он не был самодостаточным и лишь подготавливал голосование народного собрания по поводу досрочного прекращения консульского империя Цинны (*abrogatio imperii*). Несмотря на внутренние противоречия и невозможность убедительной аргументации концепции Баумана, ее рассмотрение помогает приблизиться к формулировке новой трактовки дискуссионного эпизода 87 г. до н.э.

Ключевые слова: Римская Республика; Л. Корнелий Цинна; отстранение от должности; *hostis-Erklärung*; Р. Бауман.

В 87 г. (здесь и далее все даты в статье – до н.э.) консул Л. Корнелий Цинна предложил ряд законодательных инициатив. Когда против них выступили плебейские трибуны, сторонники Цинны стали угрожать последним применением силы. Последовавшее за этим вмешательство коллеги Цинны Гн. Октавия привело к кровавому столкновению, в котором те, кто поддерживали Цинну, потерпели поражение¹. Дальнейшие события обычно трактуют как досрочное отстранение Цинны от консульской должности, однако интерпретации того, как именно оно было реализовано, предлагаются различные. Основные исследовательские подходы² сводятся к признанию того, что Цинна либо был лишен консульской власти по постановлению сената, либо перестал быть магистратом по решению комиций. Задачей настоящей статьи является анализ интерпретации событий 87 г. Р. Бауманом, который полагал, что сенат официально объявил Цинну *hostis publicus* – врагом государства (в исследовательской литературе для обозначения этого акта часто используется термин *hostis-Erklärung*). Предложенная Бауманом трактовка оригинальна, но является весьма спорной и, на мой взгляд, не выдерживает критики. Тем не менее ее обсуждение, рассмотрение характерных для нее противоречий и ограничений, равно как и выявление ее сильных сторон, помогают приблизиться к формулировке нового понимания этого дискуссионного эпизода истории позднереспубликанского Рима.

Прежде чем перейти к анализу концепции Баумана, необходимо кратко изложить те проблемы, с которыми сопряжено принятие тезиса о том, что Цинна был объявлен врагом государства.

Даже если бы было доказано то, что Цинну признали *hostis*, нельзя было бы только на этом основании говорить об утрате им консульской должности. На де-

кларативный характер *hostis-Erklärung* указывал, например, В. Кункель [2. S. 239].

Далее нигде в источниках прямо не говорится об объявлении Цинны врагом государства в тех терминах, в которых об этом сообщается в бесспорных случаях *hostis-Erklärung*. Так, не употребляется обычное для таких эпизодов выражение *hostem iudicare*³ или аналогичное, которое включало бы термин *hostis*.

Убедительные возражения против предположения о *hostis-Erklärung* приводит Ю. Унгерн-Штернберг [3. S. 76–77]. Он отмечает, что в передаче Аппиана Цинна в своей речи перед солдатами (покинув Рим, он пытался привлечь их на свою сторону) жаловался на попытку сената отстранить его от консульства, однако ничего не говорил о потере гражданских прав (*App. BC. I. 65*). Между тем последнее – ключевой элемент *hostis-Erklärung*. По свидетельству Диодора (XXXVIII/XXXIX. 1; ср. *App. BC. I. 69*), в ходе позднейших переговоров с сенатом Цинна добивался подтверждения своего консульского статуса, но, опять-таки, не гражданских прав. Наконец, Веллей, Плутарх, Аппиан и Дион Кассий (*Vell. Pat. II. 21. 6; Plut. Mar. 43. 2; App. BC. I. 70–71; Dio Cass. XXX–XXXV. 102. 8*; также см. *Per. LXXX*) сообщают о том, что присоединившийся к Цинне Г. Марий перед тем, как вернуться в Рим, добивался отмены комициями решения о своем изгнании. Однако Цинна для себя ничего подобного не требовал, следовательно, его положение было иным, чем у Мария, действительно объявленного *hostis*.

К сказанному Унгерн-Штернбергом можно добавить то, что в источниках отсутствуют какие-либо намеки на угрозы конфискации имущества Цинны и / или разрушения его дома, что фиксируется для ряда бесспорных случаев применения *hostis-Erklärung* [4. P. 289–290]. Также нет оснований говорить о том, что противники Цинны стремились его выследить и физи-

чески устранить, как это было сделано в 88 г. в отношении П. Сулпиция Руфа, действующего плебейского трибуна, объявленного *hostis* (*App. BC. I. 60; Plut. Sull. 10. 1*). Может быть, все эти меры и являлись, как пишет Бауман [4. Р. 290], лишь возможными сопутствующими обстоятельствами *hostis-Erklärung*, но подозрительно выглядит то, что ни одного из них в связи с ситуацией вокруг Цинны в нарративной традиции не отмечается.

Как полагает Р. Морстейн-Маркс, сенату весьма сложно было убедить граждан в том, что действующий консул, законно избранный народом, является врагом государства и не обладает гражданскими правами [5. Р. 265–266]. Прецедентов такому смелому акту не было. Представляется, что часть сенаторов, особенно тех, кого нельзя было отнести к числу убежденных противников Цинны (а таких, как предполагает Б. Катц [6. Р. 521–523; 7. Р. 161–162, п. 2], было большинство), могли задуматься о собственных перспективах в случае его победы. Такого рода предположения должны рассматриваться всерьез, поскольку известно, например, что проконсул Кв. Цецилий Метелл Пий, посланный против Цинны во главе армии, вскоре по собственному решению, учитывая настроения своих солдат, признал Цинну консулом (*Gran. Lic. XXXV. 47–48 Criniti; Diod. XXXVIII/XXXIX. 2*).

Наконец, возникает вопрос о том, имелись ли формальные основания для *hostis-Erklärung* [2. Р. 239]. До какой степени важным оставалось для римлян следование политическим формальностям даже в условиях гражданских войн поздней Республики, недавно подчеркнул Х. Муритсен [8. Р. 2]. Если иметь в виду именно *hostis-Erklärung*, можно вспомнить хотя бы о том, сколько усилий потребовалось Цицерону для того, чтобы Катилина покинул Рим и открыто выступил против Республики. Как пишет Унгерн-Штернберг, Катилину смогли объявить врагом только, когда он оказался «в поле» во главе армии [3. S. 112]. Поскольку Цинна армию заполучил уже после того, как сенат принял против него постановление (на которое консул ссылается в речи перед войском; *App. BC. I. 65–66*), последнее еще не могло иметь в виду врага, открыто выступавшего против Города с оружием в руках.

Несмотря на все сказанное, определенный «протор» для предположения о том, что Цинна был объявлен врагом государства, сохраняется. Рассмотрим то, как попытался это использовать Бауман.

В статьях 1966 и 1968 гг. Бауман сформулировал концепцию, согласно которой досрочное лишение империя — аброгация (*abrogatio imperii*) — могли осуществляться только комициями и только при нарушениях в сфере *militiae*. Сенат со своей стороны мог лишь попытаться принудить магистрата к формально добровольному отказу от должности — абдикации (*abdication*). Спорный момент заключался в том, мог ли сенат узурпировать право народа на отстранение магистрата от должности, на что жаловался Цинна в повествовании Аппиана. По мысли Баумана, доктрина добровольного отказа от магистратуры, по предложению сената, ради

общественных интересов убеждала (*encouraged*) сенат в том, что он является защитником этих интересов. Поэтому когда в Сивиллиных книгах (*Gran. Lic. XXXV. 1–2 Criniti*) обнаружили, что мир может быть восстановлен, только если Цинна будет изгнан, сенат получил традиционное обоснование для соответствующих действий. Но ввиду того, что добровольное (даже под давлением) сложение полномочий Цинной было маловероятным, обратились к новой стратегии, — отмечает Бауман. Согласно Аппиану, «Сенат постановил, что поскольку Цинна, будучи консулом, оставил Город в опасности и объявил свободу рабам, он не является ни консулом, ни даже гражданином, и вместо него избрал Луция Мерулу, жреца Юпитера»⁴. По мнению Баумана, сенат, объявив Цинну таким образом *hostis*, «просто реализовал собственную доктрину» (*simply applied its own doctrine*), поскольку это постановление «по сути» (*in principle*) не отличалось от *senatus consultum ultimum* (SCU), примененного против Г. Гракха или марианцев. Сенат не претендовал на то, чтобы аннулировать империй Цинны напрямую, но имел в виду то, что если Цинна — *hostis* и более не гражданин, то он автоматически и не консул. Как заключает Бауман, сенат действовал, следовательно, при помощи процедуры, которая никак не была связана с комициями. Законность действий сената всецело зависела от законности *hostis-Erklärung* [9. Р. 131–133; 10. Р. 37, 41–43].

Первое, что следует заметить: Бауман учитывает лишь взгляды тех, кого он называет «оптиматами», а также предполагаемые представления сенаторов вообще о том, в чем должна заключаться роль их собрания в ситуациях, когда возникала, с их точки зрения, необходимость досрочного лишения кого-либо магистратуры [9. Р. 133–134]. Фактически Бауман признает, что, не имея права напрямую аннулировать империй, сенат в случае Цинны прибегнул к объявлению консула *hostis*, что на практике с необходимостью означало потерю им власти. Я полагаю, что сенат действительно стремился лишить Цинну власти, но то, что избранный для этого механизм означал формальное лишение должности, еще требуется доказать. Далее, даже если постулировать последнее, остается неясным, было ли такое решение легальным и являлось ли оно легитимным. Сам Бауман признает, что отстранение магистрата напрямую постановлением сената было бы признано узурпацией власти народа. Но разве тем же самым не посчитали бы объявление сенатом какого-либо *hostis*, если такое решение с необходимостью приводило к такой же формальной утрате магистратского положения и, даже более того, еще и лишало статуса гражданина? В независимости от того, как мы понимаем содержание постановления сената против Цинны, римляне прекрасно осознавали, что на практике оно представляло собой не что иное, как попытку узурпации власти комиций. В противном случае Цинна в передаче Аппиана не указывал бы именно на это в речи на воинской сходке, а Веллей (*Vell. Pat. II. 20. 3*) и Цицерон (*Cic. Att. IX. 10. 3*) прямо не называли бы действия се-

ната незаконными (даже при том, что Цинне они явно не симпатизировали).

Если акт, направленный против консула, был легитимным только для одной из сторон конфликта, то концепция Баумана в действительности ничего не объясняет, а только целиком повторяет ту позицию, которой придерживались оппоненты Цинны. Неудивительно, что в рамках этой системы представлений остается без ответа вопрос о том, почему решение сената об отстранении Цинны могло быть и было им оспорено (сложно переоценить значение этого момента для понимания того, почему в конечном итоге Цинна одержал победу и был снова признан консулом).

В трактовке Баумана главным обоснованием отстранения Цинны фактически становится для сената ссылка на авторитет Сивиллиных книг (*Gran. Lic. XXXV. 1–2 Criniti*). К нужному пророчеству, как это обычно бывает, обратились для того, чтобы «задним числом» обосновать уже совершенные действия. Но верно заключает Морстейн-Маркс, что это было сомнительное оправдание [5. Р. 265]. Тот факт, что к нему все же прибегли, уже сам по себе демонстрирует, как мне представляется, слабость позиции сената. Морстейн-Маркс полагает, что таким образом пытались купировать возмущение по поводу очевидного нарушения *mos maiorum* и конституционных прав народа. Вдобавок ко всему, была нарушена традиционная процедура обращения к Сивиллиным книгам [Ibid.]. Действительно, как сообщает Граний Лициниан, предсказание было зачитано перед всеми, т.е. на народной сходке (на *contio* указывает употребление *palam*), чего ранее никогда не делалось (XXXV. 1–2 Criniti). С. Саттерфилд отмечает, что случай 87 г., строго говоря, все же не был первым, когда сенат публиковал пророчество из Сивиллиных книг, но, тем не менее, такая публикация была чрезвычайно редким явлением [11. Р. 119, п. 6]. В Риме народу сообщались либо те пророчества, которые касались и без того уже всем известных процедур, либо те, которые относились к ситуациям настолько необычным, что они имели все шансы остаться уникальными [Ibid. Р. 124]. Если это так, то в нашем случае речь могла идти как раз о последнем варианте: сенат пытался оправдать свои действия уникальностью сложившихся обстоятельств, якобы потребовавших беспрецедентных мер.

Наконец, к обсуждению всех этих деталей имеет смысл обращаться, строго говоря, лишь после того, как будет доказано, что постановление сената против Цинны действительно означало объявление его *hostis*. Никакого обоснования этого тождества Бауман в статьях 1966 и 1968 гг. не приводит. Кроме того, он допускает, что постановление против Цинны принципиально не отличалось от SCU, что еще больше запутывает дело. Даже если пренебречь тем, что SCU не могло быть направлено против конкретного лица, в отличие от *hostis-Erklärung*⁵, эти два акта, вдобавок ко всему, вполне сочетались друг с другом. Как полагает Унгерн-Штернберг, SCU подготавливало *hostis-Erklärung* [3.

S. 112]. А. Аллели же отмечает возможность применения указанных механизмов и независимо друг от друга [12. Р. 19]. Если это так, то SCU и *hostis-Erklärung* – акты принципиально различного характера, и их нельзя сводить один к другому. Во всяком случае, здесь явно требуются дополнительные комментарии, которых Бауман не предоставляет.

В своей более поздней работе, опубликованной в 1973 г. [4], Бауман уточнил интерпретацию интересующего нас эпизода. К сожалению, и на тот момент исследователь, по всей видимости, еще не имел доступа к монографии Унгерн-Штернберга, поэтому не учитывает его аргументы «против» версии о том, что Цинна был объявлен *hostis*.

Статья 1973 г. интересна тем, что в ней Бауман уже не ограничивается простым выводом о том, что сенат объявил Цинну врагом. По мысли исследователя, постановление сената выполняло пробулевтическую функцию, т.е. подготавливало решение комиций об абrogации империя Цинны. Аргументируется этот вывод ссылкой на то обстоятельство, что очень часто фраза *ex auctoritate senatus* (которую в отношении событий 87 г. употребляет Веллей⁶) применялась в качестве синонима выражения *ex senatus consulto*, а оно, в свою очередь, указывало на предварительное одобрение сенатом того решения, которое далее должно было быть предложено на голосование народу [Ibid. Р. 286]. Однако все подобные случаи, в том числе тот, который Бауман считает наиболее похожим на ситуацию Цинны (*Liv. IV. 49. 6*; речь идет о предварительном одобрении сенаторами законопроекта о выведении колонии), не касаются пробулевтических постановлений именно по поводу лишения должности.

Таким образом, к уточнению процедуры отстранения Цинны вышеупомянутые эпизоды прямого отношения не имеют. О том, что в действительности они никак не проясняют интересующие нас события, говорит уже то, что Цинна оспаривал решение сената против него, в то время как в эпизодах, с которыми Бауман сопоставляет наш случай, никому из действующих лиц не приходило в голову ставить под сомнение право сената выражать свое мнение по поводу того, что будет в дальнейшем предложено комициям на голосование.

Достаточно и таких примеров, когда выражение *ex auctoritate senatus* или эквивалентные ему словосочетания употреблялись, но ни о каком последующем решении комиций речи совершенно определено не шло. Более того, среди подобного рода случаев есть тот, который касается как раз отстранения магистрата от должностных обязанностей. Светоний, сообщая об отстранении Г. Юлия Цезаря от претуры в 62 г., отмечает, что оно было осуществлено по решению сената (*Suet. Iul. 16: administratione rei publicae decreto patrum submoverentur*). Это постановление не привело далее к голосованию в комициях и было отменено опять-таки решением одного сената (*in integrum restituit inducto priore decreto*) [13]. Причина, по которой Бауман не сопоставляет случай Цинны с теми эпизодами, которые

на него похожи по существу, а не только тем, что в них какую-то роль играло постановление сената, состоит, на мой взгляд, в том, что исследователь неверно интерпретирует отстранение Цинны как формальное лишение должности.

Бауман упускает из виду то, что источники (Рег. LXXIX; *Gran. Lic.* XXXV. 1–2 Criniti) говорят об оппозиции шестерых (т.е. большинства) плебейских трибунов решению об отстранении Цинны, что следует из сообщений об их удалении из Рима вместе или вслед за консулом. Это весьма важное обстоятельство, так как если трибуны препятствовали утверждению постановления сената, то, строго говоря, сенатом должно было быть принято не *senatus consultum*, а именно *senatus auctoritas*, которую и упоминает Веллей⁷. Таким образом, не исключено, что *senatus auctoritas* употребляется им в техническом значении и указывает именно на такое решение сенаторов, которое было заблокировано трибунами (в отличие от *senatus consultum* в значении «такое постановление, которое не было заблокировано») [14. Р. 85]. Если это так, то как раз в данном случае проблематично говорить о том, что фраза *ex auctoritate senatus* использовалась в качестве синонима выражения *ex senatus consulto*.

Если полагать, что Веллей точен настолько, что употребляет выражение *senatus auctoritas* в указанном техническом значении, то тогда тем более маловероятно, что он лишь случайно не сообщил о пробулевтическом характере постановления сената и не подчеркнул, что решение об отстранении технически принимали комиции, а не сенат. Бауман сначала никак не объясняет то, почему пробулевтическое, по его мнению, сенатское постановление, т.е. по сути подготовительное решение, называется в источниках, а более важный акт, решение комиций, без которого декрет сената не достигал цели, обходится молчанием. Сложно поверить в то, что в условиях, когда Цинна оспаривал законность действий его врагов, наши источники упустили именно ту информацию, которая имела самое непосредственное отношение к этому вопросу. Ведь наличие решения комиций поставило бы Цинну в несравненно худшие условия, чем одно лишь постановление сената. Трудно представить, например, что Аппиан реконструировал бы аргументацию Цинны в речи перед солдатами именно в том виде, в каком греческий автор это делает, если бы комиции действительно отняли у Цинны консулат. (Бауман и сам склоняется к заключению о том, что голосование комиций против Цинны так и не состоялось, но данный вывод он приводит не там, где говорит о пробулевтическом характере постановления сената [4. Р. 286], а в другом месте [Ibid. Р. 289], что сбивает с толку читателей его статьи. См. об этом ниже.)

Неубедительна и ссылка Баумана на избрание консулом-суффектом (на место Цинны) Л. Корнелия Мерулы комициями для подкрепления тезиса о том, что до этого Цинна был ими отстранен [Ibid. Р. 286]. То, что Мерула был избран комициями, еще требуется дока-

зать, чего Бауман не делает и что вряд ли возможно сделать. Так, фраза Аппиана (BC. I. 65) [ἡ] ...βουλὴ... Λεῦκιον Μερόλαν ἐχειροτόνησαν ἀντ' αὐτοῦ («сенат... избрал вместо него (sc. Цинны) Луция Мерулу») прямо свидетельствует совсем о другом: именно сенат назначил суффекта. Может показаться, что в тексте Аппиана гл. ἐχειροτόνησαν, стоящий во мн. ч., не относится к ἡ βουλὴ (в ед. ч.). Однако, как писал по поводу именно этого случая Катц [7. Р. 163, п. 3], весьма вероятно, что вместо сената в ед. ч. подразумеваются «сенаторы» во мн. ч. (например, βουλευταὶ или аналоги этого термина), т.е. при подлежащем, выраженном собирательным существительным, глагол стоит во мн. ч., поскольку идет согласование по смыслу. На мой взгляд, именно такой перевод является единственно возможным, учитывая то, что в дальнейшем повествовании Аппиана Цинна жалуется на то, что сенат во всем действовал самостоятельно, совершенно проигнорировав мнение народа.

Бауман, со своей стороны, лишь бездоказательно называет ошибочным мнение некоторых исследователей о том, что избрание Мерулы было актом самого сената, а не комиций [4. Р. 286–287, п. 91]. Между тем и отстранение Цинны, и назначение Мерулы были осуществлены, как можно заключить из показаний Аппиана и Веллея, одним и тем же сенатским постановлением, пробулевтическую функцию которого в отношении отстранения консула Бауман все же считает необходимым доказывать. В «пользу» такой же функции этого постановления в отношении назначения суффекта он аргументы не приводит и доказывает абrogацию консулата Цинны комициями через недоказанное избрание Мерулы комициями.

Бауман ссылается на Э. Груэна [15. Р. 231–234], когда утверждает, что Мерула входил в число противников Цинны. Если народ избрал такого человека, то тогда тем более вероятно, что до этого он отстранил Цинну [4. Р. 286]. Во-первых, здесь нет, конечно, прямой связи. Даже если народ избрал Мерулу, Цинна по-прежнему технически мог быть отстранен иначе, чем решением народа. Во-вторых, у Груэна я не нахожу утверждения о том, что Мерула – очевидный противник Цинны. Таким образом, перед нами вывод не Груэна, а самого Баумана, но последний никак этот вывод не аргументирует. В то же время Катц не без оснований указывает на то, что Мерула был, напротив, нейтральной фигурой [7. Р. 162–163, п. 2], что можно подтвердить хотя бы словами Аппиана (BC. I. 74) о том, что единственной причиной позднейшего преследования Мерулы стал сам факт того, что он занимал место Цинны, а не какие-либо его конкретные действия. Но если он первоначально не был противником Цинны, то его предполагаемое избрание народом (само по себе, повторюсь, недоказанное) никак не может увеличивать вероятность того, что благожелательно расположенный к Меруле народ до этого отстранил Цинну (которого совсем недавно сам и избрал).

Даже если при интерпретации событий 87 г. рассматривать *ex auctoritate senatus* в тексте Веллея как

указание на акт, который подготавливал другое решение, то необходимо принимать во внимание не только возможность того, что подразумевалась подготовка голосования комиций – единственный вариант, который учитывает Бауман, но и то, что имели в виду какое-то самостоятельное (в рамках собственных полномочий) действие второго консула Октавия. Ведь нередко фраза *ex auctoritate senatus* означала поддержку сенатом собственного акта консула, для имплементации которого созыва комиций не требовалось⁸.

Наконец, если бы мы признали *ex auctoritate senatus* указанием на пробулевтический акт сената, это еще не приводило бы к выводу о том, что за этим актом на деле последовало какое-либо решение другого органа, в том числе комиций. Парадоксально, но сам Бауман в конечном итоге признает именно это: голосование комиций, действительно, так и не состоялось; сенат так и остался единственной «инстанцией», которая на деле участвовала в отстранении Цинны [4. Р. 289]. Поскольку комиции – как несколько неожиданно заключает Бауман – оказались «ни при чем», исследователь концентрирует внимание на характере постановления сената. Он подчеркивает то, что, по его мнению, в рассматриваемом случае имел место особенный расширенный акт об объявлении врагом, сформулировать который позволяла характерная для *hostis-Erklärung* «гибкость» (*elastic properties*) [Ibid. Р. 287–288]. Причина корректировки Бауманом своего более раннего утверждения о том, что была реализована «простая» *hostis-Erklärung* (без уточнения, что декларация против Цинны отличалась от «стандартной»), видимо, в том, что нигде в источниках нет фразы о том, что Цинна был объявлен *hostis*. Бауман теперь не игнорирует это обстоятельство, но, видимо, считает, что оно вполне объясняется якобы особым характером *hostis-Erklärung* в исследуемом случае. По логике исследователя, поскольку данный конкретный акт состоял в сочетании лишения должности с лишением гражданских прав, именно об этих двух санкциях, а не о как таковом объявлении *hostis*, и говорят источники. Судя по изложению Аппиана (BC. I. 65), в латинском тексте предполагаемого постановления вполне могла содержаться вместо *hostem esse* фраза *neque consulem neque civem esse*, – заключает Бауман. Принятое сенатом решение должно было быть затем подтверждено комициями, однако на деле оно было поддержано только в части избрания Мерулы, а до голосования комиций по поводу абrogации империя Цинны дело так и не дошло [Ibid.].

Прежде всего, недоумение вызывает последний тезис Баумана. Ведь если комиции так и не аннулировали консульскую власть Цинны, но Мерулу все же избрали, то последний оказывался бы в таком случае третьим консулом, что вряд ли возможно. Однако капитальное противоречие в концепции Баумана заключается в ином. Исследователь подчеркивает, что лишение консульства не достигалось данным постановлением сената автоматически (вследствие лишения гражданских прав), а представляло собой отдельную эксплицитно

сформулированную санкцию. Однако ученый сам признавал, как было указано выше, что если бы сенат попытался отнять магистратуру собственным решением, напрямую, а не завуалировано (через лишение гражданских прав посредством «обычной» *hostis-Erklärung*), то такой акт воспринимался бы как узурпация власти народа. Таким образом, из рассуждений самого Баумана можно прийти к следующему. Либо Цинна формально так и не был лишен консульства, поскольку сенаторы своим постановлением и не стремились это сделать, т.е. постановление имело декларативный пробулевтический характер, а высказанные в нем пожелания таковыми и остались, поскольку комиции их не утвердили. Либо Цинна все же был формально лишен консульства, но такое решение было актом только самого сената и представляло собой узурпацию им власти комиций. Различие между этими двумя вариантами невелико и связано только с неодинаковым ответом на вопрос о том, как сам сенат позиционировал свое постановление. Цинна (и не только он) в любом случае оспаривал законность этих действий.

При интерпретации событий 87 г. до н.э. нередко забывают о том, что в источниках нигде прямо не сказано, что сенатское решение против Цинны понималось иначе, чем как простая декларация (без каких-либо юридических последствий) мнения сенаторов о том, что Цинна не достоин быть ни консулом, ни даже гражданином. Доказательством того, что именно такая интерпретация должна быть принята как базовая, могут служить все те случаи, когда сенат настаивал на абдикации, но решение об оставлении должности формально принимал все же сам магистрат. Если он этого не делал, то постановление сената никаких последствий не имело. Здесь можно вспомнить о событиях 63 г., когда Цицерон высказался о преторе П. Корнелии Лентуле, используя выражения, очень похожие на те, которые (в греческом варианте) употребил Аппиан в рассказе о постановлении сената против Цинны: «Ведь П. Лентул, хотя он на основании обнаруженных доказательств, своего собственного признания и суждения сената лишился не только прав претора, но даже и прав гражданина, все же сам отказался от магистратуры...»⁹. Таким образом, постановление сената, видимо, признававшее Лентула недостойным претуры и даже гражданских прав, формально к отстранению претора не привело: все дело решила абдикация. Наш случай от этой ситуации резко отличаются два обстоятельства: во-первых, отказ Цинны от добровольного сложения полномочий, а во-вторых, последующее назначение Мерулы. Первое означает, что Цинна формально так и остался консулом, а второе приводит к необходимости оценки законности вовсе не ответных действий Цинны, а назначения суффекта.

Потерю должности можно было бы понять как неизбежное следствие потери прав гражданина вследствие объявления врагом, и именно так первоначально и рассуждал Бауман [9. Р. 133]. Однако в своей позднейшей статье он настаивает на том, что сенат посчи-

тал такую процедуру недостаточно надежной [4. Р. 288]. Неизбежный вопрос о том, почему именно и только в данном эпизоде сенат решил «перестраховаться», исследователь оставляет без убедительного ответа. Бауман делает предположение о том, что опасения могли быть связаны с консульским статусом Цинны, но сам же дезавуирует это объяснение, упоминая события 88 г. Тогда даже статус плебейского трибуна, личность которого считалась неприкосновенной (*sacrosanctitas*), никак не помешал сенату не только объявить П. Сульпиция Руфа *hostis*, но и успешно добиваться, как уже было отмечено выше, преследования и физического устранения этого должностного лица.

Итак, в источниках нет прямого указания на объявление Цинны врагом (*hostem iudicare*). Есть лишь сообщение Аппиана о том, что сенат посчитал Цинну недостойным звания консула и гражданина. Вместо того, чтобы формулировать вывод об отсутствии *hostis-Erklärung*, Бауман делает из сената изобретателя особой формы этой декларации – «*interpreting its own hostis declaration*» [Ibid.]. Баумана не настораживает даже то, что он сам вынужден признать отсутствие каких-либо рациональных причин того, что сенат решил сформулировать постановление об объявлении *hostis* иначе, чем это делалось обычно.

Для того чтобы гипотеза Баумана работала, нужно также доказать, что постановление сената против Цинны звучало «жестче», чем «простое» объявление *hostis*. Исследователь обосновывает это тем, что «обычная» *hostis-Erklärung* лишала магистратуры не напрямую, а за счет того, что аннулировала гражданские права, в то время как декларация против Цинны сразу включала в себя и то, и другое. Обе санкции были явно сформулированы независимо друг от друга и представляли собой наказание за действия, совершенные Цинной в разном качестве: как консулом и как гражданином. Аргументация этого тезиса Бауманом сводится к тому, что в соответствующем пассаже Аппиана (BC. I. 65) слово *ὑπάτων* повторяется только в той части, где речь идет об оставлении Города в опасности. На этом основании Бауман делает вывод, что Цинна покидает Город как консул и за это лишается консульства, а свободу рабам предлагает как частное лицо (ведь не повторяется слово *ὑπάτων*) и за это лишается гражданства [Ibid. Р. 287]. Замечу, прежде всего, что вместо слова *ὑπάτων* во второй части фразы не стоит ничего, хотя по логике Баумана там должно было быть добавлено, например, *πολίτην*. Тогда предполагаемое противопоставление носило бы законченную форму. Но почему, собственно, нельзя предположить, что и во второй части подразумевалось *ὑπάτων*? Отвергать такую интерпретацию можно только в том случае, если утверждать, что консул мог обещать рабам свободу, лишь если предварительно снял бы знаки консульского достоинства и выступил бы именно как частное лицо. Однако это было бы не просто бессмысленно, но и вредно для него. Наибольший политический потенциал должен был иметь призыв к рабам как раз в том случае, когда он

исходил от консула, а не от частного лица. Наконец, постановку слова *ὑπάτων* не в конце всей фразы, а до слов *δοῦλοις ἐλευθερίαν κηρύττοντα* (и отсутствие повтора *ὑπάτων* в этой части высказывания) можно легко объяснить хотя бы тем, что оставление Города в опасности частным лицом (т.е. простой отъезд частного гражданина из Рима во время беспорядков в нем) не наказуемо. Именно поэтому потребовалось уточнение «будучи консулом, оставил Город в опасности». В то время как обещание свободы рабам наказуемо и в том, случае, если обещает консул, и в том случае, если обещает частное лицо.

Концепция Баумана об особой расширенной *hostis-Erklärung* против Цинны аргументируется также тем, что якобы в передаче Аппиана порядок санкций в сенатском постановлении был необычным. Сначала называется лишение консульства, а затем лишение гражданства, а не наоборот (когда лишение гражданских прав в результате «стандартной» *hostis-Erklärung* автоматически приводило затем к потере консульства) [4. Р. 287]. Однако такой порядок будет казаться странным лишь в том случае, если постановление сената против Цинны считать *hostis-Erklärung*. Если отказаться от этого предположения, то «противоречие» разрешится само собой. На мой взгляд, последовательность санкций в рассматриваемом случае определялась обычной логикой перечисления от меньшего к большему: сначала лишали консульства (меньшего), а потом гражданства (большого). Перечисление политических санкций от менее строгой к более строгой мы часто обнаруживаем в других случаях, в том числе в имеющем непосредственное отношение к проблеме изучения механизмов досрочного отстранения магистратов от должностных обязанностей пассаже Цицерона, где перечисляются меры, которые в ходе политической борьбы могут быть предприняты против плебейских трибунов¹⁰. На то, что потеря гражданских прав воспринималась как более строгое наказание для Цинны, недвусмысленно указывает *πολίτην ἔτι* («даже гражданином»). В то время как в концепции Баумана все наоборот: именно упоминание лишения консульства, а не лишения гражданских прав, якобы делало *hostis-Erklärung* против Цинны «жестче».

Более общее внутреннее противоречие предложенной Бауманом трактовки событий 87 г. состоит в следующем. С одной стороны, он утверждает, что акт сената формулировался как пробулевтический. Если так, то он достигал бы цели только в случае последующего утверждения комициями. С другой стороны, Бауман делает вывод о том, что постановление сената, на практике так и не поддержанное голосованием комиций, оказывается вполне самодостаточной (и даже более того, необычно эффективной) *hostis-Erklärung*.

Но особенно рельефно концепция Баумана обнаруживает ограниченность своего объяснительного потенциала тогда, когда на ее основе интерпретируется описание Аппианом поведения Цинны перед войском у Капуи. Ученому, по сути дела, приходится разрешать

следующее противоречие: если объявление Цинны врагом планировалось утвердить комициями, но до голосования дело так и не дошло, то почему Цинна все же не проигнорировал декларативное либо незаконное решение сената? Бауман находит выход в предположении о том, что Цинна решил «сыграть на опережение», не дожидаясь комиций, которые точно лишили бы его власти. Согласно исследователю, для этого Цинна совершил абдикацию перед солдатской сходкой. Расчет был основан якобы на том, что народ, «вероятно», не смог бы ни аброгировать то, от чего Цинна уже отказался сам, ни лишить его «первоначального» (т.е. предоставленного комициями в Риме) империя тогда, когда солдаты уже наделили его «новым» [4. Р. 288–289]. Но в таком случае оказывается, что с целью упрочить свое положение Цинна сначала отказался от должности, предоставленной ему абсолютно законно, а затем на собрании войска, будто на комициях, был заново избран консулом. Но укрепил бы он тем самым легитимность своего положения? Скорее наоборот, ведь, согласно Ливию, комиции в действующем войске были давно запрещены (*Liv.* VII. 16. 7–8; 357 г.). Пытаясь доказать неактуальность этого запрета в I в., Бауман ссылается лишь на единственный эпизод ок. 212 г., где о воинских комициях говорится в контексте возмущения сената по поводу претензий на ранг пропретора со стороны простого всадника, избранного полководцем войсками в дальней провинции после гибели магистратов, возглавлявших армию (*Liv.* XXVI. 2)¹¹. Данный случай, таким образом, ясно демонстрирует как раз то, что организацией своего переизбрания «воинскими комициями» (если теоретически допускать возможность такого переизбрания) Цинна подорвал бы собственное положение гораздо «надежнее», чем это был способен сделать сенат.

Если целью Цинны было завоевание расположения армии, то заполучить поддержку войска он мог не только за счет переизбрания консулом, но и за счет подтверждения солдатами уже имевшегося у него статуса консула, что делает предположение о переизбрании избыточным. Кроме как на основании этого общего соображения, предположение Баумана об избрании Цинны «воинскими комициями» должно быть отвергнуто по целому ряду дополнительных причин:

1. Оно прямо противоречит содержанию передаваемой Аппианом речи Цинны, так как переизбрание войсками стало бы тем же самым, в чем Цинна обвинял сенат, – беззаконием.

2. Оно противоречит содержанию указанной речи еще и потому, что в последней прямо отмечается, что Цинна добивался от войска не переизбрания, а именно подтверждения уже совершенного ранее избрания (εἰ μὴ βεβαιώσετε μὲν, ἃ δίδετε).

3. Сложение фасок перед *contio* (что сделал Цинна, выступая перед войском), вопреки мнению Баумана [Ibid. Р. 288], само по себе не говорит об абдикации (отказ от должности в интерпретации исследователя должен предварять переизбрание), а может символизиро-

вать признание магистратом верховенства народа, избравшего его (жест идеально подходящий содержанию речи Цинны); достаточно вспомнить хотя бы хотя бы традицию о консуле 509 г. П. Валерии Публиколе (см., например, *Liv.* II. 7. 7).

4. То, что Цинна разодрал собственное магистратское одеяние [4. Р. 288], само по себе также не указывает на абдикацию, и не только потому, что это был бы слишком экстравагантный способ отказа от должности. Даже если разодранную одежду Цинны приравнять к снятой одежде (т.е. имел место показательный отказ от ее ношения вообще, а не прием, рассчитанный на то, чтобы разжалобить аудиторию), то можно вновь сослаться на случай Цезаря 62 г., когда он сменил одеяние должностного лица на одежду лица частного (*Suet.* Iul. 16). Это не помешало ему через несколько дней продолжить исполнять обязанности претора без всякого переизбрания, как только сенат отменил решение об отстранении Цезаря от должностных обязанностей [13].

5. Если Цинна был «воинскими комициями» законно наделен «новым» империем, как настаивает Бауман, то, во всяком случае, составители консульских фаст об этом ничего не знают.

6. Бауман делает почти курьезное предположение о том, что «длительная неподвижность» (*long immobility*) Цинны, который после завершения своей речи бросился с трибунала в толпу и продолжительное время лежал на земле, объясняется тем, что в течение всего этого времени как раз и должны были проходить воинские комиции, которые его переизбрали [4. Р. 288].

7. Конечно, не является убедительным и такой аргумент Баумана: несмотря на «запутанность» (*devious*) такой стратегии Цинны, последний прибег к ней потому, что «простым человеком» (*simple man*) он якобы не был [Ibid. Р. 289]. Цинна, каким бы «непростым человеком» он ни был, не обязан был следовать запутанной стратегии, предполагаемой Бауманом.

8. Наконец, Бауман ссылается на то, что империй в то время находился «в чрезвычайно неустойчивом состоянии» (*in a state of considerable fluidity*): можно было отбирать его заочно, как и, возможно, лишать конкретного командования или провинции без аннулирования самого империя [Ibid.]. Но неясно, какое отношение это имеет к трем ключевым тезисам Баумана, которые он должен доказывать для того, чтобы его концепция работала, т.е. к следующим положениям: (1) солдаты на момент 87 г. могли законно избрать консула в воинском лагере; (2) Цинна совершил абдикацию на воинской *contio*; (3) расчет Цинны строился на том, что предоставленный солдатами империй уже не могли аброгировать комиции в Риме.

При всей неубедительности аргументации Баумана, его исследование в высшей степени ценно, поскольку в нем была сделана попытка реконструировать следствия (очень показательные) из предположения о том, что Цинна был объявлен *hostis*, но не был отстранен комициями. На мой взгляд, рациональное зерно в концепции Баумана есть и заключается оно в признании того, что объективно

положение Цинны как консула было поставлено под сомнение, что Цинна не мог просто проигнорировать акт сената, и что он должен был предпринять какие-то действия, если хотел и далее исполнять должность консула

[4. Р. 289]. Результаты анализа предложенной Бауманом интерпретации, прежде всего, подводят к необходимости осмысления и объяснения именно этого чрезвычайно важного обстоятельства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источники см.: [1. Р. 46].

² Автор благодарит Марко Мюллера (Marko Müller; Университет Бремена, Германия) и Якуба Филоника (Jakub Filonik; Ягеллонский университет в Кракове, Польша) за помощь в получении доступа к ряду важных исследований по теме.

³ Ср., например, *Liv. Per. LXXVII*: a senatu hostes... iudicati sunt.

⁴ *App. BC. I. 65*: Ἡ μὲν δὲ βουλὴ τὸν Κίνναν, ὡς ἐν κινδύνῳ τε τὴν πόλιν καταλιπόντα ὑπάτον καὶ δοῦλοις ἐλευθερίαν κηρύσσοντα, ἐψηφίσατο μῆτε ὑπάτον μῆτε πολίτην ἐπὶ εἶναι καὶ Λεύκιον Μερόλαν ἐχειροτόνησαν ἀντ' αὐτοῦ, τὸν ἱερέα τοῦ Διός.

⁵ См., например, [12. Р. 19].

⁶ *Vell. Pat. II. 20. 3*: e qua (sc. urbe) pulsus collegae optimatumque viribus, cum in Campaniam tenderet, ex auctoritate senatus consulatus ei abrogatus est suffectusque in eius locum L. Cornelius Merula, flamen Dialis. haec iniuria homine quam exemplo dignior fuit («Цинна, вытесненный из него (sc. из Города) силами (своего) коллеги и оптиматов, направился в Кампанию. По решению сената он был отстранен от консулата, а на его место был назначен Л. Корнелий Мерула, жрец Юпитера. Это беззаконие более соответствовало случаю Цинны, чем было достойно стать примером»).

⁷ Есть основания полагать, что, во всяком случае, постановление сената не могло иметь форму SCU. Это признает и сам Бауман [4. Р. 293, п. 125]. Стандартная для SCU формулировка *videant consules* означала, что Цинна оказывался бы в числе тех, кто должен был бы по постановлению сената предпринять те или иные меры против себя самого. Даже если остаются сомнения по поводу убедительности этого аргумента, в любом случае, в источниках, как справедливо отмечает Аллели, нет никаких намеков на применение именно данной формы постановления сената [12. Р. 29].

⁸ Ср., например, *Liv. XXVI. 27. 6*: itaque consul ex auctoritate senatus pro contione edixit...

⁹ *Cic. Cat. III. 15*: Nam P. Lentulus, quamquam patefactis indicibus, confessionibus suis, iudicio senatus non modo praetoris ius, verum etiam civis amisserat, tamen magistratu se abdicavit...

¹⁰ *Cic. Att. VII. 9. 2*: ...tribunus plebis senatum impediens aut populum incitans notatus aut senatus consulto circumscriptus aut sublatus aut expulsus sit... («...плебейский трибун, препятствующий сенату или возбуждающий народ, пусть будет либо подвергнут порицанию, либо ограничен сенатским постановлением, либо отстранен, либо изгнан...»).

¹¹ Подробнее об этом эпизоде см.: [16].

ЛИТЕРАТУРА

- Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. N. Y. : American Philological Association, 1952. Vol. 2. 647 p.
- Kunkel W. Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik. Zweiter Abschnitt: Die Magistratur. München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1995. 806 s.
- Ungern-Sternberg J. Untersuchungen zum Spätrepublikanischen Notstandrecht. München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1970. 153 s.
- Bauman R.A. The *hostis* Declarations of 88 and 87 B.C. // *Athenaeum*. 1973. Vol. 51. P. 270–293.
- Morstein-Marx R. Consular Appeals to the Army in 88 and 87: the Locus of Legitimacy in Late-Republican Rome // *Consuls and Res Publica* / eds. H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 259–278.
- Katz B.R. Studies on the Period of Cinna and Sulla // *L'antiquité classique*. 1976. Vol. 45. P. 497–549.
- Katz B.R. The Selection of L. Cornelius Merula // *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 1979. Bd. 122. S. 162–166.
- Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 202 p.
- Bauman R.A. The Abdication of 'Collatinus' // *Acta classica*. 1966. Vol. 9. P. 129–141.
- Bauman R.A. The Abrogation of Imperium: Some Cases and a Principle // *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 1968. Bd. 111. P. 37–50.
- Satterfield S. Notes on Phlegon's Hermaphrodite Oracle and the Publication of Oracles in Rome // *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 2011. Bd. 154. S. 117–124.
- Allély A. La déclaration d'*hostis* sous la République romaine. Bordeaux : Ausonius, 2012. 320 p.
- Frolov R.M. Better than (when) a Magistrate? Caesar's Suspension from Magisterial Functions in 62 BC // *Mnemosyne*. 2017. Advance articles. URL: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/1568525x-12342265> (дата обращения: 18.03.2017).
- Lintott A. The Constitution of the Roman Republic. Oxford : Oxford University Press, 1999. 297 p.
- Gruen E.S. Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C. Cambridge, Mass : Harvard University Press, 1968. 337 p.
- Фролов Р.М. Dux tumultuarius Л. Марций Септим в 212 г. до н.э.: идентификация и самоидентификация организатора воинских contiones // Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4/2 (22/2). С. 135–137.

Frolov Roman M. P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia). E-mail: frolovrn@yandex.ru

R. BAUMAN'S VIEWS ON THE SUSPENSION OF L. CORNELIUS CINNA FROM MAGISTERIAL DUTIES IN 87 BC

Keywords: Roman Republic; L. Cornelius Cinna; suspension from office; *hostis*-Erklärung; R. Bauman.

This paper aims to examine R. Bauman's interpretation of the suspension of the Roman consul L. Cornelius Cinna from magisterial duties in 87 BC. To this end, the following tasks need to be accomplished. First, the general objections against the view within which Bauman considers the episode must be described (according to this view, Cinna was deprived of his authority by the senate that declared him a public enemy – *hostis publicus*). Secondly, Bauman's conclusions and the course of the development of his ideas concerning Cinna's suspension are to be clarified. Finally, his arguments must be critically assessed. The methodology of the present historiographical study consists first of all of a comparison of the assertions which Bauman makes in his different articles (published in 1966, 1968, and 1973). It also suggests an assessment of each of these assertions on its own merits. The source base for this analysis is the ancient narrative tradition. As a result, the following conclusions can be drawn. In his 1966 and 1968 articles, Bauman points out that Cinna's virtual disfranchisement by the *hostis-Erklärung* practically resulted in his loss of the magisterial status as well. However, in the 1973 paper, Bauman argues that the senate, in effect, interpreted "its own *hostis* declaration" whereby Cinna was deposed directly. This contradicts Bauman's idea (articulated in the same article) that the senatorial decree was meant merely to be "put to probouleutic use for the purposes of a *rogatio* to the people" concerning the abrogation of Cinna's consular *imperium* (*abrogatio imperii*), even though in reality the vote in the *comitia* never happened. According to Bauman's entirely unsupported view, "Cinna may have decided to forestall this": he

voluntarily abdicated in a meeting at the military camp (where he arrived after being forced to leave Rome). He then secured a reelection at an “assembly *militiae*”. Bauman’s logic is that Cinna thus avoided his deposition by the decision of the *comitia* in Rome because the people’s “purported abrogation of the original *imperium*” could not apply to its “reconferred version”. The present paper considers in detail the internal contradictions of this interpretation and demonstrates that there is no convincing evidence that may support Bauman’s propositions. At the same time, it is concluded that an analysis of this scholar’s views may help to come closer to a new understanding of the controversial episode of 87 BC because Bauman rightly draws attention to an important detail that needs to be understood and explained: whatever the assessments of the legality and legitimacy of Cinna’s suspension, his position as a consul was indeed undermined. Cinna could not ignore the senatorial decree and must take action if he hoped to proceed with exercising his consular powers.

REFERENCES

1. Broughton, T.R.S. (1952) *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. New York: American Philological Association.
2. Kunkel, W. & Wittmann, R. (1995) *Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik. Zweiter Abschnitt: Die Magistratur* [Political order and state practice of the Roman Republic. Second Section: The Magistracy]. Munich: C. H. Beck’sche Verlagsbuchhandlung.
3. Ungern-Sternberg, J. (1970) *Untersuchungen zum Spätrepublikanischen Notstandrecht* [Investigations on late republican emergency law]. Munich: C.H. Beck’sche Verlagsbuchhandlung.
4. Bauman, R.A. (1973) The *hostis* Declarations of 88 and 87 B.C. *Athenaeum*. 51. pp. 270–293.
5. Morstein-Marx, R. (2011) Consular Appeals to the Army in 88 and 87: the Locus of Legitimacy in Late-Republican Rome. In: Beck, H., Duplá, A., Jehne, M. & Pina Polo, F. (eds.) *Consuls and Res Publica*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 259–278.
6. Katz, B.R. (1976) Studies on the Period of Cinna and Sulla. *L’antiquité classique*. 45. pp. 497–549.
7. Katz, B.R. (1979) The Selection of L. Cornelius Merula. *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 122. pp. 162–166.
8. Mouritsen, H. (2017) *Politics in the Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Bauman, R.A. (1966) The Abdication of ‘Collatinus’. *Acta classica*. 9. pp. 129–141.
10. Bauman, R.A. (1968) The Abrogation of Imperium: Some Cases and a Principle. *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 111. pp. 37–50.
11. Satterfield, S. (2011) Notes on Phlegon’s Hermaphrodite Oracle and the Publication of Oracles in Rome. *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 154. pp. 117–124.
12. Allély, A. (2012) *La déclaration d’hostis sous la République romaine* [The declaration of hostis under the Roman Republic]. Bordeaux: Ausonius.
13. Frolov, R.M. (2017) Better than (when) a Magistrate? Caesar’s Suspension from Magisterial Functions in 62 BC. *Mnemosyne*. Advance articles. [Online] Available from: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/1568525x-12342265>. (Accessed: 18th March 2017).
14. Lintott, A. (1999) *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford: Oxford University Press.
15. Gruen, E.S. (1968) *Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C.* Cambridge, Mass: Harvard University Press.
16. Frolov, R.M. (2012) Dux tumultuarius L. Martius Septim v 212 g. do n.e.: identifikatsiya i samoidentifikatsiya organizatora voinskikh contiones [Dux tumultuarius L. Marcius Septimus in 212 B.C.: Identification and Self-Identification of the Military contiones Convener]. *Vestnik YarGU im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*. 22(2). pp. 135–137.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 327

DOI: 10.17223/19988613/52/24

Л.П. Веремчук

**РЕЦЕНЗИЯ: ИВОНИН Ю.П., ИВОНИНА О.И. ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.
М. : ЮРАЙТ, 2016. 188 с.; КОНФИГУРАЦИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА:
ПРОЕКТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ. НОВОСИБИРСК: НГУЭУ, 2015. 291 с.**

Рубеж XX–XXI вв. стал временем масштабных перемен во внешнеполитической деятельности государств, в конфигурации международного порядка, в самой мировой системе. Глобализация и интернационализация экономик, рост влияния финансовых рынков на отношения между государствами, кардинальное обновление технологий, базовые изменения в социокультурной и духовной сферах общества составили основу стремительной трансформации современных международных отношений и мировой политики. Эти перемены требуют глубокого научного объяснения, теоретического осмысления, тщательного выявления природы, тенденций развития, возможных форм эволюции современных международных отношений. Не случайно различные их аспекты привлекают сегодня пристальное внимание научного сообщества [1–3].

Одним из значимых шагов научного сообщества, предпринятых в этом направлении, стали исследования известных российских ученых – доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета О.И. Ивоновой и доктора философских наук, профессора кафедры гуманитарных основ государственной службы факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск) Ю.П. Ивонина. Их книга «Теория международных отношений» содержит академический курс лекций, нацеленный на обстоятельный анализ международных отношений как системы; на изучение глобальной взаимной зависимости её акторов, обуславливающей действия и статус каждого из них действиями всех остальных. Сочетание в этой системе двух противоположных по содержанию свойств – тенденции к анархии и тенденции к управлению, выявленное авторами, выводит их анализ на исследование сложной проблемы управления в международных отношениях, его специфики, форм, ролевых функций, иерархических статусов государств в международных отношениях – тех явлений, без глубокого знания которых невозможно понять и адекватно отразить их природу, тенденции развития, выявить типологические различия систем международных отношений.

В логическую связь с анализом международных отношений как системы О.И. Ивонова, Ю.П. Ивонин ставят рассмотрение проблемы международного порядка по нескольким взаимосвязанным параметрам, выявляют его базовые признаки. Значительный интерес представляет предложенная авторами классификация мирового порядка, выстроенная на основе этих признаков. Классификация уложена в ёмкие по содержанию и познавательным свойствам таблицы, раскрывающие соотношение исторических типов системы международных отношений и типов международного порядка. Большое внимание в книге уделено изучению субъектов международных отношений как их основному компоненту. Не подвергая сомнению роль государства как главного субъекта международных процессов, авторы отмечают, что государство-центристская модель современного мира претерпевает серьёзные изменения; объясняют этот феномен развитием глобализации, активным выходом на мировую арену большого количества негосударственных акторов, дают развернутый анализ возникновению и деятельности международных правительственных (МПО) и международных негосударственных (МНПО) акторов, стремятся выявить позитивные и негативные стороны их деятельности.

Опираясь на новейшие фактические материалы и научные исследования, создатели книги «Теория международных отношений» раскрывают понятия «национальные интересы», «национальная безопасность»; исследуют структуру этих явлений, составляющие их элементы; соотносят понятия «национальный интерес» и «государственный интерес»; акцентируют такой элемент этих понятий, как «угроза»; отмечают, что угроза и борьба с ней составляют суть безопасности; детально исследуют формы угроз.

Достоинством труда является глубокий анализ проблемы содержания и специфики внешнеполитической деятельности государства. Авторы детально рассматривают само понятие «внеполитическая деятельность государства», последовательно разграничивая два основных направления этой деятельности – внешнюю политику и международную политику. Обоснованность и необходимость такого разграничения очевидны ввиду того, что оно дает возможность отличить

внешнеполитическую деятельность государства как выражение общенациональных интересов от действий отдельных национальных субъектов политики (политических партий, торгово-экономических организаций, средств массовой информации) на международной арене, которые нередко противоречат общенациональным интересам, и уже поэтому не могут быть определены как «внешняя политика государства». В книге сделана удачная попытка классификации внешнеполитических действий на основе следующих критериев: а) по средствам и характеру действий, б) степени соответствия нормам международного и инационального законодательства, в) субъектам внешнеполитической деятельности – классификации, которая, безусловно, привлечёт внимание её читателей.

В рамках анализа проблемы внешнеполитической деятельности государства О.И. Ивонина, Ю.П. Ивонин предприняли глубокую сопоставительную характеристику внешней политики и политики внутренней. Плодотворным в этом сопоставлении представляется стремление отказаться от прежде широко распространённого в науке утверждения, согласно которому внешняя политика государства является простым продолжением его политики внутренней. Этот отход от традиционных трактовок авторы обосновывают содержательным исследованием особенностей внешней политики государства, её качественного отличия от политики внутренней.

Несомненный интерес представляют разделы книги, посвященные рассмотрению проблем конфликта и сотрудничества в международных отношениях, проблем коллективной безопасности в международных отношениях. Заслуживает быть отмеченным развёрнутый в этой связи содержательный анализ идей и воззрений современных ученых, как отечественных, так и зарубежных, относительно актуальных проблем теории международных отношений. Большое внимание авторы книги уделили продуманной и последовательной работе над используемым ими категориально-понятийным аппаратом, выстроенной с учетом разноплановых мнений и подходов. Весьма интересны размещённые на страницах монографии многочисленные, хорошо разработанные схемы, содержание которых способствует более чёткому и доступному изложению материала.

По поводу отдельных сторон анализируемого издания возникают некоторые замечания и соображения. Как представляется, можно было бы более рельефно акцентировать проблему закономерностей в развитии международных отношений; возможно, стоило выделить её анализ в самостоятельный структурный элемент книги ввиду его значимости для изучения многих сторон и явлений международных процессов. Более обстоятельного освещения, на наш взгляд, требуют правовые аспекты современных международных отношений, оказывающие значительное воздействие на их состояние и развитие. Хотелось бы найти в книге более ёмкую, предметную характеристику проблемы кон-

фликта в международных отношениях, которая была бы построена на многочисленных примерах, являемых нам современностью. Эти замечания носят частный характер и в целом не снижают общей высокой оценки рецензируемого исследования. Оценивая итог данной работы, можно утверждать, что она представляет собой результат большой, многоплановой исследовательской деятельности по изучению ключевых проблем теории международных отношений, обладает несомненной научной значимостью, новизной и актуальностью, будет с пользой прочитана специалистами, окажет большую помощь всем, кто обучается специальностям, связанным с историей, теорией и практикой международных отношений.

Проблемам теории международных отношений посвящена коллективная монография новосибирских ученых «Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность», изданная под редакцией О.И. Ивониной Новосибирским государственным университетом экономики и управления. Монография нацелена на исследование международного порядка как центральной проблемы теории международных отношений и мировой политики, международный порядок рассмотрен в контексте его взаимосвязи с системой международных отношений и в связи с проблемой международной безопасности. В ней прослеживаются истоки изучения проблемы международного порядка и международной безопасности, восходящие к работам Томаса Гоббса и Иммануила Канта, опираясь на которые как на отправную точку рассуждений, авторы монографии детально исследуют современный мировой порядок и те глубокие перемены, которые в нём происходят. Главное их содержание состоит в динамичном воздействии на всю систему международных отношений и мировой политики процессов глобализации. В этом аспекте процесс глобализации охарактеризован авторами как переход от национально-государственной системы миропорядка (заложенной Вестфальскими международными договорённостями), главными субъектами которой являлись суверенные национальные светские государства, к новой системе миропорядка, связанной с изменениями в международных отношениях, произошедшими под воздействием вызовов глобализации: возрастанием встроенности национальных государства в международные связи, стремительным увеличением роли негосударственных акторов в международных отношениях; изменениям социокультурной и идейно-политической идентичности государства, его внутренней и международной правоспособности. В работе дан детальный анализ глубочайших перемен в международных отношениях, вызванных крушением биполярной системы их организации; изменений, произошедших в положении ООН и её роли в современном мире; исследован процесс становления нового миропорядка, конфигурация которого далеко ещё не определилась окончательно.

Авторы показывают, что эти новые явления сообщили мощный импульс прогностическим поискам со-

временной политической науки. На основе обстоятельного изучения широкого круга таких исследований они констатируют тот факт, что в американской и европейской науке широкое распространение получило сегодня представление, будто победа Запада в холодной войне не только завершила эпоху борьбы различных общественно-политических систем, но и сформировала международный консенсус в пользу либеральной демократии как единственно верной идейно-политической системы и единственно легитимной системы правления. Создатели книги «Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность» акцентируют внимание на том, что сторонники этих концепций убеждены в нарастании стремления цивилизованных государств к созданию единой мировой системы, в которой национально-государственные интересы на международной арене отодвинуты на второй план, в то время как на первый план выйдут глобальные интересы «международного сообщества народов», обобщаемые и выражаемые государством-победителем в «холодной войне» – Соединенными Штатами Америки. США строят такие проекты нового, глобального миропорядка, которые объективно ведут к утверждению в мире их гегемонии.

Опираясь на новейшие фактические материалы, новосибирские учёные, и в этом состоит одно из несомненных достоинств их исследования, детально останавливаются на анализе доводов и аргументов, приводимых сторонниками идеи нового миропорядка – их видении способов и направлений реформирования ООН, предложениях изменить понимание принципа национально-государственного суверенитета, их разработках концепций верховенства международного права относительно национально-правовых систем; их представлениях относительно того, что международные организации как акторы мировой политики способны более эффективно содействовать многостороннему сотрудничеству в решении глобальных проблем, чем национальные государства. Не ставя под сомнение потенциал МПО и МНПО в решении многих вопросов международной жизни, авторы коллективной монографии «Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность», опираясь на многочисленные источники, документы, факты, убедительно доказали, что возможности этих организаций явно недостаточны в условиях нынешних глобальных вызовов.

Заслугой создателей рецензируемой работы является скрупулёзный и обстоятельный, поставленный на доказательную документальную основу анализ проблемы развития нормативно-правовых принципов и институциональных основ современного миропорядка. Они правомерно констатируют тот бесспорный факт, что современные международные отношения стоят перед вопросом: «По какому праву и в каком формате будут решаться принципиальные вопросы мировой политики: на базе всеми приемлемых уни-

версальных правил человеческого общежития, закреплённых в Уставе ООН, посредством коллективных действий государств и многостороннем режиме с привлечением миротворческих сил ООН и на основе её мандата, либо на основе согласия “доброжелательного гегемона” решить проблему с помощью американской мощи и временных коалиций, состав и условия деятельности которых определяются Соединенными Штатами?» (С. 142).

В книге дана доказательная характеристика того, в каких случаях, как, какими средствами американские дипломаты добивались значительных успехов в одобрении ООН расширительной интерпретации отдельных статей Устава ООН и как, заручившись этой расширительной интерпретацией, правительство США применяло вооружённую силу против суверенных государств. Подводя итог анализу этих реалий современных международных отношений и мировой политики, новосибирские учёные приходят к выводу, который вряд ли может быть оспорен: в условиях становления нового миропорядка особенно важно признание его легитимности всеми членами мирового сообщества, что возможно «лишь на основе приверженности принципу международной ответственности государства за соблюдение общепризнанных правил поведения на мировой арене»; только в случае неукоснительного следования международным обязательствам «международная ответственность государств станет основой перехода от гипотетического к реальному миропорядку» (С. 148).

Большой интерес для исследователей представляют разделы книги, посвященные выявлению места Европы в системе нового мира; изучению эволюционных процессов, происходящих в ЕС в постлиссабонский период; характеристике еврорегионов как акторов мировой политики. На базе новых подходов и новых материалов раскрыто содержание коммуникативных стратегий формирующегося миропорядка. Достоинством работы является сочетание синтеза многообразных проблем международных отношений и аналитического преломления их в динамике мирового политического процесса. Монография отличается глубиной научного анализа поднятых в ней проблем теории международных отношений, существенно расширяет наши знания о современном состоянии и тенденциях развития мирового политического процесса.

В целом представляется возможным утверждать, что работа О.И. Ивониной и Ю.П. Ивонина «Теория международных отношений» и монография коллектива авторов «Конфигурация нового мирового порядка: проекты и реальность», выполненная под редакцией О.И. Ивониной, представляют собой нужное, выполненное на высоком профессиональном уровне комплексное научное исследование основных проблем и тенденций развития современных международных отношений и мировой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордачев Т.В. Теория международных отношений в XXI в. М. : Междунар. отношения, 2015.
2. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М. : Гардарики, 2003.
3. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М. : Мысль, 2002.

Veremchuk Lyudmila P. Kazakh American free University (Ust-Kamenogorsk, Kazakstan). E-mail: 269724@mail.ru

REVIEW: IVONIN Y.P., IVONINA O.I. THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS. M.: YURAYT, 2016. 188 p.; CONFIGURATION OF THE NEW WORLD ORDER: PROJECTS AND REALITY. NOVOSIBIRSK: NSUEM, 2015. 291 p.

REFERENCES

1. Bordachev, T.V. (2015) *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v XXI v.* [The theory of international relations in the 21st century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
2. Tsygankov, P.A. (2003) *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Theory of International Relations]. Moscow: Gardariki.
3. Bogaturov, A.D., Kosolapov, N.A. & Khrustalev, M.A. (2002) *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy* [Essays on the theory and methodology of political analysis of international relations]. Moscow: Mysl'.

О.Т. Лойко

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Н.В. ТРУБНИКОВОЙ «ФРАНЦУЗСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА “АННАЛОВ”». М. : КВАДРИГА, 2016. 336 с.**

Для того чтобы понять реалии далекого или не столь далекого прошлого, необходимо в первую очередь выяснить, что было в головах людей, живший в это время и творивших свою историю [1]. Свое оригинальное видение этой проблемы представлено творчеством французских историков, объединившихся в 1929 г. вокруг нового издания, получившего название «Анналы». Эпицентр исследования – человек и его мышление, внутренний мир, ментальные установки. Именно эта тема стала центральной в монографии профессора Натальи Трубниковой, талантливого историка и добросовестного исследователя. Французская школа Анналов, ее история, периодизация, эволюция под воздействием новых социальных, культурных и политических реалий – тема, несомненно, интересная, содержательная, а с учетом современных реалий – актуальная. Рецензируемая монография состоит из трех разделов, введения, заключения и библиографии.

Во введение дается подробное аналитическое описание многочисленных исследований на русском, французском, английском языках, раскрывающих сложный и противоречивый процесс исследования «Анналов» в современной историографии. Отметим особо авторский акцент на представленности «Анналов» в российских гуманитарных исследованиях, начавшихся в 1957 г. и получивших стремительное развитие в постперестроечной исторической мысли России. Анализ основных трендов российской историографии приводит автора к выводу о том, что после исследования А.Я. Гуревича «Исторический синтез и школа Анналов» (1993) обобщающих трудов не появилось (С. 17). Этот тезис может стать основанием перспективных исследовательских траекторий работ молодых гуманитариев России, тем более, что данное направление активно поддерживается исследовательским грантами.

Объектом исследования автора является французская историография в контексте конкурирующих дискуссий, в центре которых стоит школа «Анналов». Непосредственный предмет анализа представлен автором в качестве триединства исследовательских программ «Анналов»: как интеллектуальной традиции; как научного и социального феномена; как особая, стремительно развивающаяся интеллектуальная среда. Заявленные исследовательские траектории последовательно раскрыты в трех главах монографии. В первой – «Тра-

диции и проблематика преемственности: “Анналы” как “место памяти”» – автор рассматривает роль и место «Анналов» на интеллектуальном поле европейской культуры. Если начальные разделы работы демонстрируют традиционное прочтение исторического контента научного исследования, то определение «Анналов» как «мест памяти» – явная находка автора. Напомним, что термин «место памяти» введено в научный оборот французским историком П. Нора в начале 80-х гг. XX в. и выступает одной из ипостасей символического феномена памяти. Наименование «Анналов» местом памяти вводит рецензируемую работу в контекст не только французской, но – шире – интеллектуальной памяти профессионального сообщества гуманитариев. Первый раздел главы: «“Анналы” и ревизия позитивизма» излагает сложную и противоречивую траекторию становления нового понимания истории, роли историка в процессе формирования сознания общества Франции после поражения во Франко-прусской войне. Автор последовательно анализирует идейные и социально-культурные связи представителей школы Анналов с исследованиями, предшествующими историческими направлениями, в частности позитивизмом. В работе всесторонне представлен процесс становления исторических работ, основанных на профессиональной подготовке и методической культуре. В доказательства роста значимости исторических исследований во Франции эпохи III Республики автор приводит данные, свидетельствующие о росте количества исторических кафедр в стране, появлении профессиональной исторической периодики (С. 32–46). Описывая первое поколение «Анналов», Н.В. Трубникова подробно рассматривает сложные и противоречивые взаимоотношения «отцов-основателей» – Марка Блока и Люсьена Февра, оказавшие существенное влияние на позиции историков. Автор не дает окончательных оценок этому этапу первых «Анналов». Ее цель в другом – «пересказать» историю этого периода в трудах лидеров интеллектуальной истории XX в. «Большие трансформации в восприятии политической современности, которые переживали сами “отцы-основатели”, многочисленные “фигуры умолчания” в их интеллектуальном наследии оставили пространство для интерпретаций» (С. 95).

Вторая глава монографии: – «Движение “Анналов” в 1950–1970-е гг.: создание интеллектуальной империи» – посвящена анализу «вторых и третьих Анна-

лов». Характерные черты этого периода – институализация движения «Анналов». Новая фаза развития, новые поколения историков «...иначе определяло приоритеты исторического исследования и реагировало на вызовы социальной среды» (С. 96). Сложившаяся во Франции после Второй мировой войны интеллектуальная ситуация характеризуется повышенным вниманием к социальным наукам, созданием новых исследовательских институтов. Основываясь на серьезном и добротном источниковедческом анализе, автор показывает место «Анналов» в гуманитарном пространстве Франции с 1870 г. Но, как и любое серьезное исследование, оно имеет несколько важных исследовательских контентов. Один из них – профессионализм историка, его ответственность за «перерассказывание» исторических событий прошлого, используя новые данные и новые интерпретации (С. 26). Но любой «пересказ» будет прочитан, понят и воспринят читателем только в том случае, если сам текст являет собой интересное чтение. Это особый талант, которым автор рецензируемого издания владеет в полной мере. Портрет Фернана Броделя (человека-легенды), с его непростой личной судьбой, научной непримиримостью в отстаивании исторической истины, портрет Макса Блока («святого мученика»), дискуссии о геоистории, структурной антропологии – все это делает научную монографию привлекательным чтением. Представляя на страницах своей монографии эти имена, Трубникова тем самым реализует главный принцип школы «Анналов» – человек и его мир – вот истинный центр истории. «“Третье поколение” “Анналов” или “Новая история”» – предмет следующего раздела работы. Меняется объект исследования, отбрасываются «идолы» традиционной истории: политики, индивидуализм, поиски истоков (С. 133). Возникновение жанра «эгоисторий», феномена «Новой истории» – инициирует позицию историка «как свидетеля своего прошлого и специалиста по прошлому» (С. 150). Особенность этого этапа – выход за рамки профессионализма на просторы СМИ и бизнес-пространства. Целеустремленное и оправданное движение от истории как рассказа к истории как проблеме приводит к истории ментальностей. Но весь парадокс исторического познания и состоит в том, что, ниспровергая предшественников и создавая новые исторические дискурсы, историки формируют новую картину

прошлого, которое не исчезает. Предметом исследования третьей главы монографии являются «четвертые Анналы» в рамках сложнейшего историографического контекста – между постмодерном и позитивизмом. Н.В. Трубникова подробно анализирует вызовы школы «Анналов» на стремительно возникающие интеллектуальные повороты: лингвистический, критический, социологический. Ответы на них, и в этом методологическая сила «Анналов», приводят к исходному, но новому прочитанному концепту – «знание – память-власть как проблематика “ремесла историка”» (С. 276–277). В свете современных «боев за историю», конкурирующих мемориальных парадигм, «распавшейся связи времен» (1), методологически добросовестно и нравственно оправданно утверждение автора о том, что важной «особенностью утверждения истории памяти стало ее превращение в важнейший компонент представлений группы, которые всегда зависят от нужд и чаяний настоящего. В этом смысле любая история памяти есть история использования прошлого в связанном с ним настоящем. Данное обстоятельство и формирует цель “Мест памяти”: поставить стихийное и пристрастное использование прошлого под контроль профессиональных историков» [С. 277. – подчеркнуто мною. – О.Л.]. Ответственность исследователя историка, достоверность разума как добродетель, как «эпистемология добродетели» [2. С. 12], на что обращал внимание В.С. Соловьев и что в полной мере отражает исследовательскую парадигму «Анналов» на все долгое, противоречивое пути исторического познания.

В современных российских, и не только российских, исследованиях этот принцип является далеко не основополагающим. Если школа «Анналов» требует от историка профессиональный «выучки», овладение методологической «грамотностью», научной добросовестностью, то в современных работах на исторические темы присутствует изрядная доля субъективизма, свободной интерпретации фактов. Результат – новая периодизация, инновационное «прочтение» вновь открытых источников, воспоминания современников, написанные спустя десятилетия после минувших событий. Добросовестное «мастерство» историка, основы которого заложены школой «Анналов» и тщательно проанализированные российским исследователем Н.В. Трубниковой, – это методологическая прививка против субъективности в истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассманн А. Распалась связь времен? Взлет и падение режима Модерна. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
2. Эпистемология добродетели. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj1-2-00svid.html> (дата обращения: 13.08.2017).

Loyko Olga T. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: olgaloyko@tpu.ru

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY N.V. TRUBNIKOVA: FRENCH HISTORICAL SCHOOL "ANNALS". M.: QUADRIGA. 2016. 336 p.

REFERENCES

1. Assmann, A. (2017) *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie rezhima Moderna* [The time is out of joint? The rise and fall of the temporal regime of Modernity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Swiderski, E. (n.d.) *Epistemologiya dobrodeteli* [Epistemology of Virtue]. Translated from English by L.A. Kozlova, N.Ya. Mazlumyanova. [Online] Available from: <http://www.nir.ru/sj/sj1-2-00svid.html>. (Accessed: 13th August 2017).

УДК 69(09)
DOI: 10.17223/19988613/52/26

Г.Ю. Колева, И.Н. Стась

«НАЧАЛО ОБСУЖДЕНИЯ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ – ЭТО УЖЕ СОБЫТИЕ» // ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СИБИРСКИЕ СТРОИТЕЛИ: СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ». СУРГУТ : СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2016

Историческая наука недостаточно внимательна к проблемам сферы материального производства, несмотря на то, что ее составляющие зачастую и определяют важнейшие процессы развития человеческого общества. Господствующая эра индустриализма вызывает интерес у исследователей разными проявлениями, чаще связанными с конечными продуктами бытия техносферы. В устремленности охватить исследованиями наиболее, казалось бы, значимые проявления промышленной цивилизации, как меняющийся образ жизни человека, политические процессы, «столкновение элит», «духовные водовороты», на периферию исследовательских интересов оказалось вытеснено функционирование строительного производства, создающего важнейшие и емкие объекты материальной жизни общества.

Недостаточно распространены по проблеме строительного производства и строительной индустрии научные работы, и тем более научные конференции. В связи с этим обстоятельством и хотелось бы информировать научное сообщество о состоявшейся в Сургутском государственном университете научной конференции «Сибирские строители: события и судьбы». Несмотря на непритязательность названия конференции, она впервые в обозримом историческом прошлом, поставила на обсуждение проблемы, связанные с историей строительного производства Сибири, тем более, что именно в Сибири со второй половины XX в. реализовывались наиболее масштабные строительные проекты, среди которых особое место занимает создание Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района, в котором масштабность, комплексность и сроки реализации осуществленных строительных работ, возможно, не имеют аналогов.

Конференция была приурочена к 50-летию с начала становления широкомасштабного строительного производства нефтегазового профиля в Тюменской области. И как с грустью подчеркнула в своем выступлении Герой Социалистического Труда, ветеран Минэнерго РФ, бывший бригадир строительной бригады Вера Ивановна Панасевич, «строители выполняли тяжелую и сложную работу, но в последующем о них забывали». Лавры доставались другим. Хотя именно строители, приходя в места будущего индустриального освоения территории, испытывали наибольшие трудности неустроенности быта.

Конференция была проведена 25–26 ноября 2016 г. на кафедре всеобщей истории и археологии и кафедры истории России Сургутского государственного университета, стала действительно всероссийской, так как нашла отклик у представителей научного сообщества 16 городов страны: Москвы, Владивостока, Самары, Саратова, Волгограда, Махачкалы и, конечно же, городов сибирского региона: Тюмени, Сургута, Нижневартовска, Томска, Иркутска, Красноярска, Барнаула. На первом месте по числу участников был г. Сургут, на втором – Новосибирск, на третьем – Тюмень. Всего на конференцию пришло 46 заявок. Среди представленных научных организаций – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток), Центр военной истории Института Российской истории РАН (г. Москва), Институт истории СО РАН (г. Новосибирск). Обширным был спектр учебных заведений России: Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Новосибирский университет архитектуры, дизайна и искусств, Сургутский государственный университет, Сургутский государственный педагогический университет, Нижневартовский государственный университет, филиал Тюменского индустриального университета, Курский государственный университет, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Волгоградский государственный университет, Красноярский государственный аграрный университет, Тюменский индустриальный университет. Руководителем конференции был А.В. Жидченко, который представил Ассоциацию молодых исследователей Института исследований социальных систем (г. Москва).

Особенностью конференции явилось то, что к ней активный интерес проявили действующие представители строительного производства Ханты-Мансийского автономного округа, представители администрации города, руководство университета, что отразилось как в спонсорской поддержке, так и самом заинтересованном участии в процессе работы конференции: слушали, задавали вопросы, вносили поправки, дополнения к прозвучавшим докладом, рассказывали как о новых

достижениях в области строительной отрасли региона, так и новейших технических решениях. На конференции присутствовали: в прошлом главный инженер треста «Сургутгазстрой», в настоящем депутат Государственной Думы РФ, председатель Попечительского совета Сургутского государственного университета А.Л. Сидоров, Председатель Ассоциации строительных организаций г. Сургута и Сургутского района А.М. Сафиоллин, Генеральный директор ООО «Сибпромстрой-Югория» А.Ю. Сурлевич, ветераны отрасли – Герой Социалистического Труда В.И. Панасевич, заслуженный строитель России В.И. Волков. От администрации города в конференции принял участие заместитель главы города А.А. Шатунов. Удивительно, что выполняющие роль, казалось, «парадных» гостей конференции подготовились к выступлениям достаточно обстоятельно, показали заинтересованность в обсуждаемой проблеме, владение информацией.

В своем выступлении А.Л. Сидоров говорил о том, что «стало уже привычным, что говорят о нефтяниках, геологах, но как-то забыли, что строители построили все то, что было необходимо для нефтяников, газовиков... Вне внимания остается строительство...». Он подчеркнул, что «важно отдельно изучать сферу строительства, как и судьбы отдельных людей». На взгляд выступающего, «специфической особенностью строительного производства региона было то, что оно охватывало огромную территорию, где строительной индустрии как таковой на момент начала работа не было и она рождалась в условиях решениях основных производственных задач. Все это происходило в условиях оторванности от “большой земли”, отсутствия транспортных коммуникаций, отсутствия специалистов не только с высшим образованием, но и со специальным строительным. Тактика работы была такой: сегодня принимались решения, а завтра начинали работать. Темпы были уникальными». А.Л. Сидоров отметил, что изучение истории строительного производства, как и изучение судеб отдельных представителей, представляет «огромное поле деятельности для научного сообщества», он также обратил внимание на то, что «писать историю можно и нужно не только на основании документов, но и на воспоминаниях непосредственных участников процесса становления и развития строительного производства в регионе».

Заместитель главы города Сургута А.А. Шатунов в своем выступлении подчеркнул, что история строительной сферы г. Сургута достойна внимания изучения уже потому, что он был центром шести Всесоюзных ударных строек. И это, конечно, очень важный аспект для изучения, правда, выделенный и отмеченный не историками, а молодым, но несомненным очень компетентным чиновником. Всесоюзные ударные комсомольские стройки в рамках Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района – одна из своеобразных и славных страниц его истории. А.А. Шатунов подчеркнул в своем выступлении, что в рамках комсо-

мольско-молодежных отрядов в Тюменскую область, как и г. Сургут, приезжали «на три года, а оставались навсегда». Было обращено внимание на то, что проблемы, которые стали решать в начальный период создания строительного производства Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района, остаются сложными и актуальными до сих пор: «В современной Югре обеспеченность строительными материалами остается и в настоящее время в пределах 16–20%, и округ планирует дальнейшее развитие базы строительной индустрии».

Личностное отношение к обсуждаемой проблеме прослеживалось в выступлении председателя Ассоциации строительных организаций г. Сургута и Сургутского района А.М. Сафиоллина. В начале своего выступления он сказал слова, которые могли бы стать девизом конференции: «Мы начали обсуждать историю строительной отрасли – и это уже событие». Он обратил внимание на то, что «происходившее в регионе было настолько стремительным и масштабным, что тогда, в самом начале становления строительного производства, просто не верилось в то, что в этом городе будет международный аэропорт, будет университет... Сам город был построен практически с нуля». Он подчеркнул, что, изучая прошлое, мы «даем пример для тех, кто будет жить и действовать в будущем».

В первый день научной дискуссии рассматривались проблемы становления строительного комплекса в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе (ЗСНГК). Открыл и модерировал дискуссию д-р ист. наук, ст. науч. сотр. Института истории СО РАН А.А. Долголюк, выступивший с докладом о роли тюменских строителей в кадровой структуре строительной отрасли Сибири, после которого обсуждалась методика подсчета численности строителей в нефтегазовых организациях в условиях масштабного вахтового метода работ.

Горячие споры вызвали доклады об этапах формирования и развития строительного дела в ЗСНГК. Доктор ист. наук, профессор Тюменского индустриального университета Г.Ю. Колева аргументировано показала, что первые строительные организации нефтегазового профиля в регионе начали создаваться в 1961 г., в последующем длительный период строительные организации были в подчинении структур, связанных с формирующейся системой управления газовой отраслью страны, что восходило к особой позиции в отношении как Западной Сибири, так и нефтегазового строительства А.К. Кортюнова. В целом в докладе Г.Ю. Колевой были рассмотрены становление и развитие строительного производства в рамках нового нефтегазодобывающего района страны – Западно-Сибирского в 1960–1980-е гг., так как именно в эти годы, по мнению автора, и был сформирован строительный комплекс. Основное внимание уделено развитию строительных организаций основных строительных министерств, а также министерств, выступавших заказчиками, но создававших и развивавших в своем подчинении сеть строи-

тельных организаций. Подчеркивалось, что составной частью создания строительного комплекса в рамках нового добывающего района явилось становление производства строительных материалов как важнейшего условия успешного функционирования строительных организаций. Уделено внимание внедрению новых технологий в нефтегазовом строительстве, а также росту материально-технической базы строительных организаций. Доктор ист. наук, профессор Тюменского индустриального университета В.П. Карпов, остановившись на формировании строительного комплекса «на Тюменском Севере», озвучил другую точку зрения на возникновение строительной отрасли региона, считая, что она создавалась с 1964 г. и определялась продвижением строительной базы в северные широты – от территорий нефтедобычи к регионам газовой промышленности, также уделив большое внимание критической стороне развивавшихся процессов.

О формировании строительной отрасли в Сургуте говорили в своих докладах д-р ист. наук, профессор Сургутского государственного университета (СурГУ) А.И. Прищепа и канд. ист. наук, ст. преподаватель СурГУ И.Н. Стась. А.И. Прищепа акцентировал внимание на трудностях становления первых строительных предприятий. И.Н. Стась в основу своего доклада заложил идею формирования профессиональной идентичности строителей в условиях зарождения конфликта между нефтяниками и строителями, ставшего проявлением классического противостояния заказчиков и подрядчиков.

Доктор исторических наук, профессор Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова А.В. Захаров обратился к дискуссионной проблеме расселения в нефтегазовом комплексе: базовый город – вахтовый поселок.

На конференции были представлены доклады канд. ист. наук, доцента Сургутского института нефти и газа А.С. Иванова, канд. ист. наук, ст. преподавателя СурГУ И.Н. Стася по проблемам жилищного строительства на территории Тюменской области. Сооружение объектов социокультурного назначения в центр своих докладов поставили д-р ист. наук, профессор Тюменского индустриального университета Н.Ю. Гаврилова, зав. кафедрой истории России СурГУ, канд. ист. наук, доцент Д.В. Кирилук, канд. архитектуры, доцент Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств А. Н. Клевакин, д-р филос. наук, канд. ист. наук, профессор Нижневартковского государственного университета Н.В. Сапожникова. В докладах зав. кафедрой всеобщей истории и археологии СурГУ, канд. ист. наук, доцента М.А. Авимская, аспиранта СурГУ А.А. Исмаилова, аспиранта СурГУ С.И. Веселов были представлены проблемы транспортного строительства в Тюменской области в рамках нефтегазового освоения. Преподаватель СурГУ Э.К. Мантимова посвятила свое выступление фотодо-

кументальной хронике, собранной лично автором, строительства энергетического гиганта в ЗСНГК – Сургутской ГРЭС. Доклады молодых исследователей А.А. Исмаилова о строительстве аэропортовых комплексов в ХМАО, Э.К. Мантимова – о возведении крупнейшего энергетического объекта Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района Сургутской ГРЭС и С.И. Веселова о дорожном строительстве в регионе обращают на себя внимание неисследованностью этих проблем и необходимостью скорейшего завершения подобных работ.

Во второй день конференции активно обсуждались проблемы развития строительного дела в Сибири и России в целом. Дискуссию вел известный российский историк градостроительства, д-р архитектуры, д-р ист. наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета М.Г. Меерович. Проблемы организации строительства в дореволюционный период были рассмотрены в выступлениях д-ра ист. наук, профессора филиала Тюменского индустриального университета в г. Нижневартковске В.Я. Мауля, канд. ист. наук, доцента СурГУ О.А. Задорожной, канд. ист. наук, доцента Томского государственного архитектурно-строительного университета Л.Б. Щавинской.

Значительный блок докладов касался проблем функционирования строительной отрасли Сибири довоенного и послевоенного периодов, нашедших отражение в докладах профессора М.Г. Мееровича, кандидата архитектуры, доцента Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств С.С. Духанова, канд. ист. наук, руководителя Института исследований социальной памяти А.В. Жидченко (г. Москва), д-ра ист. наук, проф. Сургутского государственного педагогического университета О.А. Милевского. Выступающие остановились на том, что представляло «жилище» первостроителей городов-новостроек периода индустриализации, на жилищно-бытовых условиях сибирских строителей довоенного периода, особенностях становления строительного производства в таких городах, как Оренбург, Тобольск, Томск, Магнитогорск, Новокузнецк, Новосибирск, Ангарск, Омск, Иркутск и в Алтайском крае. Проблемы теории и историографии капитального строительства в Сибири периода Великой Отечественной войны представил в своем докладе канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Б. У. Серазетдинов.

На заключительном заседании участники отметили, что конференция, несомненно, собравшая специалистов по заявленной проблематике, стала своеобразной по активному обсуждению поставленных проблем, количеству задаваемых каждому участнику вопросов, готовности выступить в прениях, в процессе обсуждений той или иной проблемы. Это обстоятельство, на наш взгляд, отразило своевременность заявленной на конференции проблематики. В принятой по итогам конференции резолюции участники отметили особую

роль профессии строителя в истории Российского государства, необходимость формирования научно-дискуссионной площадки для коммуникации между учеными-историками и строителями-практиками и рекомендовали обеспечить сохранение исторической памяти строительного освоения Сибири.

Koleva Galina Y. Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russia). E-mail: gukoleva@gmail.com

Stas Igor N. Surgut State University (Surgut, Russia). E-mail: igor.stas@mail.ru

"THE BEGINNING OF THE DISCUSSION THE HISTORY OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY – THIS IS THE EVENT"// SCIENTIFIC CONFERENCE "SIBERIAN BUILDERS: EVENTS AND DESTINY". SURGUT : SURGUT STATE UNIVERSITY, 2016.

УДК 930
DOI: 10.17223/19988613/52/27

Г.Г. Корноухова

РЕЦЕНЗИЯ: КОТЕЛЕНЕЦ Е.А. БИТВА ЗА ЛЕНИНА. НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУССИИ. М. : АИРО – XXI, 2017. 256 с.

Рассматривается литература последнего тридцатилетия, посвященная анализу роли В.И. Ленина в истории России и мира. Автор развенчивает многие существующие мифы о Ленине путем противопоставления «сенсационным» публикациям одних авторов непредвзятые работы академических ученых.

Ключевые слова: Ленин; историография; Е.А. Котеленец.

Можно с уверенностью заявлять, что монография Е.А. Котеленец принадлежит к числу наиболее актуальных исследований по российской истории, будучи приуроченной к 100-летию юбилею Великой русской революции 1917 г., в октябрьской фазе которой, как известно, В.И. Ленин сыграл ключевую роль. Монография имеет историографический характер, что вполне оправдано в связи с необходимостью осмысления имеющегося внушительного массива исследований, посвященных данной незаурядной личности. Этот контент складывался из работ, писавшихся в советский период, где Ленин выступал в доктринально застывшем виде, в эпоху перестройки стала возможна дискуссия о ленинизме, не заканчивающаяся и в наше время и продолжающая сохранять высокий потенциал для своего продолжения в будущем. Тем не менее, как выразился сам автор, «Обилие точек зрения, взглядов и концепций по ленинской теме давно требуют определенно подведения итогов» (С. 14). Этому историописанию ленинианы за последнее тридцатилетие и посвящена книга Е.А. Котеленец «Битва за Ленина: новейшие исследования и дискуссии».

Монография структурно построена по хронологическому принципу и включает в себя два больших раздела – Раздел I: Ленин и его окружение в «перестроечном» историознании; Раздел II: Ленин и большевистская элита: пересмотр фактов и оценок. Второй раздел посвящен разбору историографии 1990-х гг. и новейших работ начала XXI столетия.

Анализируя литературу о Ленине перестроечного периода, Е.А. Котеленец выявляет ключевые вопросы, вокруг которых развивались дискуссии. Это трансформация взглядов Ленина на социализм: разговор о «переоткрытии социализма» Лениным накануне его ухода из жизни и сравнение этих взглядов с «предоктябрьским замыслом» (С. 59–63); дебаты вокруг «Ленинского завещания» в связи с указанием на смещение Сталина с позиции генсека. Авторы рассматриваемых Е.А. Котеленец работ размышляют о причинах сохранения за Сталиным этой должности и, более того, его дальнейшего возвышения (С. 63–67, 76–77). В отдельную главу автор выделил проблему взаимоотношений

Ленина и Сталина, соотношения их учений, рассмотрел вопрос о преемственности и ее отсутствия между правлением двух вождей строительства социализма (С. 81–93). Особое внимание исследователей привлекала к себе и личность Л.Д. Троцкого в качестве преемника Ленина: рассматривается, что объединяло и разъединяло этих двух незаурядных личностей, в чем состояло совпадение позиций Ленина и Троцкого и в чем заключались их разногласия (С. 67–73).

Во втором разделе автор приступает к анализу историографии эпохи 1990-х гг. и начала текущего столетия. Говоря о быстро меняющихся условиях развития лениноведения, Е.А. Котеленец отмечает введение в научный оборот большого числа дневников и мемуаров современников Ленина, а также документов из рассекреченных российских архивов. Они освещают ряд сюжетов, которые раньше вообще исключались из официальных изданий (в частности, некоторые финансовые вопросы, связанных с деятельностью РСДРП; переписка с Инессой Арманд и пр.), дополняют, а также существенно корректируют прежние представления о некоторых событиях Гражданской войны и первых лет нэпа. Также в 1990-е гг. в исторической науке утверждались новые для России направления исследований. В этой связи автор останавливается на проблеме феномена культа личности непосредственно ленинского периода (С. 171–178), рассматривает работы, в которых проводится анализ мотиваций поведения ленинского окружения (С. 198–210), выделяет исследования, предлагающие освещение новых аспектов личности Сталина через призму отношений с Лениным (С. 203–209).

Знаковым явлением для постсоветского общества становится публикация работ зарубежных ученых, что нашло отражение в рецензируемой монографии. Е.А. Котеленец обращается к работам Ф. Помпера – представителя психологического метода анализа жизнедеятельности крупных исторических деятелей, венгерского исследователя Миклоша Кюна, английского и немецких историков Т.Э. О'Коннора и Б. Энкера, Р. Мюллера и др. (С. 198–203).

Говоря о положительных явлениях в исторической жизни данного периода, Е.А. Котеленец заостряет вни-

мание также и на отрицательной тенденции первого постсоветского десятилетия – массовом появлении работ сугубо обличительного по отношению к Ленину и большевизму характера, не ставивших перед собой задачу нахождения исторической истины. Ленина начали выводить из строя «великих мыслителей», и его личность стала обрастать «сенсационными» открытиями из его биографии, которые зачастую имели дискредитирующий и одновременно ложный характер.

Автор подчеркивает, что «проблема заключается в характере интерпретаций, которую представляли те, кто первым, законно или незаконно, получил доступ к новым документам» и ставит своей задачей «зафиксировать разницу методов подачи и препарирования документов» (С. 102). Здесь Е.А. Котеленец уличает в тенденциозности отечественного исследователя А. Латышева и американского профессора Р. Пайпса, которые одними из первых использовали тексты из ранее засекреченного архивного фонда Ленина РГАСПИ, противопоставляя им исследования В.Т. Логинова. К примеру, рассматривая одно из писем Ленина к И. Арманд, датированное 6 (19) января 1917 г., Р. Пайпс усматривает в нем подтверждение «контактам Ленина с германцами». Логинов же предлагает поместить данное письмо в контекст всей переписки и это делает очевидным несостоятельность вывода Р. Пайпса (С. 102–103).

Е.А. Котеленец развенчивает также и многие другие существующие мифы о Ленине путем противопоставления «сенсационным» публикациям одних авторов непредвзятые работы академических ученых.

Так, миф «о немецком золоте» в своих исследованиях разрушают А.В. Шубин, Г.Л. Соболев, А.И. Колганов (С. 133). В.В. Корнеев и Я.В. Козлов достаточно убедительно раскритиковали серию интервью директора РГАСПИ А.К. Сорокина «Российской газете» о шведском финансировании революции (С. 134). Широко используя фонды Дома-музея В.И. Ленина в Ульяновске, В.А. Перфилов и В.М. Костягина аргументированно опровергают миф о близкой дружбе семейств Керенских и Ульяновых в Симбирске (С. 135–136).

Несомненным достоинством монографии Е.А. Котеленец является то, что автор доводит историографический обзор книг о Ленине до предельных верхних хронологических рамок современности, включая не только отечественную, но и зарубежную литературу. Е.А. Котеленец констатирует, что с 2000-х гг. изучение политической фигуры В.И. Ленина в истории России усиливается, появляется все больше серьезных работ, к числу которых относятся, к примеру, исследования Б.Ф. Славина и В.Т. Логинова. Авторы избегают привычных для постсоветского времени упрощений и заказного антикоммунизма, следуют доскональному анализу источников. Происходят перевод дискуссии о Ленине и его наследии в конструктивное русло, отказ от конъюнктурного стремления свести все к бессмысленному разоблачительству (С. 127).

К сожалению, в новом столетии продолжают появляться публикации прежнего «сенсационного» харак-

тера, искаженные факты которых Е.А. Котеленец считает своим профессиональным долгом опровергнуть, приводя в качестве аргументов выдержки из источников полного, а не фрагментарного формата. Так, в 2008 г. увидела свет книга Роберта Пейна «Ленин. Жизнь и смерть», в которой Пейн декларирует о якобы состоявшемся раскаянии Владимира Ильича об организации революции, приводя цитату: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России...». Здесь Е.А. Котеленец предлагает обратиться непосредственно к самому источнику и сверить приводимую цитату Пейна с тем, что в действительности опубликовано в 45-м томе Полного собрания сочинений В.И. Ленина, открыв страницу 356. Здесь можно прочесть следующее: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации...». Е.А. Котеленец заключает, что «приводимая фраза была сказана 30 декабря 1922 г. и касалась одного частного вопроса, но Пейн “накинул” эти слова на всю жизнь и деятельность человека» (С. 119).

Продолжая работу над выявлением мифов о Ленине, автор обращается к высказыванию В.А. Перфилова и В.М. Костягиной, утверждающих, что «одной из наиболее распространенных фальшивок, навязанных общественному мнению, является утверждение, что В.И. Ленин был инициатором расстрела царской семьи. Несмотря на ее широкое распространение, нет ни одного документа, подтверждающего это» (С. 178). Рассмотрев взгляды различных авторов, Е.А. Котеленец заключает, что нынешнее состояние источников не позволяет сделать однозначный вывод об ответственности Ленина за гибель царской семьи. Выводы, которые делают исследователи, зависят от интерпретации имеющихся источников, а сторонники и противники Владимира Ильича склонны интерпретировать их противоположным образом (С. 183).

Характеризуя ситуацию в лениноведении на современном этапе, Е.А. Котеленец констатирует возможность распределения книг популярно-публицистического жанра по двум группам – ленинианы и «антিলенинианы». Здесь необходимо подчеркнуть, что автора вовсе не смущает полярность взглядов исследователей на центральную фигуру Октябрьской революции. Напротив, Елена Анатольевна пишет об открывшейся возможности «взглянуть на фигуру Ленина с разных сторон и с разных точек зрения, познакомиться с неоднозначными и замалчивавшимися в советские времена фактами его жизни и деятельности» (С. 187). То, против чего протестует Е.А. Котеленец, – это недобросовестное использование источников, их тенденциозный подбор – все то, что, к сожалению, стало походить на вирусную болезнь современной исторической науки и что, вероятно, и побудило автора к написанию рецензируемой монографии и тем самым принять личное участие в неугасающей «битве за Ленина».

Kornoukhova Gadilya G. Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). E-mail: kornouh@mail.ru

REVIEW: KOTELENEZ E.A. BATTLE FOR LENIN. LATEST RESEARCH AND DISCUSSION TRANSLATION. M. : AIRO – XXI, 2017. 256 s.

Keywords: Lenin; historiography; E.A. Kotelenez.

The literature of the last thirtieth anniversary devoted to the analysis of Lenin's role in the history of Russia and the world is considered. The author debunks many existing myths about Lenin by contrasting "sensational" publications of some authors with unbiased works of academic scientists.

Е.Г. Водичев

РЕЦЕНЗИЯ: ЦЕХОВОЙ Н.П. ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В СССР (1920-е – 1991 гг.): РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ. ТОМСК : ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2016. 199 с.

Доброй традицией Томского государственного университета (ТГУ) – одного из старейших российских вузов, постоянно занимающего весомые позиции в международных университетских рейтингах – является рефлексия собственного опыта в области организации научных исследований и подготовки новых поколений высококвалифицированных специалистов для Сибири и других регионов страны. Школа историков науки и высшего образования, действующая в ТГУ и в значительной мере работающая на богатейших материалах этого университета, ныне является, пожалуй, одной из ведущих в России. Различные аспекты развития Томского университета, в которых отразились противоречия и коллизии российской истории с конца XIX в. и вплоть до настоящего времени, предоставляют замечательные возможности для вдумчивого исследователя и позволяют осмыслить опыт формирования и развития регионального научно-образовательного потенциала в контексте как отечественных практик, так и общих тенденций в эволюции социального института образования. Очередным вкладом в разработку проблематики, связанной с историей Томского университета, стала книга талантливого томского историка Н.П. Цехового «Подготовка научных и научно-педагогических кадров в СССР (1920-е – 1991 гг.): региональный опыт» (2016).

Рецензируемая монография актуальна не только как дань истории: она весьма значима и с практической точки зрения. Автор совершенно справедливо подчеркивает именно такую ориентацию своей работы (С. 4). В постсоветской России осуществляется мучительный и противоречивый поиск нового формата инновационной модели, которая должна быть положена в основу трансформационных процессов в экономике и обществе в целом. Несмотря на очевидную вариативность возможных подходов, ни одна из моделей не может исключать в качестве своих отправных точек оптимизацию существующих механизмов воспроизводства научной элиты – кадров высшей научной квалификации, кандидатов и докторов наук. Вместе с тем построение такой системы с ориентацией на глобальные (а потому абстрактные) стандарты без учета имеющегося собственного исторического опыта чревато опасностью многократного усложнения имеющихся в этой сфере проблем. Наряду с тщательным анализом мировых трендов нельзя забывать собственные практики и до-

стижения. И в этом смысле монография Н.П. Цехового предоставляет значительный объем качественной информации о существовавших в стране механизмах воспроизводства научной элиты и их эволюции на протяжении большей части XX в., и тем самым создает добротную платформу для осмысления имеющегося практического опыта.

Не менее важным представляется то обстоятельство, что исследование реализовано на материалах Томского государственного университета. Данный университет – не только один из старейших классических университетов страны и первый вуз такого рода в ее восточных регионах. Ныне ТГУ удостоен статуса национального исследовательского университета и входит в число относительно немногочисленных вузов, которым отведена роль институциональных лидеров в сфере научных исследований, высшего профессионального образования и инноваций. Уже это является достаточным основанием для того, чтобы интерпретировать развитие ТГУ как *success story* («историю успеха»). Вместе с тем, в отличие от некоторых других вузов, для Томского университета характерна эволюционная логика развития, одним из цементирующих начал которой являлась система аспирантуры и докторантуры, базирующаяся на принципах исторической преемственности. Детальный анализ этой системы позволяет внести дополнительные штрихи в понимание процессов институционального развития «успешных вузов», значимое не только в контексте локальной истории ТГУ, региональной и общенациональной истории высшего профессионального образования и науки, но и в плане реконструкции механизмов эволюции университета как социального феномена в глобальной перспективе. Вдумчивый читатель найдет в монографии Н.П. Цехового немало такой информации.

Заслуживает одобрения тот факт, что во вводной части монографии автор объясняет логику своего исследования – показать развитие основных механизмов подготовки высококвалифицированных научных и научно-педагогических кадров сквозь призму общей политики и принципов эволюции этой системы, но не абстрактно, а на конкретном материале (С. 5). Это делает текст монографии свободным от излишнего теоретизирования. Историографический обзор, присутствующий во введении, помогает осмыслить место данного

исследования в общем тезаурусе историко-научных исследований, а обзор источников – оценить его документальную основу.

Структура текста логична. Монография Н.П. Цехового – это работа историка. Соответственно, организация текста традиционна для исторического исследования и базируется на хронологическом принципе. Наличие двух больших глав с рубежом, проведенным по году окончания Великой Отечественной войны, в данном случае вполне оправданно. Внутренняя рубрикация глав по разделам также обоснована и не вызывает возражений. Третья глава несколько выпадает из общего хронологического принципа, поскольку она целиком посвящена институту подготовки докторов наук, получившему развитие в послевоенные годы и сохранившемуся в том или ином виде на протяжении всей советской (заметим, и постсоветской тоже) истории.

Одним из достоинств монографии является тщательный подбор эмпирического материала, характеризующего процесс эволюции системы подготовки кадров высшей квалификации в ТГУ. Несмотря на то что работа обобщает результаты исследования, фактически реализованного как *case study*, в ней присутствует достаточно широкий региональный и общенациональный контекст. Автору удалось представить развитие аспирантуры и докторантуры ТГУ сквозь призму общегосударственной политики в области подготовки научных и научно-педагогических кадров, отразив переломные вехи и выявив логику и причины изменений этой системы. Хронологические рамки исследования позволили Н.П. Цеховому показать данный процесс в широкой ретроспективе, фактически – за весь советский период.

Приводимые в монографии данные на примере Томского университета позволяют уточнить и дополнить сложившиеся в историографии представления о таких явлениях, характерных для СССР 1920–1930-х гг., как «выдвиженчество» (С. 35–38) и, в более широком смысле, «пролетаризация» и «советизация» науки и высшего профессионального образования (С. 58–64), которые в традиционной советской историографии трактовались как несомненные достоинства отечественной научно-образовательной политики, а в постсоветской – как ее недостатки. В реальности, как показывает Н.П. Цеховой на материалах истории аспирантуры ТГУ, эти явления имеют более сложный характер и не могут быть оценены однозначно.

Не менее интересны данные о дисциплинарной эволюции системы подготовки кадров высшей научной квалификации – от «классических» дисциплин (таких, например, как биология) к дисциплинам физико-математического цикла, что отражало логику развития науки. На основе приводимого им материала о слабой ориентации аспирантов на самостоятельные научные исследования и разработки автор убедительно демонстрирует генезис традиционной проблемы советской

высшей школы – разрыва между собственно научными исследованиями и образованием (С. 68–69).

Вместе с тем автор фактически солидаризуется с точкой зрения о том, что характерная для аспирантуры 1930-х гг. «многопредметность» обучения снижала ее эффективность (С. 68). В последующих главах и разделах работы он показывает дальнейшую эволюцию советской концепции аспирантуры от обучающей модели к модели исследовательской. Однако следует принимать во внимание то обстоятельство, что современный дискурс о завершающих ступенях подготовки российской научной элиты включает в себя и критику происшедшего в СССР отказа от обучающей модели аспирантуры. Не случайно западные программы подготовки докторов наук (PhD) кроме защиты диссертации в обязательном порядке включают в себя и завершающую, «докторскую» ступень обучения в университете. К этому вектору развития в последние годы склоняется и отечественная аспирантура.

Анализируя развитие аспирантуры ТГУ в годы Великой Отечественной войны, автор справедливо показывает доминирующее влияние внешнего контекста – экстремальных условий военного времени – на эволюцию этой системы. Справедливо отмечается, что в числе таких изменений были не только ресурсные и институциональные перемены, но и содержательные – резкое усиление регионализации проводимых аспирантами исследований и их прикладной ориентации (С. 97–98). Тем не менее сложившаяся еще накануне войны логика развития системы подготовки кадров высшей квалификации в своих базовых элементах сохранялась, и автор убедительно демонстрирует это на материалах ТГУ.

Именно такая логика, в конечном итоге, обеспечивала и постоянное воспроизводство причин недостаточно эффективной работы системы аспирантуры уже в послевоенные годы. Автор характеризует возникавшие в 1940-х – начале 1950-х гг. трудности с развитием аспирантуры ТГУ (С. 110–112), но при ближайшем рассмотрении, по крайней мере, часть из них мало чем отличается от проблем, характерных для довоенного времени. Интересны приводимые Н.П. Цеховым данные о «боковых ответвлениях» от основной системы подготовки научной элиты – институтах прикомандирования в годичную аспирантуру и «лекционных ассистентов», хотя автор и отмечает, что они не получили в ТГУ широкого распространения (С. 123–124).

Обширный раздел монографии посвящен проблеме развития аспирантуры в конце 1950-х – 1991 гг. Он информативен, насыщен фактическим материалом. Справедливы рассуждения автора о роли новых институтов подготовки кадров – целевой аспирантуры и стажеров-исследователей – и их вкладе в развитие ТГУ и других вузов Сибири, для которых в ТГУ готовились научные и научно-педагогические кадры, в частности, таких как Якутский, Алтайский, Кемеровский университеты. Вывод автора о том, что в 1960–1980-е гг. ТГУ «приобрел значение кузницы научных и научно-

педагогических кадров регионального значения» (С. 169), убедительно подтверждается приводимыми данными.

Третья глава монографии, значительная меньшая по объему, посвящена исторической реконструкции системы подготовки докторов наук. Несмотря на то что данный раздел охватывает в основном период 1947 – 1991 гг., он содержит экскурс и в предысторию описываемых процессов. Это также следует отнести к достоинствам работы. В монографии на материалах ТГУ хорошо отражены «зигзаги» советской научно-образовательной политики, связанные с возникновением института докторантуры. Показано, что для системы периферийных вузов введенный в 1947 г. механизм докторантуры посредством прикомандирования представителей университетов в подразделения АН СССР оказал-

ся не очень эффективен, в отличие от института докторантуры посредством перевода сотрудников на должности старших научных сотрудников (С. 175, 186, 195). Об этом свидетельствуют приводимые данные, что лишь в 1962–1991 гг. около 150 доцентов ТГУ были переведены на должности старших научных сотрудников и впоследствии защитили докторские диссертации (С. 199).

В целом работа Н.П. Цехового вносит значительный вклад в исследование проблем формирования и развития научного потенциала Сибирского региона. На примере деятельности Томского университета реконструирован важнейший аспект социальной истории науки и высшего профессионального образования. Тем самым монография восполняет имеющийся в историографии пробел и, несомненно, будет по достоинству оценена специалистами.

Vodichev Evgeny G. Novosibirsk State Technical University and Institute of Petroleum Geology and Geophysics, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch (Novosibirsk, Russia). E-mail: vodichev@mail.ru

REVIEW: TSEKHOVOY N.P. TRAINING OF SCIENTIFIC AND SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL PERSONNEL IN THE USSR (1920-e – 1991): REGIONAL EXPERIENCE. TOMSK : TSU PUBLISHING HOUSE, 2016. 199 p.

УДК 94(73)
DOI: 10.17223/19988613/52/29

Е.В. Хахалкина

К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА МИХАИЛА ЯКОВЛЕВИЧА ПЕЛИПАСЯ

Ключевые слова: исторический факультет; Томский государственный университет; Михаил Яковлевич Пелипас; кафедра новой, новейшей истории и международных отношений.

25 мая 2017 г. исполнилось бы 70 лет профессору Михаилу Яковлевичу Пелипасу. Михаил Яковлевич родился в г. Петропавловске Казахской ССР в семье рабочего – машиниста локомотивного депо станции Петропавловск. В 1965 г. он поступил на историко-филологический факультет Томского государственного университета, десять лет спустя защитил кандидатскую диссертацию по теме «Политика правящих кругов США в связи с подготовкой и ратификацией Североатлантического военно-политического договора (1948–1959 гг.)», а в 1990 г. – докторскую диссертацию по теме «Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке в 1947–1955 г.г.». С 1993 по 2007 г. являлся заведующим кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений.

Период, когда Михаил Яковлевич стал заведующим кафедрой, был нелегким и для отечественной науки и вузовской системы, и в целом тяжелейшим для страны временем разлома. Наука оказалась в глубоком финансовом, идеологическом кризисе, упал престиж профессии ученого, обозначился дефицит кадров. В то же время для отечественных ученых появились новые возможности, например, связанные с получением зарубежных исследовательских грантов для работы в архивах, участия в конференциях, общения с западными коллегами. Михаил Яковлевич максимально полно использовал эти открывшиеся возможности и в 1990-е гг. прошел стажировки в Свободном университете Берлина, по программе Фулбрайта в университете Ратгерс, Нью-Джерси, США и др. В октябре 2004 г. на базе ТГУ благодаря усилиям М.Я. Пелипаса была проведена первая Всероссийская конференция выпускников Программы Фулбрайта.

Долгие годы Михаил Яковлевич вел лекционные курсы «История южных и западных славян», «Новейшая история стран Европы и Америки (Часть I)», спецкурс «Блоковая политика США после Второй мировой войны» и другие, спецсеминары по истории холодной войны и международных отношений. С 1993 г. работал по совместительству профессором кафедры всеобщей истории и международных отношений исторического факультета Алтайского государственного университета. М.Я. Пелипас входил в состав диссертационного совета ТГУ. Михаил Яковлевич был профессором в самом классическом смысле слова – он считал, что преподаватель не имеет права приходить к студентам уставшим или неподготовленным. В свою очередь, он требовал такого же отношения студентов к учебе – о его жесткой манере оценивания на экзаменах ходили легенды, хотя я неоднократно убеждалась в том, что оценки проставлялись справедливо и вполне лояльно, помню неоднократно повторяемую им фразу о том, что «оценивать надо в пользу студента».

В эти же годы и позднее, несмотря на ставшую хронической нехватку средств, Михаил Яковлевич организовывал на факультете научные конференции регионального, всероссийского и международного статуса с приглашением иностранных коллег. По его предложению была создана Сибирская ассоциация американистов, он входил в состав правления Российской ассоциации американистов и Ассоциации европейских исследований. Михаила Яковлевича вряд ли правомерно считать только американистом. Его научные исследования затрагивали не только историю США, но также других стран, прежде всего Великобритании. Более интенсивной чем прежде разработке европейской тематики способствовала смена прежних идеологических ориентиров. В советское время в эпоху холодной войны внимание историков в основном было приковано к отношениям двух сверхдержав – США и СССР, в то время как другие страны попадали в фокус исследовательского внимания преимущественно в контексте то набиравшей, то ослаблявшей силу конфронтации двух противоборствующих систем. Какие-то другие сюжеты, выпадавшие из общей логики холодной войны, редко становились объектом пристального изучения, например вопросы национальной идентичности, мультикультурализма, миграционной политики Великобритании и других европейских стран. Михаил Яковлевич

одним из первых в стране начал разработку этих сюжетов, принявших особо актуальный характер в последние годы.

В поле исследовательского внимания М.Я. Пелипася находилась также история концепций и идей. Например, ряд проведенных им конференций были посвящены фронтирной тематике, активно разрабатываемой в современной историографии. Сложно переоценить тот огромный вклад, который был им сделан в развитие сложившейся на историческом факультете Школы международных исследований стран Запада. М.Я. Пелипася поддерживал тесные связи с ведущими российскими центрами по изучению истории международных отношений и холодной войны – Институтом всеобщей истории РАН, МГИМО(У) МИД РФ и другими. Ведущие ученые из Москвы – сначала Н.И. Егорова, затем В.О. Печатнов – в течение ряда лет являлись председателями Государственной аттестационной комиссии по специальностям «История» и «Международные отношения». Михаил Яковлевич развивал сотрудничество и с зарубежными коллегами.

Тематика кандидатских работ учеников Михаила Яковлевича была различной – в его планах было развивать на кафедре не только американистику, но также германистику, англоведение, франковедение. Под началом М.Я. Пелипася было подготовлено 7 кандидатских диссертаций:

– Румянцев Владимир Петрович. Политика американского правительства Дуайта Эйзенхауэра в связи с Суэцким кризисом 1956–1957 гг. Томск, 2000;

– Лекаренко Оксана Геннадьевна. Политика правящих кругов США в связи с планами создания Европейского оборонительного сообщества (1950–1954 гг.). Томск, 2002;

– Кузнецов Евгений Леонидович. Политика Соединённых Штатов Америки в отношении ФРГ в связи с планами создания многосторонних ядерных сил НАТО (1960–1966 гг.). Томск, 2005;

– Волков Максим Николаевич. Политика правительственных кругов Соединённых Штатов Америки в связи с разработкой и осуществлением программы военной помощи союзникам по НАТО (1948–1951 гг.). Томск, 2007;

– Руссков Василий Владимирович. Политика ФРГ и США по вопросам развития европейской системы безопасности (1998–2005 гг.). Томск, 2007;

– Хахалкина Елена Владимировна. Разработка консервативным правительством Г. Макмиллана политики в отношении европейской интеграции в условиях распада колониальной империи. 1957–1963 гг. Томск, 2007;

– Проден Елена Югановна. Политика Франции в отношении европейской военно-политической интеграции в контексте трансатлантических отношений (1950–1954 гг.). Томск, 2007.

Некоторые защитившиеся ученики Михаила Яковлевича работают за рубежом, например Е.Ю. Проден

(на которую возлагалась надежда как на франковеда) является сотрудником Учебного и Научно-исследовательского центра при ООН (UNITAR) в Женеве, Швейцария. Большинство же учеников остались в составе кафедры и продолжают исследование тех проблем, начало изучению которых было положено под руководством М.Я. Пелипася. В 2011 г. стал доктором наук В.П. Румянцев, докторские диссертации защитили О.Г. Лекаренко и Е.В. Хахалкина (в 2012 и 2017 г. соответственно). М.Н. Волков совмещает должность доцента на кафедре с работой в качестве заместителя начальника Департамента международных и региональных связей Администрации Томской области. Другие ученики – Е.Л. Кузнецов и В.В. Руссков, хотя и не стали работать по специальности, успешно нашли себя в других сферах.

Михаил Яковлевич был яркой незаурядной личностью и обладал важным профессиональным и личным качеством – умел заинтересовать слушателей или собеседника. Высокий уровень владения материалом, широкая эрудиция, хорошее чувство юмора внушали интерес и уважение. Для меня встреча с М.Я. Пелипасем состоялась, когда я, определившись на третьем курсе с кафедрой, выбрала спецсеминар, которым он руководил. Двухгодичный семинар по истории холодной войны очень многое мне дал не только с точки зрения понимания каких-то перипетий международных отношений и холодной войны, но и с точки зрения работы с источниками, литературой – наша подгруппа в основном работала с публикациями на английском языке, который прекрасно знал наш преподаватель. Не обошлось на занятиях и без шуток и тонких замечаний со стороны ироничного, иногда даже язвительного Михаила Яковлевича. Помню, как он боролся с использованием почему-то популярного тогда у студентов слова «первоисточник», говорил, что источник и есть источник, не может быть перво- или второисточника, как не бывает «рыбы первой и второй свежести».

Стиль работы Михаила Яковлевича со студентами и аспирантами предусматривал тщательный разбор текстов – от выбора источников, выстраивания логики и структуры изложения до всех нюансов оформления. Тексты переписывались по много раз, во внимание принималось все – перевод, стиль, логическая канва. Михаил Яковлевич не жалел времени на своих учеников, вникал во все детали, снабжал редкими книгами, советовал материалы, прекрасно знал фонд Научной библиотеки – как-то рассказывал, что потратил не один день, чтобы просмотреть всю картотеку фонда иностранной литературы Научной библиотеки ТГУ, в настоящее время оцифрованной и доступной онлайн. Нынешние студенты, к сожалению, мало интересуются этой ценной картотекой, которая в советские годы включала в себя так называемый Спецфонд, доступ к которому можно было получить только по специальному разрешению.

Михаил Яковлевич жил работой, кафедрой, факультетом, однако огромный масштаб его личности не ис-

черпывался наукой и педагогической деятельностью. Еще в годы учебы в школе он играл в оркестре народных инструментов, руководил школьным театром миниатюр, позднее, уже работая в университете, пел в хоровой капелле ТГУ, занимался спортом. Многие годы он плодотворно сотрудничал с коллегами с филологического факультета, совместно с ними проводились конференции и реализовывались различные научные проекты. В настоящее время такое «братство» историков и филологов, когда-то объединенных в одном факультете, оказалось потеряно, но, возможно, придет время, когда прежние связи будут восстановлены. Много лет издававшиеся под редакцией М.Я. Пелипаса сборники «Американские исследования» и «Европейские исследования», в которых публиковались историки, филологи, политологи, в настоящее время уже можно рассматривать как исторические источники. По статьям и рецензиям становится понятно, как и чем жила кафедра, как менялись подходы к изучению истории, какие темы волновали в нелегкие 1990-е гг. и в начале нового века. Отношения с коллегами у заведующего кафедрой складывались не всегда ровно и просто. Михаил Яковлевич иногда усугублял, намеренно обострял отношения, твердо и подчас бескомпромиссно отстаивая интересы кафедры и не прогибаясь под обстоятельства и окружающих. Его позиция могла не нравиться, могла раздражать, но она внушала уважение. Уважение к Личности с большой буквы, Личности, которая могла защищать и бороться не за свои интересы, а за интересы коллектива, что сейчас становится редкостью. Возможно, ретроспективно кажется, что каких-то обид и острых углов Михаилу Яковлевичу во взаимоотношениях с людьми можно было избежать, однако его характер – принципиальный, честный, самодостаточный – к этому не располагал.

В 2003 г. увидела свет монография Михаила Яковлевича «Скованные одной цепью: политика США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг.» [1]. К этой работе я неоднократно обращалась сама и рекомендую ее студентам, и каждый раз убеждаюсь, что она не утратила своей актуальности и по-прежнему остается одной из лучших по истории Ближневосточного конфликта и отношений США и Британии после Второй мировой войны. Солидный труд создавался в течение десятилетия: кропотливая работа по сбору материала в зарубежных архивах, анализ огромного количества источников и литературы, написание и редакция текста потребовали времени. Работа поражает не только глубиной анализа, но также умением автора смотреть «за горизонт»: делать глобальные выводы из частных исторических событий и прогнозы, проецировать исторический материал на современность. Англо-американские отношения, сложный характер которых нашел отражение в монографии, в настоящее время также переживают кризисные вре-

мена, прежние подходы двух стран в отношении сложного Ближневосточного региона не работают и требуется концептуальное обновление прежних внешнеполитических установок. Происходящее перекликается с периодом после Второй мировой войны, когда происходило «замещение» Британии Соединенными Штатами, сопровождавшееся поиском новой конфигурации отношений великих держав и стран региона. В настоящее время вопросы трансатлантических отношений, их взаимосвязь с процессами интеграции, проблемы безопасности, фронтирная тематика в ее разных аспектах вышли на передний план в научных и политических дискуссиях.

15 февраля 2007 г. Михаил Яковлевич Пелипас, не дожив несколько месяцев до 60-летнего юбилея, ушел из жизни. Для кафедры новой, новейшей истории и международных отношений это была тяжелая, невозполнимая и неожиданная утрата. Многие идеи и проекты так и остались нереализованными. Михаил Яковлевич планировал большой межкафедральный и межкаультетский проект по истории холодной войны и фронтиру, до сих пор эти идеи актуальны. Оказались на время прерваны установленные им контакты с зарубежными партнерами. В жизни кафедры открылась новая страница под руководством Владимира Петровича Румянцева, который не только возглавил коллектив, но и продолжил научные исследования в русле тематики «США, Великобритания и Ближний Восток» с выходом на глубокую проработку проблем англо-американских отношений, деколонизации и ее влияния на начало и развитие европейской интеграции. В 2009 г. вышла совместная работа М.Н. Волкова и О.Г. Лекаренко [2], в 2010 г. была издана монография В.П. Румянцева [3], в 2012 г. вышла написанная на основе докторской диссертации книга О.Г. Лекаренко [4], в 2016 г. опубликована работа Е.В. Хахалкиной [5]. Все эти и другие исследования являются продолжением научного поиска в соответствии со сложившимися на кафедре направлениями и выполняются с опорой на уже накопленный опыт.

Михаила Яковлевича очень не хватает – не хватает его нерва, энергии, равнодушия, максимальной отдачи кафедре, веры в профессию, единомышленников, себя и свои силы. В конце ноября 2017 г. на базе кафедры была организована научная конференция «Актуальные проблемы изучения и преподавания истории в высшей школе», посвященная 100-летию С.С. Григорьевича и М.Я. Пелипаса. На конференции выступали коллеги и ученики Михаила Яковлевича, по ее итогам готовится отдельное издание статей. Такие научные встречи, ставшие редкими в наше непростое время, дают возможность вспомнить наших учителей, их советы и уроки, оценки и напутствия, их преданную отдачу своему делу и следование собственным убеждениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003.
2. Волков М.Н., Лекаренко О.Г. Американская крепость Европа: Политика США по укреплению оборонного потенциала стран Западной Европы (1947–1955 гг.). Томск, 2009.
3. Румянцев В.П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск, 2010.
4. Лекаренко О.Г. США и процесс объединения стран Западной Европы в 1955–1963 гг. Томск, 2012.
5. Хахалкина Е.В. Между Европой и империей: политика Великобритании в отношении европейской интеграции и деколонизации. 1945–1964 гг. Томск, 2016.

Khakhalkina Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: 541a@rambler.ru

TO THE 70TH BIRTHDAY OF PROFESSOR MIKHAIL YAKOVLEVICH PELIPAS

Keywords: Historical Faculty; Tomsk State University; Mikhail Yakovlevich Pelipas; Department of New; Contemporary History and International Relations.

REFERENCES

1. Pelipas, M.Ya. (2003) *Skovannye odnoy tsep'yu: SShA i Velikobritanii na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945–1956 gg.* [Bounded by one chain: the United States and Great Britain in West Asia and Middle East in 1945–1956]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Volkov, M.N. & Lekarenko, O.G. (2009) *Amerikanskaya krepost' Evropa: Politika SShA po ukrepleniyu oboronnogo potentsiala stran Zapadnoy Evropy (1947–1955)* [American Fortress Europe: US Policy on Strengthening the Defense Capacities of Western Europe (1947–1955)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Rumyantsev, V.P. (2010) *Blizhnevostochnaya politika SShA i Velikobritanii v 1956–1960 gg.* [The Middle East policy of the USA and Great Britain in 1956–1960]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Lekarenko, O.G. (2012) *SShA i protsess ob"edineniya stran Zapadnoy Evropy v 1955–1963 gg.* [The USA and the process of unification of Western European countries in 1955–1963]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Khakhalkina, E.V. (2016) *Mezhdu Evropoy i imperiey: politika Velikobritanii v otnoshenii evropeyskoy integratsii i dekolonizatsii. 1945–1964 gg.* [Between Europe and the Empire: British policy towards European integration and decolonization. 1945–1964]. Tomsk: Tomsk State University.

Л.В. Дериглазова

**ПАМЯТИ ЕЛЕНА ЮРЬЕВНЫ ЛИЦАРЕВОЙ,
ПРОФЕССОРА ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Эта статья составлена по материалам, посвященным Елене Юрьевне Лицаревой на сайте Электронной энциклопедии ТГУ, и воспоминаниям Савелия Вольфовича Вольфсона, доцента кафедры новой и новейшей истории и международных отношений ТГУ, знавшего Елену Юрьевну с детства. Для Савелия Вольфовича Елена Юрьевна была коллегой по кафедре и по работе на Отделении международных отношений, компонента по развитию востоковедения на факультете, а также активного сотрудничества вне университета – с органами власти, бизнеса, международными организациями и фондами.

Материалы подготовлены к печати Л.В. Дериглазовой, для которой Елена Юрьевна была коллегой на протяжении более 20 лет по кафедре мировой политики и надежным партнером в международных проектах.

Могу засвидетельствовать, что после извещения о безвременном уходе Елены Юрьевны 8 марта 2018 г., поступило большое количество телефонных звонков, электронных писем из разных городов России и разных стран от людей, которые знали Елену Юрьевну как преподавателя, ученого и человека. Все выражали глубочайшее потрясение случившимся и хотели выразить свое сочувствие близким и родным. Многие писали о том, что Елена Юрьевна останется в памяти как ученый и наставник, и еще как очень жизнерадостный и красивый

человек. Многие знавшие Елену Юрьевну близко, отмечали ее мужество и стойкость в преодолении житейских проблем, ее оптимизм и умение справляться с трудностями, не посвящая в них других людей.

Опыт работы с Еленой Юрьевной на кафедре и в разных проектах показал мне, что она являлась глубоко порядочным человеком, далеким от интриг и сиюминутных интересов. Ее яркая внешность, умение общаться с разными людьми, в том числе далекими от университета, оригинальность мышления и чувство юмора привлекали к ней внимание и уважение. Ее путь в науке не был простым, несмотря на кажущуюся простоту. Ей приходилось преодолевать внутренние и внешние барьеры, предубеждения, отстаивать собственное место в науке, и она делала это часто не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Работы Елены Юрьевны, посвященные экономическим аспектам международных отношений, останутся в науке. А для людей, знавших ее лично, остается глубочайшее сожаление о том, что было упущено и недосказано, и невозможность поверить в произошедшее.

Елена Юрьевна Лицарева (в дев. Индукаева) родилась 25 января 1961 г. в Томске в семье преподавателей Томского государственного университета. Отец, Юрий Васильевич Индукаев (1932–2015), окончил геолого-географический факультет Томского университета, защитил диссертацию и получил степень кандидат геолого-минералогических наук. Юрий Васильевич работал доцентом на кафедре минералогии и геохимии геолого-географического факультета ТГУ. Мать, Нина Семеновна Индукаева (в дев. Клубакова, 1935–2011), окончила ТГУ и прошла путь от лаборанта до доктора исторических наук, профессора кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета ТГУ.

Е.Ю. Лицарева окончила исторический факультет Томского государственного университета в 1983 г. по специальности «История» с присвоением квалификации «историк, преподаватель обществоведения». Среди ее университетских учителей – профессора С.С. Григорцевич, Н.С. Индукаева, доценты Б.С. Жигалов, С.В. Вольфсон, Т.А. Бычкова, Н.С. Черкасов и др. После окончания университета Е.Ю. Лицарева работала ассистентом кафедры истории КПСС Томского медицинского института (ныне Сибирский государственный медицинский университет). В 1986 г. поступила в аспирантуру по кафедре новой и новейшей истории исторического факультета Томского государственного университета. С 1988 г. работала старшим научным сотрудником Центра международных исследований ТГУ, с 1992 г. – старшим преподавателем кафедры новой, новейшей истории и международных отношений ТГУ, с 1996 г. – доцентом на кафедре теории международных отношений и организации внешнеполитической деятельности (ныне кафедра мировой политики) ТГУ, с 2007 г. – профессором кафедры мировой политики ТГУ. С 2015 г. Е.Ю. Лицарева занимала должность заведующей кафедрой востоковедения ТГУ, с 1996 г. Елена Юрьевна по совместительству работала на факультете международного управления (МФУ) ТГУ.

Сфера научных интересов Елены Юрьевны включала вопросы экономических аспектов международных отношений. В 1980-е гг. областью научных интересов Е.Ю. Лицаревой была проблема военной задолженности европейских стран США, образовавшаяся в годы Первой мировой войны в результате военных поставок. Е.Ю. Лицарева сконцентрировала внимание на процессе выработки правящими кругами США политики в отношении Великобритании в период между Первой и Второй мировыми войнами в связи с выплатой военной задолженности. В 1988 г. в диссертационном совете при ТГУ Е.Ю. Лицарева защитила диссертацию «Проблема погашения военного долга Великобритании США в американо-английских отношениях (1922–1932 гг.)» на соискание ученой степени кандидата исторических наук (специальность 07.00.03 – Всеобщая история; научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С.С. Григорцевич, официальные оппоненты – доктор исторических наук, профессор В.П. Золотухин, кандидат исторических наук Я.А. Домбровский).

В начале 1990-х гг. Е.Ю. Лицарева занялась изучением истории международных экономических отношений и экономической интеграции стран Европейского союза и Азиатско-Тихоокеанского региона. Она выявила причины и сущность мирового интеграционного развития на примере Европейского союза и интеграционных образований в Азиатско-Тихоокеанском регионе, определила место экономической интеграции в этом процессе, проследила историю, выявила основные этапы, формы проявления и результаты экономической интеграции в рамках Европейского союза и Азиатско-Тихоокеанского региона, возрастающую роль экономической и валютной основы в процессе усиления взаимодействия, взаимопроникновения и взаимозависимости стран и народов, общие закономерности и специфические особенности экономических интеграционных процессов, перспективы и возможные варианты взаимодействия Российской Федерации с Европейским союзом и странами Азиатско-Тихоокеанского региона и интеграции России в глобальную систему экономических связей.

В 2006 г. в диссертационном совете при ТГУ Е.Ю. Лицарева защитила диссертацию «Политика стран Европейского Союза и Азиатско-Тихоокеанского региона в области экономической интеграции. Середина 1970-х гг. XX в. – конец XX века (историко-сравнительное исследование)» на соискание ученой степени доктора исторических наук (специальность 07.00.03 – Всеобщая история; научный консультант – доктор исторических наук, профессор В.П. Зиновьев; официальные оппоненты – доктор исторических наук, профессор С.Г. Лузянин, доктора исторических наук Г.Н. Новиков и С.В. Фоменко). В дальнейшем Е.Ю. Лицарева изучала проблемы стран Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона после кризиса 2008 г., инновационную политику и специализацию государств Азиатско-Тихоокеанского региона.

Е.Ю. Лицарева – автор более 60 работ, в том числе 2 монографий и 5 учебных пособий. Елена Юрьевна принимала участие в работе ряда российских и международных конференций и симпозиумов. В их числе конференция «Будущее взаимодействия Европейского Союза и Восточной Европы» (Оксфорд, 2002); Международная конференция «Европейский союз и Россия: лицом к лицу» (Зальцбург, 2006); ежегодная встреча Ассоциации американских географов (Лас-Вегас, Невада, США, 2009); 12th International Conference «The Triple Helix and innovation – based economic growth: new frontiers and solutions» (Tomsk, 11–13 September 2014); Workshop grassroots innovation: prospects for the Triple Helix model (Chair) и др.

Е.Ю. Лицарева проходила стажировки в ведущих научных центрах России, Западной Европы, Соединенных Штатов Америки, Китайской Республике (Тайвань), Китая и Индии. В их числе программа Европейского банка реконструкции и развития «Подготовка команд менеджеров и консультантов для российских технопарков и малых инновационных фирм» (Ливерпуль, Великобритания, 1994); программа TESIS «Руководство человеческими ресурсами» (Гаага, Голландия; Копенгаген, Дания, 1996); программа Информационного агентства США «Проблемы будущего глобальных процессов» (Мэрилендский университет, США, 1996); стажировка в Московском государственном институте международных отношений в рамках проекта Института «Открытое общество» (фонд Сороса); программа «Поддержка кафедр» (2002); программа TEMPUS по европейским исследованиям (Оксфордский университет, Великобритания, 2000, 2001, 2002; Свободный университет Брюсселя, Бельгия, 2000, 2002); программа TEMPUS «Развитие сибирской сети европейских исследований» (Зальцбургский университет, Австрия, 2004, 2006); программа института аудиторов при Министерстве финансов Индии (Дели, 2004); инновационная образовательная программа Университета Фэн Цзя (Тайвань, 2007); программа двойного магистерского диплома по европейской интеграции EU TEMPUS-TESIS (Томский государственный университет, Россия; Свободный университет Брюсселя, Бельгия, 2007); Европейские исследования (Университет Кента, Великобритания, 2014) и др.

Елена Юрьевна принимала активное участие в жизни ТГУ и г. Томска. Она была членом диссертационного совета Д 212.267.03 по историческим наукам при Томском государственном университете (с 2007 г.), в 1999–2002 гг. – исполнительным директором Региональной общественной организации «Внешнеполитическая ассоциация», руководителем городской Школы молодого международного для учащихся 9–11-х классов. С 1996 г. Е.Ю. Лицарева входила в правление общественной организации «Томский маркетинг-клуб», с 2005 г. была активным членом Томского роторианского клуба (Rotary club).

Е.Ю. Лицарева была награждена юбилейной медалью «400 лет городу Томску» (2004) и юбилейной медалью «70 лет Томской области» (2015). В 2012 г. ей было присвоено звание «Почетный работник высшего профессио-

нального образования Российской Федерации». Елена Юрьевна была дважды награждена премией ТГУ за высокие достижения в учебной деятельности.

С.В. Вольфсон

В ПАМЯТЬ О ЕЛЕНЕ ЮРЬЕВНЕ ЛИЦАРЕВОЙ

Лена... Елена Юрьевна Лицарева родилась в 1961 г., а в 1962 г. я поступил в аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории исторического факультета ТГУ. На этой кафедре работала ее мама, Нина Семеновна Индукаева. Нина Семеновна была одной из первых учениц профессора Станислава Селиверстовича Григорцевича – фактического основателя кафедры. Именно при нем кафедра была первой к востоку от Москвы в нашей стране центром международных исследований, и прежде всего американистики. Американистом (и не только) был и С.С. Григорцевич, американистом была Н.С. Индукаева, американистом стала и Е.Ю. Лицарева.

Как-то так получалось у С.С. Григорцевича, что кафедра стала для нас своеобразным семейным очагом. Конечно, разногласия были, они не могли быть, но в любой ситуации сохранялось взаимное уважение. Как-то, сравнительно недавно, Лена напомнила мне, что я ее «носил на руках», когда она была маленькой. Да, это было. Мы наблюдали, как маленькая Лена росла, как закончила школу, как поступила к нам на исторический факультет, стала ученицей С.С. Григорцевича. Как ученица Станислава Селиверстовича стала сотрудницей «молодежной группы» (младшим научным сотрудником), успешно и вовремя защитила кандидатскую диссертацию.

Я как-то поверхностно относился к Лене в этот период. Для меня она еще оставалась веселой умной девушкой, оптимисткой. Я вместе с Ниной Семеновной любовался ею, когда она танцевала в хореографическом ансамбле университета, не пропускала веселые встречи факультета. И она была кандидатом исторических наук, серьезный исследователь, конечно, и в этом заслуга С.С. Григорцевича. Но всматриваясь в Лену в этот период более внимательно, я все более убеждался в ее честности (я считаю это позитивное качество), работоспособности, целеустремленности.

И для меня не стало неожиданностью, что она защитила докторскую диссертацию по весьма сложной теме сравнения экономической интеграции в Западной Европе с интеграционными процессами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для работы по этой тематике требуются не только трудолюбие, но и большой кругозор и научная смелость. Становление Елены Юрьевны как доктора исторических наук совпало с серьезными поворотами в судьбах страны, университета, факультета: развал СССР, реформы 1990-х гг., трудное десятилетие в истории университета. Небольшой факт, отражающий проблемы того времени: рухнул потолок в конференц-зале главного корпуса... Чтобы выжить, выстоять, требовались инициатива, предприимчивость, смелость. Елена Юрьевна была среди инициативных и предприимчивых.

На историческом факультете открыли специальность «Международные отношения». При этом мы опирались на нашу – томскую – школу международных исследований. Елена Юрьевна первой поняла, что этого недостаточно и стала преподавать маркетинг. И не просто преподавать курс маркетинга студентам-международникам. Она первая на факультете поняла необходимость сотрудничества с деловыми людьми, с бизнесом. Я не раз убеждался лично, насколько была авторитетной Елена Юрьевна среди томских предпринимателей. Подчеркну вновь – в этом, как мы понимаем сейчас, очень важном деле, у нас на факультете Елена Юрьевна была первой. Нелегко перечислить, в каких мероприятиях, программах, деловых встречах она принимала участие. Но я хотел обратить внимание на факты, напрямую мало связанные с бизнесом.

Томский ротарианский клуб. Елена Юрьевна вступила в него более 10 лет тому назад. Пришла по приглашению на одно из его заседаний и осталась. Она принимала участие во всех мероприятиях и инициативах клуба, не уклонялась, когда речь шла о том, что нужно кому-то помочь. Но было у нее и свое дело. Общеобразовательная школа № 39 для детей с ограниченными возможностями. Каждый, полагаю, понимает, что это такое. Одно дело как-то по случаю посетить детей, принести подарки, другое – стремиться помогать, делать это в течение длительного времени (пока существовал клуб). Помню, какая радость была в клубе, когда Лена рассказала, что на фабрике в Туле можно приобрести баян, очень нужный школе, и как встречали в школе Елену Юрьевну и президента «Ротари-клуба» Евгения Борунова, когда они вручали этот баян учащимся и учителям.

Немало усилий и времени, средств (их надо было собрать) понадобилось, чтобы приобрести и подарить школе 33 «комплекта Монтессори», позволяющим учителям работать с детьми по современным методикам. Там, в «Ротари-клубе» я открыл для себя еще одно качество Елены Юрьевны – способность помогать людям, действовать активно и результативно. У меня создалось впечатление, что в последние годы Елена Юрьевна работала особенно активно, и по многим направлениям. В науке – принимала участие в международных конференциях в России и за рубежом, публикуя результаты своих научных изысканий, включая Китай. В учебной работе – принимала все новые обязательства и поручения, участвовала в разных проектах. И внешне выглядела весьма жизнерадостной.

На деле все было гораздо сложнее, чем мы могли себе представить. Елена Юрьевна, как и ее мама Нина Семеновна Индукаева, была психологически уязвима. Очень переживала, когда встречалась с несправедливостью. Одна из подобных – это результат работы комиссии Рособрнадзора у нас на факультете. Удар, который был нанесен по кафедре востоковедения, формализм в бюрократической оболочке, приоритет бумаготворчества, нежелание считаться с реальными обстоятельствами глубоко ранил преподавателя и ученого. Мы не сумели уберечь Елену Юрьевну от подобных травм.

Вспоминая Елену Юрьевну Лицареву, сохраняя представление о ней как об умной и жизнерадостной женщине, я поражаюсь ее мужеству, особенно в последние годы, когда она болела, а мы об этом даже не подозревали. Профессор Елена Юрьевна Лицарева – неразрывная часть истории нашего факультета. В ней и останется.

Deriglazova Larisa V. (Tomsk State University). E-mail: dlarisa@inbox.ru

Volfson Saveliy V. (Tomsk State University). E-mail: volfson@dir.tsu.ru

IN MEMORY OF ELENA YURIEVNA LITSAREVA, PROFESSOR OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Historians of Tomsk State University express their deep condolences on untimely death of Professor Elena Litsareva and inform about this event their colleagues in Russia and beyond.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АСВАРОВ Нариман Асварович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Дагестанского государственного педагогического университета (Махачкала). E-mail: aytberov@list.ru

АУНАСОВА Алима Мусировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Астана, Казахстан). E-mail: auanasova_a@mail.ru

АЯГАН Буркитбай Гельманович, доктор исторических наук, директор Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Астана, Казахстан). E-mail: b.ayagan@mail.ru

БАЛЯКИН Артём Александрович, кандидат физико-математических наук, начальник отдела научно-технических программ и проектов Управления научно-аналитической информации НИЦ «Курчатовский институт» (Москва). E-mail: Balyakin_AA@nrcki.ru

БОГДАНОВА Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: ol-pr2002@mail.ru

БОДРОВА Елена Владимировна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории Московского технологического университета. E-mail: kafedra-i@yandex.ru

ВЕРЕМЧУК Людмила Павловна, доктор исторических наук, преподаватель Казахстано-Американского свободного университета (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: 269724@mail.ru

ВОДИЧЕВ Евгений Григорьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета, главный научный сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН (Новосибирск). E-mail: vodichev@mail.ru

ВОЛЬФСОН Савва Вольфович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: volfson@dir.tsu.ru

ВЯЧИСТЫЙ Дмитрий Дмитриевич, студент кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: dimdimvyachisty@yandex.ru

ГЕБЕКОВ Гебек Физулиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (Махачкала). E-mail: gebekoff@mail.ru

ДЖОРОБЕКОВА Айнура Эшимбековна, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: gonduras1967@mail.ru

ДЕРИГЛАЗОВА Лариса Валериевна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: dlarisa@inbox.ru

ИДИАТУЛЛОВ Азат Корбангалиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры географии и экологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. E-mail: AzKoldiat@yandex.ru

ИМАНАЛИЕВ Муратбек Сансызбаевич, Чрезвычайный и полномочный посол Кыргызской Республики, кандидат исторических наук, и.о. профессора кафедры международных отношений и права Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: i.muratbek@mail.ru

КАЛИНОВ Вячеслав Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина. E-mail: kafedra-i@yandex.ru

КАТАМАН Дмитрий Олегович, аспирант исторического факультета Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. E-mail: katamandmitry@gmail.com

КОЛЕВА Галина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор Тюменского нефтегазового университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОМЛЕВА Евгения Владиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). E-mail: feodal@history.nsc.ru

КОРНОУХОВА Гадила Гизатуллаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: kornouh@mail.ru

КОСЫХ Евгений Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск). E-mail: history@tsuab.ru

ЛЕСКИНА Наталья Владимировна, аспирантка Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: nathalieleskina@gmail.com

ЛОЙКО Ольга Тимофеевна, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии науки и техники Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: olgaloyko@tpu.ru

ЛУЦЕНКО Антон Виленович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». E-mail: antom9@rambler.ru

МАТХАНОВА Наталья Петровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). E-mail: nmatkhanova@mail.ru

МИХАЙЛОВ Алексей Михайлович, студент исторического факультета Иркутского государственного университета. E-mail: aleksieim@yandex.ru

МОРОЗОВА Анна Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: ann.morozo@yandex.ru

НАМ Ираида Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории, заведующая лабораторией социально-антропологических исследований исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: namirina@bk.ru

НЕПОМНЯЩИЙ Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь). E-mail: dr.aan@mail.ru

НИКИТИН Виктор Викторович, младший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (Москва). E-mail: nikitin.viktor.1979@gmail.com

НУРПЕИСОВ Еркеш Калиевич, кандидат юридических наук, главный научный сотрудник Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Астана, Казахстан). E-mail: auanasova_a@mail.ru

ОЗУБЕКОВА Мээрим, ведущий специалист Центра исследований международного сотрудничества Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: m030709@gmail.com

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна, научный сотрудник Центра исследований международных организаций и сетевых структур Томского государственного университета. E-mail: lisbonne@rambler.ru

ПОДРЕЗОВ Михаил Владимирович, аспирант факультета истории и права Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина (Барнаул). E-mail: misha_1101@mail.ru

ПОЛТАРЫХИНА Ирина Евгеньевна, студентка Института истории, государственного управления и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: irina_poltarihina@mail.ru

РАССКАЗЧИКОВА Альбина Андреевна, аспирант, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: dream91.07@gmail.com

САВКОВИЧ Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: savkovic@sibmail.com

СМОЛЕНЧУК Ольга Юрьевна, соискатель исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: smolenchuk@gmail.com

СТАСЬ Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии Сургутского государственного университета. E-mail: igor.stas@mail.ru

СУСЛОВ Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета. E-mail: plusha131333@yandex.ru

ТРИФОНОВА Дарья Дмитриевна, студентка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: daryatrfinv@gmail.com

ТУЧКОВА Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии Томского государственного педагогического университета. E-mail: nata2017juli@gmail.com

УЙМАНОВ Валерий Николаевич, доктор исторических наук, председатель Комитета по вопросам ГО и ЧС Администрации Томской области (Томск). E-mail: uimanov@tomsk.gov.ru

ФРОЛОВ Роман Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: frolovrm@yandex.ru

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: 541a@rambler.ru

ЧЕРЕПАНОВА Ирина Александровна, студентка отделения международных отношений исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: irochka_cherepanova@list.ru

ЧУГУНОВА Надежда Евгеньевна, магистрант исторического факультета Иркутского государственного университета. E-mail: nadya-chugunova38@yandex.ru

ШАБАЛИНА Алина Дмитриевна, студентка Института истории, государственного управления и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: shabalinalina7@mail.ru

ШВЕДОВ Денис Викторович, начальник отдела международного сотрудничества Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: denis.shvedov@gmail.com

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: totleben@yandex.ru

ШЕСТОПАЛОВА Анна Сергеевна, аспирантка кафедры отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: chestopalova94@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2018 № 52

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 22.04.2018 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 20,7. Тираж 50 экз. Заказ № 3179. Цена свободная.

Дата выхода в свет 14.05.2018 г.

Редактор Ю.П. Готфрид

Корректор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru